Krasnïĭ arkhiv; istoricheskiĭ zhurnal...
947
K89

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ Р С Ф С Р

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

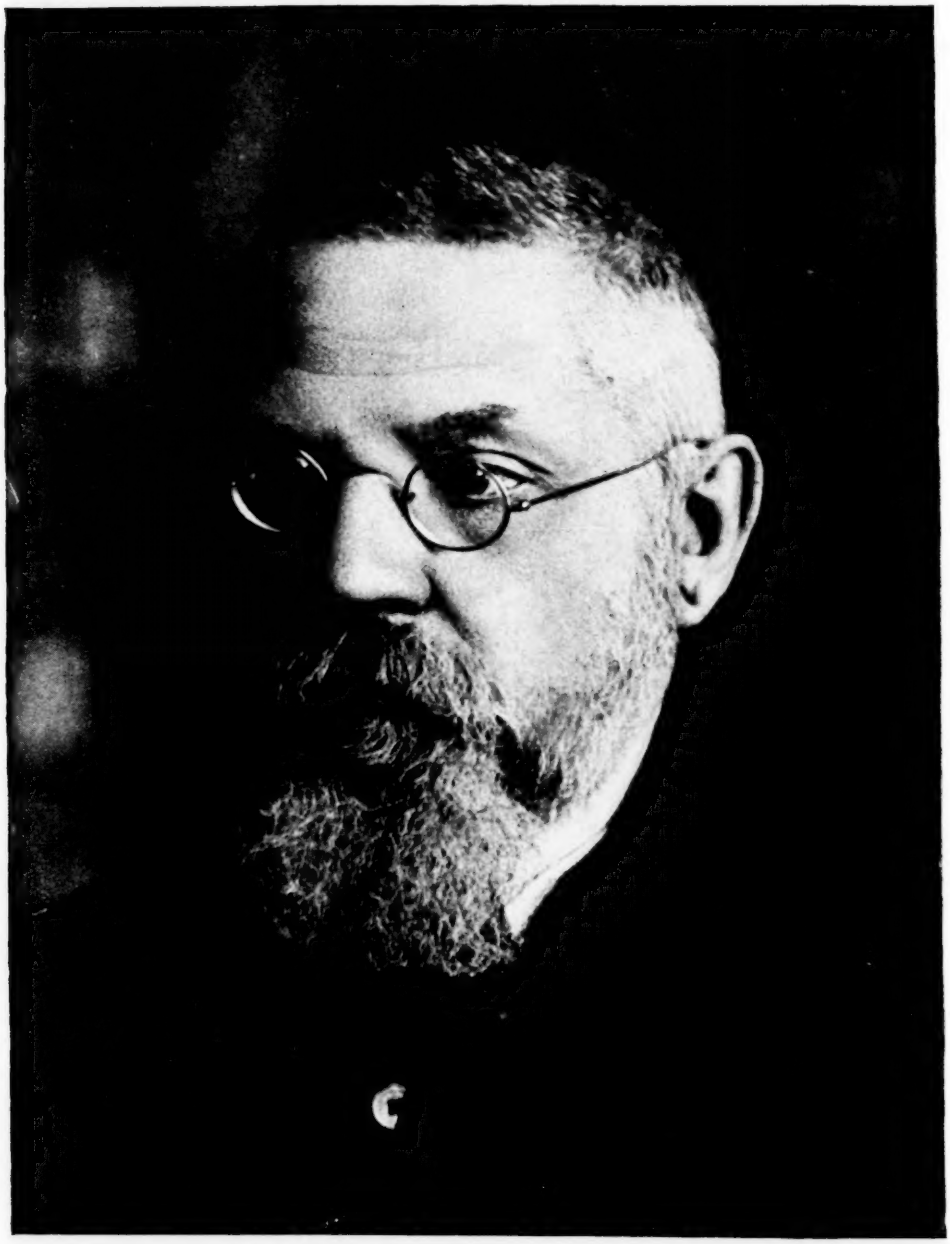
ТОМ ПЯТЫЙ (ТРИДЦАТЫЙ)

Ist'sa 30

1928

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1928 ЛЕНИНГРАД

★
ОТПЕЧАТАНО
В 1-й ОБРАЗЦОВОЙ
ТИПОГР. ГОСИЗДАТА.
МОСКВА, Пятницкая, 71 .
Главл. А-22863. П. 12. Гиз 28876.
Заказ 2722. ★ Тираж 1 750.



М. Н. ПОКРОВСКИЙ

Lab. Com. (Hist. Inst.)
Harrass
5-11-29
19652

МИХАИЛУ НИКОЛАЕВИЧУ ПОКРОВСКОМУ.

Дорогой

Михаил Николаевич!

В 60-летие Вашего рождения партия и вместе с ней широкие круги пролетарской общественности в Вашем лице приветствуют крупнейшего ученого марксиста-историка и революционера-коммуниста.

Блестяще сочетав в своем лице революционера и ученого, воспринимая события общественной жизни не в качестве зрителя, а в качестве активного участника ее, пройдя суровую школу революционной борьбы в тяжелых условиях царской России, Вы как никто другой были в состоянии правильно осветить ход классовой борьбы в русской истории и впервые дать марксистское, правильное понимание его начиная от древнейших периодов до нашего времени.

Прекрасно понимая значение архивных документов, как одного из оружий в классовой борьбе и как источников исторического исследования, Вы правильно разрешили задачу построения архивов первой пролетарской республики, организовав научно-политическое учреждение, каким является руководимый Вами Центрархив РСФСР.

Под Вашим непосредственным руководством и при Вашем энергичном участии были собраны архивы не только царской России, но и революционной эпохи — архивы контрреволюционных правительств и советских учреждений. Таким образом создан был первый, единственный пока в мире, архив пролетарской революции и положена прочная основа историческим исследованиям. Только централизованное управление архивами создало широкую возможность действительного овладения ими и использования их как для планомерной научно-исследовательской работы, так и для социалистического строительства.

Систематическая публикация документов в отдельных сборниках и в созданном Вами журнале «Красный Архив» заставляет часто заново пересматривать общепринятые взгляды на отдельные исторические события и целые периоды, а также оказывает несомненное влияние и на практическую политику Коммунистической партии и Советского государства. Таким образом и эта сторона Вашей деятель-

ности приобретает широкое научное и политическое значение не только в нашей стране, но и за ее пределами.

Опыт архивного строительства у нас в отношении научно-организационном, по отзывам ряда заграничных архивистов-историков, имеет бесспорное значение для дальнейшего развития архивного дела и на Западе.

Коллегия Центрархива от лица всех работников шлет Вам, дорогой Михаил Николаевич, свое товарищеское приветствие и выражает горячее пожелание, чтобы еще многие, многие годы Вы могли руководить ею и продолжать свою политическую и научную деятельность на пользу социалистического строительства и мировой пролетарской революции.

Коллегия Центрархива РСФСР.

Ставка и министерство иностранных дел.

Окончание [1]).

Письмо Базили 5 января 1917 г. (23 декабря 1916 г.).

Ставка. 23 декабря 1916 г.

Весьма секретно.

Глубокоуважаемый
Анатолий Анатолиевич [2]).

Считаю долгом вкратце осведомить вас о решениях, принятых на состоявшемся в ставке 17 сего декабря военном совете, на котором присутствовали генералы Рузский, Эверт и Брусилов со своими начальниками штабов.

В соответствии с постановлением военной конференции в Шантильи [3]), задачей нашей в ближайшую кампанию признано наступление в направлении Болгарии. Для этой цели, несмотря на возражения главнокомандующих северным, западным и юго-западным фронтами, под влиянием определенно выраженной воли государя императора и решительно высказанного мнения генерала Гурко, решено снять с указанных фронтов еще 20 дивизий, которые будут отправлены на румынский фронт после 44-го корпуса, причем скорость перевозки этих частей будет определяться пропускной способностью наших дорог. Выделение этих войск с северного, западного и юго-западного фронтов признано возможным, ввиду наличия значительного превосходства наших сил на этих фронтах, на каждом из которых мы в настоящее время имеем приблизительно на 200 батальонов больше, чем

---

[1]) См. «Красный Архив», т. XXIX (IV), стр. 3—54.

[2]) Нератов, А. А., тов. мин. ин. дел.

[3]) Заседания конференции в Шантильи происходили в первых числах ноября 1916 г. На конференции были заслушаны и одобрены протоколы союзного военного совета (подлежавшие окончательному обсуждению на предполагавшейся конференции министров в Петрограде). Протоколы эти намечали план кампании на 1917 г. на всех фронтах союзников, причем энергичное развитие согласованных действий русско-румынских войск с севера и союзных с юга должно было скорейшим образом привести к тому, чтобы Болгария была выведена из строя (см. телеграммы Извольского от 3/IX 1916 г. № 819, № 1 и от 4/XI № 819, № 2).

противник. Снимаемые с означенных фронтов войска будут постепенно заменяться вновь формируемыми частями. Всего к лету будет сформировано 24 новых дивизии. Для увеличения количества штыков в нашей армии решено, по примеру немцев, образовать из кавалерийских частей пехотные. Конный состав этих частей будет использован для артиллерии. В настоящее время формируется 70 батарей тяжелой артиллерии. Что касается срока наступления, то последнее предполагается в начале мая. К этому же времени будут закончены железнодорожные линии, сооружаемые в направлении Румынии.

Н. Базили.

Письмо Базили 8 января 1917 г. (26 декабря 1916 г.).

Ставка. 26 декабря 1916 г.

Весьма секретно.

Милостивый государь
Николай Николаевич [1]).

Согласно выраженному вашим высокопревосходительством желанию, имею честь представить вам сведения о численности нашей действующей армии.

В крепостях Финляндии находятся 4 пехотные дивизии. На северном фронте состоит 6 кавалерийских дивизий, 4 кавалерийских бригады и 27 пехотных дивизий. На западном фронте имеются 9 кавалерийских дивизий, 33 пехотных дивизии и 1 пехотная бригада. На юго-западном фронте состоит 10 кавалерийских дивизий и 53 пехотных дивизии. На румынском фронте, с включением в него IX армии, находятся 13 кавалерийских дивизий и 28 пехотных дивизий. Наконец, на кавказском фронте имеются 6 кавалерийских дивизий, 3 кавалерийских бригады, 12 пехотных дивизий и 5 пехотных бригад.

Всего у нас, следовательно, имеется $47^1/_2$ кавалерийских и 160 пехотных дивизий, а, исключая кавказский фронт, на западном театре сосредоточено 40 кавалерийских и $145^1/_2$ пехотных дивизий.

Сведения эти относятся к 21 сего декабря.

По тем же данным, число имеющихся у нас на западном театре войны, т.-е. кроме Кавказа, штыков достигает приблизительно 1 800 000.

По сравнению с неприятелем у нас на северном, западном и юго-западном фронтах очень значительное превосходство сил. На каждом из этих фронтов у нас приблизительно на 200 батальонов больше, чем у неприятеля.

К лету наша армия усилится еще 24 вновь формируемыми дивизиями.

Серьезные опасения вызывает в нашем высшем командовании начинающее уже сильно сказываться оскудение людского запаса.

---

[1]) Министр иностранных дел Н. Н. Покровский (30 ноября (ст. ст.) 1916 г.—4 марта 1917 г.).

Если не будут расширены рамки закона о воинской повинности и не будут призваны не подлежащие пока призыву более старые года, не могущие дать армии полезных контингентов, то, считая белобилетников, людской запас, коим мы располагаем, сводится к скромной цифре 2 800 000 человек. Положение это объясняется как неэкономным расходованием людского материала (большим количеством потерь, раненых и пленных), так и малым процентом возвращения раненых в строй. Процент этот у нас равен 30, у французов — 60 и даже больше, у немцев достигает, будто бы, 80.

Н. Базили.

Письмо Базили 8 января 1917 г. (26 декабря 1916 г.).

Ставка. 26 декабря 1916 г.

Весьма секретно.

Глубокоуважаемый
Анатолий Анатолиевич.

Положение на румынском фронте продолжает оставаться мало удовлетворительным, хотя действующие на нем неприятельские силы теперь уже не могут считаться превосходящими численность наших войск. В отношении числа батальонов перевес, несомненно, на нашей стороне. В отношении штыков того же нельзя утверждать, так как наши войска, не говоря о румынских, понесли значительные потери, укомплектование же, вследствие неудовлетворительности сообщений, выполняется плохо. Во всяком случае, и в отношении штыков у неприятеля нет превосходства над нами.

В румынский фронт с 23 декабря входит и IX армия генерала Лечицкого. Против этого фронта со стороны неприятеля действуют 30 дивизий (установленных). С нашей стороны им противопоставлено, не считая сильно потрепанных 6 румынских дивизий, 28 дивизий. Необходимо заметить, что наши дивизии значительно превосходят германские и австрийские числом батальонов и количеством штыков. Германские дивизии содержат теперь не более 6 000 штыков, состав же наших теперь обыкновенно исчисляется в 12 000 штыков, но для действующих в Румынии наших частей в настоящее время надо принять более низкую норму. Имеющиеся у нас на румынском фронте силы распределяются следующим образом: у генерала Лечицкого — 12 дивизий, в четвертой армии — 6 дивизий (седьмой, сороковой и восьмой корпуса); в шестой, бывшей Дунайской, армии — 10 дивизий (четвертый корпус, четвертый сибирский корпус — трехдивизионного состава, и 47-й корпус, также трехдивизионного состава, и, наконец, часть ныне прибывающего 29 корпуса). Дней через 15 весь 29 корпус полностью вольется в VI армию; приблизительно же через 3—4 недели в состав IV армии полностью войдет 44 корпус, находящийся в пути. Вслед затем на румынский фронт начнет прибывать

27 корпус. Кроме указанных пехотных дивизий, на румынском фронте у нас имеется еще 13 кавалерийских дивизий. Румынская же армия теперь настолько ослаблена, что содержит не более 30—35 тысяч человек, и те боевого значения не имеют.

Под давлением противника VI и IV армии продолжают отходить. Неприятель заставил нас очистить последнюю точку, которую мы занимали в Добрудже, а, именно, Браиловский тет-де-пон. В районе IV армии мы, было, продвинулись вперед, но немцы сбили румынскую дивизию и некоторые наши части и заставили нас отойти за реку Путну. В результате нам пришлось отступить на линию Серета и лишь в одном месте нам удалось удержаться на правом берегу этой реки.

Помимо технического превосходства противника крайне неблагоприятное влияние на действия наших войск в Румынии оказывает трудность не только в подвозе подкреплений, пополнений и снарядов, но и в продовольствовании. В последние дни операции очень затруднены грязью. Обстоятельство это явится, впрочем, помехою прежде всего для неприятельского продвижения.

Если и допустить, что немцы не имели в виду продолжать наступление на нижнем Дунае, то, по мнению генерала Лукомского, можно быть уверенным, что они теперь на это решились. Он считает, что нам, вероятно, еще придется отойти. В течение ближайших 15 дней, по словам генерал-квартирмейстера, выяснится, будем ли мы еще значительно оттеснены, так как через две недели подойдут серьезные подкрепления к нашим IV и VI армиям. Беда в том, что подкрепления поступают на фронт «пакетами». Этого можно было бы избежать лишь в том случае, если бы было возможно сразу отойти на линию, хорошо обеспеченную путями подвоза, но, к сожалению, тыл румынского фронта пока очень беден путями сообщения, и отход поможет лишь тем, что сократит количество переходов, которые подходящим частям приходится делать походным порядком.

На мой вопрос, повлечет ли дальнейшее отступление IV и VI армий необходимость очищения нами Молдавии, генерал Лукомский ответил, что, на всякий случай, к эвакуации Молдавии надо быть готовым, но все же нужно надеяться, что, если противнику удастся оттеснить нас в южную Бессарабию, мы сможем сохранить Молдавию, загнув наш фронт.

Продолжающиеся усилия неприятеля на румынском фронте позволяют, по мнению генерал-квартирмейстера, думать, что ожидаемое наступление противника на салоникском направлении отсрочивается. Того же взгляда держится и генерал Жанэн. Сколько-нибудь достоверных сведений о направлении в настоящее время новых неприятельских подкреплений в Македонию не имеется.

Как вам должно быть известно, у Риги нашим войскам удалось прорвать неприятельский фронт в направлении на Митаву. В течение ближайших 2—3 дней выяснится, удастся ли нам развить этот успех. Предполагается еще в другом месте на северном фронте попытаться

сбить неприятеля с его позиций. Действия эти могут иметь однако лишь местное значение, так как мы не располагаем на северном фронте достаточной ударной массой, чтобы извлечь серьезную пользу из этих операций. Значение их заключается в том, что они вызывают некоторую оттяжку сил неприятеля и, во всяком случае, мешают ему снимать войска с нашего северного фронта для отправки на румынский.

Н. Базили.

Отношение директора диплом. канцелярии при верх. главнокомандующем на имя тов. министра иностранных дел Нератова 8 января 1917 г. (26 декабря 1916 г.). № 1881.

Милостивый государь
Анатолий Анатолиевич.

Штабом верховного главнокомандующего командирована в Англию, Францию и Италию по бывшим уже примерам группа офицеров для ознакомления с боевой деятельностью наших союзников. Во главе означенной группы офицеров поставлен бывший до войны военным агентом в Швейцарии генерал-майор Гурко, брат и. д. начальника штаба верховного главнокомандующего.

Генерал-майору Гурко поручено переговорить с союзными главными квартирами по вопросам о дальнейшем усилении салоникского фронта и о подкреплении сербской армии находящимися в Италии австро-венгерскими пленными сербской национальности.

При сем имею честь представить вашему превосходительству копию данной генерал-майору Гурко инструкции.

Н. Базили.

Копия инструкции, пересланной ген. Гурко из штаба верх. главнокомандующего 28 (15) декабря 1916 г. [1]).

№ 7090/2805. 15 декабря 1916 г.

Генерал-майору Гурко.

Согласно указаниям вр. и. д. начальника штаба верховного главнокомандующего, в связи с обязанностями, возлагаемыми на вас командировкой, надлежит проводить следующие взгляды русского верховного главнокомандования.

1) Обстановка вызывает необходимость дальнейшего усиления салоникского фронта за счет войск французского, английского и итальянского фронтов; ставка не будет иметь препятствий, если все русские бригады французского фронта будут направлены в Салоники.

2) Ввиду опасения Италии [2]), что ее границы могут подвергнуться натиску противника в то время, как она пошлет в Салоники часть

[1]) Приложение к отношению директора дипл. канцелярии при верх. гл. от 8 января 1917 г. (26 декабря 1916 г.) за № 1881.

[2]) Об уклончивой позиции Италии в вопросе посылки итальянских войск в Салоники сообщал Гирс в своей телеграмме от 17/XII 1916 г. за № 882: «Частным

своих сил, надлежит убедить Францию обещать Италии помощь в размере, большем, чем Италия пошлет на усиление салоникского фронта.

3) Сильная салоникская армия, будучи постоянной угрозой противнику в важном для него направлении, явится спасением Италии: опасность со стороны Германии станет действительной лишь после того, когда перестанет существовать салоникская армия.

4) С потерей салоникского фронта для Италии будет потеряна столь необходимая ей Валона.

5) Для быстрой переброски войск по морю должны быть в полной мере использованы все греческие коммерческие суда, находящиеся в греческих портах.

6) Опасения Италии, что посылаемые ею морем войска в Салоники могут опоздать, не имеют прочных оснований: если эти войска опоздают попасть в боевые линии, то они составят тот могучий резерв, который или даст развить полученные успехи или парализует неудачу.

7) Настаивать на необходимости усиливать сербские войска посредством вербовки добровольцев южных славян и из числа пленных, находящихся в Италии. Для этого позволить сербским офицерам производить вербовку по лагерям на принципе взаимности так же, как это делается у нас.

Отношение директора диплом. канцелярии при верх. главнокомандующем на имя тов. министра иностранных дел Нератова 8 января 1917 г. (26 декабря 1916 г.). № 1883.

Милостивый государь
Анатолий Анатолиевич.

Имею честь представить у сего вашему превосходительству в копии телеграмму и. д. начальника штаба верховного главнокомандующего генералу Палицыну от 20 декабря сего года за № 7205 касательно состояния сербской армии.

Как вы изволите усмотреть из означенной телеграммы, генералу Палицыну поручено поддержать перед генералом Нивеллем [1]) просьбу королевича сербского Александра об отведении сербской армии в тыл для отдыха и реорганизации.

И. Базили.

образом он [министр ин. д. Соннино] высказал мне, что, если бы решение зависело исключительно от него, он не дал бы больше ни одного солдата Саррайлю, потому что он убежден, что последний стремится не к военным действиям против болгар, а к кампании против Греции и, несомненно, втянет в нее союзников...»

[1]) Ген. Р. Нивелль был назначен на должность главнокомандующего всеми французскими армиями, вместо маршала Жоффра, о чем было сообщено русскому командованию телеграммой Пуанкарэ на имя Николая II от 15/XII 1916 г.

Копия телеграммы вр. и. д. начальника штаба верх. главнокомандующего на имя ген. Палицына 2 января 1917 г. (20 декабря 1916 г.) [1].

Генералу Палицыну.

Генерал Артамонов телеграфирует: «Королевич Александр просит сообщить следующее: за последнее полугодие на македонском фронте сербской армии пришлось сражаться больше других союзных контингентов. Отсутствие крупных результатов, понятных солдату, непрерывность действий на сербском участке и значительные потери вызвали у сербов утомление, упадок духа, и даже началось дезертирство вследствие тоски по родине. Придача сербам [в] последнее время двух русских бригад подняла их дух, а уменьшение фронта сербского участка давало возможность приступить к отводу по очереди частей на отдых и к выполнению проектированной реорганизации армии, уменьшившейся численно и не имеющей источников пополнения, а, именно, [к] переходу к дивизиям по три полка, по три батальона из трех рот. Эти меры несколько усилят, может быть, боевую способность армии. Долг главы государства заставляет королевича заботиться, чтобы остатки сербской армии не подверглись полному уничтожению, и в этом отношении он встретил сочувствие со стороны бывшего французского военного министра генерала Рока, обещавшего ему, что, в виду прибытия в Македонию новых сил, сербам не придется больше сражаться, а им будут даны задачи оккупационного характера. Ныне генерал Саррайль, имея в виду атаковать греков [2] и ссылаясь на то, что обещанных войск ему не присылают, требует от сербов возвращения 4-й русской бригады в его общий резерв. Без окончательного подрыва духа и расстройства сербских войск королевич этого сделать не может, опасаясь чего и просит содействия ставки и генерала Палицына о своевременном исполнении установленного конференцией проекта усиления салоникской армии [3]. 307. А р т а м о н о в».

---

[1]) Приложение к отношению директора дипл. канц. при верх. главнокомандующем от 8 января 1917 г. (26 декабря 1916 г.) за № 1883.

[2]) Вторая половина ноября и весь декабрь 1916 г. характеризуются крайним обострением отношений между Грецией и союзными державами, главным образом, Францией. После невыполнения требований союзников относительно выдачи военного материала и оружия был высажен в Пирее союзный десант. В связи с вооруженным столкновением греческих войск с этим десантным отрядом (18/XI), последний был выведен из Пирея, причем посланники четырех держав покинули Афины и Пирей, и 25/XI была объявлена блокада греческого побережья. 1/XII греческому правительству был предъявлен ультиматум об эвакуации греческих войск из северной Греции и удовлетворении за события 18/XI. Ультимативные требования были приняты Грецией, но она, в свою очередь, потребовала снятия блокады. 18/XII последовал новый ультиматум держав, главные требования которого сводились к восстановлению союзного контроля и эвакуации войск и военного имущества в Пелопонесс.

[3]) См. приводимые в телеграммах Извольского от 3/XI 1916 г. № 819, № 1 и от 4/XI 1916 г. № 819, № 2 данные Жоффром на конференции в Шантильи разъяснения по поводу численности салоникской армии: она должна была состоять из 7 английских дивизий, 6 французских, 3 итальянских, 1 русской и 6 сербских.

По изложенному одновременно с сим я обратился чрез генерала Жанэна к генералу Нивелль с просьбою принять возможные меры для сохранения сербской армии и возможного обеспечения ее тяжелого положения. Вместе с тем считаю необходимым сообщить вам, что его величество государь император обратил особое внимание на изложенные в телеграмме генерала Артамонова опасения королевича Александра и, признавая необходимость сохранения сербской армии и поддержания духа ее на должной высоте, указал, дабы вы лично обратились к генералу Нивелль и постарались достигнуть полного содействия к разрешению просьбы королевича Александра в благоприятном смысле. № 7205.

Гурко.

Отношение директора диплом. канцелярии при верх. главнокомандующем на имя тов. министра ин. дел Нератова 8 января 1917 г. (26 декабря 1916 г.). № 1884.

Милостивый государь
Анатолий Анатолиевич.

Имею честь препроводить у сего копию телеграммы генерала сэра Робертсона на имя генерала Хенбри Вилльямс, переданную генерал-от-кавалерии Гурко 14(27) декабря с. г., относительно уничтожения в Румынии запасов продовольствия и нефти.

Н. Базили.

Копия письма ген. Вилльямса на имя ген. Гурко 27 (14) декабря 1916 г. [1].

Его высокопревосходительству генералу Гурко.
Штаб верховного главнокомандующего [2].

Начальник английской военной миссии при штабе верховного главнокомандующего имеет честь препроводить копию нижеследующей телеграммы, полученной им вчера от генерала сэра В. Робертсона:

«В отношении уничтожения в Румынии запасов продовольствия и нефти русские войска сделали до сих пор все, что могли сделать.

Но мною получена телеграмма от нашего представителя, в которой говорится, что, несмотря на то, что начальники русских войск получили непосредственные и категорические указания продолжать действовать так же и при дальнейшем отступлении, весьма возможно, что они уступят возражениям, делаемым румынами, и прекратят эти весьма необходимые разрушения.

Исключительно благодаря необращению внимания на возражения румын, нефтяные источники были разрушены в действительной мере [3].

---

[1]) Приложение к отношению директора дипл. канцелярии при верх. главнокомандующем от 8 января 1917 г. (26 декабря 1916 г.) за № 1884.

[2]) Копия письма ген. Вилльямса хранится при деле в переводе с английского языка.

[3]) Уничтожению должны были подвергаться также заводы, расположенные в эвакуируемых областях, и материалы, на заводах находящиеся. В тел. от 26/XII

Благоволите настоятельно просить начальника штаба об отдаче необходимых распоряжений соответствующим русским войсковым начальникам».

Генерал-лейтенант *Хенбри Вилльямс.*

14(27) декабря 1916 года.

Отношение вице-директора дипл. канцелярии при верх. главнокомандующем во второй политический отдел мин. ин. дел 23 (10) января 1917 г. № 13.

Дипломатическая канцелярия при верховном главнокомандующем имеет честь при сем препроводить для сведения копию письма от 17 декабря 1916 года управляющего миссией в Румынии генерала Мосолова на имя вр. и. д. начальника штаба верховного главнокомандующего, генерала-от-кавалерии Гурко и копию телеграммы генерала Гурко председателю Совета Министров статс-секретарю Трепову [1]) от 25 декабря за № 122710/7012.

Вице-директор *Н. Бэр.*
Секретарь *С. Валуев.*

Копия письма управляющего российской миссией в Румынии на имя ген. Гурко от 30 (17) декабря 1916 г. [2]).

Бырлад, 17 декабря 1916 г.

Глубокоуважаемый
Василий Иосифович.

Вчера великий князь Георгий Михайлович показал мне телеграмму вашего высокопревосходительства относительно передачи румынских железных дорог в наши руки, а сегодня генерал Сахаров вызвал меня в Бырлад для обсуждения с ним этого вопроса. Ввиду сего я счел

1916 г. за № 1144 Базили со слов ген. Мосолова сообщал: «...При эвакуации необходимо, если не успеют, то уничтожить машины на фабриках. Мало веря, что вывоз будет осуществлен, полагал бы возможным для уничтожения воспользоваться находящимися при армии английскими инженерами, уничтожившими нефтяные источники в Валахии, на что английский посланник изъявил согласие испросить разрешение своего правительства, но в этом случае надо иметь в виду, что, по соглашению в Петрограде, вознаграждение за уничтоженные нефтяные копи принято на счет Англии, Франции и России, что румынское правительство, быть может, пожелает и относительно фабрик».

[1]) А. Ф. Трепов заместил Б. В. Штюрмера на посту председателя Совета Министров в ноябре 1916 г.

[2]) Приложение к отношению вице-директора дипл. канцелярии от 23 (10) января 1917 г. № 13. О тех трениях, которые происходили между русским и румынским правительствами по вопросу о румынских железных дорогах, дополнительные данные находим в телеграмме министра ин. д. Покровского от 11/I 1917 г. № 151 на имя управляющего дипканцелярией при штабе верх. главноком. для передачи ген. Гурко. Покровский передавал здесь содержание своей беседы с Братиано по железнодорожному вопросу и резюмировал результаты обмена мнений последнего с. ген. Гурко по этому поводу. »При этом ему, будто бы, удалось разъяснить вам (п 9. начальника штаба верх. гл.) те неудобства с точки зрения политической, которые представит решение железнодорожного вопроса в смысле полной

нужным еще до отъезда моего в штаб фронта предварительно узнать мнение председателя совета Братиано о вышесказанной передаче.

После долгих убеждений, причем я дал Братиано почувствовать, что в этом вопросе я не могу итти на уступки, он вечером еще раз пришел ко мне и, сознавая, что необходимо улучшить положение румынских дорог, очень просил, чтобы при этом национальное самолюбие Румынии не было задето полным и оформленным подчинением румынских железных дорог русскому управлению. Составленное штабом генерала Сахарова предположение, представляемое им вашему высокопревосходительству, представляется мне, именно, таковым, что оно для Братиано приемлемо, а, с другой стороны, пункт 2-й даст полную возможность растянуть, по желанию, линию прикасающихся к фронту дорог и тупиков, к чему я еще прибавил: «участки особенной важности для военных целей», что даст возможность эксплоатировать пути от Унген до Пашкани. Таким образом, большая часть румынских дорог будет действовать по нашим указаниям. Взятие же их в наше управление потребует, без явной пользы для дела, громадного числа агентов, а таковых, необходимых качеств, весьма трудно подыскать. Что касается применения русского полевого суда к неповинующимся или негодным румынским железнодорожным агентам, то, принимая во внимание, что это явилось бы насилием, в смысле международного права, полагал бы это заменить установлением при каждой дороге особых комитетов, по примеру наших русских, состоящих из двух русских и двух румынских членов, а, в случае предания ими румынских подданных суду, можно бы потребовать, чтоб в их полевых судах один из судей был русским.

Но ранее, чем приступить к обсуждению железнодорожного вопроса с румынским правительством, считаю необходимым иметь от вашего высокопревосходительства подтверждение, что штаб румынского фронта будет снабжен как в отношении присылки железнодорожных батальонов, так и нужного технического персонала.

В настоящее время имеются лишь генерал Мейснер и инженер Франк; первый из них с ужасом объясняет, что, кроме громадной ответственности, у него никаких средств к исполнению возложенной на него задачи не имеется. После серьезной беседы с Мейснером я пришел к заключению, что ему возможно будет исполнять эту задачу, лишь в случае, если ему дадут, кроме имеющегося у него одного, еще три

передачи железных дорог в руки русской администрации. По мнению Братиано, в интересах прочности русско-румынских отношений следует в данную критическую минуту по возможности охранять и поддерживать престиж местной румынской власти для того, чтобы у румын не оставалось никакого чувства горечи от оскорбленного самолюбия. Братиано прибавил, что ваше высокопревосходительство в конце концов не могли не признать справедливости румынской точки зрения в этом вопросе...» «Я ответил Братиано, — заканчивал Покровский свое изложение, — что высказанные им политические соображения заслуживают полного внимания, но что при окончательном решении нам придется руководствоваться исключительно военной обстановкой и требованиями военной необходимости...»

железнодорожных батальона. Кроме того, ему обещан еще один румынский железнодорожный батальон, которым однако он полагает лишь усилить наши батальоны. Обсудив все то, что Мейснер признал необходимым, и список чего, с согласия генерала Сахарова, при сем представляю, мне кажется, что, пока не будет решен вопрос об отправке на румынский фронт трех железнодорожных батальонов и пяти инженеров из самых опытных и талантливых, — дорог в Румынии не исправить, и лучше с румынским правительством вовсе не поднимать этого вопроса и постепенно уходить к нашим границам, считая это достойнее, чем ставить требования, которые не принесут желательного результата.

Прошу простить, что так смело пишу, но считаю, что на моей обязанности лежит прежде всего хранить достоинство России перед лицом румын, почему не хочу рисковать, чтобы переговоры мои, могущие принять, быть может, более, чем желательно, острый оборот, в конце концов, ни к чему не привели, вследствие присылки недостаточного количества и качества лиц. Позволяю себе повторить, что, при присылке не менее трех батальонов и всего указанного в прилагаемом списке, можно надеяться, что через месяц дороги будут действовать нормально, пока же — безусловный хаос, на который прямо страшно смотреть, а от дорог зависит наша окончательная победа.

Извиняюсь за длинное письмо, но волей-неволей приходится вмешиваться в вопросы, лишь косвенно меня касающиеся, но для правильного их решения необходимо вникнуть в суть, и не считаю возможным не докладывать вам попутно своих впечатлений.

Искренно уважающий и преданный

А. Мосолов.

Верно. Секретарь дипломатической канцелярии при верховном главнокомандующем *С. Валуев.*

Список мероприятий, необходимых для организации управления румынских железных дорог, выработанный ген. Мейснером [1]).

1. Начальнику военных сообщений румынского фронта должны быть подчинены румынские железные дороги на тех же основаниях, на которых русские железные дороги в пределах фронтов подчинены главному начальнику военных сообщений.

2. Можно согласиться на назначение помощника из штаба румынской армии.

3. При начальнике военных сообщений должно быть сформировано особое управление путей сообщения, подобно тому, как это сделано при главном управлении военных сообщений, штат коего представлен в ставку и лично будет доложен генерал-майором Колпаковым.

4. Срочно сформировать военно-дорожный отдел, штат коего будет представлен генерал-майором Колпаковым.

[1]) Приложение к письму Мосолова от 30 (17) декабря 1916 г.

5. Для эксплоатации головных участков и тупиков, понимая таковые в растянутом смысле, а также важнейшего участка Унгени-Яссы до фронта, передать таковую эксплоатацию трем железнодорожным батальонам, сверх одного, уже имеющегося, и подчинить начальнику военных сообщений и румынский железнодорожный батальон.

6. Взять охрану румынских железных дорог в свои руки, прислав соответствующие силы.

7. Русский помощник при директоре румынских железных дорог, отлично знающий службу движения.

8. Иметь при начальнике военных сообщений особый резерв: чинов по службе движения, тяги и пути для замены на линии румынских агентов, оказавшихся неподходящими.

9. Румынские железные дороги должны передать в руки начальника военных сообщений часть железнодорожных телеграфных проводов для отдачи распоряжений и выслать для сего необходимое количество телеграфистов.

10. Обеспечить комендантов станций переводчиками там, где коменданты не знают языков (почти все присланные).

11. Чтобы привести в ясность румынское железнодорожное хозяйство, средства и возможности, необходимо экстренно и особой комиссией обследовать на месте железные дороги в этом отношении.

Верно. Секретарь дипломатической канцелярии
при верховном главнокомандующем *С. Валуев.*

Копия телеграммы ген. Гурко ген. Мосолову 7 января 1917 г. (25 декабря 1916 г.) [1].

Ответ на письмо от 17 декабря, полученное сегодня, 24 декабря, дан телеграммой моей 24 декабря № 7356 в той части письма, которая касается принципиальной стороны вопроса об управлении румынской железнодорожной сетью. Что касается остальных вопросов, изложенных в приложенном к письму перечню, то сделано следующее.

Штат отдела путей сообщения утвержден мною 14-го декабря, штат военно-дорожного отдела одновременно с сим. О назначении лиц, могущих заместить должности советника при директоре румынских дорог, старших агентов движения, тяги и пути, а также о командировании для обследования дорог особой комиссии дана телеграмма министру путей сообщения. Об обеспечении комендантов станций переводчиками сделано распоряжение. Сделано распоряжение о командировании к ныне имеющимся в пределах румынского фронта 20 ротам железнодорожных войск еще дополнительно двадцать две роты. Из старших агентов железнодорожной администрации до сего времени командировано уже восемь лиц. Сделано распоряжение о командировании еще ряда движенских агентов. Командированы в распоряжение гене-

[1]) Приложение к отношению вице-директора дипл. канцелярии при верх. главнокомандующем от 23 (10) января 1917 г. за № 13.

рала Мейснера опытные офицеры передвижения в дополнение к уже у него имеющимся четырнадцати офицерам движенских [1]) из железнодорожных батальонов. Командировано несколько дружин для охраны дорог. Подробно о всех мерах осведомлены генералы Колпаков и Мейснер. Считаю необходимым пояснить, что сборы агентов, офицеров и войск с обширной территории, а равно самое передвижение их по затрудненным дорогам в Румынию требует времени при всем желании ускорить их прибытие. Пока же прошу воздействия на румынское правительство к пробуждению в железнодорожной дирекции чувства долга добросовестности в исполнении своих обязанностей. № 122711/7013.

Гурко.

25 декабря 1916 г.

Верно. Секретарь дипломатической канцелярии при верховном главнокомандующем *С. Валуев.*

Копия телеграммы ген. Гурко на имя председателя Совета Министров Трепова 7 января 1917 г. (25 декабря 1916 г.) [2]).

В дополнение к телеграмме на имя товарища министра, инженера Кригер-Войновского, обращаюсь к вашему высокопревосходительству с просьбой о срочном назначении в Румынию для обследования состояния румынских дорог особой комиссии, состоящей из выдающихся специалистов по тяге и движению. О необходимости командирования такой комиссии сообщает также и посланник наш, генерал Мосолов. Кроме сего, для упорядочения дела на румынских железных дорогах необходимо немедленно командировать на некоторое время в распоряжение помощника начальника военных сообщений румынского фронта генерала Мейснера, непосредственно ведающего дорогами Румынии и находящегося при штабе генерала Сахарова, одного из лучших начальников дорог, знакомого с французским языком, отлично знающего службу движения, дабы он мог быть использован в качестве технического советника директора румынских дорог, а также до пяти опытных старших агентов для занятия должностей по службам движения, пути и тяги [3]). Желательно, чтобы командированные лица телеграфировали о времени своего проезда через Могилев, дабы во время стоянки поезда

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Приложение к отношению вице-директора дипл. канцелярии при верх. главнокомандующем от 23 (10) января 1917 г. за № 13.

[3]) Небезынтересно отметить, что, «озабоченное вопросом снабжения нашей армии в связи с неудовлетворительным управлением румынских железных дорог», английское правительство, с своей стороны, предлагало России командировать для содействия ген. Сахарову своего специалиста с помощником (именно, главного директора «Грэт Соутерн Рейльузф Буэнос-Айрес» сэра Кондоля. Об этом см. телеграмму Покровского Базили от 26/II 1917 г. № 939). Предложение это последовало в двадцатых числах февраля 1917 г.; каких-либо следов ответа на него со стороны русского правительства в Архиве Внешней Политики обнаружить не удалось.

они получили соответственные указания о положении дела на румынских дорогах. О последующем прошу телеграфировать. 25 декабря 1916 г. № 122710/7012.

Гурко.

Верно. Секретарь дипломатической канцелярии
при верховном главнокомандующем *С. Валуев.*

Письмо Базили 11 марта (26 февраля) 1917 г. [1]).

Ставка. 26 февраля 1917 г.

Весьма секретно.

Милостивый государь
Николай Николаевич.

Согласно данному мне поручению, я по приезде в ставку представил генерал-адъютанту Алексееву копию всеподданнейшей записки вашего высокопревосходительства по вопросу о проливах [2]). При этом я подчеркнул все значение политической части записки, в которой изложены соображения, по которым необходимо, ради осуществления наших целей войны, ко времени заключения мира фактически овладеть проливами. В отношении более технической части записки я обратил внимание начальника штаба, что она имеет лишь субсидиарное значение.

Как я и опасался, внесенные в означенную записку технические подробности вызвали со стороны генерала Алексеева решительные возражения.

Начальник штаба поручил мне довести до сведения вашего высокопревосходительства следующие соображения по содержанию вышеупомянутой записки. В разговорах с С. Д. Сазоновым, так и особенно с Б. В. Штюрмером, генерал высказывал определенное мнение, что объявлять «urbi et orbi» о предоставлении нам Константинополя и про-

---

[1]) Настоящее письмо Базили было опубликовано в сб. «Константинополь и проливы», т. II, стр. 291—293.

[2]) Во всеподданнейшей записке м-ра ин. д. Покровского от 21/II 1917 г. развивалась идея организации специальной русской военно-морской экспедиции для захвата Босфора со стороны малоазиатского побережья. Предполагалось, что операция может быть произведена десантом в 200—250 тысяч человек, высаженным не позже октября 1917 г. около устьев реки Сакария. Политическое обоснование необходимости этого мероприятия сводилось к следующему: а) необходимость использования во что бы то ни стало военной конъюнктуры для разрешения «вековых задач» на Бл. Востоке; б) необходимость в этом деле полагаться исключительно на свои силы вследствие незаинтересованности союзников в вопросе о завладении Россией проливами; в) необходимость к моменту заключения мира либо уже овладеть проливами, либо приблизиться к ним настолько, чтобы быть в силах оказать должное давление на Турцию. Записка Покровского была опубликована в сб. «Константинополь и проливы», т. II, стр. 387—390, а также в «Вестнике НКИД», 1919 г., № 1, в приложениях к статье М. Н. Покровского «Три совещания», стр. 42—44.

ливов не следует. По твердому его убеждению, надо сначала подойти к выполнению столь крупной военной задачи, обеспечить ее успех, а потом уже говорить о ней. На это Б. В. Штюрмер возражал, указывая, будто оглашение признания нашими союзниками наших прав на проливы необходимо для успокоения общественного мнения России, и, к сожалению, эта точка зрения возобладала [1]). Переходя к вопросу о практическом осуществлении наших задач на проливах, начальник штаба подчеркнул, что разработка плана такой операции и, в частности, определение срока ее выполнения возможно лишь при самом полном осведомлении как о наличных средствах, так и о требуемых средствах для намеченного предприятия. В настоящее время наш фронт, не считая Кавказа, пред тавляет непрерывную линию окопов и укреплений на протяжении 1 650 верст. В среднем, на каждую версту приходится 1 500 человек бойцов, при скромном числе орудий, числе, значительно уступающем техническим средствам противника. Поэтому генерал Алексеев считает решительно невозможным, до существенного поражения противника на нашем западном фронте, уменьшить там число войск. Судьба настоящей войны зависит от нанесения решительного удара немцам или от приведения их к убеждению, что они долее вести борьбу не могут. Без этого немцы сами находятся в положении, угрожающем нашим жизненным направлениям — на Петроград, Москву и юг России. Ответственные исполнители не могут, поэтому, снять с западного фронта, до решения там участи войны, 200—250 тысяч человек для Босфорской экспедиции.

Генерал Алексеев отметил затем крайнюю ограниченность наших транспортных средств в Черном море и полную невозможность увеличить эти средства сверх имеемых. Необходимо помнить, что на этих транспортных средствах лежит питание нашей кавказской армии. Эти же транспорты должны будут, одновременно с переброской войск на Вифинийский полуостров, начать туда же перевозку войскам продовольствия, артиллерийских запасов, укомплектования. При ограниченности наших транспортных средств генерал Алексеев считает весьма трудной переброску с северного побережья Черного моря на Вифинийский полуостров, хотя бы в три рейса, 250 000 бойцов, т.-е. почти 25 дивизий, — с артиллерией, обозами, необходимыми тыловыми запасами. Начальник штаба возражает против ссылки на трапезондскую операцию. У Трапезонда в боевых условиях высадилось всего 2—3 батальона, тогда как главные силы наступали по сухому пути.

[1]) Переговоры с союзными правительствами об опубликовании соглашения о Константинополе и проливах начались еще при Сазонове, в марте 1916 г., непосредственно после выступления Милюкова в Думе 24 (11) марта 1916 г. при обсуждении сметы министерства ин. дел. В течение сентября — ноября переговоры эти продолжал Штюрмер и, далее, Нератов. В результате переговоров русское правительство решило, не опубликовывая самого текста соглашения, официально заявить о его существовании, что и было сделано председателем Совета Министров Треповым в заседании Гос. Думы 19/XI 1916 г.

и лишь потом уже, в мирных условиях, в Трапезонд перевезено было морем около одной дивизии. Десант в 2—3 батальона нельзя приводить в пример грандиозного предприятия переброски армии в 200—250 тысяч человек, в пример предприятия, подобного которому еще не было в военной истории. Босфорскую экспедицию нельзя также сравнивать с галлиполийской операцией. Англо-французы, владея островом Мудросом, располагали базою в 30 милях от Галлиполийского полуострова, тогда как Вифинийский полуостров отстоит от Севастополя на 230 миль.

Указав на неправильность технических данных, использованных министерством при составлении вышеуказанной записки, начальник штаба высказал пожелание, чтобы ранее представления его императорскому величеству докладов, содержащих предположения о военных операциях, таковые сообщались на заключение ответственных исполнителей, которые поневоле имеют дело с ограниченными средствами.

В заключение генерал Алексеев вернулся к своей основной мысли, что только после поражения нашего главного и сильного врага можно предпринять поход на Константинополь и что при этом обстановка укажет, как это можно будет сделать.

К изложенному почитаю долгом присовокупить, что, по весьма доверительным сведениям, сообщенным мне в штабе, подготовительные работы по выполнению десантной операции к тому времени, когда для нее наступит час, энергично продолжаются. Для того, чтобы вполне закончить эту подготовку, морскому ведомству нужно три месяца. Но при существующих транспортных средствах не может быть речи о том, чтобы перевезти и потом питать экспедиционную армию в 200—250 тысяч человек. Максимальное количество войск, до которого можно было бы довести такую армию (при перевозке, конечно, в несколько рейсов), достигало бы, примерно, 9 дивизий или 130 000 человек. И при этом пришлось бы прекратить на Черном море всякие морские перевозки, не связанные с этой экспедицией.

Н. Базили.

Письмо Базили 25 (12) марта 1917 г.

Ставка. 12 марта 1917 г.

Секретно.

Милостивый государь
Павел Николаевич [1]).

Считаю долгом представить вам, в самом сжатом виде, имеющиеся в штабе верховного главнокомандующего сведения, могущие осветить намерения противника в настоящий момент.

Силы противника распределены теперь следующим образом. На западном фронте находится 140 германских дивизий, на нашем фронте,

[1]) Письмо адресовано министру ин. дел Временного Правительства П. Н. Милюкову.

включая и румынский, около 75. С прибавлением к последним 43 австрийских, 6 турецких и 5 болгарских, общее количество неприятельских сил на нашем фронте выражается цифрой 127 дивизий. На салоникском фронте находятся 15 болгарских, 2 германские, 2 австрийские, 2 или 3 турецкие дивизии. Принимая во внимание, что болгарские дивизии приблизительно в полтора раза сильнее других, неприятельские силы на салоникском фронте не слабее армии генерала Саррайля, насчитывающей теперь до 25 дивизий. На итальянском фронте расположены от 32 до 35 австрийских дивизий.

Кроме перечисленных частей, внутри Германии в последнее время сформированы около 23 новых дивизий, из коих 13 отборных и около 10 второразрядных. Новые силы эти почти целиком еще не использованы на фронтах и пока еще сосредоточены внутри Германии, кроме частей указанных 10 второразрядных дивизий, которые расположены вблизи голландской границы.

Передвижение неприятельских сил со времени остановки вражеского наступления на румынском фронте, то-есть с половины января сего года, рисуется в следующем виде. Неприятельские силы на этом фронте ослаблены путем переброски некоторых германских частей на западный фронт и некоторых болгарских — на салоникский. Благодаря этому, общее количество неприятельских сил на нашем фронте, определявшееся к 1 января сего года в 133 дивизии, понизилось до 127 дивизий, как выше указано. На западном фронте в последнее время наблюдалось массирование неприятельских сил в районе Эльзаса и в тылу фронта — Бельгии. На других участках нашего фронта не было до сего времени обнаружено неприятельских частей, снятых с румынского фронта.

В самое последнее время поступили агентурные сведения, свидетельствующие об агрессивных намерениях противника на нашем фронте. Имеются указания об усиленных работах по сооружению на этом фронте неприятелем железных и других дорог. Ряд сведений указывает на намерение противника произвести удар на нашем северном фронте. Об этом свидетельствуют, во-первых, сведения о подвозе войск, повидимому, укомплектований, из Германии через Либаву, во-вторых, сведения о подвозе продовольственных и боевых запасов германцами в район северного фронта и, в-третьих, наконец, о направлении на наш фронт части вышеупомянутых германских формирований.

Кроме того, имеются некоторые сведения — от пленных, указывающие на усиление противника также и в Галиции, именно, к северу от Станиславова.

Осуществляемый ныне германцами на западном фронте отход на новые хорошо укрепленные «позиции Гинденбурга», отстоящие вглубь от прежней оборонительной линии на 30—40 километров, имеет в виду лишить наших союзников возможности нанести германцам ожидавшийся удар путем предположенного с их стороны наступления. Наступление это первоначально должно было состояться в конце февраля

по новому стилю, но затем, когда выяснилось, что с русской стороны наступление не может состояться одновременно, англо-французский удар был отсрочен. Германцы воспользовались этим, чтобы указанным маневром парировать готовящийся против них удар. Отход на позиции Гинденбурга дает противнику следующие выгоды: 1) союзники наши вынуждаются потерять на новую подготовку наступления, по крайней мере, от 4 до 6 недель, необходимых им для оборудования вновь занятой ими территории, для перевозки артиллерии, запасов и пр.; 2) выигрывая пространство, германцы приобретают возможность маневрирования, опираясь на новые сильно укрепленные позиции, и, следственно, могут сами проявить наступательную инициативу на западном фронте и 3) сократив свой фронт на западе, германцы освобождают с него от 8 до 9 дивизий, которые они могут оттянуть в резерв.

Согласно вышеизложенному, германцы располагают в настоящую минуту мощной ударной группой, которую они могут использовать в сравнительно близком будущем в том пункте, который они признают наиболее для себя выгодным. Группа эта определяется в 32—35 дивизий, не считая сил, которые противник может снять с разных участков фронта для усиления своего удара в избранном им направлении.

Н. Базили.

Письмо Базили 5 апреля (23 марта) 1917 г.

Ставка. 23 марта 1917 г.

Весьма секретно.

Милостивый государь
Павел Николаевич.

Полученные за последнее время в штабе верховного главнокомандующего агентурные сведения продолжают указывать на вероятность германской операции в районе Балтийского моря. Сюда, прежде всего, относятся сведения о сосредоточении транспортов в Данциге и других германских портах Балтийского моря, а также указания на скопление войск в этих портах. Затем, агентурные сведения указывают на работу по подготовке морской операции. Имеются указания о переходе частей германского флота из Немецкого моря в Балтийское.

Сведения эти не позволяют утверждать, что немцы готовят десантную операцию на наши берега, но дают однако основания допускать ее возможность. Ближайшее время дает для такой операции особенно благоприятную обстановку, даже независимо от расстройства боеспособности нашего Балтийского флота в связи с революционным движением. Ежегодно в начале весны наш флот переживает опасный период, ввиду того, что действия его, в особенности в Рижском заливе, стесняются льдами, тогда как немецкие морские силы могут свободно выходить в море. Одним из возможных объектов германской десантной операции может быть южная часть острова Эзеля, командующая входом в Риж-

ский залив. Завладение этим пунктом облегчило бы немцам удар на Ригу, позволив германскому флоту поддержать действия сухопутных сил. Другим объектом германского командования могла бы явиться высадка в Финляндии, подготовленная захватом Аландских островов [1]). Выполнение второй из этих операций было бы значительным образом облегчено сотрудничеством Швеции.

Направление ее политики, в связи с переменой шведского кабинета, в высокой степени озабочивает штаб [2]). Я сообщаю последнему все имеющиеся у меня по этому вопросу сведения. В целях полнейшего

---

[1]) После возникновения войны 1914 г., с закрытием Дарданелл и выступлением Турции, поскольку пути через Швецию и шведские воды оказались главными путями сообщения между Россией и Англией, вопрос об Аландских островах приобрел для русского правительства исключительно важное значение. Тогда же, в конце 1914 г., русским морским министерством был поднят вопрос о праве русского правительства устроить на Аландских островах авиационную наблюдательную станцию. Вопрос этот сводился, в конечном счете, к вопросу об юридической силе так называемой Аландской конвенции 1856 г., согласно которой Швеции гарантирована были Англией и Францией территориальная неприкосновенность и русское правительство обязалось не укреплять Аландских островов и не устраивать на них «никаких военных и морских заведений». Необходимо иметь в виду, что еще в 1906—1907 гг. Россией был направлен на Аландские острова небольшой гарнизон, и тогда же русским правительством был поднят перед Англией, Францией и Германией вопрос об освобождении островов от наложенных на них соглашением 1856 г. сервитутов. В конце 1914 г. шведское правительство обратилось к Германии с предложением нейтрализовать Аландский архипелаг и, получив отказ, вступило в переговоры с Россией. В течение войны Россия проводит укрепление Або-аландских шхер и приступает к организации морской базы у Фегле. Вместе с тем Россия поднимает перед союзниками (в середине 1916 г.) вопрос о формальной отмене конвенции 1856 г. Союзники санкционируют мероприятия русского правительства, последнее же, с своей стороны, дает заверения в том, что принимаемые ею меры преследуют исключительно оборонительные в отношении Германии цели и рассчитаны только на время войны. Выработку окончательного соглашения по данному вопросу со шведским правительством Россия, по настоянию Англии, пытается отсрочить до разрешения вопроса об англо-шведском соглашении о товарообмене. Однако в десятых числах декабря 1916 г. переговоры эти, по инициативе Швеции, все же завязываются и продолжаются в течение последующих месяцев, причем заинтересованные стороны сходятся на том, что вопрос должен быть разрешен на особой конференции, имеющей собраться в Стокгольме. (См. дело Секр. Архива мин-ра ин. дел «Аландские острова», 1914—1917 гг., инв. №№ 582—587.)

[2]) К февралю 1917 г. в связи с вопросом об англо-шведских переговорах о товарообмене обнаружились острые расхождения между стокгольмским кабинетом и большинством риксдага, недовольным политикой Хаммаршиёльда. В двадцатых числах февраля кабинет подал в отставку. Последняя королем принята не была, однако это не привело к разрешению кризиса, отражавшего происходившую в стране борьбу между настроенными германофильски консерваторами и ориентировавшимися на страны Согласия либералами. Кризис разрешился лишь к середине марта, когда был образован кабинет под председательством крайнего консерватора Свартца, причем на пост министра ин. дел назначен был адм. Линдман, по характеристике русского посланника в Стокгольме, «ярый консерватор и германофил». (См. секр. телеграммы Неклюдова от 9/II № 65, 20/II, 5/III № 97, 14/III № 115, 16/III № 119, 17/III № 124.)

осведомления было бы однако весьма желательно, чтобы здесь получались также и имеющиеся у союзных послов в Петрограде данные по сему предмету. Ввиду этого позволяю себе ходатайствовать пред вами об обращении к английскому и французскому послам с просьбой сообщать генералам Хенбри Вилльямсу и Жанэн поступающие к ним сведения касательно Швеции.

Н. Базили.

Письмо Базили 5 апреля (23 марта) 1917 г. [1]).

Ставка. 23 марта 1917 г.

Весьма секретно.
Лично.

Милостивый государь
Павел Николаевич.

Со времени поездки вашей в ставку и беседы, при которой капитан 1-го ранга Бубнов [2]) и я имели честь доложить вам о предположениях касательно десантной операции в районе проливов, последовали распоряжения, коренным образом расстраивающие эти предположения.

Как вы изволите усмотреть из прилагаемой при сем в копии телеграммы военного и морского министра А. И. Гучкова начальнику морского штаба [3]), ввиду кризиса наших железнодорожных перевозок признано было необходимым приостановить подготовительные работы по оборудованию транспортных средств для предположенной десантной операции с целью захвата проливов. Генералом Алексеевым прилагаемой при сем в копии телеграммой даны соответствующие указания штабу Черноморского флота [4]).

---

[1]) Настоящее письмо Базили было опубликовано в сб. «Константинополь и проливы», т. II, стр. 393—395.

[2]) Капитан 1-го ранга А. Д. Бубнов — помощник начальника военно-морск. отд. при штабе верх. главнокомандующего.

[3]) Вот текст тел. Гучкова на имя нач. морского штаба от 1 апреля (19 марта) 1917 г.:

«В связи с выяснившейся крайнею необходимостью всемерного усиления морских перевозок с целью представления возможности снять с жел. дор. перевозку угля и других массовых грузов, следующих в юго-западный край, и усиления взамен перевозки продовольствия для армий и сырья для заводов, работающих на оборону, прошу вас сообщить в кратчайший срок ваши соображения о возможности снятия десантных приспособлений с транспортов и использования разоруженных транспортов для грузовых перевозок, преимущественно минерального топлива, из Мариуполя в Одессу. *Гучков*».

[4]) Приложенный в копии текст телеграммы Алексеева на адрес: «Севастополь. Наморси» от 3 апреля (21 марта) 1917 г. был следующий: «Для облегчения деятельности железных дорог по подвозу грузов к юго-западному краю необходимо усилить до возможных пределов, в согласии с пропускною способностью портов, морские перевозки грузов и особенно минерального топлива из Мариуполя в Одессу. Для этого: восстановление оборудования транспортов, предуказанное пунктом 7 директивы 10 августа 1916 года, отлагается впредь до новых распоряжений, причем работы по заготовке нового оборудования и пересмотр старого обору-

В пояснение изложенного имею честь доложить нижеследующее. 1 августа 1916 года штабом верховного главнокомандующего преподаны были штабу Черноморского флота директивы касательно планомерной подготовки помянутой десантной операции. Пунктом 6-м этих директив подтверждено было сделанное еще в начале войны распоряжение о том, что в Черном море всегда должны быть готовы транспортные средства для перевозки одной дивизии, именно, в количестве 19 больших пароходов. Снабженные необходимым оборудованием для перевозки войск, суда эти постоянно служат для перевозки укомплектований и подкреплений в районе Черного моря. Пунктом 7-м помянутых директив предусмотрено оборудование транспортов для перевозки еще двух дивизий, для чего необходимо, кроме вышеуказанных 19 транспортов, приспособить еще 90 пароходов, из общего числа имеющихся в нашем распоряжении на Черном море 148 пароходов.

На оборудование этих 90 транспортов необходимо от полутора до двух месяцев. К нему приступлено было в самое последнее время, с расчетом, чтобы транспорты были готовы к 1 мая, как мы вам докладывали. Вследствие телеграммы А. И. Гучкова работы по приспособлению означенных 90 транспортов отменены и отложены до новых распоряжений, пока же у нас попрежнему будут транспортные средства лишь для одной дивизии.

С точки зрения осуществления наших целей на проливах, принятая по предложению А. И. Гучкова, мера весьма прискорбна. Для выполнения десантной операции остался весьма ограниченный срок: от 1 июня до 1 августа, так как в сентябре начинается неустойчивая погода, а в октябре штормы. Согласно вышеизложенному, для приведения в готовность транспортных средств для перевозки трех дивизий, т.-е. минимальных сил, необходимых для начала такой операции, нужно два месяца. Следовательно, если до начала июня нами не будет приступлено к оборудованию еще неприспособленных 90 пароходов, то никакой операции против проливов нам в этом году, и, вероятно, никогда, выполнить не удастся.

Между тем, по поступающим сведениям, обстановка для удара на Константинополь рисуется в благоприятном свете. Из прилагаемой при сем в копии телеграммы, отправленной отсюда капитану 1-го ранга Смирнову в Севастополь [1]), вы изволите усмотреть о предстоящей,

---

дования в соответствующих портах должны продолжаться с полным напряжением и с расчетом на быструю сборку и установку его на транспорты, с коих оно снято, когда это потребуется. Пункт 6-й директивы 10 августа остается в силе. *Алексеев*».

[1]) Приложенный в копии текст телеграммы, посланной из штаба верх. гл. капитаном Бубновым на имя капитана Смирнова от 5/IV (23/III) 1917 г., был следующий:

«Согласно сведений, полученных в штаверха, группировка турецких дивизий на двадцатое марта определяется следующим образом: на Кавказе восемнадцать, [в] Месопотамии пять, [в] Аравии шесть, [в] Сирии шесть, [в] Македонии две, [в] Румынии четыре, [в] Галиции две, [в] Константинополе две, итого сорок пять. Уменьшение общего числа пятьдесяти дивизий, бывших к лету 1916 года, произошло

повидимому, в ближайшем будущем переброске на азиатские театры турецких дивизий, находящихся на европейских театрах, и, примерно, чрез два месяца туркам будет еще труднее, чем теперь, сосредоточить значительные силы для обороны Константинополя.

С точки зрения облегчения деятельности наших железных дорог, сделанное по желанию А. И. Гучкова распоряжение, несомненно, в значительной степени способствует улучшению нашего грузооборота. Приспособление пароходов к перевозке войск уменьшает приблизительно на 75% их грузоподъемность, и, кроме того, их приходится снимать с линий на время производства работ по оборудованию. Пока на Черном море лишь упомянутые 19 больших пароходов были оборудованы для транспортных целей, грузооборот на этом море равнялся 12 миллионам пудов в месяц; с оборудованием же еще намеченных 90 судов он упадет до $1^1/_2$ миллионов пудов.

Имеющиеся у нас на Черном море морские перевозочные средства выполняют в настоящее время следующие задачи: 1) они поддерживают подвоз из Одессы к устью Дуная (пока до Килии) к армии, 2) они перевозят из Николаева в Одессу зерно, 3) они служат для доставки угля из Мариуполя в Одессу, чему теперь придается А. И. Гучковым особенное значение, и, наконец, 4) они поддерживают подвоз из кавказских портов в Трапезонд для кавказской армии.

По мнению здешнего морского штаба, перевозки эти могли бы быть в известной мере обеспечены без ущерба подготовке десантной операции, если бы оказалось возможным добиться от румын предоставления нам стоящих без дела в Дунае принадлежащих им значительных речных перевозочных средств. Наш дунайский караван справился бы с перевозками из Одессы на Дунай. Линии Николаев — Одесса и Кавказ — Трапезонд могли бы обслуживаться с помощью румынских пловучих средств. Для линии же Мариуполь — Одесса у нас осталось бы достаточно пароходов сверх приспособленных для транспорта войск. Прилагаемой при сем в копии телеграммой генералу Сахарову [1]) поручено

вследствие сведения двенадцати дивизий, потерявших значительную часть, в четыре дивизии, что дало общее число дивизий сорок две. Затем было сформировано три новых дивизии, что подняло общее число их до сорока пяти. В настоящее время поступают многочисленные сведения об уже происходящей или предстоящей в ближайшем будущем переброске на азиатский театр всех турецких дивизий, находящихся на европейских театрах, но до сих пор эти дивизии продолжают обнаруживаться на прежних местах. *Бубнов*.

[1]) Приложенный в копии текст телеграммы, посланной из штаба верх. главноком. за подписью ген. Клембовского на имя ген. Сахарова от 2/IV (20/III) 1917 г., был следующий: «Командующий флотом Черного моря телеграфирует наморштаверху о крайней необходимости предоставления в распоряжение командующего транспортной флотилией значительных румынских пловучих средств, без дела стоящих в Дунае, указывая на крайнюю обремененность имеющихся у него транспортных средств, выполняющих крайний возможный минимум перевозок. На запрос по сему вопросу адмирала Русина, генерал Коанда ответил от имени Братиано, что румынский торговый флот, находящийся ныне на Дунае, в Килии, не может быть передан в распоряжение командующего транспортной фло-

настоять перед румынской главной квартирой на передаче нам румынских пловучих средств. В том же смысле адмирал Колчак [1]) сегодня обращается к морскому министру телеграммою [2]), также в копии прилагаемой. Настояния перед румынами могли бы быть мотивированы необходимостью для нас поставить в ремонт часть наших морских перевозочных средств и наступлением тихой погоды, при которой дунайские буксиры и баржи могут быть использованы для более коротких морских рейсов.

Зная, какое значение вы придаете босфорской операции, я счел долгом изложить вам опасения, которые вызывает у Бубнова и у меня отсрочка приготовлений, являющихся необходимым условием ее выполнения. Позволяю себе вместе с тем высказать предположение, что личные переговоры ваши с А. И. Гучковым могли бы, быть может, привести к изменению его решения и к возобновлению, пока время еще не будет окончательно упущено, подготовительных работ к этой важнейшей операции. Вместе с тем, казалось бы, могло бы быть полезным поддержать дипломатическим путем обращенную к румынской главной квартире просьбу о временном предоставлении нам принадлежащих Румынии дунайских пловучих средств.

Письмо это составлено мною по соглашению с капитаном Бубновым.

Н. Базили.

Письмо Базили 21 (8) апреля 1917 г.

Ставка. 8 апреля 1917 г.

Весьма секретно.

Милостивый государь
Анатолий Анатолиевич.

Согласно выраженному вами желанию препровождаю вам при сем копии обмененных за последнее время с нашими военными представителями за границей и здешними иностранными военными предста-

---

тилией, так как его предполагают использовать для румынских перевозок на Дунае. Ввиду того, что судоходство по Дунаю ныне возможно лишь до Килии, а посему полное использование румынских пловучих средств на самом Дунае невозможно, прошу вас решительно настоять перед румынской главной квартирой о передаче командующему транспортной флотилией 10 румынских буксиров и возможно большего количества румынских барж, совершенно необходимых для подвоза снабжения армии».

[1]) Адмирал А. В. Колчак — ком. морскими силами Черного моря (VI 1916 г. — VII 1917 г.).

[2]) Текст телеграммы Колчака морскому министру от 5 апреля (23 марта) 1917 г.: «В дополнение № 648/оп. Значительному усилению грузовых перевозок могли бы способствовать румынские речные пловучие средства, сосредоточенные ныне в Килийском рукаве Дуная и стоящие без всякого дела. Вопрос об этом неоднократно возбуждался, но, благодаря упорству румын, не желающих передавать эти средства в распоряжение командующего транспортной флотилией, до сих пор не удается их использовать. Содействие ваше путем непосредственного сношения с румынским правительством является последним средством сдвинуть это дело с мертвой точки. *Колчак*».

телями сообщений по главным оперативным вопросам. Копии эти покорнейше прошу возвратить, так как они принадлежат архиву моей канцелярии. Они могут быть заменены в министерстве экземплярами, которые я на-днях лично передал П. Н. Милюкову и которые я покорно просил бы сдать в секретный архив канцелярии.

Н. Базили.

Список приложений [1]).

1) Записка генерала Жанэн от 8 (21) марта 1917 г. № 2017/350.

2) Сношение вр. и. д. верховного главнокомандующего от 13 марта 1917 г. № 2194.

3) Телеграмма генерала Палицына от 15 марта 1917 г. № 92.

4) Телеграмма генерала Робертсона генералу Хенбри Вилльямс от 15 (28) марта 1917 г.

5) Записка генерала Лукомского генералу Хенбри Вилльямс от 16 (29) марта 1917 г. № 2287/829.

6) Записка генерала Жанэн от 18 (31) марта. № 2110/352.

7) Телеграмма генерала Палицына от 18 марта. № 101.

8) Телеграмма генерала Алексеева генералу Палицыну от 20 марта 1917 г. № 2377.

9) Записка генерала Лукомского генералу Жанэн от 26 марта 1917 г. № 2567.

Копия записки ген. Жанэн на имя ген. Алексеева от 21 (8) марта 1917 г. № 2017/350 [2]).

Ставка верх. главнокомандующего. 8 (21) марта 1917 г.

Начальник миссии генерал Жанэн имеет честь приветствовать его высокопревосходительство генерала Алексеева, начальника штаба русских войск, и передать ему нижеследующую телеграмму, только что полученную им от генерала Нивелля, главнокомандующего северной и северо-восточной армиями.

«Прошу вас сообщить генералу Алексееву следующее: по соглашению с высшим английским командованием, я назначил на 8 апреля (по новому стилю) начало совместного наступления на западном фронте. Этот срок не может быть отложен.

Неприятель начал отходить на части фронта английского наступления и деятельно готовится к дальнейшему развитию отходного движения на части фронта нашего наступления, обнаруживая этим свое намерение уклониться от боя при помощи маневра, который позволяет ему к тому же собрать новые и значительные силы.

Нужно, поэтому, чтобы мы начали наступление как можно скорее, не только для того, чтобы выяснить положение, но и потому, что отсро-

---

[1]) Тексты приложений печатаются ниже.

[2]) Перевод с французского.

чить наше наступление значило бы сыграть в руку противнику и рисковать, кроме того, что он опередит нас.

На совещании в Шантильи 15 и 16 ноября 1916 г. было решено, что союзные армии будут стремиться в 1917 г. сломить неприятельские силы путем единовременного наступления на всех фронтах с применением максимального количества средств, какое только сможет ввести в дело каждая армия.

Я введу для наступления на западном фронте все силы французской армии, так как буду добиваться решительных результатов, достижения которых в данный период войны нельзя откладывать.

Вследствие этого прошу вас также начать наступление русских войск около первых или средних чисел апреля (по новому стилю). Совершенно необходимо, чтобы ваши и наши операции начались одновременно (в пределах нескольких дней), иначе неприятель сохранит за собой свободу распоряжения резервами, достаточно значительными для того, чтобы остановить с самого начала одно за другим наше наступление.

Принимая во внимание огромное значение ближайших операций для исхода кампании, я рассчитываю, что наступление русских войск будет иметь своей целью так же, как и наше наступление, достижение решительных результатов на своем фронте, вследствие чего оно будет рассчитано на длительный период и будет доведено до конца.

Должен добавить, что никогда положение не будет столь благоприятным для [русских] войск, так как почти все наличные немецкие силы находятся на нашем фронте, и число их растет здесь с каждым днем.

Главнокомандующий.

В телеграмме, пришедшей вслед за этим, генерал Нивелль обращает мое внимание на то обстоятельство, что вышеизложенная просьба находится в полном соответствии с соглашением, достигнутым по четвертому вопросу, обсуждавшемуся на последнем совещании в Петрограде, и просит меня, базируясь на этом соглашении, настаивать перед вашим высокопревосходительством на полном ее удовлетворении.

Жанэн.

Копия отношения ген. Алексеева на имя ген. Жанэн 26 (13) марта 1917 г. № 2194.

Свидетельствуя свое совершенное почтение начальнику французской военной миссии в России, считаю своим нравственным долгом, во избежание тяжелых последствий от недомолвок, высказать с откровенностью свое мнение в дополнение письма от 9 марта № 2095.

1) Только что полученное от военного министра письмо указывает, что переживаемое Россией внутренне-политическое потрясение отразилось существенно на состоянии наших запасных частей (депо) всех внутренних округов. Части эти пришли в моральное расстройство и

не могут дать действующей армии укомплектования ранее 3—4 месяцев, т.-е. ранее июня — июля.

2) Та же основная причина отразилась на пополнении недостающего конского состава во всей армии.

3) Все это заставляет посмотреть прямо в глаза событиям и сказать с необходимой откровенностью, что мы не можем перейти в наступление даже в начале мая старого стиля, и можно рассчитывать на широкое участие в операциях только в июне — июле.

4) Эта обстановка допускает для нашего противника возможность или все резервы собрать на англо-французском фронте или значительными силами обрушиться на нас, чтобы использовать период нашего временного ослабления.

5) Полагаю, это обстоятельство должно внести известные перемены в соображения о действиях ближайшего времени и повлиять на решения французского верховного командования. Сообщение генерала Нивелля от 3 (16) марта, что для наступления на западном фронте он пустит в ход все силы французских армий и будет искать решительных результатов, особенно останавливает на себе внимание. Вынужденное и неизбежное, для сохранения в будущем, бездействие русской армии в ближайшие месяцы вынуждает, по мнению моему, не истощать до решительного момента французскую армию и сохранять ее резервы до того времени, когда совокупными усилиями мы будем способны атаковать врага на всех фронтах.

6) При условии нашего вынужденного относительного бездействия, полагаю, что англо-французской армии было бы целесообразнее лишь медленное, осмотрительное движение за отходящим противником, занятие новой сильной оборонительной линии [1]).

7) Это исключает, по моему мнению, желательность общей решительной атаки англо-французского противника, отходящего, несомненно, на сильно укрепленную линию и, может быть, задумывающего выполнить обширный маневр в открытом поле, где свободное маневрирование резервов даст той или другой стороне счастливые случайности. Но в этой операции противник, опираясь на подготовленную укрепленную позицию, будет иметь несомненные преимущества.

Генерал Алексеев.

Верно. Генерального штаба подполковник *Тихобразов.*

Копия телеграммы ген. Палицына на имя ген. Алексеева 28 (15) марта 1917 г. № 92.

Ответ французского главнокомандующего от 14 марта за № 8431 следующий:

«В настоящее время невозможно внести какие-либо изменения в операциях и подготовке к атаке, которая в ходу. Я прошу поэтому,

---

[1]) Наступление французской армии началось 4/VI 1917 г. (см. тел. Извольского от 8/IV 1917 г. № 300).

чтобы русская армия, согласно постановлений конференции в Шантильи 3 ноября старого стиля 1917 [1]) года, а также обязательств, взятых на себя впоследствии, оказала бы возможное содействие операциям, уже начатым англо-французскими армиями, а также и в операциях, которые ныне предпримут в скором времени и на других пунктах. Я позволю себе прибавить, основываясь на сделанных уже мною по этому поводу генералу Алексееву через генерала Жанэн доводах, что в настоящее время лучшим решением в интересах операции коалиции и, в частности, принимая во внимание общее духовное состояние русской армии, был бы возможно скорый переход этой армии к наступательным действиям».

От себя добавлю: подготовка сил и средств в моральном и материальном отношении достигла на западном фронте наибольшего напряжения, развивая наступательные действия с декабря. Остановить разрешение этого напряжения навряд ли возможно без опасений очень пагубных последствий. Некоторая задержка на французском фронте и, в особенности, на английском не позволила, в видах единства, развернуть подготавливаемые действия ранее. Главные действия обнаружатся в скором времени, а, может быть, и в очень скором времени. Здешние военные лица проникнуты сознанием необходимости начать действия теперь, не дать предупредить себя и не дать врагам бросить все на запад и на восток. Возможность... акт... [2]) немцами на других участках англо-французского фронта и против Италии французским главнокомандующим предусматривается [3]). Генерал Нивелль верит в содействие ваше и нашей [4]) армии, как бы трудны ни были условия их исполнения [5]). 92.

Палицын.

Копия телеграммы ген. Робертсона ген. Хенбри Вилльямс. Лондон от 28 (15) марта 1917 г. [6]).

«Вопрос, сообщаемый в телеграмме вашей от 13(26) марта, внимательно рассматривается.

---

[1]) Ошибка в подлиннике; следует: «1916 г.».

[2]) Пропуск в подлиннике.

[3]) В телеграмме от 28/III 1917 г. за № 247 Извольский передавал, со слов Камбона, о том, что итальянское правительство «проявляет большие опасения по поводу возможного наступления германцев на трентинском фронте и обратилось к Франции и Англии с просьбой об оказании ей помощи путем эвентуальной посылки на сказанный фронт французских и английских войск». Хотя, по мнению французского генерального штаба, опасения эти были безусловно преувеличены, англо-французское командование приняло решение оказать итальянцам просимую помощь.

[4]) Так в подлиннике.

[5]) Хранящаяся в Архиве Внешней Политики копия телеграммы ген. Палицына заключает в себе русский текст, печатаемый здесь со всеми его стилистическими особенностями.

[6]) На хранящейся в Архиве Внешней Политики копии сверху имеется помета: «Перевод».

Благоволите поблагодарить генерала Алексеева за столь искренно высказанное им мнение.

Так как планы наших действий в Месопотамии и в Сирии основывались на ранних и решительных наступательных операциях всех русских войск в Азиатской Турции, то я желал бы в возможно непродолжительном времени быть уведомленным, не повлияют ли описанные условия также и на задержку наступления на кавказском и персидском фронтах» [1]).

Копия записки ген. Жанэн на имя ген. Алексеева от 31 (18) марта 1917 г. № 2110/352.

Ставка. 18 (31) марта 1917 г.

Начальник миссии генерал Жанэн имеет честь приветствовать главнокомандующего русских войск генерала Алексеева и передать ему следующую телеграмму генерала Нивелля:

«Ваши сведения, совпадающие со сведениями, доставленными мне генералом Палицыным, ставят меня в известность о том, что настоящее положение кадров русской армии и недостаток лошадей сильно затруднили бы пополнение армии в случае, если бы ей пришлось предпринять в скором времени наступление в широком масштабе, и что при таких условиях высшее русское командование предполагает подождать июня или июля, прежде чем начать подобные операции.

Ввиду этого генерал Алексеев был бы очень заинтересован в том, чтобы главные атаки англо-французских войск были отложены до июня или июля месяца или, по крайней мере, чтобы мы сохранили до того времени значительные резервы с целью дать возможность русской армии, которая только к этому времени сможет придать своему наступлению аналогичную нашей мощь, сыграть более действительную роль в совместных операциях союзников.

В настоящих условиях вносить изменения в уже осуществляемые операции или подготовку наступления невозможно.

Прошу вас, осведомив об этом генерала Алексеева, энергичным образом настаивать перед ним на том, чтобы, несмотря на важные внутренние события, русская армия оказала, в соответствии с решениями, принятыми на конференции в Шантильи, и с возобновленными после того обязательствами, всяческое содействие операциям, которые уже начаты англо-французскими войсками и которые будут ими предприняты в скором времени в других пунктах.

---

[1]) Хранящаяся в Архиве Внешней Политики машинописная копия телеграммы ген. Робертсона имеет в конце воспроизведенную машинописным путем помету ген. Лукомского:

«Мною сообщено письменно ген. Вильямсу, что Кавказской армии указано энергично продолжать наступление. *Г.-л. Лукомский. 16 марта 1917 г.*

Будьте добры, кроме того, особенно подчеркнуть генералу Алексееву, что в настоящий момент наилучшим выходом как с точки зрения общих интересов военных операций коалиции, так и с точки зрения морального состояния русской армии, является как можно более скорый переход ее в наступление.

Жанэн.

Телеграмма ген. Палицына от 31 (18) марта 1917 г. № 101.

Генерал Нивелль просит передать: чрезвычайные трудности нашего положения он учитывает и понимает. Серьезные действия и тут [1]) в мае, лишь бы частными атаками и подготовкой за фронтом удержаны были немецкие силы, будут отвечать общим интересам и ходу действий. Здесь генерал Нивелль добавил, что, атакуя всеми силами, он этим самым, с достижением успеха в главном районе, обеспечит успех и сохранит возможность выделить всегда свои боевые войска, ибо первые удары он решающими не считает. Сохранение войск всегда им преследуется. Действия здесь развиваться с большой быстротой не могут, если только союзники сами не будут встречно атакованы германцами. Генерал полагает, что действия, в общем, могут получить тот характер, который вам указан в № 2187, но ни он, ни ближайшие положительно на риск не пойдут, а дела поведут методически, но настойчиво.

Франко-английское командование по операциям, представленное в лице Нивелля, не может задержать начало своих действий, ибо они в ходу. Не только он, но вся армия и англичане уверены, что день промедления им — минус, врагу — плюс. К этому присоединилось общее приподнятое настроение, вызванное вандализмом немцев. Веря стремлениям вашим вести операции в полном согласии и что то, что в человеческих силах возможно, вами сделано, он на немедленное решительное действие наше, в силу выраженного вначале, не рассчитывает. На здешнем фронте начало действий не есть проявление одной воли, а неотвратимо по сложившейся военной и политической обстановке. Удар, наносимый именно теперь англо-французскими армиями, обеспечит вступление в действие и русской армии. Несмотря на тщательность и обширность подготовки, отход немцев в районе к югу от Арраса до реки Эн не привел к быстрому продвижению вперед. Особенности приема атаки пехоты, наступающей лишь с барражным огнем впереди себя, вызывает необходимость сначала продвижения артиллерии и не может быть быстрой. Борьба за укрепления протянется долго, к тому же и здесь климатические условия неблагоприятны вследствие дождей и холодов.

Обсуждая добровольный отход немцев, который, по признакам, можно ожидать и в других районах, генерал Нивелль, не исключая в этом маневра, предполагает, что он есть известный показатель слабости общего положения нашего врага. Прежнее положение, в видах

[1]) Так в подлиннике.

и наступления и действий на флангах, по его мнению, представляло большие выгоды, но на этом положении он совершенно не базируется и готов к могущим быть случайностям. Но было бы полезным, если бы по таким важным вопросам вы приказали бы мне сообщать, в каком духе идет передача со стороны Жанэна по всем этим вопросам: наверное будут посланы сообщения. Обстоятельства и действующие лица мне все-таки известны, и, может быть, мое объективное мнение помогло бы, чтобы все было ясно. Нивелль только вчера вечером вернулся из поездки. № 101.

Палицын.

Телеграмма ген. Алексеева ген. Палицыну 2 апреля (20 марта) 1917 г. № 2377.

Вопрос назначения нового верховного еще не решен. Сказать теперь же, какие идеи будут положены окончательно в основу наших действий весной этого года, трудно. Многое будет зависеть от успеха ликвидации пережитых дней революции, восстановления запасных войск, возобновления прерванных работ на оборону, более или менее удачного решения вопроса продовольственного и транспорта. Если успокоение, признаки коего имеются, наступит скоро, если удастся вернуть боевое значение Балтийского флота, то, кто бы ни был верховным, он сделает все возможное в нашей обстановке, чтобы приковать к себе силы противника, ныне находящиеся на нашем фронте, и оказать возможно широкую помощь союзникам. Как выльются наши действия, будет зависеть от совокупности условий, мною изложенных в последних телеграммах, но ранее начала мая нельзя приступить даже к частным ударам, так как весна только что начинается, снег обильный и ростепель будет выходящей из ряда обычных.

Алексеев.

Записка ген. Лукомского на имя ген. Жанэн от 8 апреля (26 марта) 1917 г. № 2567.

Свидетельствуя свое совершенное уважение генералу Жанэн, начальнику французской военной миссии, имею честь сообщить, что переданное вами мнение генерала Нивелля было протелеграфировано генералом Палицыным, и вр. и. д. верховного главнокомандующего дал ответ, сущность которого заключается в следующем.

Вопрос о начале весенних операций русской армии стоит в тесной зависимости от климатических условий, состояния людских пополнений, продовольствия и транспорта в стране.

Климатические условия таковы, что таяние глубоких снегов обещает исключительный разлив рек и распутицу, при которой операции становятся немыслимыми. Опыт прошлого, сравнительно малоснежного года показал, что лишь в конце апреля — начале мая на нашем фронте возможно развитие операций в широком масштабе.

Состояние наших запасных частей, как уже сообщалось, таково, что рассчитывать на получение от них укомплектований ранее 3—4 месяцев не представляется возможным.

В продовольственном и фуражном отношениях мы живем изо дня в день. Запасы базисных магазинов истощены, и уже приступлено к уменьшению солдатам ежедневной дачи хлеба, а конскому составу — фуража.

Работа железных дорог сильно расстроена. Распутица во всей стране крайне затрудняет подвоз хлеба к железнодорожным станциям, а это указывает на невозможность быстрого прекращения продовольственного и фуражного кризиса.

Очерченная обстановка показывает, насколько невозможен в ближайшем будущем наш переход к активным действиям.

Таким образом многое будет зависеть от успехов ликвидации пережитых дней революции, восстановления запасных войск, более или менее удачного разрешения вопросов продовольственного и транспорта.

Если успокоение, признаки коего имеются, наступит скоро, то будет сделано все возможное в нашей обстановке, чтобы оказать возможно широкую помощь нашим союзникам.

Таким образом, во что выльются наши действия, будет зависеть от совокупности условий, мною изложенных. Не ранее начала мая (старого стиля), даже при общем благополучном внутреннем состоянии, чего в действительности в данное время нет, нельзя приступить даже к частным ударам, так как до того времени глубокая грязь, разлившиеся реки и распустившиеся болота исключают возможность выполнения хотя бы и небольших по масштабу операций.

Лукомский.

Письмо Базили 21 (8) апреля 1917 г. [1]).

Ставка. 8 апреля 1917 г.

Совершенно секретно.

Милостивый государь
Павел Николаевич.

Письмом от 23 марта с. г. я имел честь сообщить вам о положении вопроса о подготовительных мерах к выполнению предполагаемой босфорской операции.

Я воспользовался вчера беседою с новым начальником штаба верховного главнокомандующего, генералом Деникиным, чтобы выяснить отношение его к этому вопросу и, в частности, к подготовке необходимых для означенной операции транспортных средств. Генерал Деникин сказал мне, что уже оборудованные транспорты останутся приспособленными к десантным целям, приготовления же к оборудо-

[1]) Текст настоящего письма Базили был опубликован в сб. «Константинополь и проливы», т. II, стр. 395—396.

ванию остальных транспортных средств будут продолжаться, однако лишь в той мере, в какой окажется возможным это сделать одновременно с использованием этих транспортных средств для грузовых перевозок согласно указаниям военного и морского министра, изложенным в телеграмме его, приложенной к вышеуказанному письму моему. Таким образом положение, о котором я вам писал, остается неизменным: с момента, когда решено будет предпринять босфорскую операцию, необходимо будет два месяца для окончания подготовки к ней. В этом смысле на-днях отправлена была начальнику штаба Черноморского флота, по распоряжению генерала Алексеева, телеграмма, в копии при сем прилагаемая [1]). Как вы изволите усмотреть из этой телеграммы, предполагается по очереди снимать наши транспортные средства с рейсов для оборудования и замещать их соответствующим тоннажем из числа румынских пловучих средств, на передачу коих в наше распоряжение последовало принципиальное согласие румынского правительства.

К сему считаю долгом присовокупить, что генерал Деникин отдает себе вполне отчет в политическом значении Босфорской операции и что с его стороны можно ожидать вполне сочувственного отношения к этому предложению, даже более сочувственного, чем со стороны генерала Алексеева.

Н. Базили.

Письмо Базили 21 (8) апреля 1917 г.

Ставка. 8 апреля 1917 г.

Совершенно секретно.

Милостивый государь
Павел Николаевич.

Как я имел честь вам докладывать, генерал Алексеев вновь склоняется к мысли о необходимости наступательных действий. 30 марта им в этом смысле даны директивы, причем сроком наступления назначены пока первые числа нашего мая. Главнокомандующие предупреждены, что они должны при этом рассчитывать лишь на те силы, которые у них имеются теперь.

---

[1]) Текст телеграммы из штаба верх. главноком. за подписью Русина, адресованный: «Севастополь. Наморси», от 16 (3) апреля 1917 г. следующий:

«700. Вследствие сложившейся обстановки, верховный главнокомандующий признает пока достаточным указанный вами срок в два месяца для осуществления с момента получения приказания пункта 7-го директивы 10 августа. К сокращению этого срока необходимо принимать меры без уменьшения грузовместимости транспортных средств по плану грузовых перевозок № 4, выводя для оборудования транспорта по мере их замещения соответствующим тоннажем из числа румынских пловучих средств, на передачу коих в распоряжение натрана принципиальное согласие румынского правительства получено. № 841. *Русин*».

В частности, на румынском фронте направлением удара избран Браилов. Черноморскому флоту предуказано оказать поддержку сухопутным силам на нижнем Дунае и в Добрудже.

Н. Базили.

Письмо Базили 23 (10) апреля 1917 г.

Ставка. 10 апреля 1917 г.

Секретно.

Милостивый государь
Павел Николаевич.

Месяц тому назад я имел честь представить краткие сведения о расположении по фронтам неприятельских сил, по данным штаба верховного главнокомандующего.

Количество сосредоточенных тогда на французском фронте германских дивизий определялось в 140. В связи с наступлением наших союзников немцы отправили на западный фронт 10 дивизий из числа 13 отборных, вновь ими сформированных, одну из вновь сформированных второразрядных дивизий и одну с румынского фронта. Число выставленных германцами на западном фронте дивизий достигает теперь, таким образом, огромной цифры 153 (или 154, по французским данным).

На наш фронт немцами посланы остальные из вышеупомянутых новых 13 отборных дивизий. Одна из них обнаружена у Свенцян, другая в районе Бологое — Седлецкой железной дороги, третья — в самом центре двинского района. Силы противника на нашем фронте, включая и румынский, определяются в настоящее время следующими цифрами: германских дивизий — $76^1/_2$, австрийских — 42 или 43, турецких — 6, болгарских — 3.

На салоникском фронте находятся 10 болгарских дивизий, 2 германские, 2 австрийские и одна турецкая. Другая бывшая на этом фронте турецкая дивизия уведена в Малую Азию.

К сему имею честь приложить две схемы расположения неприятельских сил на европейских театрах войны к 20 марта с. г.

Вместе с тем имею честь представить вам сводку полученных в ставке за последние дни агентурных сведений [1]).

Н. Базили.

Письмо Базили 23 (10) апреля 1917 г.

Ставка. 10 апреля 1917 г.

Секретно.

Милостивый государь
Павел Николаевич.

Ссылаясь на телеграмму вашу от 4 апреля за № 1477 и на телеграмму г. товарища министра А. А. Нератова от 8 апреля

[1]) Названные приложения в деле отсутствуют.

за № 1535 касательно совместных с английскими войсками действий наших сил на кавказском и месопотамском фронтах [1]), имею честь представить вам в копиях переписку штаба верховного главнокомандующего по сему предмету за последние дни.

Как вы изволите усмотреть из последнего из прилагаемых документов — сообщения генерала Деникина представителю английской армии при ставке от вчерашнего числа, действия кавказской армии, и, в особенности, нашего левого крыла задерживались только тяжелыми условиями подвоза и отсутствием местных средств. Кавказской армии было приказано развивать активные действия, сообразуясь с вышеуказанными условиями, и указывалось на необходимость особо энергичных действий как в Месопотамии, так и на мосульском направлении, принимая все меры для устранения местных затруднений. В Месопотамии успех наших войск будет тем обеспеченнее, чем большую поддержку продовольствием генерал Мод (командующий действующими в Месопотамии пятью индийскими дивизиями и одной находящейся в резерве английской дивизией) окажет генералу Павлову (командующему нашим крайним левым крылом).

К сему имею честь приложить еще схему расположения войск противника на мало-азиатских фронтах к 25 марта с. г.

К изложенному считаю долгом присовокупить, что в ближайшем времени наступает период, в течение которого, по климатическим условиям, активные действия в Месопотамии становятся весьма затруднительными, а затем и невозможными.

Н. Базили.

Копия телеграммы ген. Лукомского командующему кавказской армией 17 (4) апреля 1917 г. № 2785.

Наш представитель при британской главной квартире генерал Десино сообщает, что в последних донесениях генерала Мод из Месопотамии проглядывает недовольство нерешительными действиями ге-

---

[1]) В телеграмме от 4/IV 1917 г. за № 1477 на имя директора дипканцелярии при ставке Милюков передавал текст памятной записки, врученной ему Бьюкененом, по вопросу о значении для английского командования русских военных операций на кавказском фронте (текст этой памятной записки воспроизводится ниже в телеграмме ген. Алексеева командарму кавармии). Милюков ответил тогда послу, что снесется по этому поводу со ставкой, но что для русских войск движение в направлении на Мосул может представить трудности с точки зрения снабжения провиантом и что в этом отношении англичане должны были бы оказать русскому отряду содействие.

В телегр. от 8/IV 1917 г. за № 1535 Нератов сообщал Базили о новой памятной записке, переданной ему Бьюкененом. В записке этой заявлялось, что будут приняты меры к регулярному снабжению отряда ген. Павлова, действовавшего на левом крыле русско-турецкого фронта; вместе с тем высказывалось пожелание выяснить, что могут сделать другие русские войска на азиатском фронте, и подчеркивалось, что «британские планы материально затрагиваются русскими движениями в этих местах».

нерала Павлова, дающими возможность туркам удерживать его малыми силами, обращая остальные силы против англичан. Главковерх указал приложить все усилия для более решительных и энергичных действий.

Лукомский.

Копия телеграммы ген. Алексеева командующему кавказской армией 18 (5) апреля 1917 г. № 2809.

Английский посол передал министру иностранных дел следующую записку: «Великобританский военный совет усматривает ныне неоценимый момент к нанесению решительного удара турецким силам в Месопотамии. Совет находит, что веские результаты могут быть достигнуты, если вполне будут использованы блестящие успехи русских и великобританских войск в этой стране. Он считает чрезвычайно важным не дать туркам времени оправиться от удара, нанесенного им союзными войсками в Месопотамии, а ускорить победу с наивозможно большей силой. Великобританский военный совет уверен, что российское правительство серьезно внушит командующим на Кавказе и в Месопотамии мысль о жизненной необходимости действовать в этих направлениях против турок со всей возможной энергией».

Поступавшие до последнего времени сведения указывают на недостаточно энергичные действия частей первого кавалерийского корпуса, вышедших из гор на равнину. Хотя это и объясняется затруднениями в продовольственном отношении, но тем не менее необходимо употребить все силы для устранения местных затруднений и предписать генералу Павлову проявить полную энергию. Что касается развития операции на мосульском направлении, то и здесь необходимо добиться возможности безотлагательно развить энергичное наступление. Ожидаю от вас подробных соображений о действиях в указанных выше направлениях и выражаю уверенность, что славные кавказские войска вновь покроют себя новой славой, а высшие начальствующие лица изыщут способы обеспечить вопрос продовольственный, имея в виду, что втянуть скорее войска в боевую работу и одержать успех одинаково важно в нравственном отношении как для самой армии, так и для государства. № 2809.

Алексеев.

Копия записки ген. Деникина от 22 (9) апреля 1917 г. № 2924, переданной представителю великобританской армии при ставке.

Свидетельствуя свое совершенное почтение генералу Вилльямс и представителю великобританской армии при штабе верховного главнокомандующего, по приказанию верховного главнокомандующего, имею честь сообщить, что действие кавказской армии и, в особенности, нашего левого крыла задерживалось только тяжелыми условиями подвоза и отсутствием местных средств.

Кавказской армии было приказано развивать активные действия, сообразуясь с вышеуказанными условиями, и указывалось на необходимость особо энергичных действий как в Месопотамии, так и на мосульском направлении, принимая все меры для устранения местных затруднений.

В Месопотамии успех наших войск будет тем обеспеченнее, чем большую поддержку продовольствием генерал Мод окажет генералу Павлову.

Деникин.

Письмо Базили 24 (11) апреля 1917 г. [1]).

Ставка. 11 апреля 1917 г.

Весьма секретно.

Глубокоуважаемый
Анатолий Анатолиевич.

Как я уже имел честь докладывать вам, приходится все более серьезно считаться с тем, что нам, быть может, не удастся, как по обстоятельствам внутренним, так и, в особенности, по причинам техническим, до конца войны фактически завладеть проливами.

Для выполнения босфорской операции и закрепления десантных войск на берегу нужно не менее двух месяцев, и, следовательно, операцию эту нельзя начать позже июля, так как после середины сентября начинаются на Черном море штормовые погоды, и десантная армия, не закрепившаяся до этого времени на берегу, может быть лишена подвоза за неимением портов выгрузки. А так как для подготовки всех необходимых средств, — как я уже имел честь вам писать, — нужно еще два месяца с момента получения о том приказания, то, значит, последний срок принятия решения — середина мая месяца или, в самом крайнем случае, начало июня месяца. Сведения эти сообщаю вам на основании слов генерала Деникина.

Есть ли надежда, что мы в самом начале лета сможем отвлечь наше внимание от западного фронта, приступить к окончательной подготовке босфорской операции и выделить необходимые для нее войска? Согласно поступающим из разных источников сведениям, немцы решили перейти в энергичное наступление на нашем фронте, именно, в середине мая месяца, рассчитывая, что к этому времени в достаточной степени скажется на нашей армии влияние внутренних событий, а также транспортные и продовольственные затруднения. Можно поэтому весьма опасаться, что, начавшись в середине мая, операции на главном театре продолжатся не менее двух месяцев, то-есть не менее, как до конца июля — последнего срока начала на Черном море босфорской операции. А затем неизвестно, в каком положении мы будем

[1]) Текст настоящего письма Базили был опубликован в сб. «Константинополь и проливы», т. II, стр. 396—398.

после предстоящего неприятельского наступления и сможем ли мы тогда предпринять новую операцию. Если же мы не завладеем проливами в течение предстоящих месяцев, то-есть все основания предполагать, что война кончится без того, чтобы мы их приобрели.

Все это невольно приводит меня к мысли, не следует ли, — отнюдь не отказываясь от намерения осуществить босфорскую операцию и, наоборот, продолжая всячески настаивать на ее необходимости, — все же иметь в виду и иное решение вопроса о проливах. Позволяю себе по этому поводу, в качестве чисто личного мнения, высказать нижеследующие соображения.

Если бы нам удалось до конца войны добиться перехода Болгарии [1]) на нашу сторону, то, быть может, еще возможно было бы надеяться с ее помощью завладеть проливами. В частности, в таком случае отпала бы невозможность выполнить операцию против проливов позже известного срока. Прекращение же связи между Турцией и ее союзниками положило бы предел ее сопротивлению. Но на это, повидимому, рассчитывать трудно. Единственным же, как мне кажется, сколько-нибудь приемлемым для нас способом решить вопрос о проливах, без завладения ими, должно быть признано соглашение с Турцией на условиях оставления за ней суверенитета над Константинополем и его районом, но с предоставлением нам необходимых факти-

[1]) В январе 1917 г. прибывший в Христианию болгарский посланник в Берлине Ризов вступает с русским посланником в Норвегии в секретные переговоры о сепаратном мире Болгарии с Россией; далее он же имеет тайное свидание с русским посланником в Стокгольме Неклюдовым (см. секр. телеграммы Гулькевича от 23/I 1917 № 33, 5/II 1917 г. № 63, Неклюдова — от 26/I 1917 г. № 32, 7/II 1917 г. № 58).

В своей телеграмме от 30/III 1917 г. № 273 Извольский, передавая полученную им информацию по болгарским делам, сообщал: «Положение в Болгарии весьма тяжелое, и король ищет случая войти в сношения с союзниками, особенно с англичанами и американцами... Впечатление такое, что король готов на все, лишь бы сохранить трон за собою и за династией...»

В телеграмме от 27/III 1917 г. № 263 тот же Извольский, со слов русского генер. консула в Салониках Каля, сообщал: «Сейчас обстановка весьма благоприятствует попытке достичь перехода Болгарии на сторону союзников. По его словам, в его распоряжении имеются средства завязать сношения с некоторыми болгарскими главарями».

Одновременно переговоры на ту же тему велись и в Берне. В телеграмме от 30/III 1917 г. за № 279 Ону сообщает о состоявшемся конспиративном свидании Мандельштамма с начальником болгарского статистического отдела Кириллом Поповым и об утверждениях последнего относительно силы пацифистских настроений в Болгарии, отказа болгарского народа от идеи реванша, отсутствия у болгар опасений за возможное овладение Россией Константинополем и о непопулярности, которою пользуются хозяйничающие в стране германцы.

Однако второе свидание Мандельштамма с Поповым, состоявшееся при иной, существенно изменившейся, политической конъюнктуре, — относящееся к двадцатым числам апреля, — по словам того же Ону, не позволяло уже «рассчитывать на то, что Болгария [держащаяся теперь выжидательного образа действий] порвет в ближайшем будущем с центральными империями» (секр. тел. Ону от 27/IV 1917 г. № 353).

ческих гарантий — «военного контроля» — в отношении проливов, то-есть решение, приближающееся к попытке, сделанной заключением Ункиар-Скелессийского договора. Очевидно, что такое решение легче вырвать до мирной конференции. Все более выясняющееся критическое положение Турции дает основание предполагать, что отпадение ее от наших противников на известных условиях, вероятно, могло бы быть достигнуто. Мне поэтому представляется, что если только — чего, я хотел бы надеяться, не будет — выяснилась бы невозможность для нас осуществить этим летом босфорскую операцию, надлежало бы тотчас после этого всемерно стремиться к достижению сепаратного мира с Турцией на основании признания ею нашего «контроля» на Босфоре и Дарданеллах. Действительно, если мы придем к заключению, что не можем силою достигнуть господства над проливами, то продолжение борьбы с Турцией, которая нам не угрожает, может иметь, с точки зрения наших интересов, один только смысл: заставить ее отвернуться от наших врагов и предоставить нам «контроль» над проливами.

Что подобное решение для нас неизмеримо выгоднее «нейтрализации» пролива [1]), к которой имеют такую неосновательную склонность наши крайне левые круги, — указывалось неоднократно. Стоит только заметить, что при нейтрализации захват проливов как с моря, так и с суши только облегчается благодаря срытию укреплений. Свобода плавания из Черного моря в Средиземное гарантируется ею совершенно фиктивно. Затем нейтрализация не только совершенно не разрешает задачи обороны нашего Черноморского побережья, но и не освобождает нас от необходимости содержать значительные силы на Черном море, без которых она обратилась бы против нас же. Необходимость располагать внушительной силой на Черном море существует, впрочем, хотя, быть может, и в меньшей степени, и в случае «контроля», который имеет цену лишь поскольку он подкреплен реальной угрозой. Наконец, формальным признанием международного значения Константинопольских проливов создаются новые преграды к достижению в дальнейшем решения, более отвечающего нашим исключительным интересам на Босфоре и Дарданеллах.

---

[1]) На это указывал еще сам Базили в своей записке, составленной в ноябре 1914 г. и опубликованной в сб. «Константинополь и проливы», т. I стр. 169. В течение войны, до революции, мысль о необходимости полного завладения проливами принципиальных сомнений в русском дипломатическом ведомстве не возбуждала. Вопрос о «нейтрализации» проливов начинает обсуждаться в дипломатической переписке и на страницах печати преимущественно после Февральской революции, когда ставятся на очередь вопросы о пересмотре целей войны. В период возглавления дипломатического ведомства Милюковым из официальных представителей Временного Правительства в пользу принципа интернационализации проливов высказывался Керенский в своей беседе (6/III 1917 г.) с великобританским военным агентом в Петрограде ген. Ноксом (об этом см. книгу Нокса «With the Russian Army 1914—1918», t. II, XIX, pp. 576—577), а также Терещенко в беседе с Бьюкененом (см. Дж. Бьюкенен, «Мемуары дипломата», стр. 214—215).

Все перечисленные невыгоды, связанные с нейтрализацией проливов, должны, как мне кажется, побудить нас принять все меры, чтобы до мирной конференции создать совершившийся факт, который устранил бы опасность такого решения вопроса на конференции. А этого приходится серьезно опасаться после мнимого нашего отказа от Константинополя и проявления склонности нашего общественного мнения к нейтрализации. Если нам не удастся создать такой совершившийся факт путем завладения проливами, то ставится вопрос, не следует ли создать его путем конференции с Турцией.

Н. Базили.

Отношение и. д. директора диплом. канцелярии при верх. главнокомандующем на имя тов. мин. ин. дел Нератова 1 июня (19 мая) 1917 г. № 283.

Весьма секретно.

Милостивый государь
Анатолий Анатолиевич.

Имею честь представить при сем полученную мною от генерал-квартирмейстера верховного главнокомандующего копию секретной телеграммы нашего военного агента в Швейцарии от 10 сего мая № 00350 касательно ожидаемого в скором времени заявления Турции об открытии после войны для свободного прохода Дарданелл и о срытии дарданелльских фортов.

Кутепов [1]).

Копия телеграммы военного агента в Швейцарии от 10/12 [2]) мая 1917 г. № 00350.

Агент сообщает, что в Германии считают, что Австрия занимает теперь на русском фронте лишь оборонительное положение. Большое количество австрийских войск взято с русского фронта и отправлено на итальянский фронт, причем взято очень много артиллерии. Австрийцы надеются истощить итальянцев и, пользуясь превосходством позиций, главным образом, в Трентино, предполагают все-таки предпринять наступление против Италии. В Германии ожидают в скором времени заявления Турции от открытии после войны Дарданелл для свободного прохода и о срытии дарданелльских фортов.

Головань.

Резолюция начальника штаба верховного главнокомандующего: «Дипломатия наша должна всеми силами препятствовать этому».

С подлинным верно. Секретарь *Ал. Солдатенков.*

---

[1]) Г. Н. Кутепов — чиновник второго политического отдела министерства ин. д., был назначен на должность исп. обяз. вице-директора дипломатической канцелярии при верх. главноком. и прибыл к месту новой службы 9/V 1917 г.

[2]) Так в подлиннике.

Записка по вопросу о боеспособности русской армии [1]).

А) Доклады представителей центральных управлений выяснили:

1) По интендантской части: запасов в стране для полного продовольствия армии недостаточно.

Мы не только не можем образовать на фронтах запасов, но не будем получать ежесуточную потребность.

Надо: или уменьшить в районе армии число ртов и число лошадей или уменьшить дачу.

Последнее опасно, а потому надо уменьшить число едоков.

2) По армейской части: вследствие недостатка угля, металла, расстройства транспорта и переживаемых событий — производство снарядов (крупных калибров), патронов, ружей и орудий значительно понизится.

Формирование артиллерийских частей сильно задержится.

3) Укомплектование людьми в ближайшие месяцы подавать на фронт в потребном числе нельзя, ибо во всех запасных частях происходят брожения.

4) Укомплектование лошадьми будет задержано, так как по условиям внутреннего транспорта и необходимости не ослаблять полевые работы, все реквизиции лошадей задержаны.

Б) Железнодорожный транспорт находится в значительном расстройстве, и, даже при условии отыскания запасов, мы не можем подавать одновременно на фронт запасы для ежедневного довольствия и для образования запасов, без наличия коих (хотя бы на двухнедельную потребность) нельзя начинать каких-либо операций.

Затем состояние железных дорог не допускает одновременных больших оперативных перевозок и подачи на фронт нужных запасов.

В) Балтийский флот потерял боеспособность, и нет никакой надежды на скорое приведение его в порядок.

Поступление мин (для минных заграждений) совершенно недостаточно, и минная оборона Балтийского моря будет весной 1917 года совершенно неналажена.

Г) Состояние армии. Армия переживает болезнь. Наладить отношения между офицерами и солдатами удастся, вероятно, лишь через два-три месяца.

Пока же замечается упадок духа среди офицерского состава, брожение в войсках, значительное дезертирство.

Боеспособность армии понижена, и рассчитывать на то, что в данное время пойдет вперед, очень трудно.

---

[1]) Записка хранится в Архиве Внешней Политики в папке «Ставка» 1917 г. среди коллекции писем Базили, непосредственно после письма Базили от 10/IV 1917 г. Она представляет собою машинописную копию, написанную на двух листах писчей бумаги, соединенных между собою скрепителем. Автор записки неизвестен, равным образом дата на хранящейся копии не обозначена.

Таким образом: 1) Приводить ныне в исполнение намеченные весной активные операции н е д о п у с т и м о.

2) Не рассчитывая на Балтийский флот, надо организовать оборону Финляндии и подступов к Петрограду, что потребует усиления северного фронта.

3) На всех фронтах, до восстановления порядка в тылу и образования необходимых запасов, необходимо перейти к обороне.

4) Необходимо принять самые энергичные меры для уменьшения едоков на фронтах. Для этого необходимо убрать с фронтов всех инородцев и военнопленных и решительно сократить число людей и лошадей во всех тыловых учреждениях.

5) Надо, чтобы правительство все это совершенно определенно и ясно сообщило нашим союзникам, указав на то, что мы теперь не можем выполнить обязательства, принятые на конференциях в Шантильи и Петрограде.

Необходимо немедленно прекратить отправку союзникам пшеницы, которая нужна нам самим.

Из истории национальной политики Временного Правительства.

(Украина, Финляндия, Хива.)

Ниже печатаются три группы документов по истории национальной политики Временного Правительства. Все три группы относятся к разным хронологическим периодам и к разным, чрезвычайно далеко отстоящим друг от друга, частям бывшей царской России. По своему содержанию при поверхностном взгляде они тоже кажутся сильно отличающимися друг от друга. Несмотря на все это, однако, между всеми ними имеется глубочайшее единство. Они объединены общим для всех их содержанием национальной политики Временного Правительства. Различие места, времени и содержания документов только еще сильнее подчеркивает этот стержень: политика русской буржуазии везде была политикой буржуазии. Оставаясь по существу одной и той же, она только варьировалась в зависимости от времени и обстановки.

Но сначала несколько слов о формальной природе документов. Две первых группы (по Украине и Финляндии) вышли из так называемого «Юридического совещания при Временном Правительстве». Оно было образовано 22 марта (ст. ст.) 1917 года и представляло собой высшую коллегию по юридическим вопросам. Все более или менее важные юридические акты Временного Правительства подготовлялись в этой коллегии, причем редки были случаи, чтобы редакция этих актов, заготовляемая этим совещанием, в чем-либо существенном изменялась Временным Правительством. Это был, так сказать, мозг, который в основном оформлял мнения Временного Правительства. Его суждения, следовательно, достаточно авторитетны и достаточно точно отражают мнение стоявшей тогда у власти русской империалистической буржуазии. За это, впрочем, ручается не только фактически сыгранная им роль, но и его состав.

Группа третья (по Хиве) принадлежит Туркестанскому комитету Временного Правительства. Члены этого комитета были присланы в Ташкент из Петербурга 13 апреля (ст. ст.) 1917 года. По мысли Временного Правительства, будучи его органом, комитет должен был заменить собою отстраненного от власти туркестанского генерал-губернатора Куропаткина.

То обстоятельство, что во время возникновения публикуемых документов председателем комитета был с.-д. Наливкин и что с.-р. и с.-д. в нем имели подавляющее большинство, абсолютно ничего не меняло ни в характере политики комитета, ни в его объективной роли. Комитет и в это время был не чем иным, как органом власти русского империализма в колонии. Всеми имеющимися в его распоряжении средствами на место полуразрушенного силою пролетариата аппарата царской власти в Туркестане комитет стремился создать аппарат господства русского империализма и закрепить это господство.

Документы, выходящие из такого органа, иными и не могли быть как документами, принадлежащими русскому империализму. Присутствие там представителей «демократии» только подчеркивает объективную роль этой демократии, слуги империализма.

Итак печатаемые документы характеризуют национальную политику русского империализма, когда он, освободившись, наконец, от оболочки русского самодержавия, попытался стать на самостоятельные ноги. В чем же заключается объединяющий все документы стержень этой политики?

Наличие в царской России более 50% неравноправных народностей заключало в себе одно из основных противоречий, ведших Россию к революции. Перед классом, ставшим у власти, стояла дилемма: либо разрешить это противоречие, либо вступить в конфликт с стремлением угнетенных народностей к освобождению от великорусского гнета. И буржуазия заняла совершенно определенную позицию.

Вот Украина. Рада требует от Временного Правительства чрезвычайно малого: только «выражения в том или другом акте принципиально благожелательного отношения» к лозунгу об автономии Украины. Все прочие требования тоже не выходят за рамки этого основного. Юридическое совещание, а за ним, как известно, и Временное Правительство отсылает Раду к Учредительному Собранию. Но из-под юридического обоснования отсрочки разрешения вопроса до Учредительного Собрания как бы невзначай выглядывает подлинная подоплека всей этой комедии: требование назначения особой должности комиссара по делам Украины отвергается потому, что это повлекло бы за собой «определение границ», а ведь это же так страшно — пахнет отделением! Требование выделения украинских войск отвергается потому, что его удовлетворение «возможно лишь в тех пределах, в коих оно не нарушало бы цельности, единства и устойчивости организации вооруженных сил Российского государства». Словом, отсылки к Учредительному Собранию постепенно перекрашиваются в заботу о «единой и неделимой». Но окончательно эта тенденция обнаруживается только в конце проекта ответа Временного Правительства на требования Рады. Там провозглашение автономии Радой называется «мятежом», «подвергшим опасности государственное единство России».

Совершенно на другом этапе и совершенно в другой обстановке следующей группой документов освещается вопрос о Финляндии.

В двух протокольных записях заседаний Юридического совещания вопрос о том, подлежит ли допустить отделение Финляндии от России или этого допускать нельзя, даже совершенно не ставится. Для всех членов совещания совершенно ясно, что отделение недопустимо, что это вредно для России. Оба заседания посвящены мучительным поискам средств, как избежать этого отделения, как сохранить старые отношения Финляндии с Россией.

Решать вопрос приходилось, однако, в чрезвычайно неблагоприятной обстановке. Финляндский генерал-губернатор Некрасов откровенно констатировал, что «политическая конъюнктура принуждает русское правительство по возможности тянуть дело окончательного разрешения вопроса о взаимных правовых отношениях России и Финляндии».

Но если в июне отговорка — «до Учредительного Собрания» еще считалась более или менее надежным средством для оттяжки решения вопроса, то в октябре о ней уже серьезно не думают: она достаточно себя скомпрометировала, между прочим и на опыте конфликта с Радой. Приходилось искать других средств, более существенных.

Лучшим, конечно, средством с точки зрения совещания было прямое насилие — задавить финляндскую автономию силою войск и этим решить вопрос без всяких оттяжек.

Но увы — этой силы в руках буржуазии не было: «Наши военные силы из рук вон плохи; расположенные в Финляндии «товарищи» представляют собой вооруженный сброд», который «при восстании финляндцев выдаст им все свое оружие, а при получении приказа выйти из Финляндии — откажется выполнить этот приказ».

Из средств военного воздействия на Финляндию в случае восстания оставалось только одно — блокада, чтобы «прекратить подвоз в эту страну предметов первой необходимости и тем принудить финляндцев к покорности», но, видно, в это средство особенно не верилось. Искали поэтому чего-то другого.

В этих поисках усиленно обсуждается вопрос о том, как бы использовать буржуазные и социалистические партии созываемого сейма. Надеялись, что первые пойдут на соглашение, потому что они «мечтают о твердой власти, они боятся правящего сейма, который бы стоял в зависимости от социалистически настроенных масс населения». О вторых предполагалось, что они испугаются русских войск и не пойдут на открытый конфликт.

Но и здесь надежды оказались чрезвычайно слабыми: «Финляндцы решили итти напролом, что выразится в отказе рассматривать те пропозиции, которые будут внесены на сейм от имени Временного Правительства». Причем сами же члены совещания великолепно сознавали, что причиной этой решительности финляндцев была агрессивная политика того же Временного Правительства (Некрасов указывает на роспуск сейма в июле).

Последнее средство выпадало. Совещание очутилось просто в отчаянном положении. Дошли до предложения разных «хитростей». Слова же члена совещания Гримма звучат совершенно трагически: «... для России целесообразнее итти на конфликт с Финляндией»... ибо «если Россия погибнет, то вопрос финляндский в общем крушении государства ровно никакого значения иметь не будет. Если же России удастся спастись, то и фактические захваты финляндцев можно ликвидировать и восстановить отношения к этой окраине».

Последние слова Гримма свидетельствуют, что победа буржуазии в гражданской войне неизбежно принесла бы Финляндии «восстановление отношений» с империалистической Россией.

Группа документов о Хиве как бы дополняет с другой стороны документы о Финляндии. Здесь вопрос шел только о том, чтобы приспособить старую систему подчинения Хивы к новым империалистическим задачам. Реальной силой, через которую буржуазия надеялась укрепить свое влияние в Хиве, был сам хивинский хан со всем его государственным аппаратом. Искать силу, на которую должны были опереться октроированные «основные законы», здесь не нужно было. Комитет Временного Правительства поэтому просто передает свою «конституцию» — «хану хивинскому для объявления в манифесте хивинскому народу в виде самостоятельного акта». И никаких рассуждений о том, что акт этот могут не принять, здесь мы не находим.

Все изменения, которые этими «основными законами» вносятся в государственное устройство Хивы, сводятся только к очень слабой подчистке феодального аппарата ханской власти под буржуазный лоск. Усиливается централизация, которая там была очень слаба, проектируется регулярное жалованье бекам, взамен их феодального «кормления», и т. д.

Свое же влияние на весь аппарат власти в Хиве во главе с парламентом буржуазия надеялась осуществить через комиссара, которому предоставлялось право «в случае надобности» «обращаться за содействием к находящемуся в Хиве отряду русских войск».

Совершенно очевидно, что вся эта конституция не могла удовлетворить ни одной классовой группировки населения Хивинского ханства, за исключением разве той тонкой прослойки знати и торговой буржуазии, которой было выгодно быть проводником русского господства. Здесь, вне всякого сомнения, был заложен социальный конфликт, ибо уже переворот, произведенный в Хиве Джунаит-Ханом в феврале 1916 года и подавленный потом русскими войсками, показал, что там назрели силы, которые могли поднять знамя против русского господства. Джунаит-Хан шел именно под этим знаменем и сумел тогда даже свергнуть хивинского хана и захватить в свои руки власть.

Но конфликт между русской империалистической буржуазией и хивинским национально-освободительным движением разразиться не успел. Русская буржуазия была свергнута раньше, чем в Хиве дело дошло до столкновения. Ставшему же позже опять у власти Джунаит-Хану пришлось вести борьбу не с русской буржуазией направо, а с пролетариатом и дехканством налево.

Таким образом основное, что еще лишний раз иллюстрируется публикуемыми документами в национальной политике русской буржуазии, сводится к следующему: никаких отделений, подавление национальной революции, где это только возможно, приспособление системы царского господства в колониях к интересам империализма.

Противоречие, вытекавшее из того, что более половины населения царской России состояло из угнетенных наций, оставлялось буржуазией неразрешенным.

«Цари проводили политику аннексий, грубо обменивая один народ на другой по соглашению с другими монархами...» «Буржуазия, становясь республиканской, проводит т у ж е с а м у ю п о л и т и к у аннексий более тонко, более прикрыто, обещая «соглашение», но о т н и м а я единственную реальную гарантию действительного равноправия при соглашении — именно: свободу отделения» [1]).

П. Галузо.

УКРАИНА.

Запись Юридического совещания.

Заседание 12 июня 1917 года [2]).

№ 61.

В заседании присутствовали: председатель Ф. Ф. Кокошкин и члены: А. Я. Гальперин, Н. И. Лазаревский, В. А. Маклаков и В. Д. Набоков. Кроме того, в заседании приняли участие представители министерства внутренних дел Н. Н. Виноградский и С. А. Котляревский.

Заседание открыто в 16 ч. 20 м.
» закрыто в 19 ч. 5 м.

2) Была оглашена резолюция Украинской Центральной Рады в Киеве следующего содержания [3]):

[1]) Ленин, соч. т. XIX, изд. 1925 г., стр. 200.

[2]) Архив Октябрьской Революции (АОР), фонд № 474, инв. № 2426, д. № 4.

[3]) I и II пункты «записи» опущены как не имеющие отношения к теме настоящей публикации.

«Украинская Центральная Рада в Киеве уполномочила нижеподписавшихся своих членов [1]), представляющих все украинские партии и организации в Центральной Раде, довести до сведения Временного Правительства о необходимости осуществления следующих мероприятий, в соответствии с резолюциями многочисленных национальных украинских съездов, происходивших за последнее время на территории Украины:

1) Ввиду настойчивого и единодушного требования автономии Украины, выставляемого украинской демократией, от Временного Правительства ожидается выражение в том или другом акте принципиально-благожелательного отношения к этому лозунгу.

2) Неизбежность постановки украинского вопроса на международной конференции, в связи с судьбой Галичины и частей украинской территории, занятых германцами, вынуждает ныне же принципиально решить в положительном смысле вопрос об участии в этой конференции представителей украинского народа, ибо такое участие требует немедленно предпринять подготовительные практические шаги по сношению с зарубежной Украиной.

3) Для всестороннего осведомления правительства о настроениях на Украине и потребностях украинского населения, а равно и для практического содействия правительству в проведении различных мероприятий, вызываемых особенностями жизни края, необходимо учредить при Временном Правительстве должность особого комиссара по делам Украины.

4) Для объединения правительственных мероприятий во всех губерниях с украинским населением требуется учреждение на Украине должности особого комиссара с областным при нем советом.

5) В интересах поднятия боевой мощи армии и восстановления дисциплины необходимо проведение в жизнь выделения украинцев в отдельные войсковые части как в тылу, так, по возможности, и на фронте.

6) Признанную Временным Правительством украинизацию начальной школы необходимо осуществить также в применении к средней и высшей школе как в отношении языка, так и предметов преподавания.

7) Ответственные должности как гражданской, так и духовной администрации на Украине, необходимо замещать лицами, которые пользуются доверием населения, владеют его языком и знакомы с его бытом.

8) Для удовлетворения национально-культурных потребностей, подавленных при старом режиме, необходимо предоставить из государственного казначейства в распоряжение Центральной Рады соответствующие средства.

---

[1]) Резолюцию подписали: В. Винниченко, Ковалевский, Сергей Ефремов, С. Письменный, И. Снежный, Д. Коробенко, Одичей, Д. Ровинский, Пинькевич.

9) Необходимо разрешить выезд на родину тем зарубежным украинцам, которые неправомерно выселены из мест своего постоянного жительства, а также облегчить участь пленных украинцев-галичан, разместив их в украинских губерниях».

Подробное рассмотрение сего заявления, а равно составление ответа на него от имени Временного Правительства, согласно поручению последнего, было отложено до следующего заседания Юридического совещания.

Председатель *Ф. Кокошкин.*
Члены *Влад. Набоков, Н. Лазаревский, Гальперин.*

Запись Юридического совещания.

Заседание 13 июня 1917 года.

№ 62.

Присутствовали: председатель Ф. Ф. Кокошкин и члены: М. С. Адкемов, В. В. Водовозов, А. Я. Гальперин, Н. И. Лазаревский, В. А. Маклаков и В. Д. Набоков. В заседании присутствовал приглашенный в качестве сведущего лица представитель министерства внутренних дел С. А. Котляревский.

Заседание открыто в 16 час. 5 мин.
» *закрыто в 18 час. 10 мин.*

Слушается переданная на рассмотрение Юридического совещания резолюция Украинской Центральной Рады о мероприятиях, кои должны быть осуществлены Временным Правительством на территории Украины.

Приступив к рассмотрению означенной резолюции, Юридическое совещание, прежде всего, единогласно признало, что Временное Правительство не является правомочным в предоставлении автономных прав части государства Российского, ибо разрешение подобных вопросов принадлежит компетенции Учредительного Собрания. Останавливаясь затем на пожелании Украинской Центральной Рады, чтобы Временное Правительство высказало в настоящее время свое благожелательное отношение к автономии Украины лишь в принципиальной форме, Юридическое совещание не находило [1]) оснований к тому, чтобы Временное Правительство исполнило заявленное Центральной Радой пожелание.

Прежде всего Юридическое совещание приняло во внимание, что рассматриваемая резолюция является волеизъявлением организации, по способу своего образования не могущей притязать на права представительства всего населения Украины.

---

[1]) Так в подлиннике.

Далее, исполнение пожелания Рады было бы со стороны правительства предрешением вопроса, который, как указано выше, мог бы быть разрешен лишь Учредительным Собранием.

Затем Юридическое совещание подвергло всестороннему рассмотрению требование Рады об участии представителей украинского народа в международной мирной конференции и о постановке на рассмотрение этой конференции всего украинского вопроса.

Юридическое совещание пришло к заключению, что в международной конференции могут принимать участие лишь представители государств и что поэтому признание права участия в ней за представителями украинского населения шло бы еще далее предрешения вопроса об автономии Украины, а именно: предрешало бы вопрос о признании за нею прав государственного существования.

Требование об учреждении особой должности комиссара при Временном Правительстве по делам Украины, по мнению Юридического совещания, в сущности является не чем иным, как установлением новой должности министра статс-секретаря по делам Украины, иначе говоря, подготовительным шагом к автономному устройству Украины. Мотивировка указанного требования необходимостью осведомлять правительство о настроениях и потребностях украинского населения едва ли может быть признана правильной, ибо задача осведомления правительства о настроениях и потребностях населения Украины может быть несравненно лучше выполнена демократическими органами местного самоуправления, нежели одним лицом, назначаемым правительством.

Точно так же подготовительным шагом к автономии, предрешающим этот вопрос, явилось бы и учреждение особого комиссара для Украины с областным при нем советом.

Кроме того учреждение должностей особых комиссаров для Украины потребовало бы определения ее границ, что также правительство не могло бы взять на себя до созыва Учредительного Собрания.

Требование о выделении украинцев в отдельные войсковые части и в тылу и на фронте признавалось Юридическим совещанием предметом, подлежащим прежде всего компетенции военной власти. Удовлетворение этого требования, очевидно, было бы возможно лишь в тех пределах, в коих оно не нарушало бы цельности, единства и устойчивости организации вооруженных сил Российского государства.

По вопросу об украинизации школ всех разрядов Юридическое совещание признавало, что по отношению к низшей школе украинизация уже осуществляется. Украинизация средней школы представляется вопросом довольно сложным, ввиду того, что в средней школе как учреждении, функционирующем в городах или городских поселениях, учится значительное количество детей, для которых украинский язык не является родным. Нет сомнения, что должна быть предоставлена полная свобода для возникновения украинских средних школ со всеми правами, но вопрос о справедливом разграничении

в этом пункте интересов различных частей населения нуждается в детальной разработке.

Обсудив требование о назначении на должности в Украине лиц, пользующихся доверием населения и знающих местный язык и быт, Юридическое совещание признало, что этот пункт должен проводиться по всей империи по отношению ко всем национальностям и группам населения. В частности по отношению к Украине правительство вполне определенно проявило свое стремление следовать этому пути.

По поводу требования об отпуске в распоряжение Центральной Рады специальных средств на национально-культурные потребности Юридическое совещание признало, что задача удовлетворения местных культурно-национальных нужд должна лежать прежде всего на местных органах самоуправления. Что же касается вопроса о содействии им государства, то этот вопрос может быть разрешен лишь на основании общего плана финансовых отношений между государством и местными учреждениями.

Последнее требование о разрешении выезда на родину тем зарубежным украинцам, которые неправомерно выселены из мест своего постоянного жительства, и об облегчении участи пленных украинцев-галичан, с размещением их в украинских губерниях, признано совещанием заслуживающим сочувствия и подлежащим удовлетворению с соблюдением тех условий, которые будут установлены военной властью.

В соответствии с сим Юридическим совещанием был одобрен проект ответа Временного Правительства на резолюцию Центральной Украинской Рады в нижеследующем изложении:

«С самого начала своего пребывания у власти Временное Правительство неизменно признавало права народностей, населяющих Россию, права, которые постоянно нарушались при старом строе. Оно отменило все ограничения, связанные с принадлежностью к той или другой национальности и вероисповеданию. В России установлено полное равенство граждан перед законом. В своем отношении к отдельным народностям правительство стояло и стоит на почве полного признания их национально-культурного самоопределения. Вместе с этим, сознавая, что обновленная Россия не может жить и развиваться под режимом мертвящего централизма, правительство обращало особое внимание [1]) и на возможно широкое удолетворение местных хозяйственных и культурных потребностей. Оно приложило все усилия к скорейшему введению нового демократического земского и городского самоуправления, к обеспечению его прав и к расширению его

[1]) Так в подлиннике. В отдельном экземпляре ответа Врем. Правительства Центр. Раде (АОР, ф. № 474, д. № 20) после слов: «особое внимание» значится: «на организацию местного населения». Проект ответа на резолюцию Рады не был принят Врем. Правительством: стоя перед движением в Петрограде и крайним обострением событий в Финляндии, оно было принуждено пойти на соглашение с Радой.

полномочий в уровень запросов местной жизни. Оно открыло возможность свободного образования земствами более обширных союзов для достижения целей, выходящих за пределы, доступные отдельным земствам.

В соответствии с этими общими началами Временное Правительство относилось с полным вниманием и благожелательностью и к запросам украинского населения. Раньше это население терпело постоянные стеснения и препятствия в своей культурной жизни.

Теперь все это было устранено не только в пределах России, но и в занятых нами частях Галиции. Украинское население получило самую широкую возможность организоваться и устраивать свою общественную жизнь. Правительство сделало решительный шаг к осуществлению давних справедливых стремлений украинцев иметь школу с преподаванием на родном языке. При назначении должностных лиц в украинские губернии и в занятые русскими войсками части Галиции Временное Правительство вполне определенно проявило свое убеждение в необходимости избирать для замещения ответственных должностей людей, близких к местной жизни и местному быту, людей, которые могли в полной мере привлечь к себе доверие окружающего их населения.

Стремясь всемерно удовлетворить запросы украинского населения, Временное Правительство, однако, не могло не признавать, что в этом отношении оно ограничено общими пределами своих полномочий, не допускающими разрешения предположений или вопросов, в которых единственным правомочным судьей является всероссийское Учредительное Собрание.

Вследствие сего, когда представители киевской центральной Рады обратились к правительству с предложением выразить принципиальное сочувствие украинской автономии, правительство не могло дать иного ответа, кроме отрицательного. Вопрос об автономии Украины есть один из вопросов будущего государственного устройства России и потому подлежит исключительно ведению и решению Учредительного Собрания.

Не имея возможности предрешать вопрос о создании в пределах Российского государства особой автономной области, Временное Правительство не вправе также и определять так или иначе границы этой предполагаемой области. Поэтому оно не могло согласиться и на предложение Рады назначить министра по украинским делам и послать на Украину особого областного комиссара, образовав там особый областной совет.

Назначение таких должностных лиц, имея само собой характер подготовительного шага к установлению автономии Украины, влекло бы за собой неизбежно то или иное разрешение вопроса о территориальном составе подведомственного указанным лицам края. Кроме того совершенно неясно, в чем могли бы состоять при настоящих

условиях функции проектированных комисаров, как состоящего при Временном Правительстве, так и находящегося на месте.

Еще менее для Временного Правительства было приемлемо участие на будущей мирной конференции представителей украинских организаций. Такое участие на международном конгрессе было бы равносильно признанию за Украиной характера даже не автономного края, а самостоятельного государства и переносило бы на международное рассмотрение внутренний государственный вопрос России.

Желание киевской Рады составить особые войсковые части из украинцев до известной степени было уже удовлетворено образованием украинских полков. Но требуемое Радой полное обособление украинских войсковых частей, особенно во время войны, неизбежно привело бы к полной дезорганизации армии. Временное Правительство убеждено, что цели, которые преследует русская демократия в настоящей войне и которые одинаково близки всем областям России, властно требуют согласования с ними стремлений отдельных групп и частей населения.

Наконец, стремясь удовлетворить справедливые пожелания Рады, Временное Правительство не могло, однако, признать членов названной Рады, порядок избрания которых правительству неизвестен, вполне правомочными выразителями стремлений всего населения Украины.

Лишь представительство, вышедшее из всеобщего избирательного права, могло бы говорить от имени этого населения. До известной степени подобное представительство осуществится в новых земских и городских учреждениях, которые получат возможность заявить о нуждах края и его населения. Еще более авторитетными представителями населения Украины являются представители его во всероссийском Учредительном Собрании.

В настоящее время, не дожидаясь ответа от правительства на высказанные ее представителями пожелания, киевская Рада самочинно провозгласила автономию Украины. Представители украинских партий не остановились перед актом открытого мятежа, подвергающим опасности государственное единство России и наносящим тяжкий удар российской демократии в момент напряженной борьбы ее за закрепление великих завоеваний революции.

Возлагая всю ответственность за этот акт на его виновников, Временное Правительство с своей стороны категорически отрицает за так называемым универсалом украинскому народу какую-либо силу. Оно выражает твердую уверенность, что верное русской революции большинство украинского народа его совершенно отвергнет и, в согласии с признанными всей Россией основными началами нового государственного порядка, будет ожидать разрешения украинского вопроса, отвечающего его жизненным интересам, от всероссийского Учредительного Собрания.

Председатель *Ф. Кокошкин.*

Члены: *В. Маклаков, Влад. Набоков, Гальперин, Н. Лазаревский.*

ФИНЛЯНДИЯ.

Запись Юридического совещания.

Заседание 13 октября 1917 года.

№ 117.

В заседании присутствовали: председатель Н. И. Лазаревский и члены: А. Я. Гальперин, Г. Э. Блосфельд, барон А. Э. Нольде и барон Б. Э. Нольде. Сверх того, в заседании принимали участие финляндский генерал-губернатор Н. В. Некрасов и товарищ министра внутренних дел В. Я. Гуревич.

Заседание открыто в 16 ч. 30 м.
» закрыто в 18 ч. 45 м.

Обсуждались препровожденные финляндским сенатом проекты о взаимных правовых отношениях России и Финляндии и о новой форме правления.

По открытии заседания председатель совещания изложил историю обсуждения настоящих законопроектов [1]), указывая, что обсуждаемые проекты исправлены финляндским сенатом на основании суждений, имевших место в совместном совещании членов Юридического совещания и членов комиссии основных законов, образованной финляндским сенатом. Ныне Юридическому совещанию предстоит дать окончательное свое заключение по означенным проектам. Вместе с тем Н. И. Лазаревский предложил совещанию выслушать соображения генерал-губернатора Финляндии о внутреннем положении страны и соотношении местных политических партий.

Финляндский генерал-губернатор указал, что 1 ноября нового стиля в Финляндии открывается вновь избранный

---

[1]) Первым актом Вр. Пр-ва в отношении Финляндии был «акт об утверждении конституции великого княжества Финляндского и о применении ее в полном объеме» от 7 (20) марта 1917 г.

С 8 апреля 1917 г. (ст. ст.) в Юридическом совещании при Вр. Пр-ве, в присутствии представителей финляндского сената, началось рассмотрение переданного В. Пр-вом на заключение проекта постановления о передаче решения некоторых дел финляндскому сенату и генерал-губернатору. Согласование проекта заняло апрель, май и июнь 1917 г. 5 (18) июля сеймом Финляндии был принят «закон об осуществлении верховной власти в Финляндии», в результате чего Вр. Пр-вом был издан 18 (31) июля 1917 г. «манифест» о роспуске сейма и производстве новых выборов. До созыва нового сейма, 30 августа (12 сентября) 1917 г. издана была «грамота о передаче некоторых дел на окончательное решение финляндского сената», и с 26 сентября (ст. ст.) 1917 г. в Юридическом совещании начато рассмотрение проектов: 1) о взаимных правовых отношениях России и Финляндии и 2) о новой форме правления. Для согласования проектов состоялись в Финляндии, куда выезжало Юрид. совещание, 2 и 3 октября (ст. ст.), совместные совещания членов Юрид. совещ. и членов комиссий основных законов финляндского сената.

Печатаемые здесь «записи» Юрид. совещания от 13 и 17 октября (ст. ст.) являются заключительными (АОР, фонд № 474, д. № 19).

финляндский сейм [1]). Первые два дня пройдут в подготовительных действиях, но уже к третьему дню, т.-е. к 3 ноября, а по нашему стилю — к 21 октября, рассматриваемые проекты должны быть внесены в сейм. При этом Н. В. Некрасов отметил, что в сейме будет весьма сильная и компактная группа социалистов из 92 человек, которая целиком стоит за полнейшую независимость Финляндии. Вместе с тем в стране и среди буржуазных партий не замечается более умеренных течений. На сейме за сохранение связи между Россией и Финляндией выскажутся не более 40 человек старофиннов. Младофинны и шведы также стоят на точке зрения независимости. Вместе с тем, однако, распределение партий на сейме не дает ему возможности принимать каких-либо мероприятий, касающихся основных законов края, так как по сеймовому уставу для решения подобных вопросов требуется большинство не менее $^2/_3$ голосов. Между тем такого большинства по его партийной группировке на сейме ожидать невозможно. Финляндские политические деятели уже нашли выход из такого положения; именно, — они полагают возможным воспользоваться § 38 формы правления, которая предписывает в случае прекращения династии созвать не позже 100 дней государственные чины, коим присваивается учредительная власть.

Для учредительного же сейма сеймовый устав является необязательным, вследствие чего изменение основных законов может быть произведено большинством, и не достигающим $^2/_3$ членов.

Обращаясь к возможному составу сената, финляндский генерал-губернатор указал, что ныне существующий его состав вызвал против себя обвинения в угодничестве перед Россией, выразившемся в опубликовании манифеста Временного Правительства о роспуске сейма. Ввиду этого нет основания ожидать возможности сохранить ныне действующий состав сената. Вместе с тем нельзя предполагать образование его вновь из буржуазных элементов. В Финляндии замечается определенное настроение против буржуазии, вследствие сего социалисты и присоединяющиеся к ним на сейме радикалы, по всей вероятности, употребят все усилия, чтобы иметь сенат, готовый проводить боевую линию против Временного Правительства и против буржуазии. Отсюда — нет никакой возможности создать деловой сенат. При таком положении вещей, по мнению финляндского генерал-губернатора, для русской власти выгоднее заключить союз с социалистами, сделав одновременно попытку отложить вопрос о взаимных правах России и Финляндии до более благоприятного времени. Такая

---

[1]) Первое заседание сейма состоялось 20 октября (ст. ст.) 1917 г. Соотношение сил партий в сейме было таково: с.-д. — 92; гражданский партийный блок (буржуазные группировки) — 61; земледельческая партия (аграрии) — 26; шведская (шведоманы) — 21; тальманом (председателем) сейма был избран младофинн (гр. парт. блок) Лундсон; вице-тальманами: Ингман (старофинн) и Алькио (аграрий). При выборе тальмана с.-д. подали пустые записки, при выборе вице-тальманов — воздержались.

попытка вместе с тем находит себе опору в линии поведения радикальных и социалистических кругов, которые совершенно правильно учитывают пребывание в Финляндии значительных русских военных сил и не считают возможным при таких условиях ставить резко вопрос об отделении Финляндии от России.

Между тем внутреннее положение Финляндии таково, что русской власти необходимо выйти из своего пассивного состояния и предложить сейму определенные проекты. Однако внесение в сейм рассматриваемых законопроектов неминуемо вызовет конфликт с финляндским народом. Это обстоятельство, по мнению финляндского генерал-губернатора, также принуждает по возможности оттянуть рассмотрение этих законопроектов, тем более, что Н. В. Некрасов настаивает перед Временным Правительством о смене ненадежных войск в Финляндии [1]) и об объединении высшего в крае командования. Правда, финляндский генерал-губернатор полагает, что открытого восстания в Финляндии ожидать нельзя, и конфликт будет развиваться по пути пассивного сопротивления, столь любезного финляндцам. Сенат не будет подчиняться указаниям русской власти и будет творить волю сейма. Такое пассивное сопротивление в условиях переживаемого времени представляет все-таки довольно большую опасность для русских интересов. Потому, по мнению финляндского генерал-губернатора, необходимо найти некоторый компромисс, который, удовлетворяя финляндцев, одновременно послужил бы нам на пользу; к этому финляндский генерал-губернатор добавил, что буржуазные партии Финляндии также неохотно идут на конфликт, и путем переговоров выяснилось, что они готовы на известный сговор. Буржуазные партии именно предлагают, чтобы русская власть путем октроирования передала лицу, избранному сеймом, полноту власти во внутренних финляндских делах, оставляя попрежнему в руках русской власти военные и международные дела. Такое октроирование должно быть сделано односторонним актом Временного Правительства. Финляндский генерал-губернатор, не имея по существу возражений против этого мероприятия, тем не менее указывает, что подобное октроирование связывает односторонне лишь Россию, тогда как Финляндия попрежнему свободна от каких-либо обязательств. Между тем желательно при передаче полноты власти в Финляндии избранному сеймом лицу точно оговорить, что таковая передача совершается лишь до иного по сему предмету постановления Учредительного Собрания и что вместе с тем финляндцы берут на себя обязательство признавать полноту власти России в отношении военных и международных дел. Поэтому, по мнению Н. В. Некрасова, представлялось бы предпочтительнее означенные предложения финляндских буржуазных партий

---

[1]) «Новое Время» в номере от 21 октября (ст. ст.) 1917 г. сообщало, что «в Финляндию были направлены части казачьих войск взамен стоявшей там пехотной дивизии, которой было приказано отправиться на фронт».

попытаться провести через сейм. Правда, на это очень мало надежды, но возможно действовать путем предъявления финляндцам известного рода ультиматума: если сейм признает возможным одобрить указанное выше предположение, то Россия согласна сохранить мирные отношения к Финляндии, если же нет, то Россия будет действовать в Финляндии как бы по праву войны. Предложениям буржуазной партии в некоторой степени соответствуют и наблюдаемые среди социалистических партий тенденции. Партии эти согласны забыть акт 18 июля 1917 г., принятый самочинно сеймом, предоставляя вместе с тем до окончания войны русской власти право сохранить status quo. При этом, однако, финляндский генерал-губернатор полагает возможным, в случае потери всякой надежды на принятие сеймом предложения буржуазных партий, согласиться на односторонний акт со стороны русской власти, октроирующий полноту власти Финляндии избранному сеймом лицу, при том, однако, условии, чтобы до издания такового акта политические партии Финляндии обязались скрепить особый протокол, в котором бы выражено было их согласие признавать права России в области так называемых общих дел.

Член Юридического совещания М. С. Аджемов отметил, что в возбужденном финляндским генерал-губернатором вопросе нужно различать две стороны — юридическую и политическую. С точки зрения юридической, предлагаемый финляндским генерал-губернатором способ регулировать отношения России и Финляндии путем одностороннего акта, которому предшествовал бы какой-то сговор между политическими партиями, не имеет никакого реального значения, так как такой сговор никого ни к чему не обязывает. С точки зрения политической, наоборот, России выгоднее вызвать мятежнические действия со стороны финляндцев, во-первых, потому, что действия эти, направленные на милых «товарищей», лишат возможности наших социалистов защищать действия Финляндии, а, во-вторых, фактическое проведение самостоятельности Финляндии ни в чем не обязывает русскую власть. Между тем, если бы мы односторонним актом что-либо уступили финляндцам, то такая уступка никогда не могла бы быть взята обратно, не говоря уже о том, что она была бы сделана с нарушением финляндской конституции.

Финляндский генерал-губернатор с своей стороны указал, что он ни в какой степени не желает итти на незаконные меры, поэтому он считает односторонний акт октроирования нежелательным. По его мнению, было бы правильнее внести предложение буржуазных партий Финляндии в виде пропозиции на сейм, оговорив в ней, что меры эти имеют временное значение.

Член Юридического совещания М. С. Аджемов полагал, что для России все-таки выгоднее фактический захват власти со стороны Финляндии, нежели правовая регулировка такого захвата.

Член Юридического совещания бар. Б. Э. Нольде нашел, с своей стороны, возможным принять в отношении разрешения кон-

фликта предлагаемую комбинацию. Россия соглашается временно, до Учредительного Собрания, оставить всю власть в руках избранного сеймом лица, при условии сохранения за Россией полноты власти в отношении международных и военных дел. По мнению бар. Б. Э. Нольде, всякого рода комбинации, приемлемые для России, являются предпочтительными, чем открытый разрыв. Притом бар. Б. Э. Нольде настаивал, чтобы в предполагаемом акте было определенно указано, что ныне существующее правовое положение, регулирующее отношения Финляндии к России, остается неизменным.

Член Юридического совещания А. Я. Гальперин указал, что, по его мнению, предполагаемый к изданию акт должен быть изложен в наиболее решительной форме, при которой ясны были бы те полномочия, которые сохраняет за собой Россия.

Финляндский генерал-губернатор разъяснил, что, по его предложениям, таковой акт именно и должен носить указанный А. Я. Гальпериным характер. Применительно к переговорам, которые Н. В. Некрасов вел с финляндскими деятелями, был составлен проект акта, в котором определенно указывалось, что в отношении законодательных дел глава финской верховной власти пользуется правом санкционировать все акты внутреннего законодательства, причем основные законы края подлежат утверждению русской власти. За генерал-губернатором сохраняется право контроля над законодательной деятельностью сейма, выражающееся в праве созывать и распускать сейм. В отношении административном главе финской исполнительной власти предоставляется все внутреннее управление Финляндиею, он председательствует в сенате, причем, однако, за генерал-губернатором сохраняется право, в случае его на то желания, принять такое председательствование на себя. Наконец, в акте указывается, что международные и военные дела, так называемые дела общие, решаются попрежнему русскою властью.

Н. И. Лазаревский, с своей стороны, указал, что предполагаемое финляндским генерал-губернатором разрешение вопроса в существе является довольно приемлемым. При этом, однако, Н. И. Лазаревский счел долгом отметить, что у него возникают сомнения в отношении того, будет ли такой акт иметь двустороннее значение, т.-е. будет ли он в равной степени обязывать как Финляндию, так и Россию.

Финляндский генерал-губернатор разъяснил, что, по его мнению, такой акт, вне всякого сомнения, будет иметь двусторонний характер, т.-е. будет обязывать и финляндцев. Это будет в полном значении договор.

Председатель Юридического совещания Н. И. Лазаревский обратил внимание членов совещания на величайшую важность двусторонней обязательности предполагаемого к изданию акта, ввиду того обстоятельства, что все уступленное Финляндии не может уже быть взято обратно и останется в их руках навсегда. Ввиду этого

председатель Юридического совещания полагал необходимым, во избежание невыгодных последствий для России, взять с финляндцев какое-либо обеспечение.

Финляндский генерал-губернатор разъяснил, что это обеспечение будет заключаться в том протоколе, который предполагается составить при участии политических партий Финляндии. На такой протокол с удовольствием пойдут все буржуазные партии, так как партии эти мечтают о твердой власти, они боятся правящего сейма, который бы стоял в зависимости от социалистически настроенных масс населения. Правда, твердой уверенности в возможности настоять на подписании такого протокола у Н. В. Некрасова все-таки не имеется, но тем не менее он считает необходимым испробовать такую комбинацию, так как иначе в самом скором времени разразится неминуемый конфликт с Финляндией, а засим через какие-нибудь три недели появятся в Финляндии германские дредноуты и войска.

Член Юридического совещания бар. Б. Э. Нольде полагал все-таки необходимым попытаться добиться известной отсрочки в деле окончательного разрешения спорных с Финляндией вопросов.

По его мнению, правильнее было бы итти по пути, намеченному буржуазными партиями. Этот путь может отсрочить постановку основного вопроса о правовых отношениях между Россией и Финляндией до окончания войны, когда международная конъюнктура, вне всякого сомнения, сложится в пользу России.

Финляндский генерал-губернатор разъяснил, что финляндцы, между прочим, полагают, что их требования найдут поддержку на международном конгрессе со стороны Франции и Англии. В этом их убедил в особенности проезд через Гельсингфорс представителя Эльзаса Вейля, присланного с какой-то миссиею от Тома.

Товарищ министра внутренних дел В. Я. Гуревич, с своей стороны, полагал, что односторонний акт русской власти, признающей самостоятельность финляндской власти во внутренних делах, был бы нисколько нецелесообразным с точки зрения русских интересов. Ввиду этого В. Я. Гуревич полагал более правильным этот акт пропустить в виде петиции, внесенной на сейм, так как принятие такой петиции скорее всего свяжет Финляндию.

Финляндский генерал-губернатор разъяснил, что на такую петицию финляндцы никогда не пойдут. В силу этого целесообразнее настаивать на подписании всеми политическими партиями Финляндии особого протокола, особенно ввиду того, что эти партии на октроирование идут довольно охотно.

Председатель Юридического совещания полагал, что лучшим и наиболее целесообразным разрешением поднятого финляндским генерал-губернатором вопроса являлось бы внесение в сейм пропозиции, соответствующей предлагаемому буржуазными партиями Финляндии мероприятию, так как принятие этой пропозиции может в достаточной степени обязать Финляндию в ее

отношении к России, тогда как предлагаемый финляндским генерал-губернатором протокол, в существе дела, никого не обязывает.

Подписали: Председатель *Н. Лазаревский.*
Члены: *А. Гальперин, бар. А. Нольде, бар. Б. Нольде.*

Запись Юридического совещания.

Заседание 17 октября 1917 года.

№ 120.

В заседании присутствовали: председатель Н. И. Лазаревский и члены: Г. Э. Блосфельд, А. Я. Гальперин, Э. Г. Гинзберг, В. Э. Гревс, Д. Д. Гримм, М. С. Аджемов, бар. А. Э. Нольде, бар. Б. Э. Нольде. Кроме того в заседании принимал участие финляндский генерал-губернатор Н. В. Некрасов.

Заседание открыто в 16 час. 45 мин.
» закрыто в 18 час. 35 мин.

По открытии заседания председатель Н. И. Лазаревский предложил совещанию выслушать разъяснения финляндского генерал-губернатора, касающиеся политического положения Финляндии.

Финляндский генерал-губернатор отметил, что политическое положение Финляндии выяснилось вполне. Ясно, что финляндцы решили итти напролом, что выразится в отказе рассматривать те пропозиции, которые будут внесены на сейм от имени Временного Правительства. Умеренные партии употребляют, правда, все усилия, чтобы смягчить конфликт, но усилия их остаются безрезультатными, так как манифест о роспуске сейма создал вполне определенное среди населения Финляндии враждебное настроение к России. Н. В. Некрасов во время переговоров с политическими деятелями Финляндии настаивал на невозможности одностороннего акта, регулирующего устройство верховной власти в Финляндии, и указывал на желательность двустороннего акта, проведенного через сейм. Но на сейме не будет иметься требуемых для пересмотра основных законов края двух третей голосов ни у буржуазных ни у социалистических партий. Это обстоятельство побуждает финляндских политических деятелей признавать, что сеймовый устав в настоящее время потерял свою силу, так как по этому уставу сейм может действовать лишь совместно с великим князем, которого ныне не имеется. Но такое признание не встречает одобрения со стороны буржуазных партий, так как оно будет иметь своим последствием признание полноправности сейма, что более всего страшит буржуазию ввиду того, что она боится правовой анархии. С другой стороны, главы социалистических партий в настоящее время совершенно бессильны, так как находятся в руках

широких народных масс, определенно настроенных против каких бы то ни было компромиссов с русской властью и буржуазией. При этом финляндский генерал-губернатор указывает, что буржуазия не идет и на открытый конфликт, на провозглашение независимости Финляндии, так как отлично понимает, что в результате такого конфликта Финляндия лишена будет доставляемых из России предметов первой необходимости, а также того хлеба, который идет в эту страну из Америки, т.-е. что население Финляндии обречено на голодную смерть. Ввиду этого буржуазные партии стараются найти какой бы то ни было компромисс, хотя бы в виде одностороннего акта, манифеста Временного Правительства. Результатом такого стремления явился именно тот проект, о котором финляндский генерал-губернатор говорил прошлый раз. Правда, является опасение, что сейм Финляндии не даст согласия на принятие этого акта, но, по мнению финляндского генерал-губернатора, нет необходимости настаивать на формальном согласии сейма, вполне достаточно было бы, чтобы сейм при избрании правителя Финляндии молчаливо согласился признавать положения, выраженные в манифесте Временного Правительства о передаче полноты власти в финляндских делах финляндским же органам. Но, во всяком случае, прежде издания указанного акта необходимо настоять на подписании всеми финляндскими партиями особого протокола о согласии этих партий принять такой акт. Как финляндский генерал-губернатор указывал в одном из прошлых заседаний, политические партии Финляндии склонны пойти на такое соглашение, хотя социалисты, например, и настаивают, что им невозможно отказаться от акта 18 июля 1917 г., но тем не менее, по неопределенности положения, они страшатся постановки в полном объеме вопроса о независимости. Социалисты, с своей стороны, желали бы, чтобы Временное Правительство, применительно к решению сейма от 18 июля 1917 г., вручило всю власть сейму с тем, чтобы сейм вернул часть полученных им полномочий до окончательного разрешения вопроса о взаимных правовых отношениях России и Финляндии к Временному Правительству. При этом социалисты высказывают требование, чтобы последний вопрос был поставлен на обсуждение международного конгресса. Радикально-демократическая партия в некоторой степени также стоит за соглашение.

Переходя к вопросу о рассматриваемых законопроектах, финляндский генерал-губернатор указал, что он не может в точности утверждать, что соответствующие им пропозиции будут заслушаны сеймом. Между тем отказ рассматривать эти пропозиции будет означать открытый разрыв Финляндии с Россией. Вместе с тем финляндский генерал-губернатор полагал, что политическая конъюнктура принуждает русское правительство по возможности тянуть дело окончательного разрешения вопроса о взаимных правовых отношениях России и Финляндии. По указанным соображениям, Н. В. Некрасов считал возможным настаивать на принятии его первоначальных предполо-

жений. По его мнению, лучшим исходом явилось бы издание в одностороннем порядке, путем манифеста Временного Правительства, особого акта об осуществлении верховной власти в Финляндии. В этом акте необходимо было бы точно указать, что он издается впредь до иного постановления по сему предмету Учредительного Собрания. Засим в нем нужно было бы поместить следующие указания. Осуществление финляндской законодательной и административной власти принадлежит президенту финляндского сената, причем в отношении законодательном он осуществляет эту власть совместно с сеймом, а в отношении административном — с сенатом. Президенту сената принадлежит инициатива по всем законодательным вопросам, кроме касающихся формы правления и взаимных правовых отношений России и Финляндии. Президент сената обладает правом помилования, правом созыва и роспуска сейма, назначения всех должностных лиц в Финляндии и пр. При этом, однако, право роспуска сейма сохраняется и за Временным Правительством. Равным образом до окончания войны Финляндия не имеет права восстанавливать свои войска, а установление международных отношений попрежнему находится в руках России. Русский генерал-губернатор освобождается от председательствования в сенате, но за ним сохраняется управление русскими учреждениями в Финляндии, православная церковь сохраняет свою независимость от финляндских властей.

Финляндский генерал-губернатор, оглашая содержание составленного им проекта, вместе с тем отметил, что он отлично понимает несоответствие порядка его издания с финляндскими законами, но он полагает, что до его издания необходимо настоять на подписании всеми политическими партиями Финляндии особого протокола о признании этого акта, хотя он и издан с нарушением финляндской конституции путем одностороннего манифеста Временного Правительства. Все предложенное финляндским генерал-губернатором составляет один из способов улаживания возникающих в настоящее время затруднений в отношении Финляндии, но Н. В. Некрасов полагал, что возможен еще один способ, способ крайне сомнительный и рискованный. Способ этот заключается в следующем: Временное Правительство утверждает принятый сеймом акт 18 июля 1917 г. и все то, что связано с этим актом: коммунальный закон, 8-часовой рабочий день и пр. Засим вновь собранный сейм, сейм полноправный, постановляет, что такие-то полномочия возвращаются властью сейма обратно России. Правда, что при таком способе Россия может получить более, чем она в состоянии удержать за собою при октроировании прав верховной власти финляндским органам, тем более, что и в этом случае возможно заставить финляндские политические партии подписать соответствующий протокол, но финляндского генерал-губернатора смущает то опасение, что при утверждении акта 18 июля 1917 г. Россия окончательно потеряет все принадлежащие ей в Финляндии права, которые отныне будут зависеть от усмотрения сейма. Финлянд-

ский генерал-губернатор указал, однако, что вне указанных им способов нет другого выхода, и в случае, если они будут отвергнуты, то неминуемо наступит конфликт. Притом Н. В. Некрасов заявил, что, в существе дела, он не боится такого конфликта, однако он учитывает военные обстоятельства и полагает, что конфликт между Россией и Финляндией в значительной степени облегчит высадку германцев в Финляндии. Не нужно забывать также, что хотя финляндцы склонны более к пассивному сопротивлению, но тем не менее восстание их против России вполне возможно, есть также и объективные данные к этому. Недавно в распоряжение Центрофлота были доставлены значительные запасы военного снаряжения, которые, как было выяснено, отправлены были из Петрограда для того, чтобы вооружить финских рабочих и тем помочь им в их борьбе с буржуазией; те 40 000 ружей, которые были отпущены Путиловским заводом на вооружение Красной гвардии в Петрограде, тоже очутились в Финляндии [1]). На что будут употреблены те военные припасы — на борьбу с буржуазией или на борьбу с Россией, — совершенно неизвестно. Вместе с тем наши военные силы из рук вон плохи: расположенные в Финляндии товарищи представляют собой вооруженный сброд, высшего командования не существует, и отдельные военные части получают разные директивы. На собранном финляндским генерал-губернатором совещании военных властей выяснилось, что при высадке германцев в Финляндии доблестная революционная армия сдастся в плен, при восстании финляндцев — выдаст им все свое оружие, а при получении приказа выйти из Финляндии — откажется выполнить этот приказ.

Член Юридического совещания М. С. Аджемов высказал свой страх перед излишним уточнением государственной изобретательности, направленной к надуванию финляндцев. Правда, подобный прием весьма соблазнителен, но вместе с тем весьма рискован. Предлагаемый финляндским генерал-губернатором способ, обязав особым протоколом политические партии Финляндии передать всю полноту власти сейму, совершенно невозможен, так как невероятно, что сейм, получив всю полноту власти, вдруг ни с того ни с сего отдаст часть своих полномочий обратно. Вместе с тем подобный акт сейма, в существе дела, не имел бы юридического характера, так как он касался бы учредительных вопросов, тогда как сейм, созванный после утверждения акта 18 июля 1917 г., был бы сеймом обыкновенным, без учредительных прав. Кроме того неправильным является и второй способ разрешения конфликта — путем издания одностороннего акта русским Временным Правительством. Если даже подобный акт и будет признан собираемым ныне сеймом, то, тем не менее, его значение для последующих сеймов будет весьма сомнительно, и эти сеймы всегда будут иметь возможность не признавать этого акта. М. С. Аджемов

[1]) Сведения эти о размерах снабжения оружием финских рабочих организаций русскими революционерами крайне преувеличены.

не видит большой опасности в разразившемся конфликте. По его мнению, Россия может больше потерять, откладывая этот конфликт, тогда как финляндцам выгоднее, чтобы он разразился позднее, когда Россия еще больше разложится. Сверх того и некоторые частности предлагаемого финляндским генерал-губернатором проекта о порядке осуществления верховной власти в Финляндии вызывают весьма основательные сомнения. М. С. Аджемов указывал в виде примера на то обстоятельство, что право роспуска сейма по проекту находится в двух руках — у президента сената и у русской власти. Такое положение, вне всякого сомнения, послужит к возникновению целого ряда конфликтов, не говоря уже о том, что оно не согласуется с тем общим началом, в силу которого русской власти должно принадлежать право контроля за законодательством Финляндии, каковое право невозможно, если право роспуска сейма не останется в числе полномочий русской правительственной власти.

Член Юридического совещания бар. Б. Э. Нольде заявил, что ему неясно, каким образом односторонний акт русского правительства может связать сейм. По его мнению, было бы более целесообразно предоставить всю инициативу самим же финляндцам. Не нужно забывать, что односторонний акт ничего юридического в себе не заключает. Вследствие этого, по мнению бар. Б. Э. Нольде, необходимо, чтобы русское правительство имело вполне ясные гарантии от сейма и чтобы тот акт, который предлагает издать финляндский генерал-губернатор, был бы формально равен закону, чтобы сейм подтвердил своим постановлением то, что Россия оставила за собой в этом акте. С другой стороны, второй способ, предлагаемый финляндским генерал-губернатором и состоящий в утверждении акта 18 июля 1917 г., по моральным соображениям, совершенно невозможен. По мнению бар. Б. Э. Нольде, гораздо целесообразнее иметь дело с буржуазными партиями, чем с партиями социалистическими, так как партии эти, состоя сплошь из необразованных людей, представляются, с точки зрения политической, совершенно ненадежными. Поэтому бар. Б. Э. Нольде признает более целесообразным издание особого акта о передаче полноты власти финляндским органам, при условии, однако, чтобы на сейме политические партии были связаны соглашением о признании такового. Пусть это соглашение они заключат в том порядке, в каком это им будет возможно, но России необходимо настаивать, чтобы это соглашение имело юридически обязательную силу для Финляндии. С другой стороны, бар. Б. Э. Нольде полагал возможным предоставить роспуск сейма всецело главе финляндской исполнительной власти ввиду того, что мера эта относится целиком к внутренним финляндским делам. России же важно лишь сохранить за собою решение общих дел, право контроля и регулирования прав русских граждан. Поэтому бар. Б. Э. Нольде считал наиболее важным именно вопрос о соглашении, обязывающем не только Россию, но и Финляндию, каковое соглашение могло бы быть

осуществлено в порядке финляндской законодательной инициативы.

Член Юридического совещания А. Я. Гальперин указал, что, по мнению бар. Б. Э. Нольде, за Россией следует сохранить лишь область общих вопросов. Однако при этом возникает затруднение, коренящееся на [1]) международном праве, так как финляндцы именно настаивают на своем праве определить положение Финляндии в составе государства Российского путем международного соглашения. Само собой разумеется, что Россия не может согласиться с такой точкой зрения, а потому компромисс между Россией и Финляндией является невозможным. С другой стороны, А. Я. Гальперин опасался, что предлагаемое финляндским генерал-губернатором мероприятие уступает слишком много прав Финляндии и в значительной степени связывает будущее волеизъявление Учредительного Собрания, так как проект Н. В. Некрасова в существе меняет всю структуру государства Российского. По проекту глава исполнительной власти в Финляндии ставится вне зависимости от Временного Правительства, вследствие чего он является главой самостоятельного государства. Таким образом Финляндия и Россия по проекту обращаются в два самостоятельные суверенные государства. Член Юридического совещания А. Я. Гальперин обратил внимание на это обстоятельство и полагал необходимым уяснить себе, что проект не касается только перестройки существующих отношений между Россией и Финляндией, а стремится построить совершенно новый тип государства.

Финляндский генерал-губернатор, соглашаясь с высказанным А. Я. Гальпериным мнением, с своей стороны, полагал, что, в случае осуществления предполагаемого им проекта, отношения между Россией и Финляндией будут более всего напоминать отношения протектората.

Член Юридического совещания Д. Д. Гримм, с своей стороны, указал, что проект финляндского генерал-губернатора в действительности меняет всю существующую структуру, а вместе с тем обращает права России в нечто условное, прекарное, что является весьма опасным. Ведь все жизненное для России ставится в проекте как предмет торга между Россией и Финляндией, в существе зависящей [2]) от доброй воли последней. Как можно заключить из разъяснений финляндского генерал-губернатора, его проект возник лишь вследствие того обстоятельства, что финляндцам трудно, стоя на почве сеймового устава, составить большинство, требуемое для принятия положений, изменяющих основные законы края. Однако, по мнению Д. Д. Гримма, это обстоятельство является весьма выгодным для России, и Временное Правительство не должно упустить случая им воспользоваться. Россия должна сказать Финляндии, что Временное Правительство,

[1]) Так в подлиннике.
[2]) Так в подлиннике.

с одной стороны, не может предрешать волю Учредительного Собрания, а с другой — не может итти на облегчение финляндского внутреннего положения путем нарушения финляндской конституции. Д. Д. Гримм признал, что положение финляндцев весьма затруднительное, но России нет никакого смысла улучшать это положение путем уступок, которые все равно взять обратно немыслимо. Вследствие этого Д. Д. Гримм полагал, что для России целесообразнее итти на конфликт с Финляндией. Если по соотношению реальных сил Финляндия захватит всю полноту власти, то это будет лишь фактический захват, ни для кого не обязательный. Если Россия погибнет, то вопрос финляндский в общем крушении государства ровно никакого значения иметь не будет; если же России удастся спастись, то и фактические захваты финляндцев можно ликвидировать и восстановить правильные отношения к этой окраине. Финляндцы отлично понимают это положение. Поэтому и русским политическим деятелям необходимо предоставить финляндцам делать все, что они хотят, при оговорке, что Россия никаких фактических захватов не признает. Д. Д. Гримм вместе с тем указал, что экономические условия, в которые поставлена Финляндия, таковы, что дают громадный козырь в руки России. При малейшем восстании в Финляндии Россия может прекратить подвоз в эту страну предметов первой необходимости и тем принудить финляндцев к покорности. Поэтому Д. Д. Гримм полагал, что следует оставить все по-старому. Россия, согласно обещаниям, выраженным Временным Правительством в его актах и манифестах, вносит в сейм пропозиции, касающиеся взаимных правовых отношений России и Финляндии и новой формы правления, оговорив в них все, что она считает необходимым для охраны своих интересов. Засим пусть Финляндия делает с этими предложениями все, что она хочет.

Член Юридического совещания б а р. Б. Э. Н о л ь д е полагал, что в акте, который предполагает издать финляндский генерал-губернатор, должно быть точно оговорено сохранение без изменения правовых основ соединения России и Финляндии и возможность для России взять обратно все то, что этот акт уступает в пользу Финляндии. Засим этот акт должен быть формально обязательным и для Финляндии. При наличии этих двух условий бар. Б. Э. Нольде полагает возможным осуществить предлагаемые финляндским генерал-губернатором мероприятия.

Член Юридического совещания М. С. А д ж е м о в высказал убеждение, что Временное Правительство не имеет права делать таких вещей, которые будут непоправимы для Учредительного Собрания. Вследствие этого он считает меру, предлагаемую финляндским генерал-губернатором, неприемлемой именно потому, что потом нельзя будет отнять от Финляндии то, что вследствие этой меры Финляндия получила. По мнению М. С. Аджемова, все поведение финляндцев является сплошным политическим шантажом, подчиняться которому нет никакого смысла. Действительно, если Россия внесет на сейм

Финляндии пропозицию, соответствующую предположениям финляндского генерал-губернатора, и сейм ее примет, тогда власть России над Финляндией совершенно исчезнет, причем исчезнет навсегда. Если же эти предположения будут осуществлены односторонним актом Временного Правительства, то Россия окажется обязанною, а положение финляндцев будет попрежнему неопределенным, и нельзя заранее сказать, будут ли они считать себя в будущем связанными этим актом или нет. Поэтому лучше все оставить по-старому и не вносить никаких изменений в правовую область отношений между Россией и Финляндией. К этому М. С. Аджемов добавляет соображения международного свойства. В случае принятия мер, предлагаемых финляндским генерал-губернатором, положение России на международном конгрессе окажется в высшей степени трудным. Немцы обязательно поставят вопрос о Финляндии и будут нас бить указаниями, что мы сами признали независимость Финляндии, находя при этом поддержку в сентиментальных чувствах Европы. Поэтому, как бы ни было тяжело положение финляндского генерал-губернатора, лучше итти на открытый разрыв с финляндцами, нежели выдумывать опасные для нас комбинации.

Финляндский генерал-губернатор указал, что им умышленно возбужден был вопрос об утверждении самочинного акта сейма от 18 июля 1917 г. с тем, чтобы членам Юридического совещания сделалось ясным, что по существу между этим актом и проектом буржуазии никакой разницы нет: как там, так и здесь дело идет о самостоятельности сейма. Финляндский генерал-губернатор вовсе не намерен отстаивать предложенные им мероприятия, он считал лишь необходимым откровенно сказать финляндцам, что в настоящее время Временное Правительство согласно уступить в пользу Финляндии то, что выражено в представленном Н. В. Некрасовым проекте, а при Учредительном Собрании финляндцы получат то, что выражено в проектах о взаимных правовых отношениях России и Финляндии и о новой форме правления. Если финляндцы согласны на предложение России, то дело улаживается, если же нет, то Россия сохраняет за собой полную свободу действий. С своей стороны, финляндский генерал-губернатор полагал, что единственною почвою для соглашения явилось бы — неприемлемое совершенно для нас — утверждение акта 18 июля 1917 г. Все же прочие комбинации неминуемо привели бы к конфликту.

Член Юридического совещания бар. Б. Э. Нольде полагал, что при разрешении столь трудных политических вопросов, каким является вопрос финляндский, абсолютные точки зрения совершенно непригодны. Члены Юридического совещания уяснили себе в достаточной степени, что все стремления финляндцев, в своем существе, сводятся к идее независимости и что на этой почве неизбежен конфликт. При этом уже у финляндцев готова объяснительная теория, которая на чисто правовой почве объясняет, почему, вследствие происшедшей

в России революции, Финляндия имеет право на независимость. Вместе с тем из разъяснения финляндского генерал-губернатора явствовало, что, в конце концов, финляндцы испугались такой независимости и готовы в настоящее время пойти на компромисс. В силу этого бар. Б. Э. Нольде полагал целесообразным воспользоваться таким настроением финляндцев и предложить им, с своей стороны, такую комбинацию, в силу которой впредь до Учредительного Собрания лицу, избранному сеймом, передается вся полнота власти в отношении финляндских дел, при этом, однако, за русскою правительственною властью сохраняется решение общих, в том числе и международных дел. Если Россия будет медлить с согласием на подобный компромисс, то бар. Б. Э. Нольде опасается, что, при известной склонности финляндцев к юридическому творчеству, окажется, что у финляндских юристов имеется уже теория, в силу которой между Финляндией и Россией не имеется и общих дел. Вследствие этого бар. Б. Э. Нольде полагал необходимым принять проект финляндского генерал-губернатора с тем, чтобы избавить Россию в будущем от новых притязаний финляндцев.

Член Юридического совещания Г. Э. Блосфельдт полагал, что ввиду обещаний, данных Временным Правительством, необходимо представить на сейм Финляндии проекты закона о взаимных правовых отношениях России и Финляндии, внеся в них те изменения, которые, с русской точки зрения, представляются необходимыми. Засим возможно было бы пойти на известные уступки, при условии, что эти уступки делаются временно, впредь до принятия Учредительным Собранием и сеймом Финляндии указанных выше законопроектов. Г. Э. Блосфельдт указал при этом, что Временное Правительство уже встало на путь уступок, передав осуществление административной власти в Финляндии финляндскому сейму. В силу этого, по мнению Г. Э. Блосфельдта, представляется возможным сопроводить вносимые в сейм законопроекты особым актом о передаче в отношении внутренних дел Финляндии законодательной власти финляндским органам.

Председатель Юридического совещания Н. И. Лазаревский отметил, что в Юридическом совещании высказаны были две точки зрения. Первая из них, поддерживаемая бар. Б. Э. Нольде, состоит в том, что предлагается пойти в отношении Финляндии на известные уступки и заключить с финляндскими политическими деятелями известный компромисс. В оправдание этой точки зрения приводится то соображение, что заключенный с финляндцами компромисс может обеспечить Россию от восстания в Финляндии. Но, с другой стороны, этот компромисс, в существе дела, предрешает решение Учредительного Собрания. Вторая точка зрения, высказанная членами Юридического совещания М. С. Аджемовым и Д. Д. Гриммом, наоборот, полагает, что на такой компромисс, по соображениям целесообразности, Россия не должна итти. Эта точка зрения, не предрешая решения Учредительного Собрания, вместе с тем является более согласованной с интересами России. Председатель Юридического сове-

щания отметил, что принятие предложения финляндского генерал-губернатора в сущности предрешает вопрос о пределах автономии других окраин России, так как эти окраины, опираясь на финляндскую политику Временного Правительства, будут требовать себе тех же прав, кои предоставлены Временным Правительством Финляндии.

Подписали: Председатель *Н. Лазаревский.*
Члены: *Г. Блосфельдт, А. Гальперин, Э. Гинзберг, В. Гревс, Д. Гримм, М. Аджемов, бар. А. Нольде, бар. Б. Нольде.*

ХИВА.

Отношение Туркестанского комитета на имя военного министра [1]).

Препровождая при сем: 1) проект положения о комиссаре Временного Правительства Российской державы в Хиве и 2) проект основных законов Хивинского ханства [2]), Туркестанский комитет просит вас, г. министр, о представлении таковых на утверждение Временного Правительства.

Прилагаемые при сем проекты положения и основных законов были рассмотрены в Краевом совещании при Туркестанском комитете и им одобрены.

Выработанный проект основных законов Туркестанский комитет не считает окончательным и, предполагая передать таковой хану хивинскому для объявления в манифесте хивинскому народу в виде самостоятельного акта, допускает в нем некоторые изменения, внесенные по усмотрению хана, при оставлении в нем всех основных положений.

К сему комитет присовокупляет, что современное положение дел в ханстве и непрекращающиеся разбои и грабежи повелительно указывают на неотложную необходимость назначения в Хиву комиссара и на беззамедлительное проведение этой меры в жизнь теперь же и, во всяком случае, не позже первых чисел октября, дабы комиссар и состоящие при нем чины могли бы выехать в Хиву, воспользовавшись пароходным сообщением по Аму-Дарье, прекращающимся с двадцатых чисел октября и до марта, когда сообщение с Хивой возможно только на верблюдах, поддерживающих почтовое сообщение с Аму-Дарьинским отделом [3]) и ханством в указанное ненавигационное время.

---

[1]) Документ написан на бланке со штампом: «Временное Правительство. Туркестанский комитет. № 12971. 13 сентября 1917 г. Г. Ташкент. На № 925».

[2]) АОР, ф. № 474, д. № 6. Оба проекта присланы были политическим управлением военного министерства «на предварительное заключение» в Юридическое совещание при Вр. Пр-ве, куда они поступили 5 октября 1917 г. Заключение не было дано за переходом власти в руки Советов.

[3]) Аму-Дарьинский отдел — часть б. Сыр-Дарьинской области, граничащая с б. Хивинским ханством. Начальник отдела пользовался значительно большими правами и властью, чем другие уездные начальники. Через него происходили сношения с хивинским ханом, и в этом отношении начальник Аму-Дарьинского отдела был подчинен непосредственно туркестанскому генерал-губернатору.

Кандидат на должность комиссара в Хиву Туркестанским комитетом намечается, и представление о назначении его последует дополнительно.

На должности советников кандидаты также имеются в виду, и назначение их последует распоряжением комитета немедленно по утверждении штатов.

Приложение: Проекты положения и основных законов.

Председатель комитета *В. Наливкин.*
Управляющий канцелярией [подпись].

Положение о комиссаре Временного Правительства Российской державы в Хиве.

1. Комиссар Временного Правительства Российской державы в Хиве назначается для содействия хану хивинскому и избранным от населения представителям меджлису [1]) в их деятельности по управлению ханством, по установлению в нем общественных правовых норм и по поднятию благосостояния населения ханства.

2. Комиссар Временного Правительства в Хиве определяется и увольняется военным министром по представлениям Туркестанского комитета, которому подчиняется непосредственно.

Примечание. В случае признанной Туркестанским комитетом необходимости, комиссар может быть уволен от должности распоряжением комитета, с донесением оснований принятой меры Временному Правительству.

3. Выполняет комиссар свои нижеперечисленные обязанности на всей территории ханства Хивинского. Местопребывание имеет в гор. Хиве.

4. Права и обязанности начальника Аму-Дарьинского отдела, указанные в положении об управлении Туркестанским краем по делам Хивинского ханства, переносятся на комиссара Временного Правительства в Хиве.

5. В случае надобности, комиссар обращается за содействием к находящемуся в Хиве отряду русских войск (свод зак., т. II, ст. 316, по прод. 1912 г., правила о призыве войск для содействия гражданским властям).

6. При комиссаре состоят советники по административно-правовой и финансовой частям и канцелярия по прилагаемому штату.

7. В случае смерти, болезни или отсутствия комиссара, в исполнение обязанностей его вступает один из советников, предназначаемый для этого заранее Туркестанским комитетом.

8. Советники по административно-правовой и финансовой частям определяются к должности и увольняются Туркестанским комитетом.

9. Чины канцелярии комиссара определяются и увольняются комиссаром.

[1]) Так в подлиннике.

10. На обязанности российского комиссара лежит: 1) постоянное осведомление Туркестанского комитета о положении дел в ханстве, 2) ближайший надзор за деятельностью хивинского меджлиса и хивинских начальствующих лиц по всем отраслям управления ханством, 3) содействие хивинскому правительству в принятии мер к поддержанию спокойствия в ханстве Хивинском; 4) наблюдение за точным выполнением ханом хивинским, меджлисом и кабинетом министров имеющих быть изданными ханом хивинским основных законов ханства; 5) настоящие и полное содействие хану хивинскому, меджлису и кабинету министров к выработке и изданию законов, определяющих:

а) коренное изменение условий службы должностных лиц ханства, с переводом их на определенное содержание;

б) устройство местного административного управления;

в) устройство судебной части;

г) развитие народного образования открытием начальных школ с улучшением методов преподавания;

д) упорядочение существующих ирригационных систем и проведение новых, с урегулированием натуральной повинности населения;

е) устройство в городах и округах ханства постоянных больниц и амбулаторных пунктов;

ж) реформу поземельно-податного дела, на основании равномерного обложения возделываемых земель, которые должны быть приведены в известность путем измерения и нанесения на план;

з) приведение в известность доходов ханства, определение той части их, которая может быть употребляема на вышеперечисленные начинания, и составление ежегодной росписи доходов и расходов ханства;

и) местные (земские) сборы и расходы на удовлетворение местных нужд;

і) улучшение в ханстве грунтовых дорог и переправ, а по проведении через ханство железной дороги — устройство к ней подъездных путей;

к) заботливое, искреннее попечение о нуждах не только коренного оседлого населения в ханстве, но и туркменского населения, в целях полного примирения между собою этих народностей.

11. По отношению к русским подданным, проживающим в пределах ханства Хивинского и в русских поселениях его, комиссар пользуется правами областного комиссара областей Туркестанского края.

12. На комиссара возлагается защита законных интересов и прав русских подданных, проживающих в ханстве Хивинском.

13. Все проживающие в ханстве Хивинском иностранные подданные находятся в ведении комиссара, причем он ведет им регистрацию и наблюдает, чтобы их деятельность не шла во вред русским в Хивинском ханстве интересам.

14. По судебной части комиссар в Хиве действует на основании положения об управлении Туркестанского края (приложение к статье 117, прим. 2, по прод. 1912 г.).

15. На комиссара возлагается выдача паспортов хивинско-подданным, отправляющимся в пределы России и за границу.

16. Должности российского комиссара в ханстве Хивинском присвоивается печать с изображением государственного герба и наименованием должности.

17. Комиссар представляет Туркестанскому комитету по истечении каждых трех месяцев краткий отчет о своей деятельности и деятельности меджлиса и кабинета министров ханства Хивинского, а по истечении года — подробный о сем отчет. О всяких чрезвычайных происшествиях и мерах комиссар доносит Туркестанскому комитету немедленно.

Председатель Туркестанского комитета
Временного Правительства *В. Наливкин.*

Управляющий канцелярией [подпись] [1]).

Основные законы Хивинского ханства.

Глава I.

О законах.

1. Хивинское ханство управляется на основании шариата и законов, изданных в установленном порядке.

2. Сила законов равно обязательного [2]) для всех хивинских подданных без различия их общественного положения и пола.

3. Никакой новый закон не может последовать без одобрения его меджлисом и без утверждения ханом, признанным российским правительством.

4. Каждый закон имеет силу только на будущее время.

5. Все законы объявляются во всеобщее сведение министром юстиции и прежде объявления в действие не приводятся. Хранение законов возлагается на министра юстиции.

6. Министр юстиции не может опубликовывать законов, изданных не в установленном порядке, то-есть не одобренных меджлисом и не утвержденных ханом.

7. Каждый закон может быть отменен только новым законом.

8. Если закон был объявлен установленным порядком, никто не может отговариваться его незнанием.

9. Изложенные в сем постановления, равно как и ранее заключенные с российским правительством договоры, не могут быть изменены ни по требованию хана ни по требованию меджлиса, если на это не последует согласия российского правительства.

---

[1]) К положению приложен не публикуемый здесь нами «Штат комиссарства Временного Правительства Российской державы в Хиве».

[2]) Так в подлиннике.

Глава II.

О верховной власти.

10. Верховная власть в Хивинском ханстве принадлежит признанному российским правительством хану и избранному от всего народа меджлису.

11. На личное содержание хана и содержание ханского дворца отпускается ежегодно, с утверждения меджлиса, определенная сумма из средств хивинского казначейства.

12. Хан является главою Хивинского ханства и представителем его при сношениях с российским правительством.

13. Согласно шариата, хан вправе творить суд в ханстве, разбирая дела в случае обращения к нему обеих сторон.

14. Руководя управлением в Хивинском ханстве, хан осуществляет свою власть на точном основании шариата и справедливости с тем, чтобы каждый житель ханства под покровительством шариата и закона спокойно жил и пользовался трудами рук своих.

15. Принадлежащую хану как представителю верховной власти власть административную (исполнительную) он осуществляет через ответственных перед меджлисом за свои действия министров.

16. Хан выбирает премьер-министра (скрепляющего своею подписью все законы) и поручает ему совместно с меджлисом составить кабинет министров и распределить между ними должности и обязанности. Список избранных премьер-министром и меджлисом министров, если он избран большинством меджлиса и получит вотум доверия, представляется премьер-министром хану на утверждение. С разрешения меджлиса и утверждения хана могут быть назначены помощники министров. Все эти лица получают определенное, установленное меджлисом и утвержденное ханом, жалованье.

17. Премьер-министр, скрепляя законы своей подписью, ответственен перед судом за нарушение настоящих правил.

Глава III.

О меджлисе.

18. Меджлис, в числе не свыше 50 депутатов, составляется из избираемых сроком на 3 года лучших людей Хивинского ханства и заседает в городе Хиве в особом отведенном для сего помещении.

19. В выборах в меджлис участвует все население ханства, достигшее ко дню выборов 20-летнего возраста.

20. Выборы в меджлис производятся по всему ханству в один и тот же день, назначенный ханом по соглашению с комиссаром российского правительства, и производятся закрытой баллотировкой.

21. Правильность избрания отдельных членов проверяется меджлисом в одном из первых заседаний.

22. Меджлис избирает из своей среды закрытой баллотировкой председателя, который руководит заседаниями меджлиса и является его представителем при сношениях с ханом и другими учреждениями ханства. На обязанности председателя меджлиса лежит также ежедневное осведомление о ходе работ меджлиса комиссара российского правительства.

23. Для заведывания канцелярией из членов меджлиса избирается секретарь, который ведет протокол заседаний меджлиса и записывает постановления меджлиса в особые книги.

24. На время перерыва сессии все документы и весь архив меджлиса сдаются на хранение в министерство юстиции.

25. Меджлис собирается не менее двух раз в год, причем очередная сессия меджлиса продолжается не более одного месяца.

26. Чрезвычайные сессии меджлиса созываются по мере надобности, по особому указу хана, основанному на его личном усмотрении, или по письменному требованию половины состава меджлиса или же по требованию комиссара российского правительства.

27. Заседания меджлиса считаются законными, если на них присутствует не менее трех четвертей числа всех членов.

28. Члены меджлиса получают особое суточное содержание, уплачиваемое им за время сессии, в размерах, определенных самим меджлисом и необременительных для казны.

29. Члены меджлиса, пропустившие заседания, лишаются суточного вознаграждения; члены меджлиса, пропустившие подряд более трех заседаний без законной причины (например: лишение свободы, прекращение сообщений во время непреодолимого препятствия, как то: заразы, сильного разлития рек и т. п., болезни, лишающей возможности отлучиться из дому, внезапного разорения от несчастного случая, смерти родителей, мужа, жены или детей или же тяжкой, грозящей смертью, болезни их), подвергаются штрафу в размере двойного суточного содержания.

30. Член меджлиса, пропустивший одну сессию и не явившийся на вторую, исключается из числа членов меджлиса.

31. Члены меджлиса не ответственны за свои речи в меджлисе, если в них не содержится оскорбления частных лиц или клеветы.

32. Роспуск меджлиса и назначение новых выборов до истечения 3-летнего срока может последовать по указу хана в том лишь случае, когда на это будет получено согласие комиссара российского правительства.

33. В случае выбытия кого-либо из членов меджлиса до окончания 3-летнего срока, его место заступает кандидат из числа избранных населением по расчету одного кандидата на каждого члена меджлиса. Выборы кандидатов и членов меджлиса производятся одновременно.

34. Меджлис, через своего председателя, может обращаться к министрам и управляющим отдельными ведомствами с запросами и требовать объяснений по поводу таких, последовавших с их стороны

или подведомственных им учреждений и лиц, действий, которые меджлис признает противными шариату или закону. Ответ должен быть дан подлежащими министрами в течение той же сессии, в которой последовал запрос.

35. Меджлис большинством голосов может выразить недоверие тому или иному министру или всему кабинету. В таком случае министр или весь кабинет уходят в отставку.

36. Меджлис рассматривает все законы, касающиеся ханства, составляет расписание должностей по всем ведомствам управления и суда, назначает оклады жалованья, определяет размер и порядок взимания с населения разного рода податей и сборов, стремясь к тому, чтобы все группы населения, без различия племен и родов, были обложены справедливо и одинаково, соразмерно с величиной их земель и других имуществ.

37. Меджлис рассматривает ежегодно бюджет, то-есть роспись доходов и расходов Хивинского ханства, представляемую каждым министром по своему ведомству и сведенную вместе министром финансов.

38. Без утверждения меджлисом сметы приходов и расходов хивинское казначейство не вправе отпускать средства тому или иному ведомству.

39. Меджлис, будучи органом верховной власти в ханстве, обязан приложить все старания к тому, чтобы Хивинское ханство процветало, население увеличивалось и богатело, имело хорошие дороги, мосты, дешевые школы, больницы, почту и телеграф; чтобы власти были справедливы и ограждали население от всякого насилия, действуя на точном основании законов и шариата.

Глава IV.

О министрах и беках.

40. Исполнительная власть в ханстве осуществляется под верховным руководством хана кабинетом министров в составе министра-председателя, внутренних дел, юстиции, народного просвещения, финансов и кази-калляна (шейх-уль-ислама).

41. Беки, являющиеся высшей правительственной властью в пределах отдельных бекств, назначаются по указу хана из лиц, представленных меджлисом.

42. Беки исполняют и проводят в жизнь все предписания от центрального правительства. Они имеют надзор за безопасностью и спокойствием в бекстве, задерживают преступников и передают их судебной власти или препровождают в Хиву. О всех выдающихся событиях немедленно доносят они соответствующему министру для доклада хану и меджлису.

43. Совместно и под контролем представителей местного населения беки заботятся об удовлетворении всех местных нужд и ведут отчетность по всем местным финансам. Совместно с представителями от

населения они составляют ежегодную ведомость местных доходов и расходов бекства, каковая должна быть подписана беком и представителем каждого племени или каума (рода). Копия этой ведомости представляется в меджлис и в русский комиссариат, которые в каждое данное время могут сделать фактическую проверку ведомости и наличного состояния местной кассы; проверка эта делается при непременном участии представителей местного населения.

44. Бек всю свою деятельность ведет в согласии с местным советом, избираемым населением бекства. В случае отсутствия общего мнения, вопросы решаются простым большинством.

45. Местный совет не имеет постоянных заседаний. Члены его могут собираться в канцелярию бека во всякое время. Но общие заседания всего совета, в которых должны участвовать не менее двух третей членов, должны собираться не менее одного раза в месяц. По желанию, представители могут быть удовлетворены суточными в определенном законом размере.

46. В подчинении беков находится формируемая в ханстве милиция, а сам бек в этом отношении подчиняется министру внутренних дел и вместе с последним во всех своих действиях по заведыванию милицией дает отчет меджлису и русскому комиссариату.

47. Нахождение на министерских постах родственников безусловно воспрещается; равным образом воспрещается министрам и другим начальствующим лицам иметь своих родственников в числе подчиненных.

48. Министры, помощники министров, председатель меджлиса, а также беки за общие уголовные преступления подлежат особому суду, состоящему под председательством лица, назначенного российским правительством, и имеющему в своем составе не менее половины членов не-туземцев, избранных по соглашению хана с комиссаром российского правительства.

Глава V.

О правах и обязанностях хивинских граждан.

49. Хивинские подданные обязаны платить установленные законом налоги и пошлины, а также отбывать натуральные повинности.

50. За преступное деяние каждый преследуется только в установленном законом порядке.

51. Никто не может быть задержан под стражей иначе, как в установленном законом порядке.

52. Жилище каждого неприкосновенно. Производство в доме, без согласия его хозяина, обыска или выемки допускается только в случаях, законом определенных.

53. Каждый хивинский подданный имеет право свободно избирать себе место жительства и занятие, приобретать и отчуждать имущество и беспрепятственно выезжать за пределы ханства, если для всего этого не установлено законом ограничений.

54. Никто не может быть подвергнут по суду смертной казни или наказаниям, связанным с истязаниями или увечьем, каковые наказания отменяются навсегда.

55. Собственность неприкосновенна. Когда это необходимо для ханства, то принудительное отчуждение земель производится по закону.

56. Хивинские подданные имеют право устраивать собрания мирно и без оружия.

57. Каждый может высказать свои мысли печатно и устно и распространять их разными способами в пределах, ограниченных законом.

58. Хивинские подданные имеют право образовывать общества и союзы в пределах, ограниченных законом.

Председатель Туркестанского комитета
Временного Правительства *В. Наливкин.*
Управляющий канцелярией [подпись].

Из переписки П. А. Столыпина с Николаем Романовым *).

1.

Ваше императорское величество.

Приказания ваши получил [1]). Относительно текста указа и объявления жителям мною уже вчера даны соответствующим лицам заказы. Очень благодарен вашему величеству, что вы изволили заблаговременно сообщить мне решение ваше не принимать теперь Государственной Думы. Я немедленно через преданных людей принял меры к тому, чтобы во всеподданнейшем адресе просьба об этом была выражена в более общих выражениях, дабы неприем Думы не имел характера отказа в приеме со стороны вашего величества. Конечно, ни одной душе не известно, что мною что-либо докладывалось об этом вашему величеству.

Вместе с тем почитаю долгом своим не скрыть от вашего величества, что у большинства членов Государственной Думы желание видеть своего царя самое горячее и искреннее. Это все люди земли, одушевленные к вашему величеству лучшими верноподданническими чувствами. Независимо от их будущей думской работы, они сами по себе достойны милостивого внимания ваших величеств.

Простите, государь, что смею высказать свое мнение, но пишу это в надежде, что ваше величество не изволили, быть может, отказаться от первоначального своего намерения принять членов Думы отдельными группами.

Председатель Совета Министров *Столыпин*.

9 ноября 1907 года.

---

*) В пятом томе «Красного Архива» была опубликована переписка Николая Романова с П. А. Столыпиным за 1906—1911 гг., состоявшая из записок и писем царя и докладов Столыпина. Печатаемые ниже всеподданнейшие записки и письма Столыпина являются дополнением к опубликованной серии, охватывая тот же период. Подлинники их, хранившиеся ранее в Царскосельском Александровском дворце, хранятся ныне в Московском Архиве Октябрьской Революции. Текст писем подготовил к печати и снабдил примечаниями В. П. Семенников.

Редакция.

2.

Ваше императорское величество.

Ввиду окончания дела с Кауфманом[2]), я позволю себе переговорить со Шварцем и с Кассо, которого вызову из Москвы. После переговоров с ними доложу вашему величеству о том, кто из них, по моему мнению, способнее повести дело просвещения юношества твердою и умелою рукою. Мне кажется, что тянуть с этим делом нельзя: раз бессилие теперешнего министерства народного просвещения стало несомненным, то промедление было бы большою ошибкою, бросая тень какой-то неопределенности и двойственности на общую политику правительства.

Поэтому я был бы счастлив, если бы назначение нового министра и увольнение Кауфмана и Герасимова состоялось до возобновления работ Государственной Думы.

Вчера у нас было очень бурное заседание с Герардом и Лангофом. Я счел нелишним громко заявить, что ваше величество твердо решили, в случае нарушения финляндцами закона и неподчинения законным требованиям, действовать силою «manu militari». Повидимому, в Гельсингфорсе начинают понимать, что это не пустые угрозы, и мне кажется, что дело принимает удовлетворительный оборот.

Судейкина я прекрасно знаю по Вильне, где он был правителем канцелярии у генерала Троцкого. Умный человек, но лиса. Про его отношение к финляндскому вопросу я узнаю и доложу вашему величеству.

Председатель Совета Министров *Столыпин*.

22 декабря 1907 года.

3.

Сейчас статс-секретарь Танеев [3]) сообщил мне, что так как в полученном им повелении вашего величества сказано об увольнении Герасимова от должности, то он заготовил указ об оставлении его по ведомству. Я полагаю, что это, во-первых, произведет такое впечатление, что он нужен в ведомстве, а, во-вторых, он сам просился в отставку и говорил о пенсии, что возможно лишь при отставке.

Вследствие сего я решился беспокоить ваше величество и просить точных указаний, дабы Танеев успел изменить редакцию указа, так как я от себя не могу этого сделать.

Сегодня я видел Шварца и говорил с ним о рескрипте. Дело это не так просто, так как высшие учебные заведения имеются в четырех министерствах, и текст рескрипта подлежал бы совместному обсуждению с заинтересованными министерствами. Сделать этого до нового года я не могу, так как вчера вернулся от вашего величества больной. Задумываюсь я также над тем, нужен ли именно рескрипт, не свяжет ли он ваше величество в будущем и не лучше ли ограничиться

программною речью нового министра к подведомственным ему чинам? Все это, конечно, не может задержать назначения нового министра, почему я и осмеливаюсь тревожить ваше величество, так как важно, чтобы все три указа — о Кауфмане, Шварце и Герасимове — появились в один день, 1 января.

На случай, если болезнь помешает мне лично принести вашему величеству новогоднее поздравление, позволяю себе еще раз повергнуть перед вашим величеством мои самые горячие верноподданнические пожелания счастья, здоровья и успеха.

Председатель Совета Министров *Столыпин*.

30 декабря 1907 года.

4.

Ваше императорское величество.

Милостивые строки, которыми ваше величество меня осчастливили [4]), заставляют меня нарушить покой, которым вам, государь, так редко приходится пользоваться.

Мысль вашего величества о рескрипте финляндскому генерал-губернатору, с предупреждением сейму, представляется мне весьма удобовыполнимою перед созывом нового сейма в феврале. Я думаю, что крепкое слово вашего величества может отрезвить часть финляндцев. Внушить финляндцам, что поворота в русской политике не будет, — это значит разрешить финляндский вопрос.

На-днях будет представлен вашему величеству общий мой с А. В. Кривошеиным всеподданнейший краткий отчет о нашей поездке [5]).

Я говорю — краткий, так как все поучительные впечатления наши и выводы заняли бы целые томы.

Общее мое впечатление более чем утешительное. После страшной встряски Россия несомненно переживает сильный экономический и нравственный подъем, которому сильно способствует и урожай двух последних лет.

Сибирь растет сказочно: в безводных степях (Куландинска), которые два года тому назад признавались негодными для заселения, в несколько последних месяцев выросли не только поселки, но почти города. И прорывающийся из России в Сибирь смешанный поток богатых и бедных, сильных и слабых, зарегистрированных и самовольных переселенцев — в общем, чудный и сильный колонизационный элемент. Прибавлю, элемент — крепко монархический, с правильным, чистым, русским миросозерцанием. «Мы верим в бога, верим в государя, просим: дайте нам церковь, дайте школу» — вот общий крик всех сибирских переселенцев. В каждом селе нас встречали многолетием вашему величеству, везде просили передать царю-батюшке о любви народной. Я уже телеграфировал об этом вашему величеству и прошу разрешить передать населению через губернаторов высочайшую вашу благодарность.

Но утешительное настоящее не должно заслонять от нас осложнений в будущем. А осложнения эти мы сами себе готовим: расточительно, даром, раздаем крестьянам, наравне с заемною землею, и землю, стоящую уже теперь до 100 рублей за десятину; искусственно насаждаем общину в стране, которая привыкла к личной собственности, в виде заимок; не подумали еще о насаждении частной земельной собственности там, где переселенец без заработков гибнет.

Все это и многое другое — вопросы срочно-настоятельные. Иначе бессознательно и бесформенно создастся громадная, грубо-демократическая страна, которая скоро задавит Россию европейскую.

Впрочем, все наши предположения скоро будут представлены вашему величеству.

Бодро идет также землеустроительная работа и в поволжских губерниях, по которым мы проехали. Пока, конечно, брошены только зерна, и предстоит еще чрезвычайный труд. Но изменилась психология народная, между крестьянами появились уже апостолы землеустройства и земельных улучшений. Я видел членов первой Думы из крестьян-революционеров, которые теперь страстные хуторяне и люди порядка. И как вы правы, ваше величество, как вы правильно угадываете то, что творится в душе народной, когда пишете, что краеугольные для правительства вопросы — это землеустройство и переселение. Нужно приложить к этим двум вопросам громадные усилия и не дать им зачахнуть.

В городе много говорят о Кассо — это для всех большой знак вопроса. Говорят и о гибели капитана Мациевича [6]). Наши офицеры, действительно, достигли в области воздухоплавания замечательных результатов. Но мертвые необходимы! Жаль смелого летуна, а все же общество наше чересчур истерично. В общем, все тут тихо и благополучно.

Дай бог, чтобы лечение ее величества продолжалось так же успешно, как и началось, и помоги господь вашим величествам вернуться на родину благополучно и в добром здравии.

Вашего императорского величества верноподданный *П. Столыпин*.

26 сентября 1910 г. С.-Петербург.

5.

Вследствие приказания вашего величества, приемлю долг доложить, что члены совета по делам местного хозяйства, которые будут иметь счастие представляться вашему величеству во вторник, обсуждали в настоящую сессию три законодательные предположения министерства: 1) об организации кредита для городов и земств, 2) о мерах помощи населению в случае неурожая и 3) о земских гужевых дорогах.

Первый из этих вопросов весьма важен, так как городам и земствам весьма трудно осуществлять займы на предмет благоустройства и экономических улучшений — предполагается правительственный

банк, который будет помогать им в этой трудной операции. Второй вопрос сводится к рассмотрению нового продовольственного устава, согласно которому «кормление» голодающего населения государством совершенно отпадает и заменяется для имущих — кредитом, для располагающих лишь мускульною силою — общественными работами, а для немощных — благотворительною помощью. Заведывание этим делом предполагается передать земствам, которые, только в случаях всенародного бедствия, будут получать на этот предмет помощь от правительства.

Третий вопрос — о дорогах, заключается в установлении натуральной повинности и помощи земствам от государства на сооружение дорог, имеющих государственное значение.

В предыдущие сессии совет рассмотрел законопроекты об управлении поселковом, волостном, уездном, губернском, о земстве в западных губерниях и многие другие, список которых при сем прилагается *).

Создан совет для того, чтобы, прежде внесения министерских законопроектов в Государственную Думу, их подвергнуть разбору, критике, исправлению со стороны местных людей, дабы проекты не были созданием одних чиновников, а получили жизненность.

Должен засвидетельствовать перед вашим величеством, что учреждение это очень полезно, в нем дружно вместе работают чины министерств, губернаторы, предводители, городские головы и земские люди.

В обществе и печати совет прозвали «Преддумы». В настоящем году кончается трехлетнее полномочие представителей в совете от земств и городов.

После вторника останется работы на два-три дня, чтобы закончить продовольственный устав. Я боюсь, как бы, после представления вашему величеству, члены не начали разъезжаться, и потому было бы весьма полезно, если бы в отдельных разговорах ваше величество изволили высказать свое желание, чтобы работа эта была закончена.

Статс-секретарь *Столыпин*.

20 ноября 1910 года.

6.

Ваше императорское величество.

Не могу не повергнуть на благовоззрение ваше некоторые соображения, которые явились последствием выслушанного мною от вашего величества по поводу обер-прокурора святейшего синода.

Вашему величеству известно, что я глубоко чувствую синодальную и церковную нашу разруху и сознаю необходимость приставить к этому делу человека сильной воли и сильного духа. Поэтому всякую перемену в эту сторону я считал бы благом для церкви и России.

*) Список при письме отсутствует.

Но большою бедою было бы, если бы перемены в столь важной области, как церковная, общество связывало с политикою или партийностью! Поэтому весьма важен выбор минуты для таких перемен.

Между тем, вчера, по возвращении из Царского, я узнал, что в городе уже говорят об уходе С. М. Лукьянова и толкуют это, как последствие мер, принятых им против иеромонаха Иллиодора [7]).

Сегодня я узнал, что иеромонах Иллиодор приезжает завтра в Петербург. Несомненно, что, если уход обер-прокурора состоится теперь же, немедленно, то этот дерзновенный монах будет громко приписывать эту отставку себе. Так ее поймут все!

Я считаю самое направление проповеди Иллиодора последствием слабости синода и церкви и доказательством отсутствия церковной дисциплины.

Но при наличии факта, факта возвеличения себя монахом превыше царя, поставления себя вне и выше государства, возмущения народа против властей, суда и собственности, я первый нашел, что, если правительство не остановит этого явления, то это будет проявлением того, что в России опаснее всего, проявлением слабости...

Поэтому я вашему величеству неоднократно заявлял, что за действия по отношению к Иллиодору, в период его открытого возмущения против синода и даже вашей царской воли, ответствен исключительно я. Это было известно и С. М. Лукьянову.

Если теперь вся видимость обстоятельства (хотя по существу это и не так) сложится таким образом, как будто С. М. Лукьянов отставлен за Иллиодора, то совесть моя будет меня мучить, что я не отстоял его перед вашим величеством. Для государственного человека нет большего проступка и большего греха, чем малодушие.

Мое же самое глубокое и искреннее убеждение состоит в том, что интересам вашего величества в этом деле будет соответствовать лишь наличие общественного сознания, что решение вашего величества о замене обер-прокурора другим лицом принято вне зависимости от обстоятельств преходящих.

Поэтому я думаю, и мнение свое осмеливаюсь представить вашему величеству, что, для выполнения угодной вам перемены, без истолкований, спокойно, без возбуждения, желательно было бы выждать месяца два-три, до весны или начала лета.

Вашего императорского величества верноподданный *П. Столыпин*.

26 февраля 1911 года.

7.

Ваше императорское величество.

Вы изволили обратиться к моей совести, и я мучительно в эти дни передумал поставленный мне вопрос [8]).

С одной стороны — упрек, который мне ставят некоторые, что я поддался личному чувству, чувству гнева, а главное — сомнение,

что я непрошенною мерою мог поставить ваше величество в положение, неудобное по отношению к лицу, сослужившему вам и России в 1905 году большую службу.

С другой стороны — государственная необходимость, спокойное течение государственных дел!

Начну с последнего. Когда ваше величество повелели мне остаться на моем посту, передо мною во весь рост встал вопрос о непреодолимом препятствии на моем пути, в виде стены, которую я не могу сдвинуть с места. Я разумею искусственную обструкцию, создаваемую мне в Государственном Совете. Неутомимая деятельность П. Н. Дурново в этом направлении продолжится, несомненно, и впредь, что доказывается только что появившимся в печати памфлетом против правительства, вдохновленным, по общему отзыву, им.

Все это будет неистощимым источником для постоянного обеспокоения вашего величества, так как дела будут задерживаться в учреждении, которое, по природе своей, не должно этого делать.

Кроме этих двух сторон дела, есть еще третья — внешняя.

По моим сведениям, П. Н. Дурново уезжает завтра, в понедельник, за границу. Через 2—3 недели сессия Государственного Совета заканчивается. Следовательно, оказываемая ему милость не будет иметь реальных последствий. Мера будет понята поэтому лишь как демонстрация, доказательство какого-то нового поворота в политике. При разгоряченности, нервности и Думы и Государственного Совета это поведет лишь к новым осложнениям и неприятностям, к колебаниям и по вопросу об окончательном принятии закона, проведенного по статье 87-й.

Поэтому, раз ваше величество изволили так милостиво дозволить мне высказать свое мнение не по намерению дела, а по летучей мысли, которая лишь промелькнула в голове вашего величества, я, чувствуя, с одной стороны, государственную свою ответственность перед вами, государь, а, с другой стороны, страшась заграждать от кого бы то ни было, хотя и политического противника, источник милости царской, осмеливаюсь высказать свое глубокое убеждение в том, что самое мудрое решение было бы отложить вопрос о милости до того времени, когда он естественно возникнет — при возобновлении занятий законодательных учреждений.

Вашего императорского величества верноподданный *П. Столыпин*.

1 мая 1911 года.

Простите, государь, за смелость моего чистосердечного мнения, высказываемого мною по долгу службы и присяги, и верьте, что я менее всего хотел бы влиять на свободу вашего решения.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Это письмо является ответом на написанное в тот же день письмо Николая (напечатано в V томе «Красного Архива» под № 34). Упоминаемые в письме Столыпина приказания Николая касаются Финляндии; «указ» и «объявление жителям» связаны с объявлением Выборгской губернии на военном положении. О решении не принимать членов Государственной Думы Николай сообщил Столыпину в том же письме (№ 34).

[2]) Письмо это — ответ на письмо Николая от того же 22 декабря (№ 39). Кауфман—министр народного просвещения; «окончание дела» с ним означает то, что он только что получил от Николая заявление об отставке. Упоминаемый далее Шварц, профессор, был после Кауфмана назначен министром народного просвещения. Другой упоминаемый кандидат — Кассо, стал министром после отставки Шварца (1910 г.). Герасимов — товарищ министра нар. просвещения. Герард — финляндский ген.-губернатор; Лангоф — ген.-лейт., министр статс-секретарь по делам Финляндии. Относительно упоминаемого далее сенатора Судейкина, бывшего ранее управляющим делами статс-секретаря вел. княжества Финляндского, Николай, в письме от 22 декабря, запрашивал мнение Столыпина, ввиду намеченного назначения Судейкина членом совещания по финляндским делам.

[3]) Танеев — статс-секретарь, главноуправляющий собственной его величества канцелярией.

[4]) «Милостивые строки» Николая, о которых здесь говорит Столыпин, это — письмо к нему Николая от 22 сентября 1910 г. (№ 56). В упоминаемом здесь, намеченном Николаем, рескрипте финляндскому генерал-губернатору Николай предполагал, ввиду отказа сейма от рассмотрения двух внесенных правительством законопроектов, объявить сейму «порицание» и сделать намек «о сомнительной пользе самого существования или созыва сейма».

[5]) Из упоминаемой в письме поездки, предпринятой Столыпиным для ознакомления с землеустроительным и переселенческим вопросами, совместно с главноуправляющим землеустройством и земледелием А. В. Кривошеиным, Столыпин только что вернулся, — и Николай в своем письме, от 22 сентября (№ 56), высказал Столыпину, в связи с этим, мысли о «краеугольных камнях», о чем здесь Столыпин упоминает.

[6]) Капитан корпуса инженер-механиков флота Мациевич — военный летчик, только что перед тем погибший; незадолго перед этим он поднимался вместе со Столыпиным, и ходили слухи, что Мациевич, состоявший будто бы в эсеровской организации, должен был, по предложению последней, во время этого полета погубить Столыпина.

[7]) Вопрос об отставке обер-прокурора синода, как видно из письма Столыпина, был связан с «бунтом» пресловутого иеромонаха Иллиодора. 20 января 1911 г. синод, ввиду разных нарушений последним церковной дисциплины, признал недопустимым дальнейшее пребывание Иллиодора в Царицыне и назначил его настоятелем Новосильского монастыря в Тульской епархии. Иллиодор отказался подчиниться этому распоряжению и заперся с громадной толпой в своем монастыре в Царицыне. Синодом были для «увещания» Иллиодора посланы два архиерея, которым удалось его вызвать в г. Сердобск, однако оттуда Иллиодор снова пытался бежать в Царицын, но был на некоторое время задержан, а 9 марта вновь бежал в Царицын, откуда и продолжал свою борьбу с синодом. В результате 2 апреля синод, ввиду выраженного в «высших сферах» желания, чтобы Иллиодор был оставлен в Царицыне, принял это последнее решение и разрешил Иллиодору совершать богослужения. Таким образом Иллиодор, действовавший при помощи Распутина и «тибетского врача» Бадмаева, одержал «победу», а обер-прокурор синода Лукьянов вынужден был просить об отставке.

которая, видимо, — согласно высказываемым в этом письме Столыпиным соображениям, — была временно отложена и состоялась 2 мая 1911 г.

*) Письмо это связано с известной историей об отклонении Государственным Советом внесенного правительством законопроекта о земстве в западных губерниях. Этот законопроект был отвергнут Госуд. Советом (большинством 92 против 68) 4 марта 1911 г., и тогда Столыпин 5 марта подал прошение об отставке; он согласился остаться на посту лишь при условии проведения законопроекта в жизнь помимо Госуд. Совета. Это и было исполнено Николаем: 11 марта Госуд. Дума и Госуд. Совет были распущены на три дня исключительно для того, чтобы провести этот законопроект в порядке 87 статьи. Одновременно с опубликованием указа о роспуске на три дня законодательных учреждений состоялся, по настоянию Столыпина, указ об «увольнении в отпуск» до 1912 г. членов Госуд. Совета П. Н. Дурново и В. Ф. Трепова, которых Столыпин считал руководителями ведшейся против него в Совете кампании и, в частности, виновниками отклонения законопроекта о земстве в Западном крае. Как можно заключить из письма, Николай, видимо, собирался в данное время (1 мая) вернуть Дурново из «отпуска», — и Столыпин представляет свои возражения против этой «милости».

Переписка Витте и Победоносцева

(1895 — 1905 гг.).

Публикуемая ниже часть переписки С. Ю. Витте с К. П. Победоносцевым представляет немалый интерес как материал, освещающий внутренние взаимоотношения правящих сфер в эпоху 1895—1905 гг., в частности — взаимоотношения двух влиятельных министров Николая II, из которых каждый — не только незаурядная личность, но и представитель определенной эпохи исторического развития России.

Самозащита от нападок трудно уязвимого, реакционнейшего публициста Циона, босфорская авантюра 1896 г., порядок испрошения кредитов на содержание двора, дворянский вопрос, надвигающийся шквал революции и в связи с ним вопрос о предреволюционных реформах, отставка от поста министра финансов и т. д. — такова мозаика писем Витте, объединенных, однако, внутренним единством отношения их автора к адресату. Охватывая десятилетний период от начала николаевского царствования и кончая революцией 1905 г. (с перерывом за годы 1900—1902), письма дают не только картину тесной связи за этот период между Витте и Победоносцевым, но и позволяют судить о ее характере и причинах.

Для первого периода (1895—1899 гг.) наиболее характерным является стремление Витте опереться на более устойчивое как по своей личной, так и по социальной природе влияние Победоносцева. Так, в письме о босфорской авантюре он не только информирует влиятельного обер-прокурора о политической злобе дня, но и явно ищет если не одобрения, то хотя бы оценки занятой им позиции со стороны этого последнего. Известный по «Воспоминаниям» Витте ответ Победоносцева напоминает скорее порицание, чем ответ по существу, и тем не менее и в дальнейшем Витте спешит поставить Победоносцева в известность о своей позиции или предпринятых шагах в том или ином вопросе.

Для второго периода (1903—1905 гг.) картина несколько меняется. Тон писем здесь значительно самостоятельнее. Намечается уже известное расхождение, в условиях изменившейся социально-политической конъюнктуры с неизбежностью приводящее к разрыву негласного министерского блока Витте — Победоносцев.

В. Рейхардт.

Подлинники печатаемых ниже писем №№ 1, 12, 15, 20, 21, 23, 25 хранятся в Особом отделе Архива Октябрьской Революции в Москве и подготовлены к печати А. А. Покровским; все остальные — в б. архиве Синода (Ленинградский Центральный Исторический Архив), из них № 2 подготовлен к печати К. Я. Здравомысловым, а №№ 2, 4—11, 13, 14, 16—19, 22, 24, 26, 27—В. А. Азлецкой. Письма печатаются по новому правописанию, но с соблюдением некоторых особенностей орфографии подлинников; слова и даты, опущенные в подлиннике, где это представлялось возможным, восстановлены и напечатаны в прямых скобках. Примечаниями текст снабдил В. Рейхардт.

Редакция.

1. Письмо К. П. Победоносцева С. Ю. Витте.

Многоуважаемый
Сергей Юльевич.

Вам известно, какого я мнения о памфлетах г. Циона [1]) и что я даже заглядывать в них не имею интереса. На-днях получил я новую от него брошюру и, не смотря ее и не раздумывая, послал ее вам.

А вчера услышал, что эта брошюра очень скверная, так что если бы я ознакомился с ее содержанием, то было бы с моей стороны неделикатно посылать ее вам.

Это побуждает меня объяснить вам, что я совсем не имею понятия о том, что могла изобресть злость г. Циона, и потому, надеюсь, к вам и мысль не приходила о том, что я мог намеренно послать вам какой-либо пасквиль, на вас написанный. Все мы, впрочем, подвергаемся таким же преследованиям злобы.

Душевно преданный
К. Победоносцев.

10 апреля 1895 г.

2. Письмо С. Ю. Витте К. П. Победоносцеву.

Душевноуважаемый
Константин Петрович.

Я прочел письмо Циона. Оно, конечно, полно лжи и клеветы. Это, повидимому, ему присущие качества. Но по всему этому делу не могу не сказать следующее. Я совсем не знаю Циона, и он меня не знает. Не знаю также его предыдущей деятельности. Но его деятельность по министерству финансов как чиновника и публициста — постыдна. Как чиновник — он начал с того, что взял громадную взятку с банкиров (более 1 милл. франк.). Как публицист, — в отместку Вышнеградскому [2]) за то, что Вышнеградский уволил его, узнавши о взятке, — написал против Вышнеградского грязнейший пасквиль. Затем, как мне говорят, под влиянием А. А. Абазы [3]) и К°, набросился на меня с единственным имеющимся у него орудием лжи и клеветы. Впрочем Цион просил у меня места, я ему не ответил. По этому последнему поводу должен сказать следующее. Мне совершенно безразлично мнение Циона обо мне как государственном деятеле и финансисте. Откуда Цион мог приобрести финансовую мудрость — из опыта, из науки? Он финансист постольку, поскольку сия профессия присуща каждому жиду. Но другое дело — его клевета и ложь. Единственно, что я успел сберечь в свою жизнь, это честное имя. И вам, душевноуважаемый Константин Петрович, более чем кому-либо известно, как сие дорого человеку. Вдруг является за границей русский подданный, действительный статский советник, объявляющий, что министр финансов Витте — отъявленный вор, мошенник и что я, Цион, имею к сему неопровержимые доказатель-

ства (документы). Ну, что делать с таким мерзавцем! Разделаться с ним, как то подобает порядочному частному лицу, я не могу. Привлечь его к ответственности нельзя — за его отсутствием. Доказывать, писать в газетах — еще менее возможно. Неужели потому, что человек сделался министром, то он лишается права защищать то, что ему наиболее дорого — его честь. Ведь это положение невозможное... Затем является еще другая сторона дела, на которую настоятельно обращали внимание наши представители за границею. Цион явился за границу чиновником министерства финансов. Он действительный статский советник. Как Цион, на его писания никто не обращал бы внимания, но его мнимое положение давало повод всем врагам нашим выставлять его цифры и данные. А ведь у нас, у нашего кредита врагов-то за границею не мало. Поэтому наши представители просили снять с Циона его ореол, к коему столь падки французы. Затем Циона пригласили 19 мая вернуться и дали два месяца срока. Он только 17 июля ответил, что просит его не вызывать, а если уж не хотят исполнить его желание, то он может приехать через 6 месяцев после операции. Это насмешка, а не ответ.

В заключение, я думаю, что для Циона есть один путь реабилитироваться. Вернуться и представить на суде все имеющиеся у него документы (он сие утверждает) моих мошенничеств. Пусть вернется и подвергнет себя какому угодно суду (или совещанию). Я тогда первый буду умолять снять с него наложенную кару и предоставить суду или совещанию сказать свое слово. Но, конечно, Цион этого никогда не сделает. Он никогда, несомненно, и не объявит свои документы. Он знает, что он лжет, клевещет, инсинуирует, рассчитывая на свою безнаказанность.

Сердечно вам преданный

С. Витте.

1 октября 1895 г.

3. Письмо И. Ф. Циона К. П. Победоносцеву.

Ваше высокопревосходительство

Константин Петрович.

В течении долгих лет ваше высокопревосходительство неоднократно изволили выказать доверие и сочувствие к моей общественной деятельности.

Теперь, когда эта деятельность сделалась предметом беспримерных клевет и наветов, когда три министра сочли возможным объявить ее преступною и, не выслушав даже моих оправданий, с явным нарушением закона произнесли против меня небывалую, и в русских законах непредусмотренную, кару, я считаю священною обязанностью оправдаться, по крайней мере, в глазах тех редких на Руси государственных людей, для которых справедливость и закон не суть пустые слова.

О постигшей меня каре оповещено было миру прежде всего чрез *официозные органы г. министра финансов* *), «Berliner Tageblatt» и парижский «Figaro» **). Дело изображено, разумеется, в совершенно искаженном виде: я-де приглашен был правительством явиться в Россию, дабы представить доказательства моих обвинений против г. министра финансов и, так как я будто бы уклонился от сего приглашения, то, по докладу г.г. министров финансов, внутренних дел и юстиции, был исключен из русского подданства и лишен прав и преимуществ, на государственной службе приобретенных.

«Правительственный Вестник» опубликовал затем высочайший указ, на основании этого доклада. На самом деле произошло совершенно иное: 20 мая (1 июня) я получил от императорской миссии в Берне, ничем не мотивированное, впрочем, запрещение — впредь оставаться за границей и приказание — в двухмесячный срок возвратиться в Россию.

Несмотря на полученные из России предостережения не являться на призыв, ибо на всех пограничных станциях послан был департаментом полиции тайный приказ немедленно же по появлении арестовать меня и выслать на жительство в какую-то отдаленную трущобу (*одно из предостережений доставлено было мне официальным лицом, по роду службы ознакомленным с этим распоряжением*) ***), я считал долгом подчиниться правительственному распоряжению и *готов был вернуться в Россию* ****), о чем я 13(25) июля заказным письмом донес г. министру внутренних дел. Обратная почтовая расписка от 16 июля уведомила меня о получении. Прилагаю при сем копию предписания императорской миссии, копию с моего прошения о продлении срока для возвращения на несколько месяцев и с сопровождавших его медицинских свидетельств *****).

Моя тяжкая болезнь была общеизвестна, и в нашем посольстве, где за мною зорко следили, отлично о ней знали ******).

Да с какой стати я годом раньше бросил бы мои занятия в Париже, распродал бы за бесценок мое имущество и переехал бы на юг, если бы дело не шло о жизни и смерти? *******).

Неужто я пророчески мог предвидеть, что г. Витте добьется год спустя столь чудовищных мер против меня?

Назначенный мне срок для возвращения и помимо моего болезненного состояния был слишком короток. Я около двадцати лет живу за границей, где находятся все мои имущественные интересы. Без

*) Рукою Витте карандашом на полях помечено: «Это ложь».

**) Места, набранные курсивом, подчеркнуты Витте, и против них поставлены знаки вопроса или восклицания.

***) Рукою Витте карандашом на полях: «Это ложь».

****) Рукою Витте на полях карандашом: «Это ложь».

*****) На полях пометка Витте: «Без всякого определения срока, а медицинских свидетельств за 25 фр. можно достать 100».

******) На полях рукою Витте: «?».

*******) На полях пометка: «Потому что в Париже разорился на бирже».

полного разорения меня и *моей семьи* я не мог внезапно бросить на произвол судьбы мои дела. Я имел, следовательно, вполне законные основания всепокорнейше просить г. министра внутренних дел о продлении срока для возвращения *на несколько* месяцев, предупредив, однако, что в случае, если моя просьба не будет уважена, я сочту священною обязанностью в точности исполнить приказание правительства.

Мое прошение не удостоилось ответа. Только 10(22) августа императорская миссия в Швейцарии известила меня, что 26 июля последовало высочайшее повеление о моем исключении из русского подданства и лишении меня прав и преимуществ, приобретенных на государственной службе, за желание уклониться от возвращения в Россию и за мою направленную ко вреду России деятельность. Текст высочайшего указа от 26 июля, несомненно, известен вашему высокопревосходительству.

Итак, 20 мая меня официально извещают, что, если я не явлюсь в Россию в двухмесячный срок, то со мною поступлено будет *согласно 326* статье уложения о наказаниях.

Твердо уверенный, что законы в России свято соблюдаются и одинаково ограждают права всех русских подданных, я с спокойной совестью ожидал решения г. министра внутренних дел и, в случае его отказа, передачи моего дела суду.

Г.г. министры финансов, юстиции и внутренних дел сочли однако возможным совершенно устранить суд от подлежащего его ведению дела и с явным нарушением закона произвольно приговорили меня к лишению всех прав и преимуществ и несуществующей даже в нашем законодательстве каре — исключению из русского подданства *).

Чем заслужил я, чтоб меня внезапно объявили стоящим вне всяких законов?

Желанием уклониться от возвращения в Россию под благовидным предлогом. — Но желания людей одному богу известны и ненаказуемы человеческим судом. — Единственное заявленное мною желание было в точности исполнить приказание правительства. Благовидность мотивов, по которым я просил отсрочки, тоже не есть преступление. Вредная деятельность русского подданного, обнаруживаемая путем печати, преследуется по ст. 1039 и др. и даже освобождается от наказания, если, как я это сделал в моей книге «M. Witte et les finances russes», *подсудимый посредством письменных доказательств докажет справедливость своих утверждений* **).

Г. министру юстиции, призванному блюсти за точным исполнением законов, всего менее подобало подавать пример столь явного их нарушения, самолично произносить судебные приговоры и изобретать неведомые кары.

*) Рукою Витте на полях помета: «Согласно заключению м-ра юстиции».

**) Помета Витте: «Это только и требуется, но именно этого Цион никогда не сделает».

Подобное с его стороны отношение к государственным законам может только подрывать в обществе уважение к ним и принести гораздо более вреда России, чем какая бы то ни было деятельность частного лица, даже если она выражается в критике финансового управления г. Витте.

Существовала ли исключительная, насущная государственная потребность, которая бы оправдывала подобное попирание законов империи со стороны трех министров? Нисколько. — Если моя деятельность как публициста вредна для России, то исключение из подданства, наоборот, дает мне полную свободу развивать эту деятельность, не опасаясь более никакой ответственности. Или лишение чина и орденов *) должно было подорвать авторитет моих книг? Но ведь я писал не по-китайски и не для китайцев. В Европе о книге судят по ее внутреннему достоинству, а не по чину автора, совершенно неизвестному публике. Г. Витте, министр, тайный советник и увешан звездами, — несмотря на это ни одна почти европейская газета не воспроизвела и строки из его ответа на мою книгу, появившуюся в *его официальном* органе «Le Boulletin russe», № 3. *Сотни тысяч*, затраченных на подкуп печати, не в состоянии были придать и тени авторитета сотне страниц площадной брани, которою г. *министр финансов* **) пытался подорвать доверие к моим неопровержимым обвинениям.

Постигшая меня кара, даже и помимо ее совершенно незаконного характера, лично меня мало трогает. Я стою уже одною ногою в гробу, и исключение меня из русского подданства не помешает мне до смерти оставаться верным присяге, принесенной ныне царствующему государю. Вашему высокопревосходительству известно, что более чем двадцатипятилетняя *бескорыстная* ***) служба царю и отечеству мне кроме гонений и преследований ничего не принесла.

Наград я никогда не просил, а за чинами и орденами не гнался. Я издавна примирился с мыслью, что моя служба за царем пропадет. И если глубоко скорблю, что моя ни в чем неповинная *семья* останется *после моей смерти* на чужбине без родины и без защиты, то зато твердо уповаю, что *не пропадут мои молитвы за богом*.

Я *всю свою жизнь твердо и неустрашимо* исполнял то, что как человек и как патриот считал своим долгом. И теперь, после постигшей меня кары, я только благодарю бога, что он дал мне мужество неустанно бороться против могущественных врагов самодержавной России, — будь они нигилисты или министры. И я не жалею ни одной строки, написанной мною в книге и брошюре против финансового управления г. Витте, а горжусь тем, что пострадал за правду.

---

*) Последние три фразы отчеркнуты Витте; на полях помета: «Этим престижем Цион в Париже только и держался».

**) Подчеркнуто Витте; на полях: «?».

***) Рукой Витте на полях помета: «А деньги (более 1 м. ф.), взятка с банкиров, когда был чиновником м-ва ф-сов, за что и был уволен».

Если тем не менее указ от 26 июля меня глубоко сокрушает, то совершенно не по личным мотивам, а по соображениям, которые считаю долгом изложить с моею обычною откровенностью.

1) Прежде всего указ 26 июля означает полное торжество финансовой системы г. Витте, торжество тем более прискорбное, что совершенный надо мною акт насильственного произвола не оставляет сомнения, что в высших правительственных сферах *вполне убеждены* в непреложной истине моей критики этой системы. Иначе как объяснить столь явное нарушение законов, сделанное для устранения судебных прений *)?

Нетрудно предвидеть, куда ведут Россию подложные балансы государственного бюджета, безумная расточительность, расхищение и разорение казны, обременение непосильными налогами полуразоренного населения, непомерное возрастание государственных долгов, ажиотаж и биржевая игра *министра финансов*, заражающие все более широкие слои общества, приучаемого к легкой наживе, и, наконец, проведение в самодержавной России *социалистических теорий при помощи наводнения страны ассигнациями*.

2) Доклад трех министров всенародно объявляет, что моя деятельность была преступна. Характер моей деятельности как университетского преподавателя и как публициста общеизвестен в России и за границей: как профессор я ратовал против растлевания русского юношества революционными учениями; как публицист я на русском языке и на французском боролся против пропаганды наших радикалов и нигилистов («Nihilisme et anarchie» и другие мои книги), защищал Россию от наветов ее врагов («La Russie barbare» и пр.), отстаивал государственные основы самодержавной России («Principes des l'Autocratie» и пр.) и, наконец, в течении восьми лет вел энергический поход в пользу сближения между Францией и Россией и в 1887/88 годах принес тяжелые жертвы для защиты кредита России и на приобретение для наших фондов французского рынка («Histoire de l'entente Franco-Russe», Paris, 1895, «Итоги финансового управления г. Вышнеградского» и т. д.).

В течении более двадцати пяти лет нападки радикальной и нигилистической печати как в России, так и за границею укрепили мою репутацию как ярого консерватора и непримиримого поборника самодержавия.

Теперь доклад трех министров публично объявляет таковую *деятельность* **) преступною, и высочайший указ наказывает меня исключением из русского подданства и лишает прав и преимуществ, двадцать лет тому назад приобретенных на государственной службе. Ведь это равнозначуще официальному одобрению деятельности наших революционеров, и остается только наградить Лаврова [4]), Степняка [5]) и Кропоткина [6]) назначением на высокие посты.

*) Рукою Витте: «С кем?»

**) Помета рукой Витте: «Деятельность клеветника на госуд. кредите»

Во всяком случае сколько мне известно, против них не были приняты столь строгие карательные меры, как против меня.

Каким образом ближайшие советники государя не отступились пред столь неизбежными выводами из их доклада? Как не смутиться общественной совести пред столь чудовищным фактом *)? На какие размышления должна неизбежно навести иные умы участь, постигшая *бескорыстного и бесстрашного* поборника консерватизма в России!

Со стороны г. Витте, *убежденного социалиста*, подобный образ действий совершенно естественен: недаром же «*Летучие листки*» и другие революционные органы из симпатии к нему хранили знаменательное молчание о тяжких обвинениях, возведенных на него в моей книге.

Но г.г. Дурново [7]) и Муравьев [8]) мнят себя консерваторами, они по долгу службы призваны бороться против революционных идей. Как у них не дрогнула рука, когда они объявили преступною деятельность публициста, который гораздо раньше их, совершенно добровольно, вел ту же борьбу, не взирая ни на какие опасности и жертвы?

Или и они поверили *басне* **), пущенной подкупными газетчиками, что моя книга «M. Witte et les finances russes» имела целью подорвать кредит России? Но государственные люди должны ведь знать то, что, может быть, неизвестно безмозглым журналистам, а именно, что никакая критика финансового управления, высказывается ли она в печати или с публичной трибуны, никогда еще не поколебала кредита страны ***). Ежегодно экономисты как Леон Сэ [9]), Поль Леруа Болье [10]), Кюшеваль-Клариньи [11]) и сотни других в палате и в печати доказывают, что финансовая политика республиканцев неминуемо поведет Францию к банкротству, — разве это поколебало кредит Франции? Бывшие министры финансов Коломбо [12]) и Луццати [13]) произнесли сотни речей, доказывающих, что финансовая система Криспи [14]) окончательно разоряет Италию — разве кредит Италии от этого пострадал? Разве моя книга пошатнула кредит России? — Она даже не положила конца бессовестной эксплоатации доверия французских мелких капиталистов со стороны международных спекулянтов, покровительствуемых *нашим министерством финансов*.

Не критика систем Джона Ло [15]) и Калона [16]) погубили монархию во Франции...

Г.г. министры, раньше чем произнести столь чудовищный приговор против моей книги, должны были бы прочесть хоть Avant propos первого издания книги и предисловие последующего издания, которые я им доставил. Они бы тогда убедились, между прочим, что книга, написанная для защиты *кредита России от угрожающих опасностей*, предназначена была прежде всего исключительно для государя и пуще-

---

*) Рукою Витте помета: «Общественная совесть сказала: по делом».

**) Рукою Витте помета: «Хороша басня».

***) Помета Витте: «Но иностранные клеветнические издания».

на в продажу *лишь по настоянию самого же г. Витте*, желавшего этим путем парализовать ее действие.

3. Наконец, всего прискорбнее, что ближайшие советники государя, для совершения столь вопиющего нарушения закона, не поколебались злоупотребить августейшим именем государя императора.

Ни минуты не сомневаюсь, что пред государем не только меня оклеветали и представили дело в искаженном виде, но тщательно скрыли, что предлагаемая в докладе министров резолюция противоречит основным законам Российской империи...

Мой петербургский адвокат советует мне подачу прошения на высочайшее имя. Я этому совету не последую, прежде всего уже потому, что мое прошение не дойдет до государя; я в этом не сомневаюсь. Твердо уверен, что события вполне подтвердят все мои предсказания; увы, даже раньше чем это полагают, наступит неизбежная катастрофа. Если бог даст мне еще 1—2 года жизни, то я еще доживу до моего полного оправдания *). Самодержавная империя не может безнаказанно доверить почти безграничную власть *явному нигилисту*...

Извините, ваше высокопревосходительство, что осмелился обеспокоить вас этим длинным письмом и примите уверение в моем глубоком уважении и полной преданности.

И. Цион.

19 сентября — 1 октября 1895 г. Territet (Suisse), villa «Mont-Riant».

P. S. Надеюсь, что до вашего высокопревосходительства дошел экземпляр «Histoire de l'entente Franco-Russe», *отпечатанный на голландской бумаге*, который я имел честь послать вам более месяца тому назад **).

4. Письмо С. Ю. Витте К. П. Победоносцеву.

Душевноуважаемый Константин Петрович.

Сегодня мне передал Ан. Пав. Иващенков [17]), что ему в Комитете Министров передал Кауфман [18]), что И. Н. Дурново к 6-му мая готовит какой-то новый указ о льготах дворянству. Ведь это будет просто беда! Уже теперь рескриптом взбаламучено море всяких вожделений, — что же будет потом? Еще вчера Тертий Иванович [19]) спрашивал меня, не случилось ли что-либо особенного — так как утром его камердинер спрашивал: «правда ли, барин, что вышел царский приказ чтобы нас опять обратить в крепостных?»...

Ведь на верху, по далекости расстояния, а И. Н. Дурново и К°, по близорукости, не видят, какую подняли смуту. Пишу обо всем этом, так как, может быть, до 6-го вы будете иметь случай беседовать с его величеством. К сожалению, у меня в пятницу доклада не будет.

Сердечно вам преданный *С. Витте.*

[Апреля] 29-го. [1895 г.]

*) Помета Витте: «Такие гадины не дохнут».

**) Помета Витте: «Книга эта также полна клевет и мерзостей».

5. Письмо С. Ю. Витте К. П. Победоносцеву.

Душевноуважаемый Константин Петрович.

Сердечно благодарен вам за совет. Я постараюсь им воспользоваться. Сегодня я около часа убеждал графа Иллариона Ивановича [20]), что порядок увеличения кредитов на содержание двора и театров [21]) неправилен и самое увеличение неудобно, но, к сожалению, не достиг никаких результатов.

Покорнейший слуга *С. Витте*.

[?] 16-го. [1896 г.]

6. Письмо С. Ю. Витте К. П. Победоносцеву.

Многоуважаемый Константин Петрович.

Я не отношусь так пессимистически, как вы, к комитетам трезвости [22]). Во многих местах они приносят пользу устройством чайных, наблюдением за торговлею и проч. Но совершенно согласен с вами в том, что вам кажется о зрелищах и театрах. Я это не только не поощряю, но всячески сдерживаю. Но какая-то волна обуяла театральную манию административных обывателей. Я еще раз по этому предмету дам указание всем комитетам. То, что пишет самарский преосвященный [23]), по истине возмутительно.

Сердечно вам преданный *С. Витте*.

[?] 6-го. [1896 г.]

7. Письмо С. Ю. Витте К. П. Победоносцеву.

Я сейчас, душевноуважаемый Константин Петрович, подписал известный вам журнал [24]). Согласно моему требованию, журнал открывается тем, что я заявил, что, по настоящему времени и при настоящих условиях, занятие верхнего Босфора без соглашения с великими державами я считаю рискованным и гибельным для России. Затем говорится, что тем не менее большинство членов совещания постановило то, что я вам читал. Конечно, государь утвердит журнал, т.-е. мнение большинства, а затем, если не явится твердый, миролюбивый и убежденный советник по иностранным делам, то боюсь (боже избави!), чтобы в скором времени не разыгралась большая беда.

Сердечно вам преданный *С. Витте*.

[Ноября] 26-го. [1896 г.]

8. Письмо С. Ю. Витте К. П. Победоносцеву.

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

В городе все поговаривают о каком-то указе, который должен появиться по дворянскому делу. Очень этого боюсь. Опять обещания, надежды, — которые не будут выполнены уже потому, что они неисчерпаемы, а, следовательно, последуют разочарования.

Ужасно обидно, что государя наводят на такой неверный путь. С другой стороны сегодня слышал от князя Мещерского [25]), что ему будто Плеве [26]) жаловался, что государь нерешителен и не поддается влиянию на приманки Дурново и К°. Все это очень тревожно. Если бы было возможно это дело tirer au clair *)

Сердечно и искренно вам преданный *С. Витте.*

12-го. [1897 г.]

Сегодня биржевые телеграммы все толкуют, что греки сильно побиты [27]).

9. Письмо С. Ю. Витте К. П. Победоносцеву.

Многоуважаемый Константин Петрович.

Сведения, до вас дошедшие, относительно допущения раскольников к заселению полосы отчуждения Восточно-Китайской дороги верны. Но мне кажется, что объем и существо сего дела представляются вам не в совсем истинном виде. Манджурия не принадлежит России, а составляет провинцию Поднебесной империи. Религиозные вопросы там не регулируются русскою государственною властью. Если предполагать, что раскольники там могут совращать православных, то то же могут делать всякие миссионерства, и мы не в силах их оттуда изъять. Можно, по крайней мере, быть уверенным, что миссионеры не приведут раскольников в свое лоно. Затем объем земли, подлежащей заселению, довольно ограниченный. С политически-военной точки зрения более нежели желательно заселить полосу отчуждения возможно стойким русским населением — который был бы способен сам **) устроиться, укрепиться и представить оплот для дороги.

Поэтому более всего предоставляются льготы лицам из военного сословия. Затем ввиду заявления некоторых представителей раскольников, что некоторые старообрядцы, преимущественно казаки, желают там поселиться, им предоставлены в смысле землепользования те же права, как другим лицам русского происхождения. Мне кажется, что если некоторые число их переселится в Манджурию, то в отношении религиозного оказательства они там могут принести менее вреда, нежели в России. Что же касается прав, коими они там будут пользоваться, то им предоставлены те же права, кои предоставлены раскольникам во вновь присоединенной Бессарабии. Они предупреждены, что к ним будут относиться терпимо под условием, или, вернее, доколе они будут верны престолу и отечеству и не будут заниматься совратительством как взрослых, так и малых, а потому они никоим образом не должны допускать православных детей в свои школы.

*) Вывести на чистую воду.

**) Так в подлиннике.

Наконец, все секты, вроде духоборов, вредные, допущены не будут.

Сердечно вас уважающий и искренно преданный и покорный слуга *С. Витте.*

[?] 20-го. [1897 г.]

10. Письмо С. Ю. Витте К. П. Победоносцеву.

Душевноуважаемый Константин Петрович.

Ввиду ваших сомнений относительно рескрипта по вопросу об общежитии Московского университета, я воздержусь подачею сего рескрипта к подписанию его величества, покуда с вами не поговорю. Мысль эта принадлежит великому князю [28]). По существу я ее разделяю, т.-е. я уверен, что устройство общежитий способно дисциплинировать студентов [29]). Того же мнения граф Иван Давыдович [30]), который и принимает участие во всем этом деле. Но относительно формы и времени сей меры у меня тоже есть некоторые сомнения. Было бы хорошо переговорить совместно с графом.

Сердечно вам преданный *С. Витте.*

[?] 17-го. [1897 г.]

11. Письмо С. Ю. Витте К. П. Победоносцеву.

Душевноуважаемый Константин Петрович.

Дело об увеличении содержания обер-прокурору св. синода произошло так. Зашел разговор о содержаниях министров — вследствие чего я всеподданнейше обратил внимание государя нату аномалию, что обер-прокурор получает меньше других (большинство 18 т.) Его величество сему удивился — и соизволил сказать мне, что об увеличении сего содержания он объявит вам и даст мне повеление. Вероятно, по присущей ему скромности, первое он не сделал, — а при последнем докладе моем приказал мне с 1 сентября сравнять содержание обер-прокурора с содержанием других министров.

Что касается присланной мне выписки из письма г. Рачинского [31]), то тут мы, очевидно, имеем в виду другие предметы. Винная монополия не имеет в виду аскетизм в потреблении вина. И потому г. Рачинский совершенно прав, что его дела иные, нежели дела монополии. Винная монополия имеет в виду упорядочение питья вина и уничтожение всех тех зол, которые были связаны с системой свободы винной торговли. Я очень желаю г. Рачинскому успеха. Но только, смотря на дело реальнее, — я думаю, что, если явятся тысяча г. Рачинских, то они приобретут 100—300 тысяч клиентов, а монополия не далее 1902 года будет иметь влияние на быт 100 миллионов людей. Конечно, можно все отрицать, точно так же можно, вопреки очевидности и единодушным показаниям, отрицать громадное влияние монополии на быт населения и в том числе на уменьшение пьянства в тех губерниях, где теперь монополия действует.

Прилагаю экземпляр (секретный) особого моего мнения по журналу дворянской комиссии, представленного его величеству [32]).

Засим желаю вам и душевноуважаемой супруге вашей всего лучшего.

Сердечно вам преданный *С. Витте.*

[?] 23-го. [1897 г.]

12. Письмо К. П. Победоносцева С. Ю. Витте.

Многоуважаемый Сергей Юльевич.

Тема, которая затронута в вашей записке, широка и глубока очень, и раскрыть всю эту глубину великая задача, которой ныне никто не исполнит, — ибо, — к несчастию нашему, — люди, наверху стоящие, потеряли голову. Со времени самого освобождения крестьян правительство как бы забыло о народе, положившись на то, что для него все сделано дарованием ему свободы. А народ стал нищать и падать.

Потом, когда уже ясно стало, что с нищетою хаос бесправия водворяется в деревне, принялись, увы, только за мысль обуздывать народ.

И создано учреждение земских начальников с мыслью обуздать народ посредством дворян, забыв, что дворяне одинаково со всем народом подлежат обузданию [33]).

И так пошло дело дальше вплоть до дворянской комиссии, которая, надо полагать, должна служить тем, что зовется «Courennement de l'èdifice», фабрикуется венец благополучия для дворян.

Ваша записка и направлена, хотя косвенно и прикровенно, против этой односторонности государственной заботы. В этом отношении она удовлетворяет цели. Только, мне кажется, в ней слишком много цитат из подлинных журналов Гос. Сов. и пр. Это несколько ослабляет мысль, раздробляя ее и развлекая. Я предпочел бы, вместо цитат, изложить только существо аргументации, прямо относящееся к цели.

Конечно, было бы полезно представить записку заранее государю, но для государя полезно было бы несколько сократить ее и сосредоточить.

Искренно преданный *К. Победоносцев.*

26 марта 1898.

13. Письмо С. Ю. Витте К. П. Победоносцеву.

Многоуважаемый Константин Петрович.

Очень сожалею, что не буду иметь возможности видеть вас до отъезда. Думал, что вы в городе, и собирался к вам заехать, — но мне передали, что вы ездите прямо из Царского.

Что касается воинской повинности для студентов [34]), — то я был за эту меру [35]). Вы сами говорите, — что в прошлом году со студентами — бог знает, что творили — выгоняли зря без толку, сажали

в тюрьму и, в заключение, зря рассеяли пропаганду и недовольство по всей России. И едва ли один Боголепов [36]) во всем этом виноват, — не менее отличался многоуважаемый Иван Логинович [37]). Он начал с избиения плетьми — и потому все время уверен, что здесь в о с н о в е дело политическое. Но ведь, вероятно, убедились, наконец, что это утверждение было облыжно! Где же эти студенты, которые оказались политическими заговорщиками?.. Конечно, мера относительно воинской повинности экстраординарная, но я все-таки ее предпочитаю во сто раз более той бесшабашной расправе, которую мы видели прошлою зимою. Совершенно согласен с вами, что суть дела в людях, что все циркуляры Боголепова — канцелярское упражнение, что из воды его мер ничего не выйдет. Именно поэтому я и стоял за меру воинской повинности, так как при настоящих условиях, которые мы переделать не можем, — это единственная мера, могущая принести пользу, или, вернее, не принести того вреда, который был создан крайне бесшабашными мерами прошлого года.

От всего сердца желаю высокоуважаемой супруге вашей и вам отдохнуть.

Искренно вам преданный *С. Витте.*

[?] 31-го. [1898 г.]

14. Письмо С. Ю. Витте К. П. Победоносцеву.

Многоуважаемый Константин Петрович.

Позволяю себе препроводить вам мои объяснения на записку министра внутренних дел [38]) по поводу земских учреждений вообще и желания наградить ими всю Россию, в частности. Может быть, на досуге вы их пробежите. Конечно, вы ничего не найдете там такого, что вам не было бы хорошо известно. Поэтому, если записка эта может для вас представить интерес, то только разве в выяснении в ней нашего положения, основанного на неискренности и желании согласить несогласимое — «и популярность приобрести и невинность сохранить».

Желаю от всей души вам отдохнуть. Мой нижайший поклон высокоуважаемой супруге вашей.

Сердечно вам преданный *С. Витте.*

20 августа. [1898 г.]

15. Письмо К. П. Победоносцева С. Ю. Витте.

Письмо это писано было в Зальцбурге, и я привез его сюда, не зная, где найду вас. Приехав, был испуган слухом о болезни Матильды Ивановны [39]) и тотчас поехал к вам, но нашел подъезд закрытым и узнал от сторожей, что вы на-днях уехали в Крым. Посылаю туда. Здравствуйте, но пришлите несколько строк о здоровье Матильды Ивановны.

9 сентября. Царское Село. *К. Победоносцев.*

Премного благодарю вас, многоуважаемый Сергей Юльевич, за присылку мне сюда вашей записки, которую я тотчас прочел с большим интересом. Она содержит в себе обстоятельную и искусно собранную критику земских учреждений и особливо — критику отношения к ним министерства внутр. дел, исполненного противоречий. Скажу только одно: последние страницы меня не совсем удовлетворяют. Вы разобрали по косточком земские учреждения, показав всю их несостоятельность, а в заключение говорите, что не касаетесь нынешнего, существующего устройства, а вся цель ваша — устранить введение их (особливо в смешанном и фальшивом виде) в другие местности и в Западный край. Этого недостаточно, и это едва ли согласуется с предыдущим изложением, в коем вы утверждаете, что некоторые существенные отправления государственного значения, — как то: продовольствие, устройство школ и т. п., — земство не в состоянии исполнить, — и что право обложения составляет в нынешнем неограниченном виде несоразмерную, несправедливую, непосильную тяготу для народа. Земские учреждения в нынешнем виде вносят в отправления государственные безнравственные начала безответственности-разрушая сознание долга и необходимую определительность и способность к учету хозяйственных операций (существенное зло, о значении коего можно сказать более, чем у вас сказано). Следовательно, с таким состоянием — разложения материального и нравственного — государственная мысль не может помириться, следовательно, потребно — не только остановить дальнейшее территориальное развитие такого учреждения, но необходимо исправить его и поставить на верную почву. Как это сделать — иной вопрос, и предлагаемый министерством вн. д. рецепт может оказаться хуже болезни, — но нельзя не выразить положительно, что это необходимо. Вот этого-то категорически высказанного утверждения я не нашел в конце вашей записки.

Не знаю, куда писать вам, но думаю, по прежним вашим предположениям, что это письмо застанет вас в Никитском саду. Туда и пошлю его из П.-Бурга, где надеюсь быть не позже 6 сентября. Зальцбург — любимое мое место, и мы пробыли здесь 4 недели в совершенной тишине и имели во все время чудную летнюю погоду, — но вот два дня как пошли дожди, настал холод, и завтра мы собираемся в обратный путь через Вену. Жена моя сердечно кланяется вам и Матильде Ивановне. Сердечно желаю вам тоже отдохнуть, если это возможно. Здравствуйте.

Искренно преданный *К. Победоносцев.*

16. Письмо С. Ю. Витте К. П. Победоносцеву.

Душевноуважаемый Константин Петрович.

Очень был рад получить ваше любезное письмо. Я засиделся в Петербурге — то одно, то другое задерживало. В последнее время задержала Ольденбургская чума [40]) и тяжелая болезнь жены. Иван

Логинович выехал и тут как раз принц пожелал объявить Россию зачумленной. Немало мне стоило труда удержать его и его сателлитов от подобной затеи. Беда иметь дело с принцами! Жену увез совсем больную, но теперь благодаря бога дело идет на полную поправку.

Что касается записки о земстве, то я, конечно, совершенно с вами согласен, что терпеть нынешнее земство нельзя. Но одно дело распространять эту заразу, а другое излечить ее там, где она внедрилась более 30 лет тому назад. Какой может быть серьёзный разговор об уничтожении земства там, где оно существует, когда желают наградить им всю Россию? Я имел в виду в записке главным образом раскрыть глаза на пагубные последствия распространения земства. Кажется, это (не вводить земства) сделать нетрудно, так как для этого нужно ничего не делать. Другое дело — искоренение земства там, где оно существует. Это дело потруднее. Тут нужен ясный взгляд, понимание причинности явлений и, главное, твердую волю. А все эти элементы отсутствуют. Как можно ожидать от ведомства борьбу с существующим земством, когда оно его признает за государственное благо, которое нужно насадить по всей России! Да вообще тут нужна не борьба с земством, а твердая программа действий, которая в результате делала бы земство излишним. У нас же вот уже 30 лет дергают земство то в одну, то в другую сторону, а в сущности без всякой цели. Да, откровенно говоря, укажите мне наверху хоть одно лицо, которое по тем или другим соображениям не питало сердечное влечение к самоуправлению. Большинство льнет к земству, уверившись, что там, где есть земства, хозяйственная жизнь идет лучше,— а меньшинство, может быть, полагает, что, идя по пути самоуправления земского, можно заставить государя незаметно для него самого перейти заветную черту от самодержавия к самоуправлению. Для того, чтобы подробно изложить план действия по отношению земских губерний, — надлежало бы разработать другую записку. Но это не дело министра финансов. Но путь, которого следует держаться в земских губерниях, мною совершенно ясно указан. Нужно прежде всего заняться устройством провинциальной администрации. Покуда не будет организовано связное административное управление губернией и уездом, ничего серьёзного с земством не поделаешь. Для того, чтобы его уничтожить, нужно его чем-либо заменить, — нельзя же его заменить екатерининскими провинциальными учреждениями. Попутно с этой задачей нужно организовать, не на допотопных началах, хозяйство в н е-земских губерниях. Если бы этим делом с умом и характером занялись и устроили бы, соответственно современным задачам, провинциальное правительственное управление вообще, и в частности в не-земских губерниях, то тогда будет легко уничтожить земство, ибо вместо него будет что поставить. Между тем этими вопросами не хотят и не умеют заняться. Я же убежден в том, что в 2—3 года возможно удовлетворительно организовать хозяйственную жизнь в н е-земских губерниях, так, чтобы организация эта была бы лучше

земской, а также убежден в том, что в 2—3 года возможно организовать управление губернией и уездом на началах, соответствующих современным требованиям. У нас же теперь в провинции хаос!

По моему мнению, самоуправление на Западе побороло единовластие главным образом потому, что правительство не сумело держать организацию своей администрации на высоте современных нужд. Жизнь шла вперед, а администрация не совершенствовалась; в конце концов, в ней все изверились и думали приобрести спасение в самоуправлении. У нас делается нечто подобное. Само министерство внутренних дел уже объявило, что с бюрократией, с чиновниками, ничего не поделаешь, — на них нужно поставить крест, а потому естественно искать якорь спасения в земстве.

Матильда Ивановна шлет многоуважаемый Екатерине Александровне [41]) и вам сердечный привет.

Неизменно вам преданный и покорный слуга *С. Витте*.

1892 г.

17. Письмо С. Ю. Витте К. П. Победоносцеву.

Душевноуважаемый Константин Петрович.

Я имел беседу с Дмитрием Сергеевичем Сипягиным [42]), из коей я вполне и безусловно убедился, что он не имеет никакого намерения и, наверно, не представит своих соображений о комиссии [43]) иначе как установленным порядком, т.-е. через Государственный Совет. Таким образом, опасения в этом отношении напрасны.

Сердечно и искренно вам преданный *С. Витте*.

[?] 3-го. [1899 г.]

18. Письмо С. Ю. Витте К. П. Победоносцеву.

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

Ваше письмо доставило мне большое утешение. — Государю благоугодно было признать благовременным изъять из моих рук разросшееся управление финансами и экономиею России. Решение это было для меня неожиданно. От всей души, с совершенною искренностью, желаю, чтобы это послужило для пользы государя и России. Мне казалось, что я не могу уйти из поста, на котором стоял, по тому же чувству, по которому всякий порядочный человек не оставляет дела в трудное время [44]). Но, должно быть, мое понимание положения дела было ошибочно. Государь был так милостив, что не только снял с меня тяжелое бремя, но осыпал меня своим царским вниманием.

Всегда буду помнить, как в прошедшие 12 лет я всегда пользовался вашим расположением и вашими указаниями. Надеюсь, что и впредь я не лишусь вашего драгоценного для меня расположения.

Сердечно преданный и покорный слуга *С. Витте*.

[Августа] 19-го. [1903 г.]

19. Письмо С. Ю. Витте К. П. Победоносцеву.

Глубокоуважаемый Константин Петрович.

Я неизменно всегда искренно почитал ваши суждения и мнения, и мне хотелось бы, чтобы вы знали, почему я не мог долее оставаться министром финансов. Поэтому я позволяю себе передать вам, под особливым секретом, прилагаемые документы, — кои у меня сохранились — и которые я теперь нашел у себя, разбирая бумаги. Печатная записка также секретная — у меня остался только один экземпляр — остальное сожжено.]

Благоволите по прочтении вернуть и всё сие сохранить в секрете.

В конце прилагаю телеграмму от вчерашнего числа, из коей видно, что мы начинаем отступать от позиций, занятых Безобразовым [45]). Впрочем я сейчас получил телеграмму, из коей видно, что здесь мы действуем двойственно. Повидимому, было уже на Ялу маленькое столкновение [46]), в коем несколько наших и японских матросов убито.

Сердечно вам преданный *С. Витте.*

[Сентября] 22. [1903 г.]

20. Письмо С. Ю. Витте К. П. Победоносцеву.

Больно читать, высокоуважаемый Константин Петрович, анонимное письмо простолюдина *). Много там правды. Чем все это кончится? Боюсь, очень боюсь за ближайшее будущее.

Сердечно ваш *С. Витте.*

24 декабря. [1904 г.]

21. Письмо К. П. Победоносцева С. Ю. Витте.

Многоуважаемый Сергей Юльевич.

Вы боитесь ближайшего будущего. Мало сказать боюсь. Я чувствую, что обезумевшая толпа несет меня с собою в бездну, которую я вижу перед собой, и спасенья нет.

Вы боитесь! Но если так, то зачем вы помогаете этой толпе нестись без оглядки? Я ужаснулся, прочитав вечером ваше предложение о печати [47]), и не мог заснуть. Разве вы не видите, что наша печать — не что иное как гнусный сброд людей без культуры, без убеждения, без чести, — и орудие нравственного разврата в руках врагов всякого порядка? И вы предлагаете снести разом все предупредительные меры, оставив лишь призрак какой-то кары, бездейственной и бесплодной, дающей только повод к возбуждению новой смуты. Ведь эта печать разнесет яд свой во все углы до последней деревни и вконец развратит душу народную.

Здравствуйте. Искренно преданный *К. Победоносцев.*

25 декабря 1904 [г.].

*) Самого письма в подлиннике не приложено.

22. Письмо С. Ю. Витте К. П. Победоносцеву.

Многоуважаемый Константин Петрович.

С вашим громадным умом и опытностью вы, конечно, лучше нежели кто-либо, можете понять причины настоящего нашего положения: ужасная война и отсутствие определенной, сильной, знающей, «что хочу», власти. А потому указание ваше на мою помощь толпе нестись без оглядки — не могу признать правильным. Во-первых, по обязанности председателя, я не имею права ставить вопросы, выражающие мои взгляды. Я должен их ставить так, как они соответствуют разуму указа [48]). Усердно прошу вас, о чём я еще вчера заявил в Комитете, так их и понимать. Во-вторых, недостаточно констатировать, что ныне обезумевшая толпа идёт. Надлежит также выяснить, почему она обезумела и почему идёт, а также, как ее остановить. Вот на этот последний счёт вы еще не изволили высказаться. Но я уверен, что вы не думаете, что, потому что безумцев гораздо более, нежели разумных, что многие в толпе идут вместе с озлоблёнными и унижёнными, такие, которые просто бесятся, — что потому самому можно всем затыкать глотку, сажать в тюрьму, ссылать, насиловать их совесть и душу. Думаю обратное — что если бы правительство многие годы систематически не занималось подобными упражнениями, если бы правительственные люди не душили бы без разбора разума и сердца, — всё, хотя России и неопасное, — но им неудобное и несимпатичное, — то правительство ныне имело бы, кроме большой обезумевшей толпы, кричащей нам «пошли вон» — и тихую, меньшую толпу, которая бы изрекала бы этот возглас не по отношению правительства, а к этой обезумевшей толпе. Правительство, ведущее дурно дела, не хуже правительства, которое систематически все потребности материальные и духовные ни в грош не ставит, всего боится и думает только о том, как бы ничего не делать, всякую мысль, всякую потребность свести в.....*).

Вот вам мои откровенные мнения, которые я позволяю себе вам высказать, как дань глубочайшего и искреннейшего уважения в вам

Вашего покорного слуги *С. Витте.*

[Декабря] 25-го. [1904 г.]

23. Письмо К. П. Победоносцева С. Ю. Витте.

С праздником!

Многоуважаемый Сергей Юльевич.

Благоразумней было бы мне молчать, чтобы не возбуждать недоразумение по предмету, требующему более глубокого и пространного объяснения. Но я не мог удержаться. Почему? Потому, между

*) Одно слово не разобрано.

прочим, что вы — единственный человек, с коим приходилось мне не раз говорить о нынешнем плачевном состоянии России, и кроме вас говорить не с кем. Вопрос о печати только часть в общей постановке дела, ведь вы и сами в Ц[арском] Селе, после заседания с постановкой вопросов, говорили мне, что не надеетесь от того на успокоение умов.

Вы сами указываете рану: «отсутствие определенной, знающей, что хочу, власти». Эту власть мы не в силах восстановить — она лежит бессильная, без сознания и без опоры, и представитель ее — министр — сидит теперь в Комитете без слов и без движения. Но, будучи бессильны в этом, мы все-таки должны охранять самую идею и самый принцип власти, — ибо без этого нет спасения нигде и тем паче в России.

Но мы колеблем самый этот принцип, устраняя самую постановку власти в смысле элемента, сдерживающего всякий порядок. То, что принято у нас в заседании о Сенате, разве не есть в существе подавление идеи власти и ее принципа? Все направлено к проложению путей к критике власти со стороны всех и каждого, и не иллюзия ли это — искать какой-то опоры порядка в Сенате, якобы по идее Петра? Но то был Петр, — и Сенат был орудием крепкой власти. Он устранился после него и воскрес в смысле орудия при монархах со властию. А теперь что такое Сенат? Собрание судебных чиновников, переворачивающих на все лады букву законов, не приведенных ни к какому единству, а двигателем всего — присяжный поверенный. Ныне же и министр юстиции отстраняется от него.

Вот общий смысл моего опасения, отголоском которого было краткое слово о печати.

И напрасно, в нынешнюю пору, ожидать какого-либо радикального взгляда и самостоятельного отзыва от членов нашего совещания.

Здравствуйте на праздник и да хранит вас бог.

К. Победоносцев.

Не угодно ли будет вам взглянуть на записку, присланную мне из Москвы о крестьянском деле?

25 декабря 1904 г.

24. Письмо С. Ю. Витте К. П. Победоносцеву.

Высокоуважаемый Константин Петрович.

Сердечно вам благодарен за ваше любезное письмо. Впрочем, сегодня или завтра я сочту за приятное удовольствие лично с вами побеседовать. Я не имею претензии на непогрешимость, — может быть, мои взгляды неверны, но, по крайней мере, я определителен, а только одна определительность дает уверенность самому и окружающим. Я нахожу, что причина, основная, нашего почти безвыходного положения — это война. Перед ее последствиями — все остальные второстепенны. От хода войны, от ее перипетий будет, преимуще-

ственно, зависеть ближайший внутренний ход событий. Затем я убеждён в том, что не делать ничего во внутренних наших делах невозможно. Нужно удовлетворить наболевшие потребности, равно чувствуемые всеми подданными царя. Только этим путём возможно правительству привлечь к себе людей не крайних, благоразумных — и не вовлечь их в сети смуты или не сделать их равнодушными к террорам и бомбам. Поэтому, по моему убеждению, необходимо искренно выполнить предначертания царского указа и манифеста [49]), дав все удовлетворения благоразумным желаниям, доколе сие не подрывает основы нашего режима. Повидимому, в этом пункте мы с вами расходимся. Но, удовлетворяя благоразумные желания, нужно, чтобы публика не только знала, но чувствовала, что всякие ее вожделения, идущие далее этого предела, не только получат отпор, но и возмездие. Нужно, чтобы публика знала и чувствовала, что есть правительство, которое знает, что оно хочет, и обладает волею и кулаком, чтобы заставить всех поступать согласно своему желанию. Оно должно вести публику, а не подчиняться толпе и, в особенности, обезумевшей. Вот этого последнего условия нет, и это, в связи с главным фактором, влияющим на современность, не дает мне надежды, чтобы последовало успокоение, о чем я вам говорил, что думаю и ныне.

По вопросу о Сенате решено образовать высшее совещание [50]). То же будет по цензурному уставу [51]). Значит, еще будет время всесторонне осмотреться. Да дела эти должны проходить через Государственный Совет. Посему тут нет ничего опасного.

Возвращаю прилагаемую записку. Видно, что она составлена умным человеком. Некоторые его мысли разделяю. В крестьянском совещании [52]) участвуют люди различных мнений по этому предмету. Там такие крайние, как Стишинский [53]), Гурко [54]), Семенов [55]), много людей знающих (Горемыкин), поэтому опасаться за крайности едва ли приходится. Относительно надельных земель я во многом разделяю мнение автора, но убежден, что крестьянин, по Положению полу-persona, всё-таки в гражданском отношении должен приблизиться к person'е.

Сердечно преданный и покорный слуга *С. Витте*.

[?] 26-го. [1905 г.]

25. Письмо К. П. Победоносцева С. Ю. Витте.

Многоуважаемый Сергей Юльевич.

Саблер передал мне вчерашние слова ваши, показывающие, что и по вашему мнению я веду какую-то кампанию против вас и намерений ваших у государя.

Прежние отношения мои с вами побуждают меня по этому поводу объяснить вам следующее.

Вы достаточно меня знаете, чтобы судить обо мне. Во 1-х, должны знать, что я всегда говорю обо всем прямо и открыто, не тая своего

мнения. Во 2-х, должны знать, что в течение всего нынешнего царствования я на этой почве, т.-е. на почве высочайшей воли, не предпринимал борьбы ни с кем, не имея, хотя бы и желал, твердой опоры. В первые два года, когда меня изредка спрашивали, я давал ответ, по крайнему моему разумению, прямой и открытый. А затем меня уже и не спрашивали. Я ведал только дело моей должности, по вверенному мне ведомству.

Мой образ мыслей и взгляд мой на все предприятия и преобразования последнего времени также вам известны. Известно вам, что я не разделяю взгляд ваш на последствия, выводимые из указа 12 декабря. Но и тут я счел невозможным на этом поле вступать в борьбу с вашими воззрениями, кои разделяет Комитет Министров, ибо не в силах был опровергать целое мировоззрение, отстоявшее от моего на другом полюсе. Лишь по одному определенному вопросу о Рогожских алтарях, который считаю существенным и для церкви и для государства, я счел долгом высказать особое мнение, и в этом, полагаю, что и вы не усмотрите личную борьбу с вами, ибо право иметь свое мнение никто не может отнять у меня.

Но когда вы подняли в Комитете вопрос, самого радикального свойства, о преобразовании всего церковного управления, и подняли его только по личному соглашению с митрополитом (чего и он не отрицает), без ведома синода и обер-прокурора, являлся прецедент обсуждения церковных дел небывалый, и я, как обер-прокурор св. синода, лицо, прямо поставленное законом и государем к ведомству церковных дел, счел прямым своим долгом поставить государя в известность, что вносится столь странным образом церковное дело на обсуждение гражданского правительства. Это было еще 2 марта. После того я ничего не писал государю, а получив повестку о заседании, решил не ехать туда ни мне, ни Саблеру, дабы уклониться от совершенно несоответственного и едва ли достойного диспута о церкви между митрополитом и обер-прокурором, а вместо того написал и прислал в Комитет записку с своими возражениями. И уже после того, 13 марта, получил от государя известное высочайшее повеление. Признаюсь однако, что я подивился, помня прежние наши отношения, как вы, прежде чем поехали к митрополиту, не захотели объясниться со мною о столь важном поднятом вами вопросе.

И кому же, как не вам, знать, что в нынешних обстоятельствах и в условиях нынешних властей никакая кампания, какую вы мне как бы приписываете, невозможна?

Что касается до меня лично, то не искал никогда власти и только-рад был бы от нее освободиться. Еще в прошлом году, чувствуя ослабление сил, я задумывал оставить свою должность. Ныне же, конечно, с предстоящей церковной реформой, нравственное положение мое станет невозможно, и если я еще до сих пор не сложил с себя бремя, то лишь потому, что, на первое, весьма краткое время, надобно еще поддержи-

вать какой-нибудь порядок в текущих делах церковного управления, осужденного на полное разрушение.

С совершенным почтением покорнейший слуга *К. Победоносцев.*

24 марта 1905 г.

26. Письмо С. Ю. Витте К. П. Победоносцеву.

Многоуважаемый Константин Петрович.

Очень вам благодарен, что вы изволили написать мне откровенное и доброжелательное письмо, что и меня вынуждает ответить вам с такою же откровенностью.

Сперва по вопросу о церкви. Вопрос этот возбудился в заседаниях Комитета при обсуждении вопроса о веротерпимости [56]). Его возбуждал митрополит [57]), его возбуждал государственный контролёр [58]), его возбуждал Н. М. Чихачёв [59]), но в различных частностях. Это вынудило меня, когда я виделся с его величеством, доложить ему о сём и указать, что я боюсь, чтобы нас после не упрекали, что мол сектантством и инославными исповеданиями мы занимаемся, а о православии молчим. Посему я доложил, что предполагаю обменяться в совещании мыслями и о православии, но, конечно, в присутствии митрополита и в пределах, им указанных. Его величество на сие соизволил. Тогда митрополит составил программу, в которую я не внёс ни одного слова. О том, что по вопросу о православной церкви предполагается обменяться мыслями, я доложил Комитету (именно вследствие возбуждения сего вопроса Н. М. Чихачёвым) в присутствии В. К. Саблера. Таким образом я имел основание предполагать, что обо всём этом вам известно и что если вы имеете какие-либо сомнения или возражения, то вы или В. К. Саблер меня заблаговременно поставите о сём в известность, дабы я и все члены совещания не испытали того неловкого положения, в котором мы очутились после неожиданного, накануне заседания, высочайшего повеления. Таким образом весь ход дела в достаточной мере был известен В. К. Саблеру. Но я также имел намерение лично с вами переговорить об этом деле — и два раза справлялся у В. К. Саблера о состоянии вашего здоровья, на что Владимир Карлович первый раз мне ответил, что состояние вашего здоровья неудовлетворительно, а второй раз, что, хотя вы встали, но находитесь в угнетенном расположении духа. При таких обстоятельствах я почёл несоответственным вас беспокоить.

Вы изволите мне писать, что Владимир Карлович вам передал о разговоре, который я имел с ним в присутствии других членов по вопросу об «изъятии дела из совещания и передаче синоду». Да, я имел сей разговор. Я высказал, что, мне кажется, сделали ошибку, что вопрос направили таким путём, ибо его поставили в безбрежные границы и в некоторой степени на агитационную платформу. Я и ныне остаюсь при этом мнении. Если государственная власть решила

заняться церковным вопросом, то она и должна была очертить а в т о р и т е т н о границы рассмотрения. Иерархи этого сделать не могут, ибо они не государствоведы. Если сие пожелает сделать обер-прокурор, то на него все ополчатся. Таким образом вследствие прискорбного недоразумения, огонь брошен на площадь — вместо того чтобы дать ему производительное действие. Говорят, церковь — не дело правительства; да, если церковь отделена от государства. Но у нас — да и нигде (о сем толкуют во Франции) — церковь не может быть отделена от государства. Ныне и иерархи не могут быть ответственны за решение собора, они скажут — мы хотели, чтобы ранее правительство определило задачи и границы, — а обер-прокурор сие не захотел. Далее я сказал Владимиру Карловичу, что я не знал, что было доложено государю, что побудило его величество изменить данное соизволение, — а потому был вынужден доложить государю о ходе дела, дабы было ему известно м о ё в н ё м у ч а с т и е.

Затем, многоуважаемый Константин Петрович, по поводу моего отношения к указу 12-го декабря. Вы знаете мои мысли, кои я высказывал в Совете, но главное мое убеждение то, что если правительство само не удовлетворит с п р а в е д л и в ы е требования и желания, то засим оно будет вынуждено подчиниться необдуманным вожделениям. Если бы не было б е з у м н е й ш е й и н е с ч а с т н е й ш е й войны, то правительство могло продолжать бороться с течением общественных вожделений, да и то преимущественно полицейскими мерами. Но война обнажила сердце власти. Такие жертвы и ужасы даром не проходят, и если правительство не возьмет в свои руки течение мыслей населения и будет только полудействовать, то мы все погибнем, ибо, в конце концов, восторжествует русская, особливого рода, коммуна. К сожалению, правительство сие не понимает или оказывается импотентным.

Наконец, что касается влияния на государя, то если вы им не пользуетесь, то я не пользуюсь им ещё в б о л ь ш е й с т е п е н и. За последние $1^1/_2$ года я с государем виделся наедине раз шесть, а говорил два раза. Точно так, как и вы, я считал бы наибольшим счастьем — сделаться просто Витте. К несчастью, это счастье мне не даётся — но так как люди во всех возрастах живут надеждою, то надежда эта меня не покидает.

Крепко жму вашу руку.

Сердечно вам преданный покорнейший слуга *С. Витте.*

25-го [марта] [1905 г.].

27. Письмо С. Ю. Витте К. П. Победоносцеву.

Я с своей стороны, многоуважаемый Константин Петрович, тоже нахожу, что наиболее жгучий вопрос об отношениях полиции к фабрикам подлежит скорейшему разрешению, ибо он — вопрос болезненный и деморализирующий. Начало этому положению дела

дал известный циркуляр министра внутренних дел [60]), по моему мнению, не согласный с существующими узаконениями и едва ли предусмотрительный по существу. Остальные вопросы — страхование, ответственность — это всё терпит отлагательство.

Я иду далее. По моему убеждению, покуда рабочие будут служить мишенью действий социалистов, покуда будет брожение, едва ли возможно движение законодательства вперёд, в смысле большего благоустройства рабочих. Нельзя строить сооружения в волнующейся воде, по крайней мере, это неосторожно. Правительство должно быть твердо и не может ставить себя в положение, что оно должно что-то сделать для рабочих, потому что они мутят. А между тем, к сожалению, многие так ставят вопрос.

Ковалевский здесь [61]). Он явится к вам по вашему приказанию. В понедельник вечером я свободен.

Сердечно вам преданный *С. Витте.*

26. [1905 г.].

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) *Цион, Илья Фаддеевич*, — реакционный профессор медицины Петербургского университета и Военно-медицинской академии, покинувший кафедру под давлением студенческих беспорядков. По увольнении в 1875 г. от профессуры сделался видным сотрудником «Московских Ведомостей» М. Н. Каткова. С 1890 г. состоял агентом министерства финансов в Париже. За взятку с французских банкиров был уволен министром финансов Вышнеградским. Его перу принадлежит ряд реакционно-публицистических брошюр, в частности: «Итоги финансового управления И. А. Вышнеградского», 1892 г., и «Куда временщик Витте ведет Россию», 1896 г.; за последнее сочинение подвергся административному взысканию. Для характеристики Циона следует указать, что, спустя два месяца после приводимого ниже письма к Витте, Цион 3 декабря 1892 г. пишет письмо К. П. Победоносцеву, в котором, повторяя отчасти то, что раньше писал Витте, дает этому последнему уже совершенно другую оценку: «Глубоко сожалею, в. в-во, что до сих пор не нашел верного случая для присылки вам экземпляра моей записки: «Итоги финансового управления И. А. Вышнеградского по официальным документам». Не смею довериться почте, ибо если бы, не дай бог, правда о наших фиктивных бюджетах и еще более фиктивном государственном контроле проникла в печать, то кредиту России нанесен был бы неизлечимый удар. Г. Витте купно с племенем Рафаловичей и без того фатально ведет Россию к финансовой катастрофе». «Письма и записки К. П. Победоносцева», т. I, ч. II, стр. 971.

[2]) *Вышнеградский, Иван Алексеевич*, — с 1887 г. по 1892 г. министр финансов.

[3]) *Абаза, Александр Аггеевич*, — с 1874 г. председатель деп. экономии Госуд. Совета, с ноября 1880 г. по апрель 1881 г. министр финансов, впоследствии (до 1892 г.) вновь председатель департамента экономии Госуд. Совета.

[4]) *Лавров, Петр Лаврович* (1823—1904), — революционный теоретик 70—80-х годов.

[5]) *Степняк-Кравчинский, Сергей Михайлович* (1852—1895), — писатель-революционер.

[6]) *Кропоткин, Петр Алексеевич* (1842—1920), — князь, анархист, писатель.

[7]) *Дурново, Иван Николаевич*, — с 1889 г. министр внутренних дел, с 1895 г. по 1903 г. председатель Комитета Министров.

[8]) *Муравьев, Николай Валерьянович*, — с 1894 г. по 1904 г. министр юстиции.

[9]) *Сэ Леон*, — умеренный республиканец, с 1872 г. по 1882 г. французский министр финансов.

[10]) *Леруа-Болье Поль*, — французский публицист и экономист.

[11]) *Кюшеваль-Клариньи*, — член французской палаты депутатов.

[12]) *Коломбо*, — после падения Криспи с 1891 г. по 1892 г. и в 1896 г. итальянский министр финансов; с 1891 г. содействовал падению Криспи.

[13]) *Луццати*, — с 1869 г. по 1871 г. итальянский министр финансов; в 1891 г. содействовал падению Криспи.

[14]) *Криспи*, — депутат и член военного министерства революционного правительства 1859 г., с 1861 г. член палаты и лидер монархической левой, в 1875 г. президент палаты, а затем министр внутренних дел, неоднократно глава итальянского кабинета, германо- и австрофил, в финансовых вопросах сторонник увеличения налогового бремени, вызвавшего резкую оппозицию ему.

[15]) *Ло, Джон*, — финансист и спекулянт XVIII в., апологет бумажно-денежной системы, в 1720 г. министр финансов Людовика XV, в том же году во время вызванных падением бумажных денег волнений бежал из Франции.

[16]) *Калонн, Шарль Александр*, — с 1783 г. генеральный контролер (министр финансов) Франции. Его проект увеличения налогов отвергнут собранием нотаблей в 1787 г.

[17]) *Иващенков, Анатолий Павлович*, — член Госуд. Совета, последовательно товарищ министра путей сообщений, министра финансов и государственного контролера.

[18]) *Кауфман, Петр Михайлович*, — помощник главноуправляющего учреждений имп. Марии, с 1906 г. по 1907 г. — министр народного просвещения.

[19]) *Филиппов, Тертий Иванович*, — государственный контролер с 1889 г. по 1899 г.; славянофил-церковник.

[20]) *Воронцов-Дашков, Иларион Иванович*, граф, — с 1881 г. по 1896 г. министр двора и уделов; с 1905 г. по 1915 г. — наместник на Кавказе.

[21]) О разногласии между Воронцовым и Витте о порядке испрошения кредитов по министерству двора см. Витте «Воспоминания», т. I, стр. 92—95. Оно сводилось к отстаиванию Витте прохождения сметы через Госуд. Совет по согласовании ее между министрами двора и финансов и требованию Воронцова вносить общую сумму сметы в роспись без обсуждения в Госуд. Совете. По увольнении Воронцова, его точка зрения была проведена в жизнь конфиденциальным приказом внести изменения в соответствующее место свода законов без предварительного распубликования этого изменения.

[22]) Попечительства (комитеты) о народной трезвости начали организовываться с 1895 г. и вызвали оппозицию со стороны духовенства.

[23]) Самарский преосвященный — епископ Гурий (Буртасовский), известный «миссионер» среди старообрядцев и иноверцев (1892—1903).

[24]) Имеется в виду журнал совещания от 23 ноября 1896 г. под председательством царя, в составе Витте (министр финансов), Ванновского (военный министр), Тыртова (упр. морским м-вом), Обручева (нач. главн. штаба), Шишкина (упр. мин. ин. дел) и посла в Константинополе Нелидова. Об этом подробнее см. Витте, «Воспоминания», т. I, стр. 80—85. О Босфорской авантюре см. также «Красный Архив», т. I, стр. 152—162, и в отдельном оттиске из него «Русско-германские отношения». Победоносцев, который на совещании не присутствовал, в ответ на присылку ему журнала для ознакомления писал: «Спешу возвратить и поблагодарить за присылку. «Jacta est alea» [жребий брошен]. Помилуй нас бог». (Витте, «Воспоминания», т. I, стр. 81).

[25]) *Мещерский, Владимир Петрович*, кн.,—редактор реакционной газеты «Гражданин», один из доверенных советников Николая II.

[26]) *Плеве, Вячеслав Константинович*, — государственный секретарь с 1894 г., министр внутренних дел с 1902 г. по 1904 г.

[27]) Имеется в виду поражение греков в греко-турецкую войну 1897 г.

[28]) *Сергей Александрович*, великий князь, московский генерал-губернатор.

[29]) Вопрос об общежитиях, как мере, способной предотвратить студенческие беспорядки, возник в министерство Делянова. Введено первое общежитие студентов в Московском университете уже при Боголепове (1897—1901).

[30]) *Делянов, Иван Давыдович*, граф, — министр нар. просвещения с 1882 г. по 1897 г.

[31]) *Рачинский, Сергей Александрович*, — профессор Московского университета, деятель по народному образованию и автор «Писем к духовному юношеству о трезвости».

[32]) «Замечания статс-секретаря Витте по поводу особого совещания по делам дворянского сословия». В этой записке, возражая против самого принципа составления журнала совещания, Витте высказывает свою общую точку зрения: 1) на роль дворянского сословия и 2) на права особого совещания.

[33]) «Замечательно, что этому институту земских начальников не сочувствовали даже многие из консерваторов, и в том числе такой консерватор, как К. П. Победоносцев». Витте, «Воспоминания», т. III, стр. 242.

[34]) Воинская повинность для студентов, исключенных за коллективные беспорядки, впервые введена 29 июня 1899 г.

[35]) Суворин под 25 марта 1899 г. в своем дневнике записал (стр. 187): «Витте действует с Плеве, расставшись с Муравьевым, с которым не поладил. 17 марта в Совете Министров он говорил за такие строгие меры, что Победоносцев воскликнул будто бы: «Нет, Сергей Юльевич, так нельзя». Он ошибся совершенно в своих предположениях, о которых говорил мне до высочайшего постановления от 20 февраля, что учащиеся примут с восторгом инициативу государя. Оказалось, никакого восторга, а, наоборот, стачка за стачкой».

[36]) *Боголепов, Николай Павлович*, — министр народного просвещения с 1897 г. по 1901 г.

[37]) *Горемыкин, Иван Логинович*, — министр вн. дел с 1895 г. по 1899 г.

[38]) «Объяснения министра финансов на записку министра вн. дел о политическом значении земских учреждений» (вышли двумя изданиями под ред. Струве: первое в 1901 г., второе в 1908 г. с предисловием Череванина. Все издание носит заглавие «Самодержавие и земство».

[39]) Жена Витте.

[40]) Речь идет о требовании принца Александра Петровича Ольденбургского как председателя «Особой комиссии для предупреждения занесения чумной заразы и борьбы с ней в случае появления ее в России», ввиду вспыхнувшей в Астрахани чумы, запретить вывоз из России некоторых товаров. Об инциденте Витте с принцем Ольденбургским см. «Воспоминания», т. I, стр. 465—467. Суворин, «Дневник», стр. 216.

[41]) Жена Победоносцева.

[42]) *Сипягин, Дмитрий Сергеевич*, — министр внутренних дел с 1899 г. по 1902 г.

[43]) Комиссия для разработки вопроса о мерах к поддержанию дворян-землевладельцев, под председательством И. Н. Дурново (1897—1901).

[44]) Витте назначен был председателем Комитета Министров, с оставлением поста мин. финансов, 16 августа 1903 г. См. Витте, «Воспоминания», т. I, стр. 198—199.

[45]) *Безобразов, Александр Михайлович*, — отставной ротмистр кавалергардского полка, с мая 1903 г. статс-секретарь, глава так называемого «безобразовского» кружка.

[46]) Речь идет, повидимому, о какой-нибудь мелкой стычке, имевшей место в связи с концентрацией японского флота около Корейских берегов у Мозампо. См. «Дневник Куропаткина» — «Красный Архив», том II, стр. 77, и «Малиновая книга», документы №№ 8 и 9, стр. 21 и сл.

[47]) О рассмотрении вопроса о печати (проект Д. Ф. Кобеко и др.) см. «Воспоминания» Витте, т. I, стр. 292: «К этому вопросу (о печати) К. П. Победоносцев и его заместитель Саблер, — так как К. П. перестал регулярно посещать заседания, отнеслись скептически».

[48]) Указ 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка».

[49]) Речь, повидимому, идет о манифесте 18 февраля 1905 г. о «настроениях и смутах». Витте, «Воспоминания», т. I, стр. 308.

[50]) и [51]) Речь идет о вопросах, ставившихся в особых совещаниях, образовывавшихся в связи с работами по проведению в жизнь указа 12 декабря 1904 г.

[52]) Имеется в виду особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности (1902—1905).

[53]) *Стишинский, Александр Семенович*, — член Госуд. Совета.

[54]) *Гурко, Владимир Иосифович*, — тов. министра внутр. дел.

[55]) *Семенов-Тянь-Шанский, Петр Петрович* — член Госуд. Совета.

[56]) Витте в «Воспоминаниях» (т. I, стр. 296—298) рассказывает о том, как Победоносцев стал противодействовать при обсуждении вопросов о веротерпимости, заявил себя больным и не принимал личного участия в суждениях. Митрополит Антоний принимал в заседаниях деятельное участие; по представлению Витте, Николай сначала согласился, чтобы эти вопросы, касающиеся церкви, разбирались в заседании Комитета Министров; по этому поводу была составлена особая записка «одним из моих сотрудников, при моем большом и сердечном участии», дополняет Витте. «Накануне дня, назначенного для заседания, вечером, — пишет Витте, я получил от К. П. Победоносцева письмо, в котором он мне сообщил, что по высочайшему повелению вопрос этот должен быть снят с обсуждения Комитета Министров. И вообще все это дело... должно быть передано в св. синод».

[57]) *Антоний* (Вадковский), — митрополит Петербургский и Ладожский.

[58]) *Лобко, Павел Львович*, — государственный контролер (1899 — 1905 г.).

[59]) *Чихачев, Николай Матвеевич*, — председатель департамента промышл., наук и торговли Госуд. Совета.

[60]) Речь идет, повидимому, о циркуляре министра вн. дел от 12 августа 1897 г., в котором предлагалось всех забастовавших «удалять безотлагательно в места родины». Следствием этого циркуляра явились: закон 1 февраля 1899 г. о фабричной полиции, увеличение штата фабричных инспекторов и т. д.

[61]) *Ковалевский, Владимир Иванович*, — товарищ министра финансов.

„Исповедь“ Григория Гольденберга.

I.

В наиболее напряженный и самый героический период своей борьбы, в период допервомартовский, «Народная Воля» пережила серьезный удар, который тогда, в начале 1880 г., чуть не поставил партию перед фактом полного разгрома. Этим значительным и неожиданным ударом явилось, как известно, предательство Григория Давыдовича Гольденберга.

Старый и, казалось бы, испытанный и закаленный в подпольной борьбе семидесятых годов революционер, убежденный террорист, деятельный член «Народной Воли» и один из первых членов ее Исполнительного Комитета, Григорий Гольденберг, очутившись в тюрьме, из крупного и активного революционера превратился в не менее крупного предателя. Человек, которым в свое время организация вправе была гордиться, вдруг оказался могильщиком партии: с полной откровенностью рассказал он жандармам все, что знал о партийной работе, разоблачил всех лиц, с которыми ему случайно и неслучайно приходилось сталкиваться в подполье, и даже больше того, — готов был звать всех своих былых товарищей на капитуляцию перед всесильным и хитрым врагом.

Среди народовольцев предательство Гольденберга тогда же вызвало много шума. Оно породило много разговоров, споров, предположений и догадок о причинах предательства, характере его и, наконец, о размахе и пределах измены.

Публикуя «Исповедь» Гольденберга, написанную им перед самоубийством в Трубецком бастионе Петропавловской крепости, мы открываем публикацию серии главнейших архивных материалов, которые в совокупности должны, с одной стороны, всесторонне осветить историю измены Гольденберга, а, с другой стороны, установить действительные размеры его предательства.

Необходимо указать, что «Исповедь» — лишь незначительная часть соответственных архивных материалов. Она совершенно не затрагивает вопроса о размерах измены Гольденберга. Ни одним словом автор «Исповеди» не обмолвился о том, кого и насколько он оговорил. Нет в ней ни одной почти строки, которая рассказывала бы о самом важном— о существе его предательских показаний, о лицах и фактах, им разоблаченных. На этот счет в публикуемой «Исповеди» имеются лишь общие намеки, позволяющие нам догадываться о размерах предательства Гольденберга. Имена, конспиративные клички, факты, события и т. п. детали, которые он раскрыл жандармам и которые, в целом, рисуют размах его предательства, — все это мы находим в его обширных и откровенных показаниях, которые будут опубликованы впоследствии.

Центр внимания многословной и несколько сумбурно написанной «Исповеди» — изложение мотивов предательства.

Летопись революционных движений в России знает немало крупных и мелких предательств. И мы знаем, что основными причинами, за весьма редкими исключениями, всех подобных измен, были, главным образом, мелко-эгоистические, шкурнические интересы. Гольденберг считал для себя незаслуженным клеймо злостного предателя и не хотел войти в историю движения семидесятых годов и «Народной Воли» с таким позорным и несмываемым пятном. Потому-то он и приступил к составлению «Исповеди», где стремился доказать, что в своем поступке он «не руководствовался ни узко-эгоистическими целями ни верноподданническими чувствами».

Гольденберг старается убедить читателя, что он «руководствовался, главным образом, любовью к товарищам, желанием спасти их от многих страданий, а некоторых от смертной казни, хотел только, как можно скорее, освободить молодежь и все общество от того тяжкого и ужасного положения, в котором они находятся теперь, хотел, чтобы то лучшее будущее, которое, несомненно, должно быть и будет, настало, во-первых, как можно скорее, а, во-вторых, чтобы было как можно меньше жертв, чтобы не проливалась дорогая для нас всех и России молодая кровь, хотел спасти правительство от новых преступлений, чтобы правительство не говорило, что оно вынуждено прибегнуть к крайним мерам, чтобы водворить тишину и спокойствие. хотел дать возможность притти к этому без жертв и без кровопролития».

Таковы мотивы его предательства, как их рисует сам Гольденберг.

«Когда я сделал заявление, в котором я рассказал все мне известное, — пишет Гольденберг, — то я называл это дело святым делом, гениальнейшим планом и удивлялся тому, как это никто не додумался до этого образа действия. Я смотрел на это дело точно так, как полководец, когда ему приходится сдаться на капитуляцию; себя же, правду сказать, я считал полководцем, который под свою опеку и покровительство берет вверенное ему войско... Я считал это дело самоотвержением и громаднейшим самопожертвованием...» «Счастливее меня, — признает он, — в то время не было человека».

Так пытался объяснить и оправдать свои действия Гольденберг.

Наша историко-революционная литература знает много однородных человеческих документов — покаянных автобиографий и «исповедей» предателей и провокаторов. Многие из авторов подобных записок впоследствии каялись в своих грехах. Но никто из них не пытался опровергать факт своего предательства. «Исповедь» Гольденберга носит иной характер: подтверждая, что он всех и все выдал, Гольденберг, тем не менее, не признает себя предателем. Его предательство, — как он его трактует, — было известным тактическим шагом, который имел целью сразу и одним взмахом разрубить завязывавшийся в течение десятилетий социально-политический узел. Он считает себя только жертвой этого тактического шага, жертвой легкомысленной логики.

«Исповедь» не дает полной картины всей сложной обстановки, в которой вступил на путь предательства Гольденберг.

Гольденберг не оттеняет главного, чего он сам, конечно, не замечал: того воздействия, которое незаметно для него оказывали на процесс его мышления жандармы. Все, что делалось за кулисами жандармских управлений, в тайных канцеляриях, оставалось тайной для Гольденберга. Между тем жандармы сыграли решающую роль в построении Гольденбергом плана «спасения» страны.

Нижеследующие страницы посвящены обозрению соответственных архивных материалов, которые выявляют поведение Гольденберга с момента ареста 14 ноября 1879 г. и до самоубийства и которые вскрывают роль жандармов в его предательстве. В секретной переписке чинов жандармского надзора, руководивших дознанием о Гольденберге, вскрывается многое из того, о чем расплывчато рассказывает автор «Исповеди» и что в последние дни жизни его особенно терзало [1]).

II.

Прежде чем приступить к обозрению жандармской переписки о предательстве Гольденберга, необходимо отметить главнейшие этапы его жизни и революционной деятельности. Выше мы в общих чертах отметили уже то положение, которое Гольденберг занимал в революционной среде. Когда в ноябре 1879 г. Гольденберг в последний раз переступил порог, отделявший волю от тюрьмы, он вошел в камеру Елисаветградского тюремного замка со значительным революционным стажем. Вот в сжатом виде революционный формуляр Гольденберга, составленный нами на основании соответственных архивных документов и, главным образом, на основании его собственного, неопубликованного еще, автобиографического показания от 15 января 1880 г.

Он родился 3 декабря 1855 г. в г. Бердичеве в семье васильковского второй гильдии купца. Семья Гольденберга жила безбедно, интересы ее всецело поглощались торговыми делами. Передовые, просветительные идеи эпохи, которые просачивались даже в Бердичеве — в этом центре еврейской ортодоксии того времени, — не встречали никакого отклика в доме Гольденбергов. Духовные запросы и настроения семьи определялись исключительно веками сложившимся патриархальным бытом тогдашнего еврейства. В такой косной среде прошло детство Григория Гольденберга.

В 1865 г. он вместе с родителями переехал из Бердичева в Киев, где отец его открыл мануфактурный магазин. Три года, с 1868 по 1871, Григорий провел за прилавком в отцовском магазине. К учебе и умственным занятиям у него, видимо, особой склонности не было, хотя он брал частные уроки. Уступая просьбам отца, Григорий в 1871 г. поступил в третий класс киево-подольской классической прогимназии. Но дело учебы у него и здесь не налаживалось, и, в конце концов, он в 1873 г. вышел из четвертого класса прогимназии. «Программа и цель среднеучебных заведений не соответствовали моим понятиям о таковых и плану, которого я в них искал», так мотивирует он этот поступок в своих показаниях.

С переездом в Киев резко изменился семейный быт Гольденбергов. Здесь семья освободилась от сковывавших чувства и разум ветхозаветных взглядов, традиций и форм быта. Струя живой жизни хлынула в киевский дом Гольденбергов. И вместе с этой струей туда проникли передовые идеи эпохи, укоренившие в молодых обитателях дома революционные взгляды. Даже старики-родители поддались влиянию новых веяний. Это сказалось, в первую очередь, на их согласии дать детям светское образование. И не только безусый юноша Григорий живо и радостно приветствовал новые идеи, возвещавшие о новой жизни и звавшие к активной деятельности в интересах народа. И сестры и брат его горячо откликнулись на выдвинутые жизнью и событиями того времени за-

[1]) Мы пользовались, главным образом, делом б. архива III отделения № 668 за 1879 г., по 3 экспедиции (Моск. Архив Рев. и Внешней Политики), почему отдельные ссылки на номер дела и листы его опускаем.

просы. Достаточно указать, что из пяти его сестер и двух братьев, впоследствии, в конце семидесятых годов, четверо сестер и брат находились в далекой административной ссылке в Олонецкой и Архангельской губ. за причастность к революционному движению.

Первые и непосредственные связи Григория Гольденберга с революционными кружками в Киеве относятся, видимо, к 1873—1874 гг., когда революционная пропаганда приняла обширные размеры и началось знаменитое «хождение в народ». С каким кружком и с кем из тогдашних революционеров он впервые связался, в точности не известно. Мы знаем только, что к 1874 г. окончательно определились его революционные наклонности. В этом именно году он приехал в Петербург подготовиться к поступлению в Технологический институт, но не поступил туда: серьезное увлечение тогдашними революционными идеями толкало Гольденберга на другую работу, в другую область. Следуя примеру многих своих современников, мечтавших посвятить свою жизнь пропаганде социалистических идей в народе, Гольденберг в август 1875 г. поступил в качестве простого рабочего в слесарную мастерскую. Непосредственно изучить жизнь и быт русского рабочего и научиться слесарному ремеслу для последующей революционной пропагандистской работы в деревне среди крестьянского люда — вот цель, которую тогда ставил себе Гольденберг.

В следующем 1876 г., когда он прочно, было, связался с революционными кружками столицы, его арестовали на квартире находившегося под надзором полиции рабочего Городничего и этапным порядком выслали в Киев. Первое время он в Киеве продолжал заниматься слесарным ремеслом в мастерской, устроенной силами и средствами революционеров. В 1877 г. он некоторое время провел в деревне, где пытался вести пропаганду среди крестьян. После того он занялся распространением среди еврейского населения Киева, Бердичева, Житомира и других украинских городов социалистического органа на древнееврейском языке «Эмес» («Правда») и, вообще, в течение 1877—1878 гг. принимал, как он дословно выражается в соответственной части упомянутого показания, «самое деятельное участие во всех движениях, как студенческих, так и вообще молодежи», в Киеве.

В связи с покушением на жизнь тов. прокурора Котляревского (23 февраля 1878 г.) Гольденберг, как заподозренный в прикосновенности к этому террористическому акту, был арестован и 13 апреля 1878 г. в административном порядке выслан в г. Холмогоры, Архангельской губ. В июле того же года он совершил удачный и смелый побег из ссылки.

Последующий нелегальный период его деятельности связан с наиболее крупными революционными событиями 1878—1879 гг. Идеи террора как средства самозащиты и мести за кровавые преследования революционеров встречают в его лице горячего и убежденного сторонника. Он не только идейно примыкает к действующей на юге террористической организации, но входит в состав ее боевой верхушки, становится деятельнейшим работником и организатором среди тех немногих лиц, которые объединились вокруг первого «Исполнительного Комитета Русской Социально-Революционной Партии», и проявляет себя как непоколебимый и отважный революционер-террорист.

Покушение на харьковского губернатора, князя Кропоткина (9 февраля 1879 г.), покушение А. К. Соловьева на жизнь Александра II (2 апреля 1879 г.), Липецкий и Воронежский съезды землевольцев летом 1879 г., на которых он выступал в защиту террора, Исполнительный Комитет «Народной Воли», членом которого он был избран, предпринятые народовольцами первые покушения на Александра II под Одессой, Александровском и Москвой осенью 1879 г., и т. д., и т. д., — вот основные вехи его рево-

люционной деятельности за 1879 г. Во всех отмеченных террористических актах Гольденберг принимал непосредственное и самое активное участие, а в покушении на ки. Кропоткина он явился даже главным действующим лицом.

Революционная карьера Гольденберга, выдвинувшая его в ряды первых и виднейших революционеров конца семидесятых годов, неожиданно и навсегда оборвалась 14 ноября 1879 г., когда его арестовали на ст. Елисаветград.

III.

Арест Григория Гольденберга не был вызван ни предшествующим предательством кого-либо из членов организации ни оговором провокатора. Он явился результатом тех мер предосторожности, которые правительство предпринимало с целью обеспечить Александру II спокойный и безопасный проезд в Ливадию, где он жил осенью 1879 г., и обратную дорогу в Петербург.

Одною из многих предупредительных мер явилось пристальное наблюдение за перевозимым пассажирами багажом, как равно и за самими пассажирами, в тех районах, по которым может и должен следовать царь. Как видно из соответственных докладов провинциальных представителей жандармского надзора, на участках южных железных дорог задолго еще до ареста Гольденберга пристально наблюдали за перевозимым пассажирами багажом. В частности на елисаветградском железнодорожном узле наблюдение вели не только станционные жандармы, но — по личному распоряжению начальника елисаветградского отделения киевского жандармского управления железных дорог майора Пальшау — и рядовые железнодорожные служащие, как-то: носильщики, весовщики, кондуктора и т. д. И эти неотступные наблюдения имели последствием арест Гольденберга.

В момент ареста Гольденберг не оставался пассивным, безучастным зрителем происходящего. История и обстоятельства ареста Гольденберга совершенно не освещены в народовольческой литературе. Между тем, будущий биограф Гольденберга или историк эпохи «Народной Воли», который пожелает дать параллельные портреты Гольденберга — революционера и Гольденберга — узника и предателя, должен будет в надлежащей мере учесть как обстоятельства, которые привели к внезапному аресту на ст. Елисаветград, так, главным образом, и то, как реагировал на арест сам Гольденберг. Детали эти весьма важны для более верной оценки всех последующих действий и поступков Гольденберга.

В ноябре 1879 г. Гольденберг выехал из Одессы, направляясь в Москву, где агентами Исполнительного Комитета «Народной Воли» подготовлялся взрыв полотна Московско-Курской железной дороги при возвращении Александра II из Ливадии. С собою Гольденберг вез около полутора пудов динамита, который он должен был заблаговременно доставить в Москву для целей взрыва.

Когда 14 ноября 1879 г. на ст. Елисаветград прибыл поезд из Одессы, весовщик Полонский сообщил станционному жандарму Васильеву, что один небольшой чемодан, прибывший в багажном вагоне поезда, поражает его своей необычайной тяжестью. Осмотрев чемодан и убедившись, что, действительно, вес (полтора пуда) не соответствует величине его, жандарм Васильев приказал не выдавать чемодана пассажиру, а когда, спустя несколько минут, в багажное отделение явился носильщик Фурсиков с квитанцией и билетом пассажира за чемоданом, чтобы передать его на Харьковско-Николаев-

скую ж. д., по которой пассажир намеревался ехать до Курска, то жандарм предложил носильщику пригласить пассажира в багажное отделение. Явившись туда, пассажир — то был Григорий Гольденберг, на руках у которого был подложный паспорт на имя потомственного почетного гражданина г. Тулы Степана Петровича Ефремова, — при всех удостоверил, что багаж принадлежит ему.

«На вопрос, — цитируем официальный рапорт майора Нальшау в III отделение от 17 ноября 1879 г., — жандарма Васильева у пассажира, что находится в чемодане, пассажир, видимо, смешавшись, ответил, что чемодан — не его, а принадлежит одному его приятелю в Курске, что находится в чемодане, ему совершенно не известно, и ключей у него нет. На вопрос Васильева, кто он, пассажир ответил, что он потомственный почетный гражданин г. Тулы Степан Петров Ефремов, и в удостоверение предъявил вид Васильеву. Жандарм Васильев, не довольствуясь этим, настойчиво пожелал осмотреть чемодан и, достав связку ключей у одного служащего, одним из ключей, при Ефремове, отпер чемодан, в коем оказалось 9 металлических ящиков, зашитых в смоляную клеенку и холст, тщательно уложенных и обвороченных ватой и тряпьем. Тогда жандарм Васильев послал жандарма Перцова дать знать мне (майору Пальшау), а до того времени, пока я приду, решился обыскать самого Ефремова, на что Ефремов упорно не соглашался, и только после угроз Васильева, что он возьмет его силой и разденет, Ефремов последовал за Васильевым в буфетную комнату, где совместно с жандармом Исаевым первоначально осмотрели его карманы и нашли ключи от чемодана. В этот момент Ефремов успел вынуть из бокового кармана письмо и записку и стал их уничтожать. Однако же Васильев успел отобрать и подобрать все клочки бумаги и вручить их на хранение Исаеву [1]), а затем повел Ефремова в багажное отделение примерить отысканные у него ключи, посредством которых тотчас убедился в принадлежности чемодана Ефремову. Когда Васильев был занят ключами, а жандарм Исаев отошел к наружной двери, чтобы взглянуть, не иду ли я, — в этот момент Ефремов успел мгновенно выскочить через буфетную комнату на перрон и стал убегать. Заметивши побег, Васильев послал жандармов Исаева и Суржика догонять Ефремова на извозчике, а сам с носильщиками тоже бросился в погоню. Ефремов уже успел перебежать рельсы и направиться по полю. Когда он увидел догоняющих его жандармов, то, вынув револьвер, положил его в рукав пальто и продолжал бежать. На крик жандарма Исаева собралась толпа народа и несколько местных гусар. Наконец, Ефремов был окружен, но подойти к нему и взять его не было возможности: кто только приближался к Ефремову, на того он взводил курок своего револьвера и целил в каждого. Таким образом он постоянно наводил свой револьвер и этим чрезвычайно возбудил против себя всю толпу народа. Но как-то одному рядовому 7-го гусарского белорусского полка Буригину удалось вырвать револьвер из рук Ефремова, после чего толпа народа с ожесточением набросилась на Ефремова и стала наносить ему побои, но вмешавшиеся жандармы прекратили это. Однако ж и после сего едва удалось шести человекам связать руки Ефремова и отвести его на вокзал: так был силен Ефремов и к тому же зол, что даже кусался» [2]).

Тут же на вокзале немедленно по прибытии майора Пальшау Ефремов-Гольденберг, в присутствии прокурора елисаветградского окружного суда, был подвергнут первому

[1]) Лоскутки уничтоженного письма были впоследствии склеены одесским жандармским полковником Першиным, но и в таком виде нельзя было разобрать письмо.

[2]) За «особое усердие и ревность к своему делу» жандармы Васильев, Исаев и Суржик были награждены шефом жандармов Дрентельном по 25 рублей каждый.

допросу, на котором, подтвердив, что он почетный потомственный гражданин Степан Петров Ефремов, 25 лет, православный, сообщил ряд других ложных биографических сведений. Но, давая заведомо ложное показание о своей личности, Гольденберг тут же однако долгом своим счел заявить, что он «имеет честь принадлежать к числу членов социально-революционной партии в России» и что с исключительной целью посвятить себя партийной работе он незадолго до того приехал, якобы, из-за границы. Скрывать свою принадлежность к организации, понятно, было бесцельно: находившийся в его багаже динамит выдавал его головой.

От дачи каких-либо показаний по существу своей революционной деятельности, как равно и по поводу поведения своего во время ареста, Гольденберг решительно отказался, подчеркнув только на первом допросе, что долгом его как революционера было оказать пассивное вооруженное сопротивление при аресте, но он не отстреливался «потому только, что окружен был частными лицами», и, следовательно, не хотел стать виновником напрасных и лишних жертв.

Первый поверхностный осмотр багажа на вокзале сразу убедил местных властей в том, что находившиеся в чемодане Гольденберга коробки наполнены каким-то взрывчатым веществом. Анализ состава, произведенный в тот же день преподавателями-химиками елисаветградского реального училища, подтвердил, что в коробках находился нитроглицерин, смешанный для удобства перевозки с магнезией. Понятно, что это обстоятельство усилило интерес к арестованному, переведенному в одиночную камеру елисаветградского тюремного замка, со стороны представителей местного жандармского и прокурорского надзора.

Попытка оказать вооруженное сопротивление, категорическое заявление арестованного о своей принадлежности к революционной организации, решительный отказ его от дачи каких-либо показаний по существу его революционной деятельности, его стойкое и гордо-вызывающее поведение на допросах и обнаружение динамита — все это вместе взятое не могло не породить у жандармов уверенности, что в лице задержанного они имеют перед собой крупного и опасного революционера, осведомленного в делах неуловимого подполья и принимающего, несомненно, непосредственное и близкое участие в подготовке какого-то крупного террористического акта. Эта уверенность их и вместе с тем охватившая местных властей тревога слегка проскальзывают и в первой телеграмме майора Пальшау в III отделение:

«Сегодня, — телеграфировал кратко Пальшау, — на елисаветградском вокзале задержан жандармами прибывший одесским поездом неизвестный человек, ехавший в Курск, называющийся Ефремовым. При задержании оказал сопротивление револьвером. В багаже Евремова найдено много более пуда взрывчатого вещества. На допросе Ефремов объявил себя социалистом. Произвожу дознание».

Конечно, и в столице встревожились полученной телеграммой. «Не к проезду ли императорского поезда он готовил?» гласит помета шефа жандармов А. Р. Дрентельна на этой телеграмме. И сразу, не дожидаясь дополнительных сведений из Елисаветграда, управляющий III отделением Шмидт, весьма, как и Дрентельн, встревожившийся случайным арестом неизвестного Ефремова с динамитом, отправил срочные телеграммы

Весовщик Полонский и солдат Буригин получили «царскую награду» — по 50 руб. каждый. Сверх того, Буригин, по приказанию одесского генерал-губернатора графа Тотлебена, был произведен из рядовых в унтер-офицеры.

в Симферополь, Екатеринослав, Харьков, Орел, Тулу, Калугу, Москву, Тверь и Новгород (по пути возможного следования литерного царского поезда) с сообщением и предупреждением «о возможности покушения по случаю проезда государя из Ливадии в Петербург или наследника (Александра III) из Петербурга в Москву...»

Теперь мы знаем, что это экстраординарное и тревожное предупреждение Шмидта не предотвратило действительно готовящегося покушения. Через несколько дней, 19 ноября 1879 г., при возвращении Александра II из Ливадии, как известно, под Москвой было взорвано полотно Курской железной дороги. Царь избег смерти не потому, что Гольденберг с предназначавшимся для этого покушения динамитом застрял в Елисаветграде. И наличного количества динамита хватило на взрыв полотна. Александр II просто проехал в другом литерном поезде, обманув случайно расчеты народовольцев. Но симптоматичен самый факт посылки подобной телеграммы: и в Елисаветграде и в Петербурге сразу почувствовали, что арест Ефремова-Гольденберга связан с каким-то крупным политическим событием.

Таинственный Ефремов с момента ареста, таким образом, интриговал и озадачивал представителей следственной власти. Чем дольше Гольденберг оставался непреклонным в своем решении не давать никаких показаний, тем более такое решительное и стойкое поведение его дразнило и возмущало властей. Вскоре случилось событие 19 ноября. Арест Ефремова теперь окончательно связывался с этим покушением, что, с своей стороны, усилило интерес к личности арестованного. Жандармы чувствовали, что в Гольденберге — ключ к раскрытию организации.

Предварительное жандармское дознание в первые дни приняло несколько сумбурный характер. Местные власти просто не знали, как и с чего начать розыски и следствие. И, естественно, безрезультатно топтались на одном месте. Они, очевидно, ждали руководящих указаний из Петербурга. Но оттуда, из III отделения, кроме требования присылки фотографической карточки арестованного и предписания уничтожить нитроглицерин, никаких других указаний не последовало. Не только, к огорчению следственных властей, не удавалось быстро раскрыть всю тайну, которой окружен был Ефремов, но даже установить личность его представлялось трудным делом. И из трудного положения выводило, главным образом, то, что и в III отделении определяли, как «случай».

Любопытно, что лишь 19 ноября, в результате случайного врачебного осмотра, выяснилось, что арестованный — еврей.

То был первый шаг на пути к установлению личности Гольденберга.

В подложности паспорта Ефремова майор Пальшау, как то видно из текста приведенной его телеграммы в III отделение, был уверен еще 14 ноября. На запрос в Тулу быстрого ответа не последовало. И, следовательно, даже в этом вопросе приходилось нащупывать разные косвенные пути, чтобы вскрыть истину. Окончательно личность арестованного была установлена 21 ноября 1879 г., когда разосланные начальникам ближайших губернских жандармских управлений фотографические карточки арестованного прибыли по назначению. Заслуга по установлению личности Гольденберга принадлежит известному начальнику киевского губернского жандармского управления полковнику Новицкому.

«Получив фотографическую карточку задержанного Ефремова, я, — писал полковник Новицкий 22 ноября в III отделение, — взглянув на нее, с первого же взгляда нашел необыкновенное сходство в чертах лица и в выражении глаз с Григорием Гольден-

бергом, почему тотчас же послал за его отцом Давидом Гольденбергом, проживающим в Киеве, и отец с первого взгляда признал в карточке сына своего Григория».

После опознания отцом Григорий Гольденберг, разумеется, признал свою личность, но по существу дела все еще держался прежней тактики: категорически отказывался от дачи каких-либо показаний.

Какими сведениями о революционной деятельности Гольденберга располагали ко времени установления его личности III отделение и его местные агенты? На каком счету был Гольденберг?

Революционный формуляр последнего, безусловно, оставался неизвестным властям. 25 ноября шеф жандармов Дрентельн представил Александру II доклад об аресте Гольденберга. В докладе суммированы все сведения о революционной деятельности Гольденберга, которыми власти к тому времени располагали. Сведения эти весьма скудны:

«Киевский купеческий сын Григорий Гольденберг, — читаем мы в докладе, — в апреле 1878 г. был выслан из Киева административным порядком за участие в преступной пропаганде в Холмогоры, Архангельской губ., откуда 24 июня 1878 г. бежал, и о розыске его были сделаны надлежащие распоряжения. Между тем, по указанию III отделения собственной вашего императорского величества канцелярии на преступные действия в Киевской губернии некоего «Гришки», по секретным сведениям выяснилось, что «Гришка» есть не кто иной, как Григорий Гольденберг..»

И все... Правда, полковник Новицкий подозревал Гольденберга в причастности к покушению на убийство товарища прокурора Котляревского. Но подозрения эти были лишены всякого основания, упирались в шаткие косвенные улики и, следовательно, не могли быть включены серьезно в революционный формуляр Гольденберга.

Мысль того же полковника Новицкого в те дни работала и в другом направлении — в направлении установления причастности Гольденберга к убийству кн. Кропоткина. На основании некоторых сопоставлений и агентурных материалов полковник Новицкий приходил к заключению, что Гольденберг имеет отношение к данному террористическому акту. Но опять-таки, то было только умозаключение Новицкого, и говорить о том серьезно не приходилось.

Как видим, материал против Гольденберга, которым располагали III отделение и его местные филиалы, был весьма скуден. Гольденберг считался серьезно неблагонадежным лицом, но определенных обвинений, кроме обвинения в побеге из ссылки, ему не инкриминировалось. Отсутствием конкретных сведений о прошлой деятельности Гольденберга были весьма недовольны как в Петербурге, так и в Елисаветграде, Киеве и Одессе, ибо казалось, что это обстоятельство затормозит ход следствия и дознания: не было никаких нитей, по которым можно было бы выяснить знакомства и деятельность арестованного.

Вопреки ожиданиям и благодаря личному вмешательству одесского генерал-губернатора Тотлебена, следствие однако вскоре же приняло иной — благоприятный для жандармов — оборот.

Еще 20 ноября 1879 г. в Елисаветграде проездом остановился одесский генерал-губернатор граф Тотлебен, пользовавшийся в революционных кругах незавидной славой подлинного сатрапа. Есть все основания полагать, что не случайно Тотлебен приехал в Елисаветград, а специально с целью лично познакомиться с Ефремовым-Гольденбергом. Генерал-губернатор не только проявлял большой интерес к делу и подробно расспрашивал об арестованном, но даже лично посетил последнего в елисаветградской

тюрьме. По словам Гольденберга, его в елисаветградском тюремном замке посетил и Панюшин, правитель канцелярии одесского генерал-губернатора, правая рука графа Тотлебена.

«Я не буду говорить, — пишет Гольденберг в «Исповеди», — о тех визитах, которые делали мне случайным (? *Р. К.*) проездом через Елисаветград граф Тотлебен, одесский генерал-губернатор, помощник его Панюшин и т. д. Все эти визиты клонились к одному: виселица или сознание, т.-е. делали то, что законом запрещено, — нравственное давление».

Перед угрозами Тотлебена и Панюшина Гольденберг однако проявил достаточное хладнокровие и остался непреклонным в своем решении не давать никаких показаний.

Тогда же, 20 ноября, граф Тотлебен заявил майору Пальшау, что арестованного необходимо будет перевести в Одессу, где, по некоторым причинам, представляется возможным гораздо быстрее и плодотворнее продолжать следствие. Последовавшее затем опознание арестованного еще более утвердило гр. Тотлебена в мнении о необходимости перевода Гольденберга в Одессу. У одесского генерал-губернатора на то были свои веские основания.

Дело в том, что в одесской тюрьме тогда содержался (не столько наказания ради, сколько для вида) известный злостный предатель Федор Егорович Курицын. Последнему многим обязаны и гр. Тотлебен, и III отделение, и вся охранка конца семидесятых годов в целом. Курицын многих людей оговорил, многих выдал и предал.

До того, в середине 70-х годов, Курицын был активным и довольно известным революционером на юге России, был хорошо осведомлен во многих конспиративных делах, немало революционеров-семидесятников он знал лично, многих знал по наслышке. Когда-то, за два — за три года до ареста Гольденберга, Курицыну доверяли, надеялись на него...

Будучи арестован по делу о покушении на известного предателя Н. Е. Гориновича, Курицын определенно обвинялся в том, что принимал участие в этом покушении. Он должен был судиться, ему грозило наказание, но... он счел более выгодным не судиться... В тюрьме он превратился в злостного предателя. Мы не знаем еще истории превращения Курицына в предателя, знаем только, что с некоторого времени он стал служить охранке не за страх, а за совесть.

Он не только рассказал все, что знал, не только выдал и оговорил всех, с кем был и не был знаком, не только услужливо старался обо всем и о каждом как можно подробнее рассказать, но сделался агентом тогдашней охранки, своеобразным тюремным агентом, таким, действия которого в некоторых случаях не вяжутся с термином «злостное предательство», а граничат с провокацией.

Об его предательстве революционеры тогда ничего не знали, даже не подозревали. В частности, не подозревал об его предательстве и Гольденберг, знавший Курицына по наслышке как активного и преданного делу революции товарища.

От Курицына-то и посредством него граф Тотлебен имел возможность легко и быстро ориентироваться в роли того или иного революционера. Если Курицын лично не знал называемого ему лица, гр. Тотлебен и его помощники прибегали к излюбленному ими примитивному, но испытанному и верному средству: подсаживали Курицына в камеру рядом с камерой того лица, о котором требовались сведения, либо даже в общую с ним камеру. Редко кто из революционеров не знал имени Курицына. Ему в тюрьме, естественно, доверяли попрежнему.

Как товарищу-узнику, тоскующему по воле и революционной работе, ему охотно сообщали все новости, делились с ним воспоминаниями, впечатлениями и т. д. Курицын в таких беседах с товарищами блестяще выполнял свою роль агента охранки, притворяясь революционером. И как только откровенная беседа о конспиративных делах кончалась, он все слышанное честно передавал жандармам.

Как только гр. Тотлебен услыхал имя Григория Гольденберга, он не преминул обратиться за справкой к всезнающему Курицыну, от которого и получил ответ, что убийцей кн. Кропоткина был «некий Григорий Гольденберг». Эту тайну Курицын открыл в те дни, когда власти были недовольны отсутствием сведений о прошлом Гольденберга, когда они были озабочены поисками нитей и когда полковник Новицкий только намеком мог говорить о прикосновенности Гольденберга к покушению на кн. Кропоткина.

Ответ Курицына, разумеется, окончательно убедил графа Тотлебена в необходимости срочного перевода Гольденберга из Елисаветграда в Одессу. Здесь, в Одессе, казалось ретивому генерал-губернатору, можно будет разгадать ту замысловатую загадку, которую представлял собой Гольденберг с динамитом. Есть, по крайней мере, надежда на то. Надежда эта — Курицын.

По требованию графа Тотлебена и с одобрения III отделения, Гольденберга 27 ноября 1879 г. отправили из Елисаветграда в Одессу.

IV.

В Одессе началась новая полоса тюремной жизни Гольденберга, предрешившая его роковую смерть. Здесь, умело воспользовавшись некоторыми чертами характера Гольденберга, генерал-губернатор граф Тотлебен и его достойные сподвижники — правитель дел его канцелярии Панюшин, жандармский полковник Першин и товарищ прокурора Добржинский, сделавший на имени Гольденберга блестящую карьеру, — вписали в биографию последнего трагическую страницу.

К началу 80-х годов совершенно ясно наметился резкий перелом в формах и средствах борьбы правительства с революционными элементами страны. На арену сыскной деятельности выступили такие жандармы, как Судейкин, Стрельников, Середа, прокурор Добржинский и др.

Большие и малые Судейкины, Стрельниковы и Добржинские неистовствовали. Допросы превращались в настоящую пытку. Смотря по обстоятельствам и в зависимости от характера намеченной жертвы, допросы сопровождались грубыми издевательствами, избиениями, моральными пытками. В ход пускались различные провокационные ловушки. Тонко плелись сети предательства и провокации. Во многих случаях прибегали к длительным, тонко и искусно ведшимся увещеваниям «опомниться», бросить «заблуждения» и вернуться на путь «честной жизни», что в устах жандармов означало: чистосердечно раскаяться, рассказать обо всем, т.-е., короче говоря, стать предателем.

Против подобных «воздействий» и моральных пыток немало лиц оказалось бессильными устоять. Выдерживали испытания и выходили несогнутыми наиболее стойкие, крепкие и цельные натуры. Об этой закулисной стороне «предварительных следствий» и «дознаний», составляющей, несомненно, самые темные страницы истории царской юстиции, в большинстве случаев умалчивают и «совершенно секретные» дела жандармских учреждений.

Начало отмеченного перелома относится к концу 70-х годов и, приблизительно, совпадает с моментом, когда «Народная Воля» вступила на путь террора. Во всяком слу-

чае, при допросах Гольденберга зимою 1879/80 г. Новая атмосфера властвовала уже в жандармских управлениях, и, под влиянием новых форм следствия, канцелярия одесского генерала-губернатора обратилась в кабинет утонченных моральных пыток. «Страшно, больно становится, — пишет Гольденберг в «Исповеди», — когда подумаешь о том, что там творится. Это — Содом и Гоморра, которые бог давно бы должен стереть с лица земли, если бы он только существовал».

В Одессе Гольденберг в первое время столь же решительно, как и в Елисаветграде, отказывался от всяких показаний и объяснений с представителями власти. И здесь угрозы, пущенные в ход Тотлебеном, формально не сломили стойкость и упорство Гольденберга.

«До настоящего времени обвиняемый положительно уклоняется от всяких объяснений, которые могли бы служить к разъяснению дела», — писал 5 декабря 1879 г. начальник жандармского управления гор. Одессы полковник Першин в III отделение. Казалось бы, не так легко заставить Гольденберга говорить.

Но это только формально. Одесские жандармы тогда стояли уже на верном пути. Убедившись в бесцельности непосредственных разговоров с Гольденбергом, они пока оставили его в покое и пустили в ход Курицына. Действовали осторожно и постепенно, но уверенно. Ловушки расставлялись искусно. Гольденберг упорно хранил гробовое молчание, быть может, гордился своим стойким поведением. Но следствие в то же время быстро продвигалось вперед. За несколько дней, прошедших со времени перевода Гольденберга в Одессу до указанного письма полк. Першина, о нем уже многое знают, и знают с его же слов через Курицына. В одесском жандармском управлении аккуратно ведут запись его товарищеских и откровенных бесед с приятелем Курицыным... Беседы их раскрывают многое, изобличают Гольденберга, разоблачают деятельность организации и постепенно сбрасывают с Гольденберга густой покров таинственности. Это только официально «обвиняемый уклоняется от всяких объяснений, которые могли бы служить к разъяснению дела». В том же письме от 5 декабря 1879 г., из которого заимствованы последние строки, мы находим и откровенное сообщение полк. Першина о фактическом положении дела:

«В интересах получения сведений от Гольденберга и ввиду отказа его от правдивых показаний, я [полковник Першин с ведома и одобрения, как ниже убедимся, гр. Тотлебена. *Р. К.*] поместил с ним в одной камере раскаявшегося политического преступника [Курицына], который из разговоров с Гольденбергом успел узнать, что он, Гольденберг, причастен к делу взрыва полотна железной дороги под Москвою; что в числе 6 человек он работал в минной галлерее и жил в том доме, откуда выведен подкоп; что вместе с ним жила какая-то женщина, имя которой от Гольденберга еще не дознано; что дом был куплен на имя Сухорукого за 2 500 руб. и тотчас же заложен какой-то купчихе за 1 000 руб.; что подкоп имел 22 саж. длины и $2^1/_2$ — глубины и начат из погреба; что работая землю сваливали сначала в чулан; но так как одна из стен его выпятилась и грозила разрушиться, то они были вынуждены перетаскивать и раскидывать землю на дворе, так что когда стаял снег, то это было очень заметно. Что под самый дом также была подведена мина, с той целью, чтобы взорвать ее в том случае, если бы правительственные власти напали на следы злоумышления и явились туда для розысков. Что в полотно дороги был заложен заряд в 2 пуда динамита, а отобранный у Гольденберга предназначался туда же вдобавок, но что, впрочем, были приняты меры к доставлению динамита и из другого еще места. Что для преступных целей в продолжение последних двух месяцев злоумышленниками было заготовлено около 6 пудов динамита, в состав которого входят нитроглицерин и магнезия».

Все это относится к покушению под Москвой 19 ноября 1879 г., о котором в те дни ни в Москве, ни в Петербурге, ни в III отделении не имели еще этих сведений. В дальнейшей части письма полк. Першина следует сообщение о двух других подкопах (под Александровском и Одессой; они точно не названы Курицыным), об опасении Гольденберга, чтобы власти не напали на след его участия в деле убийства харьковского губернатора кн. Кропоткина и т. п. Сам того не подозревая, Гольденберг открывал свою душу перед жандармами. С каждым днем все полнее и ярче рисовалась картина действий «Народной Воли».

В «Исповеди» Гольденберг хорошо уже отдает себе отчет в роли Курицына: «Скажу, что жандармы не ошиблись, — пишет он. — В силу своей доверчивости к людям, в силу сентиментального проклятого характера моего и в силу отношений к нему других, вполне известных мне честных людей, — трудно было узнать, что он — шпион, и я ему доверился».

Задушевные беседы Гольденберга с Курицыным вскоре охватили целый круг тем. Гольденберг словно читал Курицыну цикл лекций по революционному движению 70-х годов, не упуская имен, кличек, фактов. Из таких «лекций» выросла обстоятельная записка о разветвлении революционного движения во второй половине 70-х годов на юге России и о ближайших планах революционеров, с рядом ценнейших сведений об участниках движения. Записка эта, пересланная в январе 1880 г. в III отделение, представляла, по отзыву шефа жандармов А. Р. Дрентельна, «обильный и полезный» материал для органов сыска. Дрентельн горячо поблагодарил правителя канцелярии одесского генерал-губернатора Панюшина за эту ценную записку, составленную при содействии Курицына «со слов Гольденберга». Видимо, Дрентельн всю заслугу приписывал Панюшину. Последний на благодарность шефа жандармов ответил следующим письмом от 22 января 1880 г., в котором находим откровенное сообщение Курицына о происхождении первых «показаний» Гольденберга:

«Милостивый государь
Александр Романович.

Весьма обрадовало меня письмо вашего высокопревосходительства от 13 января, из которого вижу, что составленная со слов Гольденберга записка заинтересовала вас и представила даже вам, стоящему во главе всего дела, обильный и полезный, как вы изволили выразиться, материал.

Глубоко благодарен вашему высокопревосходительству за ту честь, которую вы приписываете моей деятельности, но принять эту честь я не считаю себя вправе, так как решительно все, что ни сделано, — сделано под руководством и по указаниям графа Эдуарда Ивановича.

Ваше высокопревосходительство просите меня сообщить тот прием, который был употреблен для сближения Гольденберга с агентом. На это мне приходится с откровенностью доложить, что никакой системы для подобных приемов не установлено, да едва ли и может быть установлено. По моему крайнему разумению, при ведении политических дел система может быть установлена только в правильно учрежденной следственной комиссии. Все, что добыто агентурным путем, добыто благодаря счастливому случаю, которым удачно воспользовались.

Дело в том, что известный уже вам политический арестант Федор Курицын не только совершенно раскаялся в своем преступном увлечении, но даже озлобился против тех, которые его увлекли и разбили его жизнь. Курицын довольно долго терся в разных тюрьмах с разными политическими арестантами, — многих знает лично, других по наслышке, знает слабые их места, их язык, их манеры; ко всему этому он обвиняется по двум политическим делам и, между прочим, по делу о покушении на

убийство Гориновича, хотя в убийстве Гориновича никакого участия не принимал, — в преступной партии дело это считается весьма серьезным; эти обвинения придают Курицыну значение между членами партии; сверх того, Курицын довольно смышлен, довольно ловок, умеет говорить с бывшими своими по воле товарищами, — знает, кого можно разжалобить, кого подзадорить, кого заставить хвастнуть своими подвигами. Вот эти-то личные качества Курицына, которыми, должен повторить, удачно воспользовались, и повлияли на откровенность Гольденберга.

Курицын оказал несомненную услугу теми разоблачениями и теми сведениями, которые изложены в доставленных вашему высокопревосходительству записках; кроме того, есть надежда, что он окажет еще немало услуг. Поэтому граф Эдуард Иванович, пользуясь предстоящей поездкой в Петербург, намерен просить ходатайства вашего высокопревосходительства о совершенном помиловании Курицына. Я заранее присоединяюсь к ходатайству графа и убедительно позволю себе просить вас об оказании возможного снисхождения к Курицыну. Мое ходатайство вытекает из того источника, что Курицын предо мною первым начал свою исповедь, и я, так сказать, связан с ним нравственным обязательством» [1]).

А. Р. Дрентельна письмо это несколько разочаровало. Он, видимо, надеялся, что Панюшин ответит ему целым трактатом, в котором он найдет свежие практические указания относительно розысков, какую-то новую систему. «Я ожидал другого, — пометил Дрентельн на письме Панюшина, — оказывается, что опять все сделал случай. Удивительно, как Гольденберг поддался на удочку!» Урока, понятно, отсюда извлечь нельзя было. Но недолго спустя, когда настала пора, чтобы Гольденберг сам заговорил с жандармами, в ход была пущена новая система выманивания откровенных показаний. Тогда-то одесские сыщики могли преподать шефу жандармов блестящий урок сыскной мудрости.

Выведав от Гольденберга, что нужно и можно было, Курицына отстранили, наградив, как то просили Панюшин и Тотлебен, полным помилованием.

Наступила, наконец, пора, чтобы сам Гольденберг заговорил. Того требовали интересы следствия. Без уличающих и формальных показаний самого Гольденберга не представлялось никакой возможности создать процесс. Кроме того при изучении сведений, доставленных «со слов Гольденберга» Курицыным, возникла масса разнообразных мелких вопросов, на которые во что бы то ни стало необходимо было получить разъяснения от Гольденберга. А так как последний по доброй воле не говорил ничего, то стал на очередь вопрос о том, чтобы заставить его говорить. Речь шла не о воздействии грубой физической силой, а о более тонком и незаметном воздействии логикой.

Со времени перевода в Одессу Гольденберга целых полтора месяца не беспокоили допросами. Пока радостно удовлетворялись сообщениями Курицына, и параллельно шла «разработка» этого агентурного материала. Так, напр., в Москву для проверки сообщения Гольденберга лично выезжал тов. прокурора Добржинский. Черниговское жандармское управление через другого предателя, известного по делу Д. Лизогуба и судившегося по процессу 16-ти народовольцев, Дриго, выяснило подробности пребывания Гольденберга в Черниговской губ.

В Харькове устанавливали детали, связанные с покушением на кн. Кропоткина, и т. д. Накопляли, одним словом, огромный материал для уличения Гольденберга.

15 января 1880 г. Гольденберг, наконец, был подвергнут первому допросу. Во время допроса Добржинский и Першин раскрыли ему весь его революционный формуляр, что,

[1]) Конец письма, как не связанный с нашей темой, опускаем.

безусловно, оказало сильное влияние на Гольденберга. Жандармы предстали перед ним во всеоружии доводов и осведомленности. О предательстве Курицына он еще не подозревал. Его удивило то, что при первой встрече с ним жандармы огласили ряд таких фактов, опровергать которые он, конечно, мог, но относительно которых доказать правоту своих опровержений он не был в состоянии. «Нам все известно и известно со слов ваших же товарищей» — таков был смысл первой беседы полковника Першина и тов. прокурора Добржинского с Гольденбергом. Тем не менее упорство Гольденберга на этом допросе не было сломлено. Он не отрицал принадлежности к организации, но отказывался дать показания относительно его деятельности, так как, как он выразился, на то «не уполномочен и, следовательно, не имею ни юридического ни нравственного права» что-либо говорить.

Прошли после того две недели, и на следующем допросе Гольденберг стал сдаваться. 2 февраля 1880 г. он сознался в убийстве кн. Кропоткина, подробно изложил мотивы и историю убийства, но, надо отдать ему справедливость, никого из участников тогда не назвал и всю ответственность целиком взял на себя. В «Исповеди» он мотивирует этот шаг тем, главным образом, что желал посредством суда выяснить факт избиения студентов Харьковского университета в 1878 г. и избиения политических арестантов в тюрьмах Харьковской губ., т.-е. желал на предстоящем процессе дискредитировать правительство и взвалить на него ответственность за революционный террор.

Если показание его от 2 февраля, собственноручно им написанное и приведенное им в «Исповеди», не повредило никому из участников покушения на кн. Кропоткина, то оно все же в ходе следствия сыграло огромную роль. Центр тяжести этого показания (см. «Исповедь») — в ее заключительной части, где Гольденберг обращается с патетическим призывом к правительству прекратить «братоубийственную войну», прекратить правительственный террор и дать стране конституцию. Добржинский и его коллеги подхватили этот призыв Гольденберга и стали с последним вести частые и продолжительные переговоры о прекращении обоюдного террора — и правительственного и революционного. Совместно с жандармами Гольденберг приступил к постепенной переоценке старых ценностей, стал выискивать те пути и средства, которыми можно достигнуть известных реформ. Со стороны правительства все переговоры вел Добржинский. Друг другу рисовали они радужные картины близкого будущего, когда вся жизнь страны будет построена на фундаменте обновленной государственности. И в этих беседах Добржинский, чтобы только добиться откровенных показаний, не останавливался ни перед какими обещаниями. Надо было уничтожить Гольденберга, сделать из него пешку в своих руках, — вот цель Добржинского. И, соответственно с этим, он действовал хитро и осторожно, увлекая Гольденберга в заманчивую даль прекрасного будущего и убеждая его, что конституция будет дана сразу, как только революционеры сложат свое боевое оружие. И легкомысленный Гольденберг, для которого вся революционная борьба, в конце концов, как это видно из «Исповеди», сводилась к завоеванию некоторых либеральных реформ, поплелся за Добржинским, возмечтал вместе с этим «реформатором» перекроить жизнь страны.

Под влиянием бесед с Добржинским, на которые потребовался весь февраль 1880 г., Гольденберг постепенно терял равновесие и все больше и дальше катился по наклонной плоскости вниз. Поединок между Добржинским и Гольденбергом длился пять недель. И, наконец, 10 марта 1880 г. в III отделении получили первую телеграмму от Першина из Одессы:

«Гольденберг решил сознаться во всех своих преступленичх, объяснить организацию террористической фракции, указать всех известных ему членов ее» и т. д.

Одна телеграмма следовала за другой: все новые и новые вести сообщались из Одессы в Петербург. Гольденберг заговорил... Гольденберг, — писал тогда граф Тотлебен Лорис-Меликову, — «изъявил в настоящее время желание подробно описать как свое непосредственное участие в политических преступлениях и, вообще, в революционном движении последнего времени, так и указать правительству всех известных ему революционных деятелей, установить их личности, сообщить их приметы, местожительство и способы к их задержанию, а также изложить ход и развитие пропаганды в разных городах и местностях России».

В десятых числах марта 1880 г. Гольденберг окончательно капитулировал.

Верно ли то, что у Гольденберга выманили показания, что его поступок в беседах с ним квалифицировался не как предательство, а как тактический шаг к быстрому успокоению страны, что с ним затеяли хитрую игру, в которой он глупо проигрался?

Мы имеем по этому поводу один документ, который красноречиво свидетельствует о характере показаний Гольденберга, этот документ — сопроводительное письмо полковника Першина к первой части «заявления» Гольденберга, датированное 18 марта 1880 г. и отправленное им в III отделение. Приводим этот исторический документ с небольшими лишь сокращениями:

«Препровождая при сем на благоусмотрение вашего превосходительства первую и существенную часть показаний Григория Гольденберга, которые он продолжает еще давать и в настоящее время, я считаю долгом донести, что Гольденберг положительно отказывается свидетельствовать против прежних его товарищей не только лично, перед судом, но и протоколярно, а потому я, ввиду важности падавшего на него обвинения и по соглашению с лицом прокурорского надзора, наблюдающим за производством дознания, был вынужден согласиться, чтобы сознание свое он сделал хотя в форме заявления, но собственноручно. Касательно же личной своей виновности он согласился (если не переменит о нас мнений) дать и формальное показание.

Не скрою от вашего превосходительства, что меры, употребленные нами для убеждения Гольденберга к сознанию, не могут быть названы абсолютно нравственными; но, истощив все другие средства, мы должны были прибегнуть к разным хитростям, при помощи которых у него сложилось убеждение, что дело террористов окончательно проиграно, и он, чтобы уменьшить число напрасных жертв, решился выдать всех, кого знает, отнюдь не щадя и самого себя.

Гольденберг дает нам свои показания под влиянием полной уверенности, что и мы действуем в тех же видах, а вчера заявил, что если бы он хотя на минуту пожалел о своей откровенности, то на другой день мы не имели бы удовольствия с ним беседовать, намекая тем на самоубийство» (*Разрядка наша. Р. К.*).

Сорвавшаяся с уст жандарма фраза, что примененные им меры «не могут быть названы абсолютно нравственными», красноречивее всего свидетельствует о тех отвратительных, гнусных и хитрых приемах и средствах, к которым прибегали в Одессе для того, чтобы склонить Гольденберга на путь откровеннейших показаний. Всяческими способами убедили его, что интересы организации требуют его предательства, что он только уменьшит число жертв и т. д. В этом документе мы имеем и полное подтверждение тому.

что предательство его явилось результатом определенного морального воздействия на него. А что первенствующую роль играл не кто иной, как тов. прокурора Добржинский, мы знаем из другого официального источника: когда спустя некоторое время возник вопрос о переводе Гольденберга в Петербург, Тотлебен потребовал командировать туда и Добржинского, который «один пока может располагать откровенностью Гольденберга».

В свете приведенных материалов положение Гольденберга в одесской тюрьме становится понятным. В процессе хитрой игры с ним Добржинского Гольденберг, действительно, не сознавал, что с ним разыгрывают столь трагическую комедию. Ведь он в жандармах, как он признается, видел «тогда людей, действительно желающих блага молодежи, искренно любящих Россию, как любим ее мы!..» Он крепко уверовал в планы Добржинского и считал, что своими откровенными показаниями он не вредит революционному движению, а приближает день конституционного рая и спасает от виселицы и преследований сотни революционеров... И только ознакомившись с приведенными документами, можно понять соответственные страницы его «Исповеди».

Тотлебены, Панюшины, Першины, Добржинские торжествовали победу: Гольденберг, под благовидным предлогом, выдал всех и все. В Одессе он больше не нужен. Вместо того чтобы обрадовать его выполнением обещаний и прекращением расправы, в том же марте 1880 г. отправляют на виселицу Розовского и Лозинского, а Гольденберга переводят в Петербург, в Петропавловскую крепость, чтобы вернее уберечь его для суда и расправы...

V.

С большими предосторожностями отправили Гольденберга в Петербург. Сам шеф жандармов Дрентельн выработал маршрут поездки с Варшавского вокзала и до Петропавловской крепости, опасаясь, как надо полагать, попытки вооруженного освобождения Гольденберга. Особая инструкция предусматривала правила перевода и охраны Гольденберга из Одессы в Петербург. Несмотря на то, что Гольденберг был закован в кандалы, его сопровождал усиленный конвой из одиннадцати человек. Выехав из Одессы 9 апреля, он прибыл в Петербург 13 апреля и сразу был заключен в изолированную (№ 35) камеру Трубецкого бастиона, отделенную от других заселенных камер восемью пустыми камерами и лестницей. Одновременно с ним в Петербург прибыл и тов. прокурора Добржинский.

В крепости «беседы» Добржинского с Гольденбергом возобновились [1]). 17 апреля он раскрывает Добржинскому факт участия А. Квятковского в покушении А. К. Соловьева на Александра II. Ему Добржинский предъявил фотографическую карточку Квятковского, которого Гольденберг сразу признал. Это «открытие» было настолько важно, что на другой день Лорис-Меликов счел нужным особым докладом доложить о том царю. Общая оценка факта сказалась в резолюции Александра II на докладе: «Считаю это весьма важным открытием».

В порядок дня очередных бесед с Гольденбергом был включен вопрос о даче им формальных показаний. Дело в том, что свое предыдущее показание Гольденберг давал в виде, как указывалось, частного заявления, не имевшего полновесной юридической силы.

[1]) О настроении Гольденберга в первые дни пребывания в бастионе см. в его письме к родным, опубликованном нами в № 6 журн. «Каторга и Ссылка» за 1924 г., стр. 144—145.

Теперь обстоятельства следствия требовали, чтобы показания были юридически оформлены. Они представляли собой главный уличающий материал против ряда обвиняемых в целой серии грядущих политических процессов. В канцеляриях шла уже подготовка к процессу 16 народовольцев. Конечно, в крайнем случае можно было бы воспользоваться и частным заявлением Гольденберга. Но репутация Верховной распорядительной комиссии требовала, чтобы эта неприятность была избегнута и чтобы на суде оперировали юридически оформленным материалом. И, собственно, с этой целью ввиду отказа Гольденберга от формальных показаний, Добржинский снова делает нажим на Гольденберга, прибегнув для этой цели к новому эффектному приему: спектаклю свидания Лорис-Меликова с Гольденбергом.

Свидание их состоялось 19 апреля 1880 г. Добржинский очень опасался за результаты этого свидания, боялся за поведение Лорис-Меликова и боялся за Гольденберга. И поэтому, как только «диктатор», о котором так восторженно отзывается Гольденберг в «Исповеди», вышел из его камеры, Добржинский, чтобы проверить впечатления Гольденберга от свидания, явился к нему с продолжительным визитом. Об этом своем визите Добржинский 21 апреля представил Лорис-Меликову специальный доклад, в котором достаточно ярко оттенена цель свидания Лорис-Меликова с Гольденбергом и в котором мы находим новые данные о тактике Добржинского в предательстве Гольденберга. Вот этот доклад:

«Имею честь донести вашему сиятельству, что 19 сего апреля, после того как вы изволили посетить в Петропавловской крепости арестанта Гр. Гольденберга, я оставался с ним в камере несколько часов, интересуясь удостовериться, насколько посещение вашего сиятельства укрепило в нем уверенность в правильности избранного им пути, насколько все сказанное ему вами ободрило его на дальнейший искренний образ действий и в какой, наконец, степени можно надеяться на его открытое показание по обстоятельствам того дела, которое неизбежно должно возникнуть вследствие сделанного уже им заявления.

На основании моих наблюдений я пришел к заключению, что Гольденберг, как человек до крайности самолюбивый, был польщен посещением вашего сиятельства и, видимо, еще больше стал убеждаться, что им интересуются и что, поэтому, признают в нем человека, могущего оказать услугу для подавления террористического движения в интересах общественного спокойствия. Такое его настроение как нельзя больше представляет выгоду для будущего успеха дела, ибо, подметив в Гольденберге болезненное самолюбие, я пользовался этой стороной его характера, внушая ему, что он рассматривается не как доносчик, а как человек, сознавший свои ошибки и желающий искупить их услугой обществу, раскрыв всю преступную организацию. Такой прием, принятый мною относительно Гольденберга с первого момента, как он стал мне доверять, в значительной степени подвинул его на сделанное уже заявление, а поддержка этого приема посещением вашего сиятельства будет для меня громадным подспорьем в дальнейшем влиянии на Гольденберга.

Независимо, наблюдая над Гольденбергом, я имел с ним продолжительную беседу. Он высказывался, что слова вашего сиятельства произвели на него благотворное впечатление ввиду отсутствия в сказанном вами каких бы то ни было обещаний к смягчению будущей участи как его, так и его сообщников. Это поддержало в нем уверенность, что против него не желают употреблять ухищрений обещанием выгод, а, напротив того, доверяют его убеждению, явившемуся результатом сознания своего заблуждения.

В дальнейшей беседе я стал снова подходить к вопросу о показании, которое ныне является главной задачей для дела. Гольденберг, насколько я мог подметить, начинает все больше свыкаться с мыслью открыто, путем показания при дознании и

на суде, сознаться и изобличить своих сообщников. Он уже начинает заговаривать о том вступлении, которое сделает к своему показанию, и о той речи, которую произнесет на суде в защиту себя против упреков сообщников за сделанное им разоблачение. Он возбуждает даже вопрос о том, не найду ли я возможным стать и к другим обвиняемым в такие отношения, в какие стал к нему, снискать этим путем их доверие и склонить всех к сознанию. Гольденберг высказывает уверенность, что Зунделевич и Кобылянский поддадутся его влиянию, а для осуществления на них этого влияния он просит предоставить ему возможность побеседовать с ними. Не отрицая пользы такого приема относительно сообщников Гольденберга, я однако категорически заявил, что видеться с другими обвиняемыми ему может быть разрешено лишь тогда, когда он даст формальное показание по делу, облеченное в форму следственного акта.

В таком виде представляются результаты посещения вашим сиятельством арестанта Гольденберга и моих с ним бесед 19 сего апреля.

На основании всего этого я позволю себе доложить вашему сиятельству, что при настоящем ходе дела нет никакого основания сомневаться, что Гольденберг склонится к формальному показанию».

Доброжинский не ошибся. «После долгой борьбы, — читаем в «Исповеди», — я должен был уступить и дал уже подробные показания». И когда он дописывал последние страницы формального показания, он, очевидно, почувствовал весь ужас допущенной им роковой ошибки. Но было уже поздно.

В изъятие из общих правил содержания в Трубецком бастионе Гольденбергу, благодаря требованию того же Доброжинского, был предоставлен ряд льгот. Так, например, ему разрешалась переписка с родными, в его камере постоянно находились письменные принадлежности, он даже имел при себе копии всех своих показаний, и, кроме того, как видно из одного донесения коменданта крепости, ему во время вызова в помещение комиссии предоставляется возможность разговаривать наедине с Зунделевичем.

Свидания с Зунделевичем, вероятно, допускались нарочно — с той целью, чтобы Гольденберг повлиял на своего товарища в сторону его раскаяния. Случилось же как раз обратное: Зунделевич раскрыл глаза Гольденбергу на его предательство. И, под влиянием разговоров с Зунделевичем, Гольденберг стал сознавать весь ужас своего положения как предателя. Предатель — от этого слова он открещивался: теперь же он слышит его из уст товарищей. На смену мутным и сумбурным мыслям и долгому политическому параличу приходит здоровое сознание. Сейчас он начинает видеть, что для расследования всего того, что он показал, создана специальная комиссия, что готовится громкий процесс, а вместе с ним и виселица. Содеянное начинает мучить и терзать Гольденберга. Он пытается ближе и подробнее объясниться со старыми товарищами, желает выявить перед ними руководившие им мотивы и отвести от себя позорное клеймо предателя. С этой целью он 5 июня 1880 г. обращается с ходатайством к Лорис-Меликову о переводе его в одну камеру с Зунделевичем. Ответа пришлось ждать несколько дней, пока Лорис-Меликов сговаривался с В. К. Плеве, тогда прокурором судебной палаты. Не имея возможности лично быстро объясниться с Зунделевичем и другими народовольцами, заключенными в Трубецкой бастион, Гольденберг прибег к другому способу. 8 июня комендант крепости препроводил в III отделение шесть записок Гольденберга, написанных им на лоскутках бумаги из мундштуков папирос и найденных конвоиром на дворе бастиона после прогулки Гольденберга. Во всех записках он старается уверить товарищей в своей преданности революции и отсутствии у него злого умысла. Вот эти записки:

I. «Умоляю вас не клеймите и не позорьте меня именем предателя; если я сделался жертвой обмана, то вы — жертвой моей глупости. Я — тот же ваш честный и всей душой вам преданный Гришка. Мыслью о вас и любовью к вам я живу 6 лет, живу и теперь. Любящий вас *Гришка*».

II. «Дорогие друзья, не клеймите меня; знайте, что я тот же ваш честный и всей душой вам преданный Гришка. Я не желал и не желаю себя спасти; нет, я 3 раза готов был отдать за вас жизнь, а теперь отдаю больше чем жизнь — свое имя; любите меня, как я люблю вас. Ваш *Гришка*».

III. «Друзья, примите мой привет и не клеймите меня; если я сделался жертвою обмана и доверчивости, то вы — моей глупости. Я не гибели вашей искал, а счастья; помните, что я 3 раза готов был отдать за вас жизнь, и знайте, что я тот же ваш честный и искренний Гришка. Любите меня, как я люблю вас. В[аш] *Гришка*».

IV. «Дорогие друзья, умоляю вас — не клеймите и не позорьте меня именем предателя, если я сделался жертвою обмана, то вы — моей глупости и доверчивости. Я тот же ваш честный и всей душой вам преданный Гришка, каким вы меня знали и раньше. Любите меня, как я вас люблю, чем живу 6 лет, [с] чем и умру; знайте, что моя душа чиста, как она была раньше. *Гришка*».

V. «Дорогие друзья, не клеймите и не позорьте меня; знайте, что я тот же ваш Гришка. Любите вы меня так, как люблю я вас. Помните, что я 3 раза отдавал за вас жизнь. Не гибели вашей я искал. *Гришка*».

VI. «Дорогие друзья, не клеймите меня; знайте, что я тот же ваш честный и всей душой вам преданный Гришка; я не желал и не искал для себя спасения; нет, я 3 раза готов был отдавать за вас свою жизнь, а теперь отдал больше, чем жизнь — имя. Любите меня, как люблю я вас. Целую вас. *Гришка*».

Подобную же надпись Гольденберг сделал на одной из книг арестантской библиотеки: «Друзья, не клеймите меня, помните, что я 3 раза отдавал вам и делу жизнь, верьте, что я тот же честный и искренний *Гришка*».

Голос его в стенах бастиона услышан не был. 12 июня он обратился уже к Плеве с заявлением о переводе его в общую камеру с Зунделевичем [1]). Но оба, и Плеве и Лорис-Меликов, высказались против удовлетворения этого ходатайства. Однако Плеве находил, что «в видах поддержания в Гольденберге той бодрости духа, которая ему будет необходима для судебного разбирательства, представлялось бы время от времени возможным допустить свидания с Зунделевичем, но при непременном присутствии прокурорского надзора».

Вскоре после этого его вторично посетил Лорис-Меликов в сопровождении управляющего III отделением Шмидта. Разговор их коснулся предстоящего процесса и возможных смертных приговоров. Это свидание удручающе подействовало на Гольденберга [2]). Именно в силу этого разговора с «диктатором» он потом написал ему письмо, публикуемое в примечаниях к «Исповеди», в котором он просит Лорис-Меликова не делать ему никакого снисхождения на предстоящем процессе. Невольно став предателем, он пренебрегал наградой за свои «услуги».

В десятых числах июля он имел свидание с Зунделевичем, то именно свидание, о котором в своих воспоминаниях упоминает, со слов Зунделевича, В. И. Иохельсон.

Свидание происходило в присутствии представителя прокурорского надзора — во всяком случае, не Котляревского, как говорит Иохельсон, а, вероятно, Добржинского.

---

[1]) О последующих заявлениях Гольденберга по тому же вопросу см. в заметке Н. И. Сидорова «Григорий Гольденберг в Петропавловской крепости» («Красный Архив», т. XI, стр. 326—331).

[2]) Об этом свидании см. в письме Гольденберга к родным, опубликованном в № 6 журнала «Каторга и Ссылка» за 1924 г.

Воспользовавшись случаем, Зунделевич снова, в последний раз, разъяснил Гольденбергу истинное положение вещей и убедил его, что все разговоры и обещания властей основаны на вымогательстве показаний и обмане. Когда прокурор повернулся к нему спиной, рассказывает Иохельсон, Гольденберг, показывая на него сжатым кулаком, сказал: «Вот кто меня погубил!» [1]).

К этому времени Гольденберг окончательно осознал свою ошибку. То было время, когда он заканчивал свою «Исповедь». Он надеялся, что тем или иным путем «Исповедь» дойдет до товарищей...

Будущее рисовалось ему сейчас в мрачном свете. Он представлял себе картину суда над ним и соратниками по «Народной Воле» и видел себя не в роли обвиняемого, а в роли прокурора с лицом злостного предателя. «Последние недели для меня тяжки и невыносимы, бывают недели ужасного отчаяния, невыносимого состояния, затем наступает реакция, я делаюсь спокойнее, но это недолго продолжается, наступает период критики и анализа всего мною пройденного, и тогда тяжело, тяжело», — записывает он на последней странице «Исповеди». С концом «Исповеди» кончилась и жизнь. Он все сказал, что хотел и мог.

Еще в Одессе он заявил жандармам, что, разочаровавшись в содеянном, он не пощадит свою жизнь. Сейчас наступило полное и трагическое разочарование. И Гольденберг остается верным своему слову и долгу: 15 июля 1880 г. он покончил самоубийством. В час дня его нашли повесившимся на полотенце, привязанном к крану рукомойника. 16 июля 1880 г. полицейские похоронили его на Преображенском кладбище.

На докладе с сообщением о самоубийстве Гольденберга Александр II написал: «Очень жаль!»... Царь сожалел, конечно, не о человеке, пережившем трагедию, а о добыче, которая ускользнула из рук раньше времени, за три месяца до суда.

Р. Кантор.

Друзья, приятели, товарищи, знакомые и незнакомые честные люди всего мира! [1])

Вам, честные люди, я посвящаю свой труд *), пред вами я хочу исповедываться, вашему суду я отдаю себя и вам, честные люди, я хочу рассказать, передать те причины, те обстоятельства, те думы, чувства и мысли, которые появились у меня во время тюремного заключения и которые вынудили меня сделать то, что я уже сделал, т.-е. раскрыть всю организацию, указать всех главных и не главных деятелей, познакомить правительство с настоящим движением и причинами, вызвавшими это движение. Я не буду столь дерзок и нахален, чтобы утверждать, что вы меня оправдаете, т.-е. что вы скажете, что следовало сделать то, что я сделал; нет, я только желаю доказать вам, что я в своих побуждениях не руководствовался ни узкоэгоистическими целями ни верноподданническими чувствами. В первом случае я бы был подлецом, день рождения которого должен бы был проклять весь мир, а во втором случае глупейшим из людей. Ничего подобного не было; а руководствовался я, главным образом, любовью к товарищам, желанием спасти всех от многих страданий, а некоторых от смерт-

---

[1]) В. И. Иохельсон. «Первые дни «Народной Воли», П. 1922, стр. 14.

*) Первоначально было: «свою исповедь».

ной казни; я хотел только как можно скорее освободить молодежь и все общество от того тяжкого и ужасного положения, в котором они находятся теперь; я хотел, чтобы то лучшее будущее, которое несомненно должно быть и будет, настало, во-первых, как можно скорее, а, во-вторых, чтобы было как можно меньше жертв, чтобы не проливалась дорогая для всех нас и России молодая кровь; я хотел спасти правительство от новых преступлений, чтобы правительство не говорило, что оно вынуждено прибегнуть к крайним мерам, чтобы водворить тишину и спокойствие; я ему хотел дать возможность притти к этому без жертв и без кровопролития. Вот чего, честные люди, я хотел.

Но чтобы все это не казалось вам ложью, чтобы вы, честные люди, мнением которых я больше всего дорожу в жизни, не сказали, что я этими, повидимому, самыми искренними, честными и благими намерениями прикрываю самые подлые, самые гнусные желания, чтобы вы могли сказать: «да, этот человек действительно желал блага всем, он никому не желал зла» — я приступлю к изложению этих мотивов с того дня, как они у меня появились.

Сознаться вам, честные люди, я считаю первой своей нравственной обязанностью. Я не хочу и не способен действовать изподтишка, я не хочу терять то доброе и честное имя, которым я пользовался до сих пор, но я приму ваш приговор, каков бы он ни был. Я вас умоляю только об одном: обдумайте все хорошо и обстоятельно, рассмотрите все подробно со всех сторон, придайте ту цену всем моим доводам, какую *) они должны иметь, и тогда, быть может, вам не придется заклеймить меня тем страшным, тем ужасным именем, при одном воспоминании о котором меня бросает то в холод, то в жар и которое мне не дает покою ни днем ни ночью. Повторяю, я не уверен в том, чтобы вы вполне согласились со мною, чтобы вы сказали: «да, иного выхода не было и нужно было это сделать»; нет, я только желаю, чтобы вы уверились в чистоте моих **) побуждений и при таком только условии я надеюсь избегнуть того несчастия, которое мне угрожает в вашем приговоре. Может быть, в моих поступках есть много увлечений, много неумелости и бестактности, много глупых и неверных шагов, много риска и трусости, но нет ни одного подлого соображения, нет никаких злых намерений и коварных умыслов. Впрочем, читайте и судите.

Желая, чтобы вы имели ясное понятие обо мне с того хоть дня, как я был арестован, я должен вас познакомить с целым рядом моих действий во время заключения.

Я был арестован 14 ноября 1879 г. в Елисаветграде, т.-е. за 5 дней до московского взрыва [2]). При мне нашли $1^1/_2$ пуда динамита, который я должен был доставить в Москву для этого же взрыва [3]). В Елисаветграде я просидел 10 дней, а затем меня увезли в Одессу [4]). Я не буду говорить о тех визитах, которые делали мне случайным проездом через

*) В подлиннике: «какие».

**) Далее зачеркнуто: «уб[еждений]».

Елисаветград Тотлебен [5]) (одесский генерал-губернатор), помощник его Панютин [6]) и т. д. Все эти визиты клонились к одному: виселица или сознание, т.-е. делали то, что законом запрещено, т.-е. нравственное давление, но это не важно. Место и время не позволяют мне вас ближе познакомить с *) канцелярией одесского ген.-губ.; может быть, когда-нибудь и сумею это сделать, но пока скажу вам, что страшно больно становится, когда подумаешь о том, что там творится: это Содом и Гоморра, которые бог давно бы должен был стереть с лица земли, если бы он только существовал. Но будем надеяться, что другой бог—время—свое сделает и воздаст ей должное.

Через три дня после моего приезда ко мне посадили некоего Федора Егорыча Курицына, который должен был судиться по процессу Гориновича, но... не судился [7]). Курицына этого посадили ко мне для того, как впоследствии оказалось, чтобы от меня что-нибудь узнать и т. д. Скажу, что жандармы не ошиблись. В силу своей доверчивости к людям, в силу сантиментального **) проклятого характера моего и в силу отношений к нему других вполне известных мне честных людей, трудно было узнать, что он шпион, и я ему доверился. Он мне говорил, что выйдет на свободу, и я, увлекшись любовью к товарищам и желая им передать мой привет, называл фамилии, и те были арестованы. К счастью, там не было ни одного нелегального человека. За это я себя грызу, так как люди чрез меня должны страдать в казематах ***).

Около этого времени произошло следующее: сидя в одной тюрьме с Малинкой [8]), Дробязгиным [9]) и Майданским [10]) и узнав, что они приговорены к смертной казни, и увидя их проходящими ночью мимо моей камеры (на другой день их казнили), я решил убить Панютина. В пользу этого говорило еще то мое соображение, что на воле все одно собирались это сделать, и вот я, не желая, чтобы напрасно гибла сила, об этом своем намерении сообщил Курицыну и советовался с ним о том, как и чем убить его. Но все дело, конечно, кончилось тем, что 3 генваря меня наделили кандалами, в которых я щеголял до 15 генваря.

До 15 генваря меня не допрашивали. Этого числа был сделан первый допрос, на котором я заявил, «что по убеждениям я социалист, но по своим взглядам на настоящее положение вещей, на те, с позволения сказать [11]), политические права, которыми пользуется русская социально-революционная партия, и на то политическое рабство, в котором находится все население России, я принадлежу к фракции «дезорганизаторов» или «политиков», иначе «террористов», т.-е. к той фракции русской социально-революционной партии, которая нашла необходимым и себя вынужденной для скорейшего достижения своей бли-

---

*) Далее зачеркнуто: «Одесской».

**) Далее зачеркнуто: «хара[ктера]».

***) Весь дальнейший текст: «Около этого времени... щеголял до 15 генваря»—вписан Гольденбергом на полях этой страницы.

жайшей цели — более или менее активного и, главное *), продуктивного народного движения в России — включить в свою программу, кроме агитации и пропаганды в деревне, еще и политическую борьбу, т.-е. борьбу за политические права, иначе сказать, заняться уничтожением ныне существующего политического строя и подготовить такой, при котором социальная идея могла бы свободно и правильно развиваться, социальная партия получила бы право существования, и агитация и пропаганда в деревне шли бы гораздо успешнее. Затем, как таковой, я допускаю следующие средства: 1) Всевозможная агитация среди молодежи и армии **), в какой бы форме это волнение умов не выразилось — в форме ли петиций, требований, адресов и т. д. 2) Политические убийства допускаются мною настолько, насколько они, во-первых, заменяют свободное слово, во-вторых — насколько они подрывают кредит и веру в правительственную организацию [12]) и, в-третьих, насколько известное правитель[ственное] лицо достойно этого, т.-е. насколько оно вредит русской социально-революционной партии». Вот мое первое показание [13]). Каково мое отношение к нему теперь — об этом будет речь ниже.

2-го февраля я, желая, во-первых, подтвердить фактически, что я действительно принадлежу к этой фракции, во-вторых, желая посредством суда выяснить факт избиения студентов Харьковского университета казацкими нагайками по приказанию кн. Кропоткина [14]), факт избиения политического арестанта Фомина [15]) в харьковской тюрьме, все отношение к этому делу, все донесения, которые кн. Кропоткин делал правительству по поводу этого, — я все это счел нужным подтвердить, сознавшись в убийстве кн. Кропоткина. Вот мое показание [16]):

«В декабре 1878 г. я у одного своего товарища, назвать которого не желаю, взял брошюру революционного издания «Заживо погребенные» [17]). В брошюре этой описываются те ужасные страдания и мучения, которым подвергаются политические преступники, осужденные на каторжные работы, но отсиживающие свой срок в двух центральных тюрьмах Харьковской губернии, непосредственным начальником которых в то время был бывший харьковский губернатор кн. Кропоткин. Брошюра эта произвела на меня сильное влияние и оставила ужасное впечатление. Я никак не думал, чтобы политические преступники подвергались таким истязаниям, и о таком бесчеловечии и бесправии со стороны губернской и местной тюремной администрации я никогда не слыхал. Нравственно я страдал вместе с ***) этими мучениками, к ним меня влекла какая-то неведомая сила, мне хотелось быть и страдать вместе с ними. Находясь под влиянием этой брошюры, я начал думать о том, во-первых, как бы отомстить тому, кто непосредственно мог бы

*) Это слово, написанное несколько неясно, в подлиннике подчеркнуто карандашем и на полях написано карандашом (не рукой Гольденберга): «и главное».

**) «И армии» — неясно написанное в подлиннике, подчеркнуто и на полях вторично написано карандашом.

***) Первоначально было: «ними».

улучшить и кто непосредственно же ухудшает положение этих мучеников, во-вторых, как бы заставить русское правительство улучшить положение, в-третьих, как бы заставить русскую прессу и общество заговорить о положении этих мучеников, а, в-четвертых, мне хотелось рассказать всему миру, всей Европе, как русское правительство преследует людей, не заодно с ним думающих, за то, что дороже всего человечеству — за свободную мысль и убеждение, ибо, по-моему, русское правительство во всех *) своих действиях руководствуется больше мнением зап[адно]-евр[опейских] обществ и их правительств, чем своего русского общества. Перебирая все имеющиеся для этого законные пути, я, конечно, не нашел ни одного, который бы соответствовал моей цели. Перейдя к незаконным, я остановился на мысли об убийстве. Остановился же я на этой мысли, во-первых, потому, что она ближе других соответствовала тому психическому состоянию, в котором я тогда находился, во-вторых, [потому что] такие удары для нашего русского общества более других чувствительны и более других подрывают кредит и веру в правительственную организацию. Но сейчас я ехать не мог. Разные обстоятельства заставили меня отложить поездку недели на три. Но чрез некоторое время я чрез одного харьковского студента узнал, что студенты Харьковского университета за то, что собрались на Николаевской площади и хотели коллективно выразить какие-то свои требования университетскому начальству, жестоко были избиты казацкими нагайками по приказанию кн. Кропоткина [18]). Тут же я узнал, что и студенты Петербургского университета и Медико-хирургической академии за подобную же демонстрацию были избиты казацкими нагайками по приказанию градоначальника Зурова [19]). Трудно представить, что со мною тогда происходило, ибо более варварского, более постыдного для моего дорогого отечества и более унизительного и оскорбительного для человеческого достоинства наказания, как казацкая нагайка **), трудно придумать: лучше, по-моему, быть насквозь пронизанным пулями, лучше быть десять раз повешенным, чем получить одну казацкую нагайку. Но не так, к сожалению, думает и чувствует правитель[ство]. Узнавши это, я бросил вся и все***) и уехал в Харьков, чтобы узнать на месте подробности этого избиения и чтобы убить кн. Кропоткина. План же убийства у меня был такой: под каким-либо предлогом отправиться к нему на квартиру или при удобном случае встретиться с ним на улице и убить его. Причем я лично остановился на следующем: во-первых, непременно убить, а не только ранить, а, во-вторых, чтобы меня арестовали, судили и казнили. Остановился же я на этом потому, что все десятилетние преследования со стороны правительства, все эти бесконечные аресты, ссылки, каторги, центральные тюрьмы со всеми их ужасами, эти казацкие на-

*) Первоначально было: «поступках».
**) Далее зачеркнуто: «чтобы».
***) Далее следовало первоначально: «я не знаю».

гайки, безапелляционно прогуливающиеся по обывательским спинам, до того меня ожесточили, что я потерял всякое гуманное чувство к правитель[ственным] лицам. Все это «плюс» вообще, людские страдания до того на меня повлияли, что я и своей жизни не рад был. Мысль о том, что я буду страдать вместе с другими и умру за других, меня воодушевляла и притом, думая о том влиянии, которое произведет смерть кн. Кропоткина на правительство, прессу и общество, я думал увеличить его еще своей собственной смертью. В Харьков я приехал в первых числах генваря. Там я узнал, что студенты университета, действительно, были избиты нагайками по приказанию Кропоткина и распоряжению Мартенса [20]), что многие студенты арестованы, некоторые ранены, а также был избит профессор Харьковского университета Владимиров, но до сего последнего мне было мало дела. Тут же мне сказали, что будто кн. Кропоткин болен, никого не принимает и никуда не выезжает. Тогда я нанял квартиру и остался ждать. До первой встречи мне пришлось ждать две недели. 21 или 22 генваря я с ним встретился в театре, но ничего не предпринял, так как он не один был, вместе с ним были жена и дочь его, кажется; следовательно, подвергнуть кого-либо из них хоть малейшей опасности мне не хотелось. Замечу, что я всячески избегал действия кинжалом, а последнему предпочел револьвер. В 20-х же числах I*) произошло следующее: 1) По приказанию кн. Кропоткина за что-то был избит находившийся в то время в харьковской городской тюрьме политический арестант Фомин [21]), но так как нам, россиянам, не стать привыкать к избиениям политических в наших тюрьмах и сам даже шеф жандармов г. Дрентельн [22]) недавно заявил избитым политическим в Петропавловской крепости, что «где сила — там и насилие», с чем, конечно, нельзя не согласиться, то я будто не обращу внимания на этот факт, не буду о нем распространяться, а лучше покажу один прекрасный образец прекрасных отношений русского правительства к тому, благодаря чему человечество еще до сих пор существует на земле, —к науке **), к людям науки ***) и к вопиющей возмутительнейшей лжи и несправедливости одного из членов его — того же покойного кн. Кропоткина Около этого времени ректор Харьковского университета г. Питра [23]) возвратился из Петербурга, куда он ездил для объяснения с министром по делу ****) избиения и чтобы от всего университета протестовать против избиения студентов нагайками, но «там», в Совете Министров, ему сказали, что, во-первых, по донесению кн. Кропоткина студенты сделали нападение на казаков, а, во-вторых, за этот самый протест они бы всех протестантов-профессоров отправили «к белым медведям», снесли бы даже и самый университет, да что скажет Западная Европа... Но кто на кого

*) Т.-е. января.

**) Далее зачеркнуто: «и».

***) Слова: «и к вопиющей... кн. Кропоткина»—написаны на полях другими более черными чернилами.

****) Далее зачеркнуто: «об».

сделал вооруженное нападение — невооруженные ли студенты на вооруженных казаков или вооруженные казаки на невооруженных студентов — пусть засвидетельствует весь университет и все избитые студенты. Может быть, избитый, но теперь, кажется, почему-то от этого отказывающийся проф. Владимиров не откажется засвидетельствовать, как он хотел предупредить это избиение тем, что хотел увести студентов от казаков в университетский двор, но тут кто-то из «главнокомандующих», чуть ли не Мартенс, преградив ему дорогу, сказал: «нет, теперь уже поздно», иначе сказать, — нет, честь России должна быть оскорблена, человеческое достоинство должно быть поругано, и студенты должны быть избиты. И как будто бывает когда-нибудь поздно не совершить преступления, да еще такого ужасного преступления! Делаю над собою громадное усилие, чтобы не излить всей той желчи, всей той нравственной боли, которая является, когда подумаю *), что творится в моем отечестве, что так поступает и рассуждает правительство, — этот регулятор нашего ума и чувства, этот воспитатель многомиллионного населения, этот хозяин всей России, как называют его иные. Пусть же факты сами за себя говорят, а я буду вести рассказ дальше. Были еще две попытки днем, но обе неудачны, —первая была в последних числах генваря, а вторая в первых числах февраля. Первая неудачна была потому, что туманная погода помешала **), вторая же — что шаги мои не были высчитаны, как следует, и по моим соображениям вышло, что я бы не успел добежать до фаетона, вскочить в него и т. д. Около этого времени я от Исполнительного Комитета [24]) получил письмо, в котором он советовал и уговаривал ***) стараться совершить это убийство так, чтобы я лично не попался; мотивировал же он свой совет тем, во-первых, что вопрос о положении товарищей социалистов в центральных тюрьмах нисколько не зависит от того, попадусь ли я лично или нет ****); во-вторых—у нас в России еще достаточно зла и бедствий, следовательно, если я готов и если мне хочется страдать, то я еще могу найти за что пострадать, в-третьих — раз у нас отнято свободное слово и раз мы для того, чтобы заговорить о своем существовании, защитить свое право на жизнь, должны прибегнуть к револьверу и если каждый честный и смелый подвиг повлечет за собою гибель хоть бы даже одного человека, то в России скоро не станет смелых и честных людей, а, в-четвертых, — ему не хотелось, чтобы я лично погиб. С подобной мотивировкой я, конечно, согласился, причем ответил ему письмом, в котором писал, что, во-первых, долго я ждать не могу, в противном случае будет не убийство, а самоубийство, а, во-вторых, если я до 11 февраля не сумею совершить это убийство так, чтобы я лично не попался, то, начиная с 12-го, совершаю его при каких бы то ни было удобных или неудобных для меня лично обстоя-

*) Первоначально: «подумаешь».
**) Далее зачеркнуто: «а».
***) Далее зачеркнуто: «чтобы я».
****) Далее зачеркнуто: «а».

тельствах. Я же мотивировал свой ответ тем *), что, во-первых, объяснил ему, как страшно тяжело и невыносимо долго находиться в таком состоянии, а, во-вторых, 11 февраля кончалась масляница, кончались всякие балы и театры, следовательно, кн. Кропоткин по вечерам значительно реже бы выезжал и для меня бы было значительно меньше удобных случаев. В пятницу 9 февраля я прочел объявление о том, что учениками харьковского реального училища дан будет спектакль в пользу бедных учеников этого училища. Зная обыкновение высокопоставленных особ удостаивать своим посещением подобные спектакли, я был уверен, что он будет в училище. В 6 часов я отправился к его квартире, в 7 часов он выехал и подъехал к училищу, которое находится недалеко от его дома. Тогда я взял билет и пошел за ним **). Хотя и была мысль ***) убить его в училище, но так как он все время был окружен знакомыми и мне при моем довольно не подходящем для сего случая костюме пробираться к нему было крайне неудобно, то я и оставил эту мысль. Замечу, что я вообще все время пребывания в ****) Харькове был крайне осторожен, ибо, повидимому, и он был осторожен. После 2-го действия он уехал. Я поехал за ним, но не догнал его: на углу Московской ули[цы] и Николаевской площади я потерял его из виду. Тогда я, объездивши все те места, где он, как я знал, бывал, и нигде не нашедши его, возвратился к его дому, дав себе слово в тот вечер покончить с ним или с собою. В 11 час. 15 мин., прохаживаясь около его дома, я заметил мелькающие огоньки фонарей его кареты. Тогда я, подошедши к ранее назначенному для сего и более удобною *****) по моим соображениям месту [25]) и поровнявшись с каретой, вскочил на подножку ее, причем левой рукой ухватился за ручку фонаря, а в правой ******) держал револьвер. Сперва я хотел дулом револьвера разбить стекло, но оказалось, что окно спущено. Тогда я, всадив револьвер в карету и дав руке надлежащее направление, сделал один выстрел, хотел сделать еще несколько выстрелов, но так как стоять было весьма неудобно, то я и упал и, благодаря быстроте езды, меня отбросило в сторону, почему я и не попал под колеса. Вскочивши, я погнался за каретой, но уже было поздно: карета въезжала во двор. Тогда я, увидя полную невозможность повторить выстрел, ушел. Часа два гулял по улицам Харькова и возвратился домой [26]). В Харькове я оставался до 14 февраля, а 14-го числа уехал в Питер, где некоторое время занимался распространением написанной мной по этому поводу прокламации, о которой я буду говорить ниже. Вот фактическая сторона этого дела [27]). И если кому-либо еще интересно будет знать, как я себя чувствовал

*) На полях против этого слова запись карандашом: «убийство кн. Кропоткина».

**) Далее зачеркнуто: «в училище».

***) «Была мысль» — на полях вторично написано карандашом.

****) Первоначально было: «училище».

*****) Так в подлиннике.

******) Зачеркнуто: «я».

во время совершения этого убийства, то тому я скажу: от всей своей души желаю всякому соотечественнику моему, истинно работающему для блага моего отечества, быть в таком состоянии готовности положить свою душу и тело, когда ему приходится совершить какой-либо смелый и честный не только революционный, но вообще какой-либо гражданский для блага отечества подвиг. Проживая в г. Харькове и готовясь убить кн. Кропоткина, я по этому поводу написал довольно объемистую брошюру. В этой брошюре говорится, во-первых, о развитии социализма; о том, что социализм, как новое, по-моему, в высшей степени гуманное учение, толкующее нам об общественном строе, основанном на принципе полного равенства людей в экономическом, политическом, умственном и т. д. отношениях, на самых братских и взаимносолидарных отношениях, на полной свободе *), направляемой высшим разумом человека, на коммунистических началах, на анархии в смысле отсутствия всякой человеческой власти и т. д., и т. д.; такое учение, по-моему, в чистом виде, без значительной примеси, в настоящее время общим сделаться не может и не может быть принято народом; что в скором времени, по-моему [28]), должен появиться новый Иисус Христос, который своей социалистической, но религиозной проповедью увлечет и перевоспитает весь мир; что в скором времени должна образоваться коалиция большинства европейских государств, целью которой будет — уничтожение социалистов, а затем следуют указания, какие меры со своей стороны должны принять социалисты для противодействия коалиции. Во-вторых — о развитии русской социально-революционной партии, о том, что заставило часть русской социально-революционной партии временно и практически отказаться от своей главной задачи — агитации и пропаганды в деревне — и заняться политической борьбой, почему эта политическая борьба приняла у нас такую форму **), как нигде в Европе, что меня, крайне гуманного человека, заставило в данном случае взять в руки револьвер и убить человека; показываю, как русское правительство всеми своими мерами [29]) само медленно толкало мирных русских социалистов на тот революционный путь револьверов и кинжалов, на котором они теперь стоят; что с этой мыслью легко согласиться, если присмотреться к постепенному переходу самой мирной фракции пропагандистов, к которой я сам раньше принадлежал, к воюющей фракции дезорганизаторов, членом которой я ныне состою, и что за все несчастия страны на скамье подсудимых пред историей — этим грозным судьей — сидеть будут не русские социалисты, а русское правительство, пресса и общества. В-третьих, — что русское правительство и до сего времени не старается изучить то массовое движение, которое уж сколько лет волнует всю Россию, и до сих пор ***) подобное массовое движение объясняет стара-

*) Слова: «на полной свободе» — написаны вторично карандашом на полях.
**) Первоначально: «такие формы».
***) Первоначально: «времени».

ниями двух-трех человек, в то время как мы ему своей кровью толкуем, что сама жизнь нас толкает, что экономическое положение народа, с одной стороны, и монархия, с другой, влияют на нас таким образом, но оно ко всему глухо и как бы в ответ на все это оно объявило целое поколение, всю русскую молодежь вне закона, и что если русское общество и *) впредь останется индиферентным к **) тому, что русское правительство вот уже 10 лет систематично и последовательно уничтожает самую лучшую, способную и разумную часть населения — молодежь — этот цвет и силу всех народов, и вообще ко всему тому, что русское правительство творит в его, общества, стране, то ему придется быть свидетелем ужасных сцен, что русское правительство поддерживает свою власть силой, развивая общественный индиферентизм, нищетой и рабством подавляя энергию и волю одного из самых богатых своей исторической жизнью народов мира — народа русского; что нынешнее русское правительство никоим образом не может быть названо выразителем и представителем населения России, но что подобное положение вещей долго продолжаться не может, ибо никакая пуля, никакой штык не устоит пред силой человеческой мысли святой. В-четвертых, — я доказываю, как бы счастлива была та страна, тот народ, правительство которого глубоко бы чтило святость и неприкосновенность человеческой мысли и слова, что спокойствие той страны не нарушалось бы никакими революциями, ибо тот народ при таком условии дошел бы до своего высшего развития не революционным путем, а эволюционным, что ошибка всех правительств и времен в том и состоит, что, препятствуя ходу эволюции, они сами вызывают революции и напрасно только губят и отравляют человеческую жизнь, на что и сам бог не имеет права. В-пятых, — я говорю о том, что мое дорогое отечество, благодаря всяким историческим обстоятельствам, и так во многом отстало от западно-европейской цивилизации и культуры, а тут еще русское правительство всеми своими действиями и реакцией задерживает интеллектуальное развитие страны, что нигде в Европе, слава богу, нет монархии, а у нас, в России, еще монархия со всеми ее ужасами, благодаря чему существуют политические убийства, что последние становятся невозможными, теряют всякий смысл и значение при конституции или республике, так как при последних подразумевается хоть малейшая свобода слова, которая тогда уже становится орудием борьбы; говорю, что русское правительство и до сих пор не хочет знать, что только одна конституция, а не виселица может положить предел политическим убийствам, но оно, как всякое правительство, к несчастию людей, убеждено, что граждане терпеливо должны ждать для себя благ до тех пор, пока ему самому не вздумается их дать, хотя бы такое убеждение шло в разрез с общественными нуждами, ходом истории и здравым смыслом, хотя бы такое убеждение было

*) Зачеркнуто: «до сего времени».
**) Зачеркнуто: «всему».

несчастием для страны *) и губило не одну сотню людей, но не так рассуждают граждане, не так рассуждаю и я, а посему, в-шестых, я кончаю брошюру воззванием ко всем честным людям: все честные люди призываются мной к самой упорной борьбе с правительством до тех пор, пока оно не проникнется уважением к человеческой мысли и слову, не положить оружия, не перестать бороться, пока оно не сделает следующих уступок: 1) свобода мысли, слова, печати и сборищ, 2) уничтожение административного произвола, 3) суд присяжных для политических процессов, 4) полная амнистия для политических преступников, 5) уничтожение смертной казни за преступления политического характера [30]). Но, к сожалению, брошюра эта не была отпечатана, случайно она пропала и случайно же не попала в руки жандармов. Отпечатанная же и распространявшаяся после убийства кн. Кропоткина прокламация под заглавием «К русскому обществу» написана мною и составляет малую часть брошюры [31]). По поводу этой прокламации хочу сказать следующее: я не сожалею, конечно, о том, что я убил кн. Кропоткина, ибо не могу я сожалеть о том, что я так чувствителен к людским страданиям, что имею такое высокое понятие о человеческом достоинстве, что для меня так дороги интересы партии и жизнь товарищей, что я решил погибнуть, лишь бы защитить все это; я не сожалею, а считаю для себя счастием и честью умереть за это дело на виселице; пусть и моя кровь служит посевом для социализма, как некогда кровь мучеников первых веков христианства служит **) посевом для христианской церкви; пусть стыдятся и сожалеют те, если только способны, кои, отняв у меня все средства борьбы, сами дали мне в руки револьвер и сказали: «убей кн. Кропоткина». Но не сожалея обо всем этом, я не могу не сожалеть об одном: зачем я был так наивен и так сильно верил в нравственные силы русского общества; зачем я бросал бисер и посвящал ему то, что писалось не чернилами, а кровью сердца моего; зачем я думал, что русское общество и пресса способны, как нечто целое, постоять за свои интересы и отстоять жизнь и свободу своих сыновей, дочерей и т. д. Теперь я уж не так думаю; теперь я думаю, что русское общество не общество людей, а стадо баранов; теперь я думаю, что русская пресса и общество не способны ***) поднять даже конституционное знамя, обзавестись своим органом и т. д. Теперь я убедился, что русское правительство могло бы еще двести лет наслаждаться полным спокойствием, если бы не единственная, к сожалению, у нас в России, организованная партия соц[иально]-рев[олюционная], и думаю, что оно будет наслаждаться этим спокойствием, если ему удастся уничтожить эту партию; удастся ли — покажет будущее, но я от такого общества и от такого правительства совершенно отрекаюсь и говорю, что одно из двух: или я не от мира сего,

*) Первоначально было: «граж[дан]».
**) Так в подлиннике.
***) Далее зачеркнуто: «постоять».

или же они не от мира сего, но кто прав, следует ли нас награждать *) каторгами и виселицами и кому принадлежит будущее — решит история и подрастающее поколение. Вот те чувства, которые меня волновали, вот те мысли, которые мне сказали: ты имел несчастие родиться в монархической **) стране, в стране, где слово преследуется так, как нигде в мире, бей же их их же орудием, иди и убей кн. Кропоткина. Пусть правительство рассмотрит и обдумает все это, пусть оно вспомнит и подумает о том, сколько честных и полезных сил истощено, сколько дорогой для России крови пролито за все это время. Моими устами говорит вся Россия, и разве только слепой не видит этих кровавых слез русских матерей и отцов, разве только глухой не слышит этого плача и стона по всей земле русской. Из тюрьмы своей взываю я к правительству и говорю: пусть, наконец, прекратится эта братоубийственная война; пора, наконец, прекратить эту страшную десятилетнюю кровавую Варфоломееву ночь, это избиение младенцев и пора, наконец, возвратить стране ее мир и спокойствие. Пусть, наконец, правительство проникнется тем, что ему два поколения своей кровью и жизнью толкуют уже больше 20 лет; пусть оно, наконец, узнает и поймет, что мы не разбойники, вышедшие на большую дорогу для грабежа и убийств. Нет, мы хотим только завоевать себе право на существование, когда нам не дают его добровольно; мы хотим, чтобы правдивое слово раздавалось во всех пределах нашей любимой родины, чтобы честная мысль наша свободно развивалась, чтобы благородное чувство наше не притуплялось, чтобы народные страдания не увеличивались, а уменьшались. А на все это нам отвечают чем? Каторгами и виселицами. И когда? В последней четверти XIX века. О, боже, боже, к нам вернулись времена св. инквизиции. Так пусть же правительство знает, что мы не остановимся ни пред какими виселицами, что револьверные выстрелы не перестанут за нас говорить и защищать до тех пор, пока в России не будет конституции. И чем больше правительство будет отдалять от нас последнюю, тем больше жизней погубит оно. Пусть же оно знает, что то поколение, которым должна гордиться вся Россия и даже само правительство, еще не упало под тяжким бременем креста своего и что оно донесет свой крест до самой Голгофы, что то поколение ***), для борьбы с которым правительство призвало все небесные и земные силы, давно уже сказало себе и ему: «alea jacta est — «свобода или смерть». «История да будет между ****) нами судьею»! «Carthago delenda est. — «Монархии не должно быть в России» — скажу я. Да здравствует честная и храбрая русская молодежь! Да здравствует конституция!»

Вот то показание, которое я дал 2 февраля.

---

*) Первоначально было, повидимому, «наказать», причем слово «награждать» написано по первоначальному чтению.

**) Первоначально: «в монархическом государстве, государстве».

***) Далее зачеркнуто: «которое должно».

****) Далее одно слово зачеркнуто.

7-го же я отказался от убийства кн. Кропоткина, но заявивши, что не отказываюсь ни от одного слова в этом показании и считал бы для себя счастьем, если бы правительство обратило внимание на это показание [32]). А сделал я это вот почему. Жандармы хотя и знали, что я убил Кропоткина, но фактов никаких не имели, и вот они, желая мне доказать, что у них давно есть улики против меня, начали читать показания, присланные из Харькова, где насчитали около 15 фамилий, но для меня это было безразлично. Я же, зная, что в подобных случаях чем преступнее один человек, тем преступнее и его знакомые, то посему, не желая путать других, я отказался от этого. 26 февраля меня опять допрашивали, но вопросы были неважные [33]). Остановлюсь пока на этом и возвращусь немного назад.

До генваря месяца все шло хорошо, без мучительных дум и терзаний. В это время я узнаю, что в Питере взяты две типографии [34]) и захвачено много народа [35]), что было одно самоубийство [36]), причем почему-то полагалось, что убит был Дейч [37]). С этого-то обстоятельства у меня начинается самый тяжкий период тюремного заключения, период тяжких дум, терзаний, мучительных мыслей, период какой-то боязни за всех и за все, за всю революционную партию, за фракцию «террористов», за всю молодежь, за все общество, за настоящее и за будущее. Система одиночного заключения, как все дурное на свете, имеет и свою хорошую сторону. Эта сторона заключается в том, что человек беспрепятственно, без, так сказать, постороннего вмешательства, беспристрастно, не волнуясь текущими событиями, может думать и думать совершенно свободно. Занявшись этим, я прихожу к самым печальным выводам. Я оглядываюсь назад, охватываю все то, что до сего времени сделано всей социально-революционной партией вообще и фракцией «террористов», в особенности, весь тот тяжкий, кровавый путь, по которому она прошла, все усилия, мучения, страдания и преследования, охватывая, говорю я, все это, я нахожу, что ни тут, ни там, ни в народе, ни в обществе, ни среди молодежи, одним словом, нигде ничего не сделано, а между тем борьба идет и борьба самая тяжкая, люди гибнут и гибнут без конца, гибнут в казематах, гибнут в Восточной Сибири и, наконец, гибнут уже на виселицах. Я рассмотрел *) все цели, стремления и средства фракции террористов и прихожу к тому заключению, что террористы стали на ложную дорогу, избрали не то средство, которое нас может привести к желанной цели — к политической свободе. Я нашел, что политические убийства не могут разрешить те вопросы, которые выдвинуты самой жизнью нашей за последние 25 лет.

Как известно, террористы стремятся к политическим правам, но каковы эти права и что они в себе заключают, я считаю нужным передать их так, как понимаю их я и как они выставлены мною в показании 15 генваря. Там заявил я следующее: «Я останусь врагом пра-

*) Далее зачеркнуто: «одну».

вительства до тех пор, пока оно не сделает следующих уступок: 1) свобода мысли, слова, печати и сборищ, 2) уничтожение административного произвола во всех его формах и видах, 3) политические процессы рассматриваются судом присяжных, 4) полная амнистия всем политическим преступникам без всякого исключения, 5) уничтожение смертной казни за преступления политического характера и 6) общий передел земли в пользу крестьян». Вот сущность этих требований, как я их понимаю и как они выставлены мною. Думаю, что мои товарищи не откажутся от этих требований.

Теперь посмотрим, насколько мы к ним приблизились и насколько они осуществились. Оставлю пока последний шестой пункт. Я взял первый: 1) мы желали свободы мысли и т. д., а получили мы что? Отсутствие всякой мысли, всякого слова и печати. 2) Уничтожение административного произвола, а из городов высылают целыми вагонами десятки, сотни молодых людей. 3) Не только не получили суда присяжных, но потеряли то, что раньше имели; раньше имели суд правительствующего сената, а теперь мы имеем суд военный, суд исключительный, где победитель судит побежденного. 4) Мы желали амнистии, а наших товарищей еще до сих пор томят в казематах и каторжных работах. 5) Уничтожение смертной казни, а мы имели несчастие и позор видеть у себя 20 виселиц, и т. д. без конца. Вот результаты всей нашей работы, всех наших тяжких усилий *), всех жертв. И ко всему этому нас довели политические убийства. Мы никоим образом не могли, не в состоянии были, не смели даже при наличности наших сил выступить с таким орудием, не говоря уже о других печальных сторонах **) такого рода борьбы. Размышляя, я прихожу к тому заключению, что фракцию эту правительство может разбить в пух и прах, стереть с лица земли, искоренить до-тла, а между тем подобная фракция, как чисто политическая, должна существовать и будет существовать, но она должна видоизмениться, она должна оставить то опасное и неверное средство, которое она избрала, если только хочет остаться в живых.

Я понял, что ни одна партия в мире не выступила бы с таким средством. И какие шансы были на то, чтобы выиграть в такой неравной борьбе? Что говорило в пользу того, что правительство, действительно, уступит под влиянием и давлением политических убийств нашим требованиям? Я сопоставлял берлинских соц.-демократов с нашими, и те, которые могут выставить сотни тысяч борцов за свободу, руками и ногами отказываются от Геделя [38]), хотя они, может быть, и сочувствовали цареубийству. Мы же в течение двух лет совершили целый ряд политических убийств и покушений на цареубийство. Я понял, что правительство никоим образом не уступит нашим требованиям. Часто приходится слышать подобные суждения: правительство никоим образом не уступит и не должно уступить и что скажет Западная Европа,

*) Далее зачеркнуто: «и работы».
**) Далее зачеркнуто: «этого вида».

если правительство уступит какой-нибудь кучке людей. Я не стану говорить здесь о том, насколько подобный взгляд правительства верен, насколько правительство в данном случае остается верным представителем и выразителем общественных интересов и т. д. И насколько бы моя мысль ни примирялась с подобным условием, но должен подчиниться ему, ибо действительность такова, т.-е. что пока будет существовать известная сила, которая будет требовать для себя известных прав, хоть бы таких прав, которые правительство должно дать для поддержания своего кредита, но оно все-таки не даст их, пока не уверится, что нет уж той силы, которая с ножом к горлу пристает — «давай права!». Что фракция эта таким путем не добьется свободы — это несомненно, но тут еще важно то, что террор, вызвав эту страшную всесокрушающую реакцию, вместе с тем препятствует делу агитации и пропаганды в деревне, которой занята фракция «народников». Я не говорю, что теперь пропаганда в народе абсолютно невозможна, но говорю, что она значительно затрудняется. Ставить же ей еще больше преград, — по меньшей мере, неблагоразумно, непрактично. Я понял, что при дальнейшем движении этой фракции, т.-е. при продолжении террористической системы, а это несомненно будет вызвано опять смертными казнями, нас постигнет еще большее несчастие, и трудно предвидеть конец всем этим событиям, которые прошли целым рядом процессов и виселиц и которые могут еще продолжаться, пока нас всех не перережут, не перевешают, и дело свободы заглохнет на долгое время. Нужны были целые столетия для того, чтобы выдвинулась та политическая партия, которую мы видим теперь, и достаточно года еще такого систематического преследования, чтобы все было вырвано с корнем, чтобы вопрос о свободе заглох, по крайней мере, на десять лет. С этим должны согласиться, если примут во внимание то обстоятельство, что наша русская политическая партия — есть партия исторически-молодая, юная, несформировавшаяся, неопытная. Что правительственный террор вызван нами — в этом сомневаться нечего, и, вот, рассмотревши влияние террора на некоторых из молодежи, я нашел, что он влияет страшно развращающим образом, я увидел, что бо́льшая часть шпионов появилась у нас, именно, в 1879 году, т.-е. когда правительство стало терроризировать, и, пересмотревши все процессы за 1879 г., я нашел, что везде в каждом процессе — то один, то несколько шпионов. Так возьму Киев: в процессе житомирском — Строганов [39]); в процессе коссаровцев — Бабичева [40]) и Вередницкий, который отправляет Осинского [41]) на виселицу; в деле Чубарова в Одессе — Суворов, Баламез, Никитин, Скорняков [42]) и т. д.; в деле Гориновича — Курицын и Краев [43]); в деле кишиневцев — Гештофт и Фихтенгольц [44]); в Харькове — Блинов [45]) и другие три недели просидели в тюрьме и готово. И так без конца. Результатом же всего этого бывает то, что правительство, пользуясь всеми возможными и невозможными средствами, каждый раз вырывает самых дорогих для нас людей, и если рассмотреть все дела казненных, то окажется, что большей

частью они казнены благодаря доносам. Так, Осинский — благодаря Вередницкому, Горский — благодаря Строганову, Чубаров — благодаря Баламезу, Малинко — благодаря Краеву, Дробязгин — благодаря Курицыну и т. д. *). Следовательно, если правительство захочет непременно прибегать к смертным казням и захочет пустить в ход все репрессивные меры, то оно будет иметь кого вешать, так как при такой реакции не нужно быть особенно преступным человеком, чтобы попасть на виселицу. Остановлюсь пока на этом и пойду дальше.

Я перешел ко всей социально-революционной партии и молодежи. Я рассмотрел все те условия, которые породили у нас социализм, и ту форму, которую он у нас принял. Рассмотревши это, я понял, что условия для развития социализма у нас были крайне печальны, что при свободе слова и свободном обсуждении этого вопроса социальная идея, как самое святое, чистое и гуманное учение, не охватила бы собою всю молодежь, она бы не была столь непонятна, не была бы столь общедоступна, к этому движению не пристала бы всякая сволочь и не осквернила бы своим прикосновением. Я лично смотрю на социализм, как я уже раньше сказал, как на новое учение, которое впоследствии должно будет занять место религии, и с господства этой новой религии на земле начнется новая эра. Это учение, по-моему, сперва должно сделаться достоянием избранных, а затем, приняв известную форму, должно сделаться учением общим. У нас же, если это учение и охватило всех и все, то только благодаря отсутствию свободного обсуждения, свободы слова и печати. И что, в самом деле, нужно у нас для того, чтобы стать социалистом, чтобы человек мог сказать: «я принадлежу к социально-революционной партии»? Я думаю, что одно только доброе сердце и самое поверхностное знакомство с принципами социализма. Но где основательные знания, где глубокое развитие, где научная подготовка — ничего подобного нет, и этим обладают весьма немногие, к сожалению. Самое благотворное влияние социализма у нас выразилось в том только, что вселило нам чувство любви и симпатии к народу, и за это ему большое спасибо, но больше оно ничего не дало. Я не говорю, что оно больше не в состоянии дать, — боже, упаси! — я только утверждаю, что он нам, русским, к несчастию, ничего не дал. Я не ставлю вопроса — можем ли мы и способны ли мы жить социальной жизнью. Это — доводы тех пошлецов, которые не способны даже жить той честной, мученической жизнью, которой живем мы; пусть они хоть один месяц поживут так, как мы живем годами, и тогда они поймут, что значит сила воли, энергия и преданность идее. Если мы не способны и не можем жить социальной жизнью, то, во-первых, потому, что таковы внешние условия, а, во-вторых, принципы социализма не сделались господствующими принципами воспитания и политического развития нашего. Но когда этот золотой

*) Следующий отдел: «Следовательно... попасть на виселицу» — написан на полях более черными чернилами.

век настанет, о!, тогда мы сделаемся и добрыми, и гуманными, и цивилизованными, и честными, — тогда будет господство народа, народных интересов и общее счастие на земле. Что при свободном обсуждении социального вопроса не было бы такого сильного движения, какое было теперь, — в этом нет сомнения. Наша отечественная литература об этом молчала, а приходилось знакомиться по заграничным изданиям, и в силу того уже, что запрещенный плод сладок, молодежь бросалась поглощать заграничные издания, которые разработали вопрос теоретически, но не познакомили нас с практической жизнью. Результатом этого было то повальное бесполезное «шествие в народ», которое было в 1874—75 годах. Это движение и не могло иметь других результатов, так как люди шли без всякой подготовки, без понимания народной жизни и интересов, и кроме искренней, горячей любви к народу и добрых намерений помочь ему — ничего не было. Следует только рассмотреть то, чего люди хотели и к чему стремились.

Программа пропагандистов-лавристов, насколько я ее понимаю, такова: посредством устной и книжной пропаганды довести народ до самостоятельного развития, сознания о необходимости признать за собою все человеческие права, как в экономическом, так и в политическом отношении, имея в виду в далеком будущем насильственный переворот, как продукт народного сознания и как неизбежный, к несчастию, исход прогр[ессивного] развития всякой человеческой мысли, да если к этому еще прибавить отсутствие развития в народе, да плюс отсутствие свободы слова и печати, то тогда ясно станет, что все это хождение в народ было одно только толчение воды в ступе и вся польза этого движения в том заключается, что люди поняли, что это толчение. Ничего бы подобного не было, если бы *) вопрос о пропаганде и сближении с народом обсуждался бы в литературе свободно: тогда бы молодежь поняла, что скоро сказка сказывается, но не дело, что для пропаганды в народе нужно обладать знаниями, нужно уметь понимать практическую жизнь, нужно развитие, нужно все, т.-е. нужно все то, чего у нас нет. Достаточно вспомнить то, как молодежь относилась к этому вопросу. Господствовавшее тогда мнение было то, что не нужно никаких серьезных и специальных знаний для пропаганды в народе. Увлечения было столько, ошибка была столь велика, что отрицалось то, без чего невозможно существование всякого человеческого общества, отрицалось то, что дало человечеству жизнь со дня появления его на земном шаре. «Знание есть сила» — сознано уже давно, всеми и каждым, но этого не сознавала одна только молодежь, благодаря отсутствию в нашей отечест[венной] литер[атуре] разумной и серьезной критики всех условий нашей русской жизни вообще, и всех целей, стремлений и средств, избираемых молодежью для достижения народного и общественного блага. В литературе, говорю я, все это отсутствовало, либеральная питерская пресса, по известным причинам, совершенно

*) Далее зачеркнуто: «молодежь».

молчала, и за это ей спасибо; московская же, консервативная, хотя и не молчала, но всякий, по-моему, честный человек, истинно желающий блага своей родине, не желающий быть свидетелем тех несчастий, свидетелями которых были мы, должен бы был желать только одного: заткнуть ей глотку и задушить ее так, как она душила всякую честную и живую мысль. Никого и ничего она так не клеймила, не позорила, как позорила нашу честную, живую, деятельную и храбрую молодежь. Эта помойная яма не понимала и не в состоянии была понять, что все движение тогда и теперь вызвано, во-первых, влиянием на нас западно-европейской мысли и социального учения, а, во-вторых, вследствие крайне печальных условий нашей общественной жизни, крайне печального экономического положения народа и столь же печального положения нашего при отсутствии политической свободы. Следовательно, винить молодежь может только дурак или подлец. Я ее не порицаю и не виню, а я только излагаю свои мысли по этому поводу. Я сам принадлежу к той же молодежи и больше, к сожалению, чем кто-либо понимаю силу увлечения и знаю, что значит господство учения, понимаю, и очень сильно чувствую всю тяжесть, всю горечь нашей жизни, понимаю, что оставаться зрителем, быть индеферентным при всех совершающихся событиях — невозможно. Сидеть спокойно и заниматься науками там, где нет свободы мнения, развития и образования, когда всякая попытка смелого ума преследуется, как ересь, всякая оригинальность идеи выкуривается из общества, как зараза, сидеть спокойно там, где слышишь плач, стон и скрежет зубовный, — тяжело и невозможно. Все это я прекрасно понимаю, но все-таки не легче: вопрос об освобождении народа, о политическом рабстве нашем остается тот же и нисколько не разрешается.

Я остановился на этом предмете так долго потому, что он первостепенной важности: от того, какова молодежь, каково отношение ее к социализму, насколько учение это укоренилось, укрепилось в ней, от всего этого зависит вопрос — существовать ли социалистической партии в России или нет, а если существовать, то в том ли виде, при таких ли условиях, при каких она теперь существует.

Думая об этих вопросах, я пришел к тому заключению, что социальная партия при таких условиях существовать не может, что подобное повальное движение могло быть вызвано всеми неблагоприятными вышеупомянутыми условиями, я нашел, что если все эти преследования будут еще продолжаться, то все будет искоренено со страшными болями. А чтобы этого не случилось, нужно учиться, учиться и учиться, но так как, как я раньше сказал, учиться при таких условиях нельзя, то посему является такой вопрос: долго ли еще будут продолжаться эти преследования и как их устранить, ускорить или предупредить. Я понял, что тот момент, который переживает социальная партия теперь, — момент переходной. Все моменты переходные — скажут мне. Да, я согласен, что в силу вечного движения все моменты, все фазисы переходные, но тут-то, именно, является следующее сообра-

жение: раз и наш момент переходный, то нельзя ли пережить его как можно скорее. Раз какая-нибудь болезнь для меня неизбежна, то не лучше ли скорее вызвать ее, уменьшить боли и дать ей скорее пройти, чтобы мой организм опять восстановился и окреп.

Затем я перешел к обществу и решил так: общество, несомненно, спит, террористические события, несомненно, будят его, но если принять во внимание ту апатию, ту сонливость, которая наступает, когда подобные средства оказываются недействительными, и в таких случаях общество иногда предпочитает известный порядок, хоть бы даже такой, какой существует теперь, чем быть свидетелем таких сцен, как, например, 19 ноября [46]) и 5 февраля [47]), то, понятно, что в подобных случаях симпатии общества клонятся туда, где оно больше обеспечено, где ее [sic!] спокойствие и сонливость меньше нарушаются, между тем как террористическое движение, как движение чисто политическое, а не экономическое, стоит, так сказать, на почве общественной, т.-е. не имеет никакой связи с интересами народными, а задевают, большей частью, политические условия нашей жизни. Затем, сопоставляя отношения общества ко всей социальной партии, а [к] фракции «террористов» в особенности, я нашел, что как та, так и другая, упустили из виду одно весьма важное обстоятельство, которое состоит в следующем: для меня несомненно, что общество относится сочувственно как к «террористам», так и к «народникам», но это объясняется тем, что то движение, которое имеет место у нас теперь, представляет собой известную живую идею, которой не представляет собою монархия; оно сочувственно относится к подпольной прессе, о чем бы там ни говорилось, так как общество ни свободных мыслей, ни свободного слова в цензурной прессе не находит. Это все в настоящее время при монархическом образе правления. Но также несомненно то, что у общества есть свой идеал, есть свои стремления и желания; все это можно выразить в одном слове «конституция». И, вот, когда идеал конституц[ии] осуществится, а это, должно быть, будет скоро, то тогда непременно должна быть борьба между социальной партией и конституц[ионной] борьба будет посредством слова и печати. Должно признать, что на стороне конституции вся высшая интеллигенция, на той стороне больше развития, знаний и науки, на нашей же одни только голые принципы, «одна душа», «одно сердце», так что я, возвращаясь к тому, что раньше сказано было мною об отсутствии знаний среди социальной партии, спрашиваю — с каким орудием выступим мы в этой борьбе, каким образом мы им докажем и заставим признать, что конституция не есть высшая форма правления, что самой справедливой и благоразумной следует считать ту форму, где господствуют интересы народные, а не привилегированных классов. Другое дело при монархии: там силе выставляешь силу, насилию отвечаешь насилием, но не то, конечно, при конституционном образе правления, где существует известная свобода слова. Я этим не хочу сказать, чтобы какая-либо фракция или, вообще, кто-либо думал при конституции бороться силой. Боже упаси!

Я только хочу сказать, что для борьбы с конституционалистами нужны знания, развитие и т. д., чего, повторяю, у нас теперь нет. Вообще я должен сказать, что социальная партия весьма мало руководствуется тем соображением, что царство либералов неизбежно, что при конституции только они и будут господствовать. Вот в главных чертах те печальные мысли и выводы, к которым я пришел после некоторых размышлений, но я к ним еще возвращусь, так как все остальные действия мои были основаны на этих выводах и на дальнейшем их развитии.

Главным образом я думал о фракции «террористов» и, зная, что все преследования, большей частью, происходят вследствие террористических событий, и опять же зная, что эти события не прекратятся до тех пор, пока правительство не уступит или пока террористы не будут разбиты в пух и прах, — а что правительство не уступит, в этом нет никакого сомнения, — то, понятное дело, я знал, что борьба эта будет продолжаться беспрерывно, пока правительство все-таки не выйдет победителем, между тем как борьба идет, преследования не прекращаются, обыски, аресты, ссылки, казни продолжаются, молодые, честные и разумные силы гибнут, а кто не знает того, что эти силы нам дороже всего, что только эти силы могут дать России жизнь. Я нашел, что выступить с Исполнительным Комитетом во главе было крайне непрактично и безрассудно: сделать это значило погубить себя, это значит — своей бестактностью и неумелостью заставить правительство, с своей стороны, терроризировать нас и терроризировать страшно. По моему вышло, что царство террора должно было кончиться, ибо оно не достигло своих целей. Мрачный принцип его, с одной стороны, и наболевшее чувство, — с другой, которое заставляет нас так жадно алкать крови правительственных лиц, заставляет и правительство алкать нашей крови и томить молодежь в лучшие годы жизни в казематах. Все это выдвинуло одного общественного деятеля — Фролова [48]). И эти наши Notre Dame — Куликово поле, Конная площадь и т. д. делаются историческими местами, на которых стоит постоянная виселица. И если мы теперь еще более закованы в цепи, из которых мы еще сильнее рвемся к свободе, то, единственно, благодаря террору. Я прекрасно понимаю, что никакое страдание, перенесенное ради честного дела — блага народа, никогда не бывает бесплодно, но нахожу, что наши страдания громадны и нам не по силам. В противном случае мы как партия погибнем на долгое время. Если подобная реакция будет продолжаться, то правительство может обрушиться на нас со всей своей силой и задушить не на-всегда, конечно, но на довольно продолжительное время всякое проявление свободной мысли и слова. И как я ни думал, я никак не мог додуматься до того, чтобы мы вышли победителями из этой войны.

В особенности на меня повлиял взрыв 5 февраля. Может быть, мой страх, моя боязнь неосновательны. Но, судя по результатам 2 апреля [49]), мы можем уж судить о том, что должно быть после этих

взрывов: чем дальше, тем больше, — чем больше казней, тем больше оппозиции. Но так же известно, что систематическая оппозиция вызывает систематический деспотизм, и где выход из этого проклятого положения — я не знаю. Тут нужно обратить еще внимание на то, что чем страшнее, чем больше[й] кажется правительственная оппозиция, тем энергичнее оно действует. До 19 ноября мы имели свой орган, но после этого взрыва правительству все-таки удалось уничтожить его, и не только наш, но и орган «народников» [50]), а что фракция или партия без органа то же, что человек без языка, — это верно. И если бы до 2 апреля остановились, то давно бы имели, если совсем не то, чего мы желаем, то было бы нечто похожее на то, а от этого возможен бы был переход к другому лучшему. Кроме того мне страшно было сознавать, что правительство решилось прежде добить нас, а после уже, шагая по нашим трупам, добраться до тех реформ, которые оно должно будет дать уж для того одного, чтобы поддержать свой кредит. Меня злила и злит мысль о том, что будущие реформы будут добыты кровью молодежи, и как будто всякая реформа должна быть добыта непременно кровью, и как будто другого выхода нет. «Жертвы неизбежны» — скажут мне. Да, к несчастию, оно так, но вопрос сводится к тому, чтобы этих жертв было меньше.

Присматриваясь к политическим движениям, можно заметить следующее явление: каждое движение влечет за собою больше жертв, чем бы это необходимо было на самом деле, а это происходит вследствие того, что везде люди поддаются страсти и гневу, и это, именно, обстоятельство пожирает и поглощает больше людей, чем при том условии, если бы воюющие стороны старались отделываться от этого. Устранить же это, т.-е. не дать правительству действовать под влиянием страстей и увлечения, можно было только таким образом, чтобы представить ему, во-первых, размеры движения, показать ему, что опасность для него совсем не столь велика, а, во-вторых, — показать ему, чего, именно, люди хотят, к чему стремятся и из-за чего и для чего они убивают людей. Я глубоко сомневаюсь в том, чтобы все бывшие до сих пор политические процессы могли выяснить правительству все цели этого движения. Навряд ли что-нибудь дал, например, процесс покойного Осинского, Чубарова и т. д., а это вследствие того, что нет той цельности, стройности и систематичности, которые в подобных же случаях необходимы. Создавши же целый процесс, где существует единая организация и единый образ действия, можно выяснить таким путем, как обществу, так и правительству, в чем, именно, заключается это движение, и заставить его подумать об этом. На это у меня еще больше шансов было потому, что всеми политическими делами заведует не Тотлебен и не Чертков [51]), а граф Лорис-Меликов [52]), и, именно, назначение его начальником Верховной распорядительной комиссии [53]) подсказало мне, что теперь более чем когда-либо является удобная минута такого воздействия на правительство. Что Лорис-Меликов стоит неизмеримо выше всех остальных — это несомненно.

По поводу гр. Лорис-Меликова как главного начальника Верховной распорядительной комиссии у меня были такие мысли. Его назначение мне нисколько не говорило и не доказывало, что смертных казней не будет, хотя он и успел выказать себя противником этой системы в Харькове. О, если бы я был уверен, что при нем смертных казней не будет! Тогда я бы мог себе сказать: умри и делу конец. Нет, его назначение мне сказало, что́ он, как всякий политический государственный деятель, делает при подобных обстоятельствах: так сказать, одной рукой будет гладить по головке, а другой — бить по щекам, т.-е. обществу он будет делать маленькие уступочки, а нас будет вешать. Согласиться же с подобной мыслью, т.-е. допустить, чтобы нас всех перевешали, чтобы восторжествовало правительство, и дать либералам загребать жар нашими руками, было очень тяжело. От комиссии же я ожидал большего, чем это оказалось на самом деле. Теперь для меня выяснилось, что комиссия эта не больше, как всероссийская канцелярия всероссийского генерал-губернатора для всех политических дел. Что нам дадут все эти призывы земцев и юристов в комиссию — кто его знает. Теперь думается, что ничего не дадут.

Должен прервать рассказ для того, чтобы познакомить вас, честные люди, еще с одним моим действием, которое проявил в одесской тюрьме. Когда я в феврале месяце 1880 г. додумался до тех печальных мыслей, о которых я говорил раньше и буду говорить еще впоследствии, то вся задача, по-моему, сводилась вот к чему: предупредить *) смертные казни. Я прекрасно знал своих товарищей, прекрасно понимал всю систему террористических действий и был уверен, что наш кружок после 5 февраля других действий не проявит; я знал, что он будет в выжидательном положении, пока события опять не сложатся таким образом, как было до 19 ноября, но зато я нисколько не был уверен в том, что не совершит чего-либо человек, стоящий вне нашего кружка, как это впоследствии и оказалось 20 февраля [54]). Следовательно, тут, по-моему, тогда предстояла двойная задача: во-первых, не дать обстоятельствам сложиться так, как они сложились до 19 ноября, т.-е. не дать повторяться смертным казням, и этим предупредить такие случаи, как 19 ноября или 5 февраля, а, во-вторых, так или иначе не дать совершать политические убийства тем, которые вне нашего кружка. Ввиду этого я придумал следующее средство: я хотел напечатать статью против политических убийств, дабы этим повлиять на молодежь. В таком смысле я и послал помощнику одесского генерал-губернатора Панютину прошение и вот его содержание:

«Как из моих показаний, так и из показаний других лиц о моей революционной деятельности, вы могли себе составить совершенно ясное понятие о том моем взгляде, какой я, к сожалению, имел на политические убийства. Теперь же я в немногих словах скажу вашему

*) Далее зачеркнуто: «полити[ческие]».

превосходительству только одно: никто из нас не имел права совершать или признавать политические убийства и таким образом подвергнуть страшному риску всю Россию; теперь я скажу, что политические убийства причинили нам много зла, они заставили правительство, дав ему возможность и законное право, принять те крайние против нас меры, чтобы прекратить политические убийства, оно стало казнить нас смертью, что страшно тяжело не только для приговоренных, но и для подписывающих смертные приговоры, чего никоим образом, как я убедился, не желает и само правительство. Уж одно то обстоятельство, что смертные казни выступили на сцену после 2 апреля; ясно доказывает, что оно так. Но все это, конечно, могло бы быть одним только покаянием после смерти, я бы мог не думать и не писать вашему превосходительству обо всем этом, если бы я знал, что так думают все оставшиеся на свободе знакомые и незнакомые мне люди, но мысль о том, что политические убийства могут повториться, что, несомненно, вызовет со стороны правительства еще более крайние меры, число жертв еще более увеличится увеличатся страдания многих сотен людей,— страшно меня пугает и заставила меня думать о том, что́ я, как заключенный, могу сделать, чтобы прекратить политические убийства. Находясь под влиянием такого моего взгляда на политические убийства, я остановился на следующем плане, о приведении в исполнение которого я и прошу разрешения у вашего превосходительства: находите ли вы возможным разрешить мне напечатать в одной из русских газет статью, целью которой должно быть — доказать всю неосновательность и безрассудность политических убийств и этим путем многих, многих предостеречь от тех ошибок, которые делал я. План же для статьи у меня существует такой: 1) *) предварительно сделавши общий обзор всей террористической деятельности, подробным анализом всех совершавшихся до сего времени политических убийств доказать всю несостоятельность последних, 2) доказать, что они должны считать своей нравственной обязанностью просить пощады у государя императора, если не для себя, то для многих других, ибо зло будет велико, и жертвами их ошибок сделаются не только они сами, но и многие другие, не только не принимавшие участия, но и не сочувствовавшие даже террористической деятельности, что нагляднее всего доказал рассматривавшийся недавно процесс Гориновича. «Искореним до тла» — сказали вы мне 17 февраля этого года. Но также я помню следующие ваши слова: «Надейтесь на милость государя». И я верю тому и другому. Выбрать одно из двух зависит совершенно от нас. Причем присовокупляю, что если этого не сделают они, то готов это сделать я — один из них, так как и я, как известно вашему превосходительству, во многом грешен, так как и я агитировал в пользу политических убийств, в чем готов публично покаяться. Кроме того,

*) Слова: «предварительно... деятельности» — написано в виде выноски внизу страницы.

я прошу ваше превосходительство верить в полную искренность сей моей просьбы и не видеть в ней каких-либо злых и коварных умыслов».

Вот мое прошение. Я здесь должен оговориться: второй пункт, т.-е. просить пощады у государя, я вставил нарочно, дабы этим заставить его уступить моей просьбе — напечатать статью против политических убийств. Но, несмотря на все, он мне не разрешил. Что же касается *) несостоятельности политических убийств, то я такого мнения был об убийстве Гейкинга [55]) и покушении Котляревского [56]). Мне страшно больно было видеть Малинку, Дробязгина и Майданского, когда они проходили мимо моей камеры в 4 часа ночи; в это время **) их перевезли в тюрьму, а на другой день казнили. Я прекрасно знал и слишком сильно чувствовал, что это есть результат 19 ноября. Страшно больно было сознавать, что они на суде отрекались от нас и заявили, что они социалисты, но не террористы: при таких душураздирающих сценах невольно задумаешься и будешь искать выхода из этого положения. Малинка, между прочим, просил помилования и написал ***) прошение приблизительно такого содержания: «Мне 25 лет, я еще ничего хорошего в жизни не сделал, я прошу у вас помилования, и как бы ни была тяжка моя жизнь в каторжных работах, но я постараюсь хоть что-нибудь сделать хорошего для людей». Майданский просил помилования, но повесили. Дробязгин же, хотя помилования и не просил, но спросил только, за что его приговорили к смертной казни. Ему ответили виселицей [57]). Вообще же приходилось переживать ужасные состояния с того времени, как я попал в тюрьму — в этот мир печали и скорби. Все это напугано, все это страшится, боится, и со всех сторон слышится только одно: зачем вы заварили такую кашу, к чему вас довел этот террор; если бы не последний, то у нас давно бы была конституция, и т. д. в этом роде. Этот плач матерей и сестер, часто раздававшийся в моем коридоре, эти процессы, эти шпионы, эти ликующие жандармы, эти военные судьи — господи, господи, было ли что-нибудь тяжелее в мире того состояния, которое приходилось переживать. Взять бы хоть кишиневский процесс: 19 человек обвиняются в расклейке трех прокламаций, и этот процесс при усердии жандармов создается двумя шпионами, и все это отрекается и отказывается от себя, от убеждений, от всего.

Теперь, честные люди, когда я пишу вам эти строки, я значительно спокойнее, чем тогда, когда пришлось все это видеть, слышать и чувствовать, но, тем не менее, я за собою не признаю того, что необходимо всякому политическому деятелю, т.-е. твердости и непоколебимости в достижении своих целей, не взирая ни на какие несчастия и потери. Я слишком живу чувством для того, чтобы ****) не остаться неуязвимым

*) Далее зачеркнуто: «полит[ических] у[бийств]».
**) Далее зачеркнуто: «они».
***) Далее густо зачеркнуто одно слово, повидимому, «свое».
****) Далее зачеркнуто: «я».

и непоколебимым, у меня [нет этого]*) мужества, у меня достаточно для себя лично... **), но слишком же мало, когда речь идет о временных несчастьях и неизбежных жертвах. Мне все эти аресты, обыски, ссылки, суды, казни, каторги до того надоели, до того они меня утомили нравственно, что я положительно не знал, где выход из этого положения и как бы прекратить все это. Это, честные люди, не сантиментально-гуманные чувства. Нет, это будет чувствовать всякий, кто только способен жить мыслями и чувствами молодежи, кто только способен чувствовать ее горе так, как чувствую я. Кто все это, говорю я, чувствует, тот, может быть, и поймет все то состояние, которое приходилось переживать. На воле не так сильно оно чувствуется, не так близко сталкиваешься с действительностью, но в тюрьме, когда увидишь эти бледные, желтые и исхудалые лица, эти молодые силы, гибнущие в казематах и каторжных работах, то проклинаешь всех и все. Ведь, главное, бесит то, что реакция в большинстве случаев прямым образом мало касается тех, которые энергичнее протестуют в том или ином виде. Если бы было так: «Ты, Гольденберг, убил кн. Кропоткина, мы тебя и повесим, когда поймаем, других же мы оставим в покое и воздадим им должное», — если бы было так, то не так велико было бы несчастие. В большинстве же случаев — Гольденбергу удается удрать, а Малинку или кого-либо иного за это отправляют на виселицу в то время, когда он и телом и душой не виновен, в то время, когда он не признает ни Гольденберга, ни всех его действий.

Для меня лично, конечно, вопрос о всяких преследованиях был решен еще 14 ноября 1879 г., когда я был арестован в Елисаветграде, но кто, честные люди, умеет и способен мысленно и нравственно перенестись в будущее, у кого сердце настолько чувствительно, как, к сожалению, у меня, у кого столько душевных ран, сколько их у меня, тот поймет всю тяжесть того положения и состояния, когда видишь крайне печальное положение наше в настоящее время и еще более ужасную картину в будущем. Не знаю, может быть, я себе будущее представил в более ужасном виде, чем оно есть на самом деле, но мне рисовалась такая сцена: ссылки, военный суд, каторги, виселицы, виселицы и виселицы, и в конце концов мы бы должны были замолчать, пока правительство не сказало бы: ну, теперь, слава богу, тихо, победителями вышли мы, теперь можем им дать реформы. Я прекрасно сознаю, что все права за нами и мы тысячу раз правы в этой борьбе, мы, по-моему, неправы только в одном: мы слишком много силы и значения придавали политическим убийствам. Как ни тяжело было сознать свое бессилие в 1878 г., но не следовало прибегнуть к политическим убийствам. Мы должны были заглушить в себе всякое чувство мести,

*) Слова, взятые в квадратные скобки, в подлиннике начинающие новый 21-й лист, вырваны и восстановлены здесь по копии «Исповеди» Гольденберга, хранящейся в том же Архиве за № 5, ф. III.

**) Далее целая строка в подлиннике густо зачеркнута.

всякое озлобление, но не выступить с таким орудием, а, в особенности, с Исполнительным Комитетом во главе. Уже в конце 1878 г. и начале 1879 г. приходилось слышать, что мелкие политические убийства ни к чему не приведут, и, понятно, в силу логики, оставалось перейти к [цареубий]ству *), а о московском взрыве и взрыве 5 февраля уж толковать нечего — они были неизбежны после целого ряда виселиц. Так что я, протестуя теперь против политических убийств, отношу свой протест к началу 1878 г. Я теперь, право, удивляюсь тому, что правительство не начало казнить нас еще в 1878 г., когда процветал Исполнительный Комитет. Я удивляюсь не потому, конечно, чтобы я чувствовал или признавал за правительством подобное право, — боже упаси,— я только удивляюсь тому, что русское правительство, имея право на всех и на все, право, которого ему никто не дает, — да оно ни у кого и не спрашивает, — не воспользовалось этим правом еще раньше, — вот, собственно, чему я удивляюсь.

Если мы рассмотрим первые политические убийства, т.-е. покушение на жизнь Котляревского и убийство Гейкинга, то должен **) сказать, что последнее было крайне неудачно, не говоря уже о том, что он был один из гуманнейших жандармов, которых на Руси весьма мало, но он был совершенно безвреден, если не полезен. Какой город пользовался такой свободой, как Киев? Думаю, что ни один. Где больше знали, что делается в жандармском управлении, где, у кого ожидается обыск — как не в Киеве, от Гейкинга. Следует только припомнить хождение к нему двух наших знакомых с целью что-нибудь узнать, что всегда удавалось [58]).Относительно убийства кн. Кропоткина должен сказать, что я сожалею только об одном — зачем на моих прокламациях есть печать Исполнительного Комитета. Во всем же остальном я себя признаю тысячу раз правым, и о сожалениях и речи быть не может. Но дело в том, что я в своих действиях нисколько не руководствовался тем, как я смотрю на террор, — был ли он полезен или нет; я знаю только одно, что он был неизбежен, но мне не давала покоя мысль о том, что эти аресты будут продолжаться беспрерывно, и правительству, то благодаря всяким доносам, то благодаря неосторожности и неопытности, всевозможным промахам и случайностям, удастся все-таки вырывать из нашей среды самых дорогих нам людей. Я не говорю уже о таких ***) несчастных случаях, как самоубийство этого славного, симпатичного и милого Поликарпова [59]) и т. п. драмах, разыгрывающихся то тут, то там. Ведь, если только приемотреться к тому случаю, который разыгрался в Курской губ., где взят был Юрковский [60]): самодур-отец убивает своего сына, а после себя за то, что сын его дал на некоторое время свой мундир Сергею Диковскому [61]). Не говорит ли этот случай о каком-то помешательстве, о какой-то дикой свирепости, охватившей всех и все. И такие сцены происхо-

*) В скобках — текст, находившийся на вырванном конце листа.

**) Так в подлиннике.

***) Далее зачеркнуто: «уже».

дят сплошь и рядом, и где конец всему этому — один только знает бог. Стоит только охватить все страдания, все мучения, все эти стоны, которые слышатся то тут, то там, и душа у тебя замирает. Честные люди, я пишу вам эти строки спустя два месяца после всего пережитого мною — следовательно, представить вам все в том мрачном виде теперь, в каком оно представлялось мне тогда — невозможно, сделать это — значит быть искусственным, на что я меньше всего способен. Но если вы в состоянии проникнуть в глубину души моей, если вы в состоянии понять, что значит больная, многострадальная душа, то поймете также то состояние, которое переживал я тогда: я по целым ночам не спал, нервное возбуждение и раздражение дошло до того, что я при малейшем движении дрожал и не знал покоя ни днем, ни ночью, мои нервы разыгрались так, как они никогда не разыгрывались...*), и я, что называется, нигде не находил себе места.

Сколько мрачных мыслей и дум дало мне покушение 20 февраля. Я сразу понял, что это дело не Исполнительного Комитета, а скорее дело такого же больного душой человека, как и я. Подобное состояние мне больше всего знакомо, так как я не раз переживал его. Я понял, что выстрел этот есть следствие какого-то ужасного отчаяния, того безвыходного положения, в котором мы находимся теперь. А сколько мучений было, когда я узнал о захвате двух типографий. Забрано было то, что было дороже всего для нас в жизни. Лишить нас органа — значит взять у нас душу, это значит быть побежденным. Будущее представилось мне в таком ужасном виде, в каком оно мне никогда не представлялось. Когда я узнал о конвенции, заключенной между Россией и другими западно-европейскими государствами [62]), то я себе объяснил ее так, что будут выданы все те, которые еще с 1874 г. находятся там, т.-е. все до единого. Ввиду всей той боязни, которая меня охватила, ввиду того ужасного состояния, в котором я был тогда после всех совершавшихся в то время фактов, моя мысль клонилась только к одному: как бы предупредить смертные казни, чтобы не было больше политических убийств. Я представлял себя находящимся на воле, когда казни совершаются то тут, то там, и чувствовал всю ту жгучую боль, которая является при одном только воспоминании об этих казнях. Честные люди, эта боль чувствовалась не потому, что я сам должен был подлежать ей. Нет, напротив, меня виселица воодушевляла с того времени, как начали нас вешать. Я величественнее, торжественнее этой смерти не представлял себе, но она потеряла для меня эту прелесть с того времени, как я начал приближаться к ней. И тогда мне показалось, что смерть на виселице — одно и то же, что у себя на кровати; я понял, что проще и легче подобной смерти нет. Да, наконец, я лично держусь подобного взгляда: раз человек не дорожит чужой жизнью, то, по-моему, вполне естественно, чтобы он не дорожил своей жизнью, и я, говоря о жгучей боли, подразумеваю ту боль,

*) Далее идут два неразобранные слова.

которую должны испытать присутствующие или же только знающие, что казнится один из близких людей, и вместе с тем чувствующие свое полное бессилие положить конец этим казням. И есть ли что-либо тяжелее чувства бессилия?

Находясь под влиянием всех этих дум и тяжелых чувств, я придумывал всякие планы, чтобы предотвратить все зло в будущем, т.-е. предупредить все смертные казни, не дать больше повторяться политическим убийствам, прекратить все эти аресты, ссылки и вообще укротить всю ныне свирепствующую реакцию. Как я вам уже раньше сказал, у меня был план напечатать в одной из русских цензурных газет статью против политических убийств. Но мне не разрешили, следовательно, надо было придумывать другие планы. Вообще же скажу вам, что я человек планов возможных и невозможных и способен на всякую вещь придумать бессчисленное множество планов, так что я в данном случае, получивши отказ насчет статьи, все-таки продолжал строить план за планом. Не останавливаясь на других планах, которые то являлись, то исчезали, я сейчас буду говорить о том плане, на котором я остановился и который в скорости же и был приведен в исполнение.

Между прочим, замечу, что жандармы как-то узнали о том, что я совершенно изменил взгляд свой на политические убийства. На одном свидании со мною они как-то заговорили об этом, и я им высказал то, что тогда думалось и чувствовалось. Вместе с ними я обсуждал следующие вопросы: 1) Цель — прекратить политические убийства, предупредить смертные казни, связь последних с первыми. 2) Средства — осветить террористическую деятельность, раскрыть организацию, указать главных и не главных деятелей, не примкнувших к организации. Смертные казни? Т.-е. не послужит ли это самое поводом к смертным казням? 3) Цель?? Т.-е. можно ли предупредить смертные казни? Можно ли поручиться за два года жизни? При монархии стрелять можно. Последнее вставлено ввиду того распространенного мнения, что при такой монархии, какая существует у нас, политические убийства возможны. Можно ли поручиться за два года жизни,— имеет тот смысл, что, по моим соображениям, вышло, что, во-первых, не будь политических убийств, мы бы, пожалуй, теперь имели конституцию, а, во-вторых, я думаю, что достаточно двух-трех лет спокойствия, и у нас будет конституционный образ правления. 4) Комиссия, т.-е. что представляет собою Верховная распорядительная комиссия, и может ли вообще служить порукой, что при втором условии политических убийств действительно не будет. 5) Громадная нравственная ответственность, которую я беру на себя, если не достигну цели, т.-е. если будет хоть одна смертная казнь.

Вам, честные люди, должно казаться смешным то, что я с жандармами обсуждал эти вопросы, но представьте себе, что я тогда в них видел людей, действительно желающих блага молодежи, искренно любящих Россию, как любим ее мы. Но такой взгляд на них продол-

жался недолго. После я убедился, что они готовы ради принципа монархизма, если он в них только есть, или же, скорее всего, для своего обеспеченного положения погубить и задушить всех и все, но оставим этот вопрос. И вот, говорю я, обсудивши все вышеупомянутые вопросы, я нашел, что средства совершенно соответствуют цели и что лучшего средства для достижения этой цели нет и быть не может. Когда я решил эти вопросы, то, кажется, счастливее меня в то время не было человека. Я воображал себе, что я, таким образом, являюсь спасителем для всей молодежи и всех товарищей. Мне казалось, что я тут делаю такое самопожертвование, какого в мире, должно быть, еще не было, что я рискую всей своей репутацией, всем своим добрым и честным именем, которым я пользуюсь среди своих товарищей, лишь бы этим путем спасти своих товарищей от неминуемой смерти.

Я прекрасно знал, что захвачены обе типографии, и почему-то нашли нужным мне сказать, что в обеих типографиях захвачено около 15 человек, — следовательно, смертные казни здесь неизбежны были, не говоря уже о таких случаях, как, например, две смертные казни в Киеве в феврале [63]). Затем я понял, что если правительство захочет нас вешать, то оно имеет кого вешать, ибо не нужно быть бог весть каким преступником, чтобы попасть на виселицу. Вообще же страшно больно было сознать, кто и как распоряжается жизнью и свободой дорогих тебе людей. Я лучше решил отдать всех в руки Лорис-Меликова, чем дать возможность всяким Панютиным, Чертковым et tutti quanti выходить тройками и пятерками и вешать нас, как собак. Раскрывши же организацию, я хотел этим путем обезоружить правительство, дабы оно отказалось от смертных казней. Одним словом, я хотел распределить все преступления так, чтобы ответственность пала на всех, но не на нескольких *). Я был положительно уверен в том, что мы долго в каторге не будем,— максимум, два-три года, хотя товарищ прокурора Добржинский [64]) указывал мне еще даже на 26 августа [65]). Но когда в ответ на это я расхохотался, то он ударил уже в другую сторону. Также он старался убедить меня, что смертных казней не будет, но когда я ему здесь уже задал вопрос: будут ли смертные казни? — он ответил: «не знаю». И когда высказал сильное отчаяние по этому поводу, то в утешение на сие он сказал: «не весь же Исполнительный Комитет повесят». Также на мой вопрос: возвратили ли бы нас через два месяца, если бы к тому времени была объявлена конституция, — он ответил: «нет». Вообще о нем я лучше говорить не буду, как и обо всех других, имеющих соприкосновение с политическими.

Когда я сделал заявление, в котором рассказал все мне известное, то я называл это дело святым делом, гениальнейшим планом и удивлялся тому, как это никто до сих пор не додумался до такого образа действия. Я смотрел на это дело точно так, как полководец **), когда

*) Далее 1½ строки в подлиннике густо зачеркнуты.

**) Далее зачеркнуто: «смотрит».

ему приходится сдаться на капитуляцию. Себя же, правду сказать, я считал полководцем, который под свою опеку и покровительство берет вверенное ему войско. Я раньше сказал, что считал это дело самоотвержением и громаднейшим самопожертвованием. Да, я считал *) это дело таким. Я помню, что я говорил жандармам: я ставлю на карту все, что было мне только дорогого в жизни, — всех своих товарищей, то доброе и честное имя, которым я пользуюсь среди них, все то, что я в течение шестилетней борьбы приобрел с тяжким трудом. Я предпочел такой образ действия, т.-е. раскрытие всего мне известного, дабы лишь прекратились эти аресты, обыски, ссылки, казни, военные суды и т. д. Я прекрасно сознавал, что раскрытие тайны страшно, но мне казалось еще страшнее, когда эта тайна существует и сама эта тайна вызывает столько бедствий, столько несчастий, мы теряем столько полезных и дорогих нам сил, что я предпочел лучше снять эту тайну, лишь бы прекратились ужасы. Если бы я был уверен, что смертные казни не вызовут политических убийств, то я был бы совершенно спокоен, но, к несчастию, я в этом не был уверен.

Вот почти все то, что и как думалось в то время. Очень возможно, что тут много нелепого, фантастического, невозможного и т. д. Но что я не имел никаких злых умыслов, что мои намерения были самые благие — в пользу этого говорит одно уж то обстоятельство, что я еще теперь живу. Я бы давно умер самой страшной, мучительной смертью, если бы чувствовал присутствие хоть малейшего соображения о своих личных выгодах или же если бы я совсем разочаровался в своем деле. Я не разочаровался, но и не смотрю на это дело так, как я смотрел раньше. Оно, действительно, мрачнее, но опять же не страшно. Конечно, меня могут клеймить всякими именами, но я знаю только одно: я раньше готов был отдать жизнь за ближнего, я готов и теперь на это, что я, между прочим, уже имел случай доказать. Раз я был так чувствителен к страданиям неизвестных мне товарищей по убеждениям в центральных тюрьмах, раз поруганное человеческое достоинство неизвестных мне студентов Харьковского университета было для меня столь оскорбительно и тяжко, что я готов был с оружием в руках протестовать против этого и решился убить человека, убить себя, раз мои убеждения были таковы, что я нашел необходимым и полезным совершить цареубийство, с какой целью **) принимал самое деятельное участие в деле 2 апреля, и готов был во всякое время дня и ночи совершить это убийство, раз я считал себя нравственно обязанным поправить ту ошибку, которая сделана была 2 апреля неудачным исходом этого дела, а нравственно обязанным я себя считал потому, что я принимал самое деятельное участие, раз я пожертвовал всем тем, что было для меня только дорогого в личной жизни, т.-е. семьей, наукой, спокойствием, наконец, жизнью самой, раз я не считал для

*) Далее зачеркнуто: «себя что».
**) Далее зачеркнуто: «и».

себя возможным удрать за границу *), хотя и имел на это некоторое право, по крайней мере, такое же право, какое имеют и другие, если не больше, и отдавал вся и все делу и родине, которой я служил до последнего издыхания, — то бояться мне лично, по крайней мере, каких-либо гнусных и подлых соображений в моих действиях нет надобности, и навряд ли решится кто-либо из людей, меня близко знающих, заклеймить меня именем «предателя», что я уже имел несчастие услышать [66]). Кто меня заклеймил, — не знаю, но думаю, что не близкий человек. Последний, если бы он увидел во мне такового, молчал бы и ненавидел бы меня молча, но не позорил бы себя своим знакомством и дружбой со мною.

Я вас, честные люди, умоляю только об одном: обдумайте все то, что сейчас сказано мною, не найдете ли вы хоть одного шанса, который бы говорил в мою пользу. Знайте только одно: я не искал для себя никаких смягчений и облегчений, не искал я этого уж потому, во-первых, что я слишком прав во всей этой борьбе, — я слишком прав, убивши кн. Кропоткина, я слишком прав, стремясь к политической свободе, к свободе слова, печати и т. д.; во-вторых, ведь все облегчение для меня может состоять в том, что вместо смертной казни будет вечная каторжная работа или вроде этого, но, право, я лучше для себя выбираю первое, чем второе: лучше умереть, чем жить и чувствовать над собою этот убивающий взгляд дорогих товарищей и всегда быть готовым выслушать страшные приговоры вроде «предателя», «шпиона», «ренегата» и т. д.; а, в-третьих, честные люди, мир, должно быть, еще не создал нам того человека, который бы ради своих выгод сделал то, что сделано мною. У нас есть только один — Иуда, но я не Иуда и 30 серебренников не получил. Моими серебренниками были бы жизнь для моих товарищей, свобода для многих других и если не полное счастие, то, по крайней мере, лучшее положение, чем теперь. Так же горько ошибается тот, кто будет думать, что я это сделал, руководствуясь какой-либо любовью, симпатией или расположением к монархическому образу правления вообще, а ныне существующему правительству в особенности. Боже упаси, ничего подобного не было и,— да поможет мне моя любовь к свободе,— никакой любви к правительству не будет. Я теперь так же, как и прежде, отношусь недружелюбно к правительству. Нет, даже больше, ибо оно меня всеми своими преследованиями и действиями вынудило сделать то, что я сделал. Я его теперь так же, как и прежде, считаю виновником всех общественных бед и несчастий и с нетерпением и трепетом жду той минуты, когда оно окончит свое существование.

Раньше я употребил слово: «заявление». Считаю нужным объяснить, о каком это заявлении я говорю здесь. Когда я с жандармами обсуждал все те вопросы, которые были выставлены мною раньше, то я, между прочим, заявил еще следующее: если раскрытие организации, дей-

*) Далее зачеркнуто: «и отдать».

ствительно, может повести к уничтожению смертных казней, то я ни в каком случае не согласен это сделать в показаниях, дабы этим путем не дать возможности суду приговаривать к смертным казням. На это они ответили, что, во-первых, насчет суда существует предписание свыше, а, во-вторых, все это можно сделать в отдельном заявлении, которое суда не касается. Такое заявление я сделал, но после мне заявили такую вещь: если я не буду давать показаний, то заявление мое будет представлено суду, который может пользоваться заявлением наравне с показанием. После долгой борьбы я должен был уступить и дал уже подробные показания. До чего доходила моя фантазия — доказательством может служить следующее: когда у меня вопрос был решен так, что казней не будет, что все осужденные просидят в ссылке года два или три, а затем [будут] возвращены домой, и притом делались намеки, что я на суде фигурировать не буду, — тогда я явлюсь перед своими товарищами и заявлю им, что спас их и всех остальных я, именно. Думал даже о суде, который после был бы назначен товарищами: приговор их для меня был оправдательный, т.-е. суд товарищей признал бы, что я не предатель, что можно было и следовало сделать то, что я сделал, т.-е. раскрыть организацию и т. д. Когда после всего этого ко мне приехала моя мать, то я ей говорил, что она должна гордиться мною, так как я, пожертвовавши на некоторое время *) своим именем и репутацией, которая впоследствии будет восстановлена, спас товарищей от смерти и всю молодежь от многих несчастий в виде арестов, ссылок и т. п., и что, вообще, пусть она потерпит года два-три, и тогда мы все возвратимся.

Своему плану я придавал столько значения, что когда я узнал, что в Киеве были опять две казни, то торопил жандармов писать скорее и чтобы они дали знать телеграммой в Петербург, что я раскрываю всю организацию и таким образом остановить **) все смертные казни. Теперь я понимаю, что это преступное легкомыслие и фантазия, что жандармы только воспользовались моим нервным расстройством, наэлектризовали меня и возбудили мою фантазию до галлюцинаций, что со мною очень легко сделать.

Я в кратких словах только скажу следующее: жандармы умели убедить меня не только в том, что я путем раскрытия организации сумею уничтожить всю ныне существующую ***) реакцию, исключительные законы, аресты, ссылки, все преследования, политические убийства, но даже прямым образом повлияю на дальнейший ход событий, т.-е. стоит мне только раскрыть всю организацию, рассказать все мне известное, — будет все то, о чем я сейчас говорил. Два-три года спокойствия — конституционный образ правления, общая амнистия, все будут амнистированы и возвращены в свои дома и обители. Теперь я понимаю, что нужно было голову потерять, чтобы допустить возмож-

*) В подлиннике описка: «имя».
**) В подлиннике зачеркнуто: «дальнейшее».
***) Далее зачеркнуто: «организа[цию]».

ность подобного положения вещей. Это, именно, обстоятельство и произошло со мною, что, вообще, легко во время заключения при известной неосторожности, а тем паче мне при моей крайней доверчивости к людям, крайнему непониманию их и тому подобных прелестных качествах. Но как бы ни было уже*), я подобной картиной, — подобным фантастическим будущим соблазнился и приступил к показаниям. Оставлю пока это и перейду к новейшим впечатлениям моей жизни в Петропавловской крепости.

Был у меня два раза тот, на кого я возлагал столько надежд, в ком я хотел видеть спасителя и избавителя от всех зол и бедствий, — граф Лорис-Меликов. При первом его посещении я его, между прочим, спросил — «страшно ли будущее?» — в том смысле, будут ли смертные казни, — на что он, перекрестясь, ответил: «не знаю, я не купить вас хочу». Его слова были поняты мною в том смысле, что ему неизвестно — будут ли смертные казни или нет; слова: «я не купить вас хочу» я понял так, что он не желает успокоить меня или уверить, что смертных казней не будет. Я должен был так понять его слова, думая, что он верит в искренность моих побуждений и что мой вопрос «страшно ли будущее?» им понят так, как должно его понимать, т.-е. будут ли вообще смертные казни. Честные люди, я клянусь головами тех дорогих товарищей, которые указаны мною, что, задав ему этот вопрос, я нисколько не думал о себе. Но что же оказывается на самом деле? Был он у меня недавно опять вместе с Шмидтом [67]) и вот он при мне передает Шмидту, что я его будто спросил — повесят ли меня или что-либо иное сделают, и тут как бы в утешение мне говорит, что если я даже и пойду на виселицу, то и в подобном случае он меня назовет «честным человеком». Из этого я понял, что он смотрит на меня, как на обыкновенного доносчика, который желал только спасти свою шкуру. Подобный взгляд его на меня крайне для меня печален. Ведь все было построено на том, чтобы он понял меня так, как должно понять, т.-е. что я не себя желал спасти, но он этому не верит. И все это потому, что церемонился поставить вопрос прямо, точно так же я церемонился объяснить ему, что он меня не понимает. Да, вообще, с такими высокопоставленными лицами толковать довольно трудно, и, конечно, недоразумения неизбежны. Если бы он сел, выслушал меня, разузнал бы все мои соображения и надежды, — тогда дело другое, но что могу я сказать за каких-нибудь 10—15 минут. Так прошло первое посещение, так и второе. Но и второе его посещение не прошло для меня бесполезно: во-первых, я понял, что смертные казни неизбежны, во-вторых, я понял, что мне незачем будет послать ему прошение пред судом о том, чтобы он не миловал меня, в случае если будет хоть одна казнь. Прошение это уже написано мною, но требует переделки [68]).

О последнем обстоятельстве я толковал с Зунделевичем [69]). Он мне не советует подать прошение подобное, говоря, что граф увидит в этом

*) Далее зачеркнуто: «но».

прошении какое-то фанфаронство и что, вообще, по мнению Зунделевича, лучше мне жить, если позволят, до поры до времени. Я ему на это ответил, что пусть меня считает чем угодно, хоть бы фанфароном, но если я пойму, что подобное прошение может мне дать возможность умереть вместе с другими товарищами, то я его, конечно, подам. Жить же при смерти хоть бы одного из моих товарищей — боже упаси: как мне ни тяжело будет вместе с ними итти на виселицу, понимая, что виною я, но лучше уже скоро умереть, чем мучиться и терзаться. Боже мой, и неужто люди могут думать, что все то, что мною было написано в показании 2 февраля и в показании 6 мая, написано так себе *). Они думают, что то, что писалось кровью, над печальной действительностью которого я не раз плакал, не имеет никакого значения. Нет, дайте мне только одному фигурировать на суде, освободите меня от того гнета, который меня давит, и вы увидите, как свободно и спокойно я умру.

При первом моем свидании с гр. Лорис-Меликовым был также и Добржинский. Посмотрим его отношение к заданному мною вопросу графу. Он сказал, что очень рад тому, что я лично спросил графа насчет будущего, и, между прочим, прибавил, что он определеннее спросил графа насчет будущего, причем тот ему сказал, что насчет Гольденберга я постараюсь, но что касается других — не знаю. Я уверен, что Добржинский никаких ни определенных, ни неопределенных вопросов графу не задавал, так как для Добржинского безразлично, оставят ли нас в живых или же перережут, как баранов. А между тем этот человек сколько раз твердил мне, что он вполне уверен в чистоте моих побуждений. Но, клянусь, что он мне так же не верит, как не верит и граф. Последний назвал меня «оригиналом», и он со своей точки зрения **) вполне прав. И как, действительно, назвать человека, который кричит, что он только руководствуется общественными мотивами, а не эгоистическими целями, на самом же деле совершенно наоборот. И если он только так думает, то совершенно прав, называя меня оригиналом, но в том-то и беда, что его точка зрения неправильна и крайне для меня обидна. Мне страшно больно думать об этом. Вообще относительно графа у меня определенного взгляда еще нет ***). Может быть, я его слишком идеализировал себе, как всегда со мною бывает. Что он в миллион крат выше всех остальных — это несомненно. Но вот что мне обидно: я его в своем показании называю «одним из самых гуманных государственных деятелей» и он, наверно, думает, что это с моей стороны лесть. Так ему думать еще возможнее потому, что я иудей — ну, а иудей на все способен; так думают многие. Пусть уж думает, как желает, но я его все-таки считаю таким и я от души был рад, когда узнал о назначении его главным начальником Верховной распорядительной комиссии. Человек, который в такое горячее время,

*) Далее зачеркнуто: «без».
**) Далее зачеркнуто: «на меня».
***) Далее зачеркнуто: «что».

как после 2 апреля, мог отказаться от целой системы и итти своим путем — заслуживает не только внимания, но и почтения. Не следует тут ссылаться на то, что будто повесить Ефремова значило повесить первого ни в чем неповинного встречного человека. В других городах мы видели совсем не то: в Одессе вешали таких, которые при других условиях пошли бы в Сибирь на поселение. (О, боже, где ты? Уничтожь одесскую канцелярию, но спасибо тебе за то, что там нет уже Тотлебена и... Панютина, этого... *).) Но за что Россия может и должна сказать спасибо графу Лорис-Меликову — это за уничтожение классицизма — этого виновника всевозможных революций и терроров у нас в России [70]).

Эх, сбросить бы годков десять с плеч: как засел бы я за книжку, да ударился бы в науку, к которой я так стремился и которой мне так сильно недостает. О, правительство русское, зачем ты отравляешь нам жизнь, зачем кругом нас совершаются такие факты, как сечение розгами, избиение нагайками, что мы должны бросать всех и все, что только было дорогого в нашей жизни, чтобы итти на преступления. Знаешь ли ты, чувствуешь ли ты, как бы я служил тебе, как бы я отдал тебе все свои силы, если бы я мог признать тебя выразителем и представителем населения России, и ты бы не осталось в убытке. И как ты до сих пор не поймешь нас: ведь и мы же люди и мы жить хотим. Мы от тебя требуем только одного: дай ты нам свободу слова, а там бей нагайками, секи розгами, если это, действительно, необходимо. Я приму от тебя и нагайки и розги, но дай только мне протестовать против этого не путем убийства, дай мне **) привлечь к ответственности, дай мне ***) сказать тому, кто осмеливается поднять руку на эту святую молодежь: «ты не европеец и не в России тебе жить; ступай в Азию, туда, к варварам, а у нас нагайке нет и не должно быть места». Нет и не может быть места тогда револьверу или кинжалу. Но ты ничему не внимаешь и ко всему глухо. Знаешь ли ты, что ты губишь самые лучшие, разумные и дорогие силы, которых у тебя немного, и ты, вместо того, чтобы дорожить ими и не губить их, вот уже 15 лет не перестаешь ****) преследовать и преследовать страшно. Посмотреть бы только, где эти силы — в казематах, в рудниках, а то часть совсем уходит от тебя. Эх, будь я на воле теперь, я бы тебя иначе наказал: я бы проповедывал поголовное переселение всей молодежи в далекие края — тогда бы ты поняло и почувствовало бы свое вырождение, ты бы поняло, что значит отживший принцип и сила времени. Эх, жутко, жутко!! Ведь, если только мыслью и чувством охватить все то, что кругом нас делается — всю эту реакцию, все эти преследования, мучения и страдания — и хоть бы у одного гуманное чувство заговорило, хоть бы один подумал о том, что нельзя же так терзать, так мучить всю Россию. Ведь целые океаны слез про-

*) Многоточие в подлиннике.
**) Далее зачеркнуто одно слово, повидимому «силу».
***) Далее зачеркнуто «его»
****) Далее зачеркнуто: «их».

литы за все это время и никому нет дела! О, господи, ведь мы же дети одной и той же земли, одним и тем же языком говорим, и вы нас не понимаете, мы для вас те, кого греки называли «варварами».

Нет, у меня есть надежда, что граф Лорис-Меликов поймет всю силу настоящих событий Я надеюсь, что он вникнет в самую глубь их. Пусть он смотрит на меня как угодно, но лишь бы все сделанное мною не пропало даром, лишь бы мне не пришлось быть убийцей своих товарищей. Ой, как я этого боюсь, как тяжка будет та минута, когда мне придется вместе с ними итти на виселицу! Нет, уж лучше умереть сейчас, чем дождаться той минуты. И люди могут думать, что я, проклиная тот день, в который родился, если будет хоть одна смертная казнь, написал это так себе, что это у меня фраза и только. Не хотят они знать того, что это страшнее проклятия, это значит — послать проклятие и той, которая тебе дала жизнь, на руках у которой ты вырос. Может ли быть хуже того проклятия, которое человек посылает дню своего рождения?! О, люди, люди, отчего вы меня не понимаете, почему вы мне не верите? И неужто у меня нет ни гуманного чувства, ни нравственной силы? Не забудьте же, что эта нравственная сила довела меня до убийства, значит — было же что-либо для меня дорогого, было же что-либо такое, для которого я пренебрег и убийством. Ведь убить человека страшно, но была минута, когда я этой мыслью только и жил, и отчего ты, правительство, не сознаешь, что часть ответственности за мое тяжкое преступление лежит и на тебе? Подумай только о том, за что я убил человека: не из своих же личных выгод я это сделал. Ведь я не стал ни богаче, ни умнее от этого убийства. Или ты нас считаешь такими извергами, такими разбойниками, что мы готовы во всякое время дня и ночи *) убивать людей?.. Если ты так думаешь, то знай, что все наше несчастие, а также и твое, в том и состоит, что ты не знаешь и не хочешь нас знать. Пусть бог будет свидетелем того, как я мучил себя, когда я сидел в подкопе и знал, что вся моя работа поведет к гибели людей, и не готовы ли мы были все лечь в этом подкопе и умереть вместе со всеми!

Правительство, я умоляю тебя, пойми ты нас и прекрати все ужасы, все страдания, — ведь это твоя высокая и святая обязанность, — зачем ты нас гонишь из той земли, на которой мы родились, зачем ты в нас вселяешь чувство презрения и вражды к себе и своей родине. Нет для тебя оправдания в моих глазах, и не оправдает тебя история. И ты горько ошибаешься, если только думаешь, что имеешь дело с ничтожной горстью людей. Знай, что тобою тяготится все русское общество, но оно тобою запугано, оно прибито, и в этом все несчастие, твоя сила ослепляет тебя.

Должен упомянуть еще о следующем факте: Сабурова [71]) и Михайлова [72]) коснулось высочайшее помилование. Когда я узнал об этом, то от радости заплакал. Для меня несомненно, что они помилованы

*) Далее зачеркнуто: «готовы».

благодаря тому, что я раскрыл всю организацию. Но в том и беда, что я, кажется, одних только заменил другими. Вместо них будут казнены другие, преступления которых гораздо важнее. Так, например, они совсем теряются пред Ширяевым [73]), мною*), Квятковским [74]) и другими.

Но если бы вы, честные люди, чувствовали, как тяжело быть убийцей; знать и чувствовать, что ты лишил жизни такое же существо, как ты сам, что это существо так же хотело жить, как хочешь ты, что и для этого существа было, несомненно, в жизни столько дорогого же, сколько есть и для тебя, — тяжко и невыносимо. Нет, уж лучше пустить себе пулю в лоб, чем пустить другому, а если не в состоянии, то запрись, уйди и откажись от всего этого мира, чтобы не слышать и не видеть всего того, что кругом тебя совершается. Нет, я трижды достоин смерти, но не через повешение. Ой, как это для меня отвратительно, а посему я постараюсь выхлопотать для себя замены виселицы расстрелом; надеюсь, что удастся выхлопотать это.

О, если бы не было ни одной смертной казни!! Ведь я бы был счастливейшим человеком, я бы гордился, действительно, своей изменой и не ужаснулся бы уже, если бы даже и услышал от кого-либо слово «предатель». Ведь правительство этим выказало бы столько гуманности, столько благоразумия!! Оно бы заслужило любви и искренней преданности всего общества, оно бы в пух и прах этим разбило всю оппозицию, оно бы загладило все то, чем до сих пор вызывалась оппозиция, и я бы с гордостью и искренней преданностью назвал себя «верноподданным русского правительства». Но, увы, это мечта и мечта, которую я, к несчастию, раньше принял за могущую быть действительностью. Оно бы это, пожалуй, и сделало, но самолюбие не позволит.

Чем дальше я критикую причины, вызвавшие социальное движение у нас, тем с большим уважением я отношусь к гр. Лорис-Меликову. О, этот проклятый классицизм! О, ты, московская клика с Толстым и Катковым во главе! И сколько вреда, несчастий, страданий причинили вы своей родине!

Русский социалист! Есть люди из твоей же среды, люди честные, люди прекрасные, но которые тебя ненавидят, — так ты жалок в их глазах! И действительно, что может быть беднее, несчастнее русского социалиста? Я тебя не ненавижу, но мне больно за тебя и за себя тоже, — до того мы бедны, до того мы жалки. Ни знаний, ни развития, ни понимания жизни — ничего у нас нет, а хотим спасать других. О, молодость, о, юношеская самоуверенность и самонадеянность! Нет, не таким бы я был, если бы я все это сознал раньше. Сознай я это раньше, я бы всего себя отдал науке, я бы приобрел массу знаний и тогда бы выступил уже с громадной силой. Ведь у меня есть и способности, есть и охота, даже страсть к наукам, и с каким удовольствием, помню, я уединялся, рвал свободные минуты, чтобы удалиться и читать. Товарищи, братья, учитесь, учитесь, и тогда боритесь.

*) Далее зачеркнуто: «и».

Нет, паршиво, поганно я провел свою жизнь! Я теперь молю бога только об одном: чтобы правительство, наконец, поняло когда-нибудь, что оно силой ничего не сделает, что единственное счастие для него и для всей молодежи — это свобода слова. И какая сильная реакция должна быть среди молодежи, когда наступит эта счастливая минута. И как бы счастлив был я, если бы я мог сознать, что моя *) измена может ускорить подобную минуту.

Последние недели для меня тяжки и невыносимы; бывает неделя ужасного отчаяния, невыносимого состояния, затем наступает реакция, я делаюсь спокойнее, но это недолго продолжается, наступает период критики и анализа всего мною пройденного, и тогда тяжело, тяжело. Этот период сменяется другим — периодом мечты и фантазии, и думаешь о вчерашнем дне, а у меня ужасная преступная фантазия. Ведь, когда я совершил измену, то фантазия меня унесла в такое время, которое и через 25 лет не настанет, пожалуй. О, я несчастный, я думал изменой осчастливить и тех, кому изменил, и всю молодежь. Я думал так: сдам на капитуляцию все и всех, и тогда правительство не станет прибегать к смертным казням, а если последних не будет, то вся задача, по-моему, решена. Не будет смертных казней, не будет всех ужасов, два-три года спокойствия, — конституция, свобода слова, амнистия; все будут возвращены, и тогда мы будем мирно и тихо, энергично и разумно развиваться, учиться и учить других, и все бы были счастливы.

Конституция?! Объявило ли бы правительство конституцию, если бы не было террора? Не ведаю. Говорят, что **) председатель Кабинета Министров выработал проект конституции, но он лежит еще под спудом [75]). Но даст ли нам конституцию гр. Лорис-Меликов? Я думаю, что самой лучшей конституцией для нас в настоящую минуту будет уничтожение смертных казней. Главное только в том, чтобы правительство успокоилось, чтобы страсти улеглись, и тогда, может быть, и на нашей улице праздник будет. Гр. Лорис-Меликов думает, что я ему комплимент делаю, льщу, говоря: «я надеюсь, что граф успокоит умы, не даст разгореться гневу и страстям», и т. д. Мне крайне неприятно, если он так думает, но и я иначе думать не могу, ибо факт налицо. Я говорю о покушении на его жизнь. Ведь, он явился к государю и сказал, что учинил скандал на улице, дал пощечину человеку, а затем уже рассказал, что в него стреляли. Не говорит ли это в пользу моего мнения и надежды на него? Другой бы, ведь, выставил себя мучеником, потерпевшим за служение России, и требовал бы чуть ли не причисления к лику святых. Или, например, сопоставить слова, сказанные им и Панютиным. Последний мне сказал: «государь 20 лет терпел, — будет!» Граф же, кроме государя, еще упомянул и об отечестве, которому он служит и для которого он готов пожертвовать и жизнью ***).

*) Далее зачеркнуто: «минута».

**) Далее зачеркнуто: «у».

***) Этим оканчивается текст, причем на полях сделана карандашом пометка (не рукой Гольденберга): «Конец». После этого идут 4 чистых листа, и на следую-

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Текст публикуемой здесь «Исповеди» воспроизводится по подлиннику, собственноручно написанному Г. Д. Гольденбергом (Архив Революции и Внешней Политики, фонд III отделения собств. его вел. канц. 1880 г., № 36—6).

[2]) «Московский взрыв» — покушение на Александра II под Москвою на Московско-Курской железной дороге 19 ноября 1879 г., организованное Исполнительным Комитетом Народной Воли.

[3]) Обстоятельства ареста Гольденберга подробно освещены во вступительной статье. Кроме динамита при нем нашли: под подкладкой жилета — 250 руб. и в кошельке — 30 руб. 69 коп. денег, а в карманах — письмо на осьмушке листа почтовой бумаги, неизвестно кому адресованное, письмо на листе почтовой бумаги, разорванное на три части и заключавшее воззвание «К братьям рабочим городагодатской дружины», десять клочков изорванной Гольденбергом при обыске записки с условными математическими знаками, шестизарядный револьвер и т. п. (дело 3 эксп. III отделения, № 668 за 1879 г., ч. I., л. л. 11—20).

Перевозившийся Гольденбергом динамит был упакован в чемодане и ручном саквояже. Выехав 13 ноября 1879 г. из Одессы, он весь запас динамита вез с собою в вагоне до ст. Бирзулы, где сдал его в багаж до ст. Елисаветград с намерением в Елисаветграде переотправить его в Курск.

[4]) Гольденберг отправлен из Елисаветграда в Одессу, в распоряжение одесского генерал-губернатора, 27 ноября 1879 г. См. об этом во вступительной статье.

[5]) Тотлебен, Эдуард Иванович (1818—1884),—граф, военный инженер, генерал-адъютант, главнокомандующий действующей армией в 1878 г. в русско-турецкую войну, одесский генерал-губернатор в 1879—1880 гг., специально назначенный для борьбы с революционным движением.

[6]) Панютин, С. — правитель дел канцелярии одесского генерал-губернатора, ближайший и облеченный неограниченным доверием помощник графа Тотлебена.

[7]) Предательская роль Ф. Ег. Курицына оставалась неизвестной до статьи Р. А. Стеблин-Каменского о Г. А. Пошко, напечатанной в 1895 г. в «Материалах для истории русского соц.-револ. движения» (Женева), и сделалась совершенно очевидной с опубликованием в «Былом» (1907, VI—VII) секретного «Свода указаний, данных некоторыми из арестованных по делам о государственных преступлениях». В 1908 г. Курицын, бывший тогда губернским ветеринарным инспектором в Ташкенте, убит эсером Гринбергом.

[8]) Малинка, Виктор Алексеевич, сын землевладельца, уроженец Малороссии, кончил полтавскую гимназию, студент-юрист Одесского и Киевского университетов, вольноопределяющийся резервного батальона в Киеве в 1877 г. Вместе с Л. Дейчем в июне 1876 г. покушался на жизнь предателя Николая Гориновича. Арестован 2 сентября 1877 г. за пропаганду, бежал из-под ареста на другой день и снова арестован в Харькове 17 октября 1877 г. Во время его нахождения в тюрьме была установлена его причастность к покушению на Н. Гориновича. Ему уже была вручена копия обвинительного акта, когда после выстрела А. К. Соловьева 2 апреля 1879 г. последовали объявление одесского округа на военном положении и учреждение генерал-губернаторства. В целях более суровой и беспощадной борьбы с революционным движением граф Тотлебен придал изданным весною

щем, 5-м по счету, который является второй половиной к тому листу, где помещен текст, находящийся в нашем изд. на стр. 168—170, находится 26—27 густо зачеркнутых строк текста, восстановить которых не удалось. После чего следует: «Из всего сказанного вами во время вашего последнего посещения П[етро]-П[авловской] к[репости] я... не не по моей злой воле, могут ей подвергнуть я»,— т. е. отрывок из письма Гольденберга на имя Лорис-Меликова от 5 июня 1880 г., которое полностью приведено в прим. 68, см. ниже стр. 182.

1879 г. чрезвычайным законам обратную силу и предал Малинку военному суду для суждения по законам военного времени, несмотря на то, что приписываемое ему преступление было совершено еще в 1876 г. Приговором Одесского военно-окружного суда от 3 декабря 1879 г. Малинка приговорен к смертной казни и 7 декабря 1879 г. повешен в Одессе.

[9]) Дробязгин, Иван Васильевич,—сын сельского дьякона Херсонской губ., студент Одесской духовной семинарии, откуда был исключен за «неблагонадежность». В 1874 г. вел пропаганду среди штундистов Херсонской губ., за что отбыл тогда шестимесячное тюремное заключение. В 1875—1876 гг. состоял членом киевского кружка пропагандистов, к которому также принадлежал Н. Горинович, оговоривший из мести Дробязгина, не принимавшего участия в покушении. Как и к Малинке по распоряжению Тотлебена, к Дробязгину была применена обратная сила закона 1879 г. Судился вместе с Малинкой, приговорен к смертной казни и 7 декабря 1879 г. повешен в Одессе.

[10]) Майданский, Лев (Лейб) Осипович—елисаветградский уроженец, военный фельдшер 7-го белорусского гусарского полка, квартировавшего в Елисаветграде. Не принимая активного участия в революционном движении 1870-х годов, Майданский, однако, весьма сочувственно относился к его деятелям и оказывал им разные мелкие услуги, как предоставление своей квартиры для ночлега, разрешение пользоваться его адресом для переписки и связей и т. п. Оговорен Н. Гориновичем, который в мае 1876 г. останавливался у него в Елисаветграде; к покушению не имел никакого отношения. Судился вместе с Малинкой и Дробязгиным и повешен 7 декабря 1879 г. в Одессе.

[11]) В подлинном тексте показания Гольденберга от 15 января 1880 г. слова «с позволения сказать» отсутствуют. Считаем необходимым указать, что, как здесь, так и ниже, мы отмечаем только те расхождения текстов показаний Гольденберга с его цитатами в «Исповеди», которые по существу до некоторой степени искажают смысл и тон его показаний. 15 января 1880 г. Гольденберга допрашивали начальник Одесского жандармского управления полковник Першин и тов. прокурора Одесского окружного суда А. Ф. Добржинский.

[12]) В показании эта мысль выражена несколько иначе: «насколько они содействуют разрушению ныне существующей правительственной организации».

[13]) Процитированный здесь Гольденбергом отрывок из показания от 15 января 1880 г., как и приводящиеся в «Исповеди» ниже отрывки из других его показаний, убеждают нас в том предположении, что в Трубецком бастионе Гольденбергу была предоставлена, помимо прочих, льгота: видимо, в бастионе Гольденбергу выдавались копии его показаний.

[14]) Кропоткин, Дмитрий Николаевич—князь, свиты его величества генерал-майор, харьковский губернатор, с именем которого связаны жестокости в обращении с политическими заключенными, содержавшимися в подведомственных ему каторжных централах Харьковской губ. (Ново-борисоглебском и Ново-белгородском), 9 февраля 1879 г. на него покушался Гольденберг. От полученных ран умер 16 февраля 1879 г.

[15]) Фомин, Петр Никифорович — нелегальное имя революционера Медведева, Алексея Федоровича (род. 1852 г.). Арестован 2 июня 1878 г. в Харькове за попытку освобождения П. Войнаральского при переводе его в каторжный централ, 28 августа того года вместе с 11 уголовными бежал из харьковской тюрьмы, но вскоре был пойман и избит. Судился 21 февраля 1879 г. в Харьковском военно-окружном суде и приговорен к бессрочной каторге. До 1885 г. содержался в Тобольской каторжной тюрьме, Омской тюрьме и Петропавловской крепости. В 1885—1891 гг. находился на Каре.

[16]) Показание свое 2 февраля 1880 г. Гольденберг давал тем же лицам: полковнику Першину и тов. прокурора Добржинскому. Как видно из подлинного протокола допроса, Гольденберг, сам вызвавшись давать показания, для допроса был приглашен в контору тюрьмы.

[17]) Брошюра «Заживо погребенные. К русскому обществу от политических каторжников» (С.-Петербург, 1878 г., печатано в «Петербургской вольной типографии)» — принадлежит перу А. В. Долгушина, в 1921 г. переиздана в Ленинграде Государственным издательством.

[18]) В 1878 г. в Харьковском ветеринарном институте, по инициативе проф. Журавского, была сделана попытка ввести для слушателей обязательные еженедельные репетиции, вызвавшая бурный протест со стороны всего местного студенчества. Для ликвидации академических беспорядков кн. Кропоткин прибег к помощи вооруженной полиции и казаков, которые избили студентов. Подробнее об этих беспорядках см. в №№ 2 и 3 «Земли и Воли».

[19]) Зуров, Александр Эльпидифорович — генерал-майор, петербургский обер-полицмейстер. Студенческие волнения в столице в 1878 г. явились непосредственным отголоском харьковских событий. От имени всего студенчества был составлен адрес на имя наследника престола, будущего императора Александра III, в котором дана была характеристика отношений административной власти к справедливым требованиям студенчества. Для вручения адреса наследнику было организовано демонстративное шествие студентов к Аничкову дворцу, закончившееся вмешательством полиции с градоначальником Зуровым во главе, многочисленными арестами и избиениями студентов казацкими нагайками. Текст адреса и описание шествия и расправы см. в № 2 «Земли и Воли».

[20]) Мартенс — харьковский вице-губернатор, ближайший помощник кн. Кропоткина.

[21]) В показании Гольденберга от 2 февраля 1880 г. далее следует фраза: «за что я, конечно, еще больше возненавидел князя».

[22]) Дрентельн, Александр Романович (1820—1888) — генерал-адъютант, генерал-от-инфантерии, шеф жандармов и главный начальник III отделения в 1878—1880 гг.; с 1881 г. киевский генерал-губернатор.

[23]) Питра, Адольф Самойлович — профессор и ректор Харьковского университета.

[24]) «Исполнительный Комитет русской социально-революционной партии» 1878—1879 гг., возглавлявшийся Вал. Осинским.

[25]) В показании от 2 февраля 1880 г. далее следует фраза: «а место это находится на углу Полукруга и переулка, кажется, Нетеченского; там находится углубление для стока воды».

[26]) Последняя фраза показания построена иначе: «Часа два гулял по улицам Харькова, дабы успокоиться и притти в себя от того тревожного состояния, в котором находился больше двух месяцев».

[27]) «Фактическая сторона» покушения на кн. Кропоткина далеко не такова, как ее рисует Гольденберг в данном показании. Он умолчал здесь о главном — об участниках покушения, каковых, как известно, было много. Ближайшее участие в покушении приняли Л. Кобылянский, А. А. Зубковский и Л. А. Волкенштейн. Как инициативу покушения, так и организацию его Гольденберг берет здесь всецело на себя. В действительности же, организацией этого акта руководил «Исполнительный Комитет русской социально-революционной партии». Подробнее обо всем этом рассказал сам Гольденберг в своих позднейших откровенных показаниях. См. там же «Процесс 16 террористов», под ред. В. Бурцева, 1907 г., изд. «Донской Речи»; «Свод указаний, данных некоторыми из арестованных по делам о государственных преступлениях» в журнале «Былое», кн. VI—VIII за 1907 г.; показания Л. А. Волкенштейн в ее книге: «Из тюремных воспоминаний», Л. 1925 г., стр. 14—17; «Хроника социалистического движения в России 1878—1887 гг.», М. 1907 г., стр. 38—40.

[28]) В показании эта фраза читается: «в скором времени, по-моему, совершенно незаметно для рода человеческого, должен...»

[29]) Слова: «всеми своими мерами» в показании заменены словами: «всеми жестокими и бесчеловечными преследованиями».

[31]) В числе приведенных здесь требований нет параграфа об «общем переделе земли в пользу крестьян», на чем он настаивал в показании от 15 января 1880 г. (ср. § 13 и стр. 150 настоящей публикации).

[31]) Гольденберг имеет, очевидно, в виду прокламацию «К обществу», датированную 28 февраля 1879 г. и воспроизведенную в № 4 «Земли и Воли». Эта прокламация распространялась и в виде отдельной листовки, отпечатанной в «Петербургской вольной типографии» землевольцев. (Ср. «Революционная журналистика семидесятых годов», изд. «Донской Речи», стр. 226—228.) По поводу покушения на кн. Кропоткина в той же типографии была отпечатана еще другая прокламация под заглавием «Казнь Кропоткина», датированная 11 февраля 1879 г.

[32]) 7 февраля 1880 г. Гольденберга допрашивали те же — полковник Першин и тов. прокурора Добржинский. Значительнейшая часть показания посвящена ответам Гольденберга на вопросы допрашивавших относительно целого ряда деталей покушения на кн. Кропоткина, причем Гольденберг попрежнему брал все на себя; в конце же своего показания он неожиданно «отказался от убийства Кропоткина»: «В субботу, 2 февраля 1880 г., мною было заявлено, что я убийца кн. Кропоткина. Ныне же от этого отказываюсь. Взял же я на себя это дело вот почему. Убийца кн. Кропоткина мой личный друг и приятель. Между мной, им, сотоварищем его по этому делу было сделано такое условие: кто из нас раньше будет арестован по какому-либо серьезному делу, тот может взять на себя убийство князя Кропоткина, дабы, во-первых, иметь возможность лично высказать правительству те чувства и мысли, которые заставляют нас говорить или стоять за политические убийства и высказаться непременно в пользу конституции, а, во-вторых, чтобы на суде выяснить факт избиения студентов нагайками и т. п. безобразия, которые творятся в центральных тюрьмах. Мне тем легче было это сделать, так как убийство кн. Кропоткина приписывается мне, как убийство Гейкинга — Валериану Осинскому, а убийство Мезенцева — Дейчу. Кроме того я хотел освободить убийцу от ответственности, так как мне все одно угрожает смертная казнь. Но тем не менее не отказываюсь от всего того, что изложено мною в показаниях: тем действительно руководился убийца Кропоткина. Был бы счастлив, если бы правительство обратило внимание на мои показания и убедилось, что так думают и чувствуют все честные люди в России».

[33]) Допрос 26 февраля 1880 г. касался двух интересовавших жандармов вопросов: поездки Гольденберга из Одессы в Москву с динамитом и содержания его телеграммы, отправленной им из Елисаветграда за подписью Максимова перед арестом в Одессу на имя Михаила Федоровича Сидоренко. Смысл телеграммы Гольденберг отказался объяснить, как равно не указал скрывавшегося под этою фамилиею Н. Н. Колодкевича.

[34]) Типография «Народной Воли» в Саперном переулке в Петербурге была захвачена в ночь на 18 января 1880 г., чернопередельческая типография на 14-й линии Васильевского острова — в ночь на 28 января того же года.

[35]) Гольденберг говорит об аресте лиц, связанных работой в обнаруженных типографиях. Народовольцы: Н. Бух, Л. Цукерман, С. Иванова, М. Грязнова; чернопередельцы: И. Пьянков, М. Крылова, Н. Короткевич и др.

[36]) Наборщик типографии «Народной Воли» Лубкин (кл. «Абрам») застрелился в момент ареста типографии в ночь на 18 января 1880 г.

[37]) Слухи об убийстве Л. Гр. Дейча, дошедшие до Гольденберга сквозь тюремные стены, были неверны: разгром типографии в январе 1880 г. его не коснулся, зимою того года вместе с Г. В. Плехановым и В. И. Засулич Л. Гр. Дейч эмигрировал за границу.

[38]) Гедель — немецкий рабочий, стрелявший в 1878 г. в германского императора Вильгельма I.

[39]) «Житомирский процесс» — процесс Иосифа Бильчанского, Платона Горского, Александра Овчинникова, Яна Зубржицкого и др., рассматривавшийся Киевским военно-окружным судом 7—14 июля 1879 г. Обвиняемым инкриминиро-

вались ряд экспроприаций и убийство в Житомире в 1879 г. шпиона Тараса Курилова. Почти всех обвиняемых выдал и деятельность житомирского кружка осветил крестьянин Севастьян Строганов, который «ввиду искреннего раскаяния и полного сознания» был судом оправдан. Главные обвиняемые — Бильчанский и Горский—были приговорены к смертной казни и повешены в Киеве 18 июля 1879 г.

[40]) «Процесс коссаровцев» — процесс Людвига Брантнера, Влад. Свириденко (Антонов), В. Дебагория-Мокриевича, Р. А. Стеблин-Каменского, братьев Ивана и Игната Ивичевичей и др., рассматривавшийся в Киевском военно-окружном суде в мае 1879 г. Название «коссаровцев» происходит от фамилии владельца дома в Киеве, в котором участники процесса были арестованы 11 февраля 1879 г. после оказанного ими вооруженного сопротивления. Бабичева — курсистка, член кружка киевских террористов; после ареста дала откровенные показания и явилась главной свидетельницей обвинения на процессе «коссаровцев». По этому делу Брантнер и Антонов (нелег. Свириденко) были приговорены к смертной казни и повешены в Киеве 14 мая 1879 г.

[41]) Осинский, Валериан Андреевич, уроженец Ростовского уезда Екатеринославской губ., сын богатых родителей, кончил таганрогскую гимназию, студент института инженеров путей сообщения в Петербурге в 1875—1876 гг., секретарь уездной земской управы и городской управы в Ростове (Екатеринбургской губ.), известный революционер 1870-х годов, глава южных террористов в 1878—1879 гг., вождь первого «Исполнительного Комитета русской социально-революционной партии». Арестован в Киеве 24 января 1879 г. Судился вместе с Софьей Лешерн и Варфоломеем Волошенко в Киевском военно-окружном суде в мае 1879 г. Повешен в Киеве 14 мая 1879 г.

Вередницкий (Веледницкий) — член кружка киевских террористов, разоблачивший деятельность организации и своими откровенными показаниями особенно много содействовавший вынесению смертного приговора Осинскому.

[42]) Чубаров, Сергей Федорович — дворянин, сын землевладельца Пензенской губ., студент Петровской земледельческой академии, откуда исключен за участие в студенческих беспорядках 1869 г. В 1876—1878 гг. — видный революционер юга России, один из инициаторов тогдашнего террора. Его процесс, известный в литературе под именем процесса 28, рассматривался в Одесском военно-окружном суде 22 июля —5 августа 1879 г. Вместе с ним судились Д. А. Лизогуб, С. Виттенберг, И. Давиденко, И. Логовенко, Г. А. Попко, Г. И. Фомичев и др.— основное ядро тогдашней террористической организации в Одессе и Николаеве. Из числа судившихся приговорены к смертной казни и повешены: Чубаров, Лизогуб и Давиденко в Одессе 10 августа 1879 г., а Виттенберг и Логовенко в Николаеве 11 августа 1879 г. Упоминаемые Гольденбергом Николай Суворов, Андрей Михайлович Баламез, Петр Никитин и Михаил Скорняков — предатели по процессу 28. Суворов и Скорняков отделались незначительными наказаниями, а Баламез и Никитин, судившиеся вместе с Чубаровым и др., приговорены, несмотря на их раскаяние, к каторжным работам: первый — 12 лет, второй — 8 лет, отбывавшиеся ими на Каре. Баламез после помилования в 1888 г. эмигрировал в Болгарию, где занялся журналистикой.

[43]) Краев — елисаветградский адвокат, в квартире которого собирались местные революционеры. Судился вместе с названными лицами и, несмотря на свои откровенные показания, был приговорен к каторжным работам.

[44]) Под процессом «кишиневцев» Гольденберг, видимо, имеет в виду процесс М. Я. Геллиса, Н. Л. Властопуло, Е. Южаковой, А. Говорухина, Е. И. Минакова и других, в числе 19 человек, рассматривавшийся в Одесском военно-окружном суде 26 марта — 1 апреля 1880 г., когда Гольденберг находился в тюрьме. Подсудимые обвинялись в агитационной деятельности в Кишиневе и расклейке революционных прокламаций.

На Николая Гештофта, шпионская деятельность которого вскрылась в начале 1879 г., 8 февраля этого года было произведено покушение. Этот факт стал

предметом самостоятельного процесса, рассматривавшегося в Одесском военно-окружном суде 26 июня 1879 г.; обвинялись Е. И. Минаков и А. Говорухин.

[45]) Блинов, Митрофан — член харьковского народовольческого кружка, оговоривший всех лиц, причастных к кружку, как то: И. Глушкова, А. Преображенского, П. Теллалова, А. Сыцянко, Я. Кузнецова и др. В значительной степени его показания способствовали созданию процесса 13 (А. Сыцянко, Е. Легкий и др.), который рассматривался в Харьковском военно-окружном суде 22 сентября — 2 октября 1880 г.

[46]) Взрыв полотна Московско-Курской железной дороги под Москвой.

[47]) Взрыв Зимнего дворца, осуществленный под руководством Исполнительного Комитета Народной Воли Ст. Халтуриным 5 февраля 1880 г.

[48]) Фролов — известный в то время палач.

[49]) Покушение А. К. Соловьева на Александра II 2 апреля 1879 г., в организации которого, между прочим, Гольденберг принимал живейшее участие.

[50]) Гольденберг, очевидно, полагал, что с арестом народовольческой и черно-передельческой типографий в январе 1880 г. прекратится издание центральных органов обеих партий («Народная Воля» и «Черный Передел»).

[51]) Чертков, Михаил Иванович (1829—1905) — генерал-адъютант, генерал от кавалерии, в 1879—1880 гг. киевский генерал-губернатор.

[52]) Лорис-Меликов, Михаил Тариелович (1825—1888),—граф, генерал-адъютант, харьковский генерал-губернатор в 1879—1880 гг., главный начальник Верховной распорядительной комиссии в 1880 г. и министр внутренних дел в 1880—1881 гг. К руководству внутренней политикой России Лорис-Меликов был призван после попытки взрыва Зимнего дворца С. Халтуриным. Ему были предоставлены чрезвычайные диктаторские права в деле успокоения страны. Заигрывая с либералами, он в то же время не останавливался ни перед какими решительно мерами строгости в отношении революционеров. Как облеченный полнотой власти «диктатор», он лично принимал участие в следствиях по важнейшим политическим делам 1880 г. Так, например, он лично являлся в тюрьмы для собеседования и допроса Гольденберга, Оболешова-Сабурова, А. Д. и др.

[53]) «Верховная распорядительная комиссия для поддержания государственного порядка и общественного спокойствия» учреждена 12 февраля 1880 г. и просуществовала до 6 августа того же года. Особым указом от 3 марта 1880 г. председателю ее гр. Лорис-Меликову непосредственно было подчинено III отделение.

[54]) 20 февраля 1880 г. Ипполит Иосифович Млодецкий стрелял в гр. Лорис-Меликова. По этому поводу 23 февраля 1880 г. Исполнительный Комитет Народной Воли опубликовал официальное извещение, что Млодецкий предложил Исполнительному Комитету свои услуги для террористического акта, но не дождался решения Комитета и осуществил этот акт за свой риск и страх. На другой же день, 21 февраля 1880 г., дело Млодецкого слушалось в Петербургском военно-окружном суде. Сам Лорис-Меликов утвердил приговор и отвергнул все просьбы о помиловании со стороны разных лиц, заявив последним, что, направляя оружие против его личности, Млодецкий направлял оружие против основ государственного строя, а потому не заслуживает никакого снисхождения. 22 февраля 1880 г. Млодецкий повешен на Семеновскому плацу.

[55]) Гейкинг — барон, адъютант начальника киевского губернского жандармского управления Павлова, фактический его начальник. 25 мая 1878 г. на него было Г. А. Попко произведено покушение; 29 мая Гейкинг скончался от полученных ран.

[56]) Котляревский — тов. прокурора округа Киевской судебной палаты. 23 февраля 1878 г. на него было произведено неудачное покушение, в организации которого принимали участие Ив. Ивичевич, Вал. Осинский, П. Н. Фомин-Медведев и др. Впоследствии Котляревский вел следствия и по народовольческим делам.

[57]) Факт подачи прошения о помиловании Малинкою и Майданским в литературе еще не отмечался. Гольденберг мог узнать об этом только со слов допрашивавших его полковника Першина или тов. прокурора Добржинского.

[58]) Об этих хождениях к Гейкингу см. у Л. Дейча «Четыре побега». М., Госиздат, 1926 г.

[59]) Поликарпов, Константин — студент Киевского университета. 4 марта 1880 г. произвел неудачное покушение в Киеве на уличенного в шпионстве Льва Забрамского и тут же покончил самоубийством.

[60]) Юрковский, Федор Николаевич (кл. «Сашка-инженер») (1851—1896), студент Технологического института и Медико-хирургической академии, главный участник подкопа под херсонское казначейство в 1879 г. Арестован 7 марта 1880 г. Судился в июле 1880 г. в Киевском военно-окружном суде; осужден на 20 лет каторжных работ. В 1881—1884 гг. находился на Каре, в 1884—1896 гг. — в Шлиссельбурге.

[61]) Диковский, Сергей Дорофеевич (род. 1857 г.; ум. в 1900-х гг.) — сын священника, студент Одесского университета, народный учитель, активный деятель киевского революционного кружка 1879—1880 гг., организованного М. Р. Поповым. Арестован 7 марта 1880 г. Судился в Киевском военно-окружном суде в июле 1880 г. по делу М. Р. Попова и др. Приговорен к 20 годам каторги. До 1892 г. находился на Каре, позже — в Якутской области.

Факт, о котором рассказывает Гольденберг, относится к моменту ареста Диковского. Разыскивая последнего и располагая сведениями, что он скрывается в форме переодетого артиллерийского офицера в деревне Козловке, Путивльского уезда, Курской губ., жандармский офицер 7 марта 1880 г. явился в деревню для обыска у отставного капитана Михаила Стаховского.

Жандармский офицер нашел Михаила Стаховского смертельно раненым его отцом за укрывательство революционеров и снабжение Диковского офицерским платьем. После ранения своего сына старик Стаховский смертельно ранил самого себя. Среди лиц, ухаживавших за ранеными Стаховскими, жандармский офицер встретил некоего Георгия Головлева, оказавшегося впоследствии С. Диковским.

[62]) Возможно, что переговоры о выдаче французским правительством арестованного в Париже 3 февраля 1880 г. Льва Гартмана Гольденберг принял за переговоры о заключении конвенции.

[63]) Казнь 5 марта 1880 г. в Киеве О. И. Розовского и Мелентия Лозинского, которая вызвала особое возмущение в широких кругах общества, так как несовершеннолетний Розовский был признан виновным только в том, что хранил у себя прокламации.

[64]) Добржинский, А. Ф. — товарищ прокурора Одесского окружного суда в 1878—1880 гг., сделавший на Гольденберге свою карьеру. Вместе с Гольденбергом весною 1880 г. был переведен в Петербург, где впоследствии специализировался на народовольческих делах.

[65]) 26 августа — день коронации Александра II. Очевидно, к этому дню Добржинский в разговорах с Гольденбергом приурочивал «реформы».

[66]) Слова о «предательстве» Гольденберг услыхал, видимо, от А. И. Зунделевича.

[67]) Шмидт, Никита Кондратьевич — управляющий III отделением.

[68]) Прошение-письмо Гольденберга на имя Лорис-Меликова сохранилось в архиве бывш. III отделения (д. III эксп., 1879 г., № 668). Оно безусловно важно при оценке действий Гольденберга и дополняет «Исповедь», почему приводим его целиком.

«5 июня 1880 г.

«Ваше сиятельство.

«Некоторые процессы за последнее время дали мне возможность убедиться, что правительство обыкновенно смягчает наказания для тех из подсудимых, которые сознаются в своих преступлениях и которые, главное, выдают всех своих

сообщников. И так как наш процесс должен рассматриваться в скором времени, следовательно, должен решиться не только вопрос о жизни и смерти моих товарищей, не только вопрос о том — быть ли мне убийцей кого-либо из них или же спасти их от смерти, но также и то, чему быть в нашем отечестве — мирному и спокойному развитию или же опять тем ужасам, свидетелями которых мы уже были — и так как меня в последнее время охватило какое-то сомнение и боязнь за участь моих товарищей, то ввиду всего этого я прошу ваше сиятельство не миловать меня, если бы вы, паче чаяния, почему-либо нашли, что спокойствие может быть водворено только ценою нашей крови. Считая неуместным здесь говорить о том, насколько подобное положение верно и справедливо, т.-е. насколько кровопролитие может послужить к благу России, я только прошу ваше сиятельство принять меня как жертву искупления, если только это возможно, но ни в каком случае не делать для меня каких-либо исключений. Я лучше предпочитаю моментальную славную смерть постыдной мучительной жизни, а то и насильственной страшной смерти. Думаю, что подобная просьба не покажется странной вашему сиятельству, если вы только верите в искренность и чистоту моих побуждений, если вы верите, что я не искал и не ищу для себя каких-либо смягчений, не хотел и не хочу жить на счет жизни дорогих мне товарищей и если только верить как бы для меня была тяжка жизнь при смерти хоть одного из моих товарищей. Нет, ваше сиятельство, одно только искреннее и горячее желание не слышать и не видеть всех тех душураздирающих сцен, как смертные казни и всевозможные убийства, одно только желание прекратить последние предупреждением первых и одно только желание прекратить все эти преследования, аресты, ссылки и одна только сильная вера в вас ведет меня к такому образу действий. Могу уверить ваше сиятельство, что при казни хоть одного из моих товарищей самым лучшим и более для меня желательным приговором будет — смертная казнь и для меня, также это вам нетрудно будет сделать, если только будете смотреть на меня, как на кающегося грешника, не как на человека, который желал уничтожить те элементы, которые нарушают спокойствие правительства, я прошу ваше сиятельство смотреть на меня как на человека с теми же революционными стремлениями и убеждениями, так же тяготящегося всем ныне существующим настроением вещей, как тяготился им раньше, но у которого, благодаря несчастному стечению обстоятельств, сложились понятия, что измена, т.-е. раскрытие всей организации и т. д. может без кровопролития и жертв повести к изменению всех ныне существующих условий нашей жизни и замене их более соответствующими общественным нуждам и интересам молодежи. Льщу себя надеждой, что вы меня поймете и не откажете в моей просьбе.

«Из всего сказанного вами во время вашего последнего посещения Петропавловской крепости я нашел, что просить вас о том, чтобы вы меня не миловали при смерти хоть бы одного из моих товарищей — незачем, так как оно сделается само собою помимо моей просьбы. Мои преступления столько велики и тяжки, что я и не дерзал думать о каком-либо помиловании. Я прошу вас только о следующем: во-первых, заменить для меня, если возможно, смертную казнь через повешение — расстрелом, а во-вторых, приказать казнить меня первым, дабы не быть свидетелем смерти тех дорогих мне товарищей, которые, благодаря одним только несчастным обстоятельствам, но не по моей злой воле, могут ей подвергнуться.

«Как из вступления моего к показаниям, данным мною 5 мая 1880 г., так и из других источников — вы сумели достаточно познакомиться с теми мотивами и побуждениями, которыми руководствовался я, решившись дать подробные показания, а посему я здесь вас утомлять повторением того же не буду. Я желаю только убедить ваше сиятельство, что ни на одну секунду я не останавливался на мысли о том, какая участь постигнет меня».

---

[69]) Зунделевич, Арон Исаакович (1854—1923) — землеволец и народоволец, крупный организатор, специально занимался устройством подпольных типографий, транспортировкой партийной литературы, перевозкой нелегальных товарищей через границу. Арестован 28 октября 1879 г. в Петербурге. Судился в 1880 г. по процессу 16 народовольцев, по которому приговорен к бессрочной каторге. До 1898 г. находился на Каре, позже вернулся из Сибири и эмигрировал в Лондон, где жил до смерти и примкнул к социал-демократам. Об его свиданиях с Гольденбергом в Петропавловской крепости см. во вступительной статье.

[70]) К тому времени, когда Гольденберг писал свою «Исповедь», «уничтожение классицизма» выразилось всего лишь в отставке, по требованию Лорис-Меликова, министра народного просвещения графа Д. А. Толстого.

[71]) Оболешов, Алексей Дмитриевич (нелег. фам. — Сабуров) — землеволец, судившийся по процессу 12 в Петербургском военно-окружном суде в мае 1880 г. по обвинению в соучастии в убийстве Н. В. Мезенцева. Смертный приговор Сабурову гр. Лорис-Меликов заменил каторжными работами на 15 лет.

[72]) Михайлов, Адриан Федорович (род. 1853 г.) — землеволец, участник убийства Н. В. Мезенцева, судился вместе с Оболешовым по процессу 12 в мае 1880 г. Смертный приговор гр. Лорис-Меликов заменил ему каторжными работами на 20 лет. До 1894 г. находился на Каре, позже — на поселении в Забайкальской области, в 1907 г. вернулся в Европейскую Россию.

[73]) Ширяев, Степан Григорьевич (1856—1881), — сын крепостного, народоволец, один из деятельнейших партийных техников, участник взрыва 19 ноября 1879 г. Арестован 4 декабря 1879 г. в Петербурге. Оговорен, главным образом, Гольденбергом. Судился по процессу 16 народовольцев в 1880 г. Смертная казнь заменена бессрочными каторжными работами. Умер 18 августа 1881 г. в Алексеевском равелине. Его автобиографическую записку, противопоставленную им показаниям Гольденберга, см. в VII т. «Красного Архива» (1924 г.).

[74]) Квятковский, Александр Александрович — народоволец, судился вместе с Ширяевым по процессу 16. Вынесенный ему военным судом смертный приговор был утвержден командующим Петербургским военным округом ген. Костанда, и 4 ноября 1880 г. Квятковский был повешен в Петропавловской крепости. Его автобиографическую записку см. в «Красном Архиве», т. XIV (1926 г).

[75]) Этот факт показывает, насколько Гольденберг, находясь в изолированной камере Трубецкого бастиона, был осведомлен о всем том, что делалось за кулисами Верховной распорядительной комиссии.

Финал процесса 193.

Предавая суду деятелей 1874 и предшествующих годов, творцы процесса 193, конечно, не сомневались в том, что особое присутствие Сената самым суровым образом расправится, по крайней мере, с главными подсудимыми. И эта уверенность не оставляла их до самого конца процесса, как видно, например, из письма гл. начальника III отделения Н. В. Мезенцова к министру юстиции К. И. Палену от 9 января 1878 г. (т.-е. за две недели до приговора), в котором Мезенцов, вследствие предстоявшего по окончании дела о пропаганде «отправления значительного числа осужденных в центральные каторжные тюрьмы» [разрядка наша. *Ш. Л.*] и в связи с предположениями революционеров об освобождении их в пути [1]), ставил вопрос о наложении в данном случае, вопреки существующим законоположениям, «на государственных преступников — мужчин, присужденных к каторжным работам, во время их пересылки ножных оков» [2]).

Ввиду таких ожиданий приговор, вынесенный особым присутствием Сената, после трехмесячного разбирательства дела, 23 января 1878 г., неизбежно должен был разочаровать заинтересованных представителей правительства, так как особое присутствие хотя и признало многих подсудимых подлежащими, «по закону», весьма тяжким наказаниям [3]), тем не менее сочло необходимым представить на усмотрение царя значительно смягченный приговор, основываясь в своем ходатайстве, главным образом, на факте долговременного предварительного заключения осужденных.

III отделение поэтому выступило — в особом докладе царю — с резкой критикой приговора. А в министерстве юстиции, по инициативе самого ли Палена или, может быть, даже по указанию свыше, вскоре после процесса было приступлено к фактическому пересмотру решения суда. Отдельные этапы этой своеобразной работы министерства и освещаются, в первую очередь, публикуемыми ниже документами.

---

[1]) Мезенцов ссылался при этом на переписку, отобранную у В. П. Чепурновой: «Из переписки, отобранной недавно у одной личности, оказывается, что для освобождения добывались уже и деньги и что ожидается только произнесение приговора, чтобы затем при отправке осужденных непременно приступить к делу» (ср. сообщение Р. М. Кантора в «Красном Архиве», т. V, стр. 129—163).

[2]) Вопрос был решен в положительном смысле (ЛЦИА, дело мин-ва юстиции № 7180, л. л. 284—289; ср. «Былое» № 26 (1924), стр. 100, и «Каторга и Ссылка» 1924, № 4 (11), стр. 140).

[3]) 28 человек были признаны подлежащими каторге от 3 л. 4 м. до 10 л., трое — ссылке на поселение, 18 человек — ссылке на житье в Сибирь, 18 человек — ссылке на житье в отдаленные губернии, кроме сибирских, и т. д. (всего было осуждено 100 человек). См. приговор особого присутствия в сборнике В. Базилевского (Богучарского) «Государственные преступления в России в XIX веке», т. III, стр. 283—302 русского издания.

Первой печатается записка тогдашнего директора департамента министерства юстиции (впоследствии, в 1885—1893 гг., министра юстиции) Ник. Авкс. Манасеина, отражающая первоначальные, наиболее неблагоприятные для осужденных предположения министерства. Вслед за запиской Манасеина печатаются заметки составителя обвинительного акта, выступавшего также обвинителем на суде, тов. обер-прокурора угол. касс. департамента Сената Владислава Ант. Желеховского [1]), в которых последний пытается обосновать, для каждого подсудимого или группы подсудимых отдельно, правильность и целесообразность намеченных в министерстве юстиции наказаний.

Третий документ, полученный министерством юстиции от Мезенцова, знакомит с планами III отделения относительно ряда подсудимых, преимущественно из числа тех, кому Сенат предлагал вменить в наказание предварительный арест.

Еще до получения «ведомости» III отделения министерство юстиции подвергло пересмотру первоначальные свои предположения. Как видно из приготовленного в министерстве к 25 апреля 1878 г. для отправки в III отделение отношения [2]), главная особенность нового проекта министерства заключалась в том, что им вводилось у с л о в н о е утверждение сенатского приговора «по закону» по отношению к 25 подсудимым (кроме тех 19 человек, для которых такое условное утверждение приговора было затем, по представлению министра юстиции Палена, одобрено царем, — сюда входили Говоруха-Отрок, Морозов, Барков, Божко-Божинский, Артамонов и Корнилова). Помимо того, согласно новому проекту, срок каторги Союзову и Ливанову увеличивался до 9 лет (в отношении Союзова это предположение и было затем приведено в исполнение), а Стопане и Рабиновичу — сокращался до 2 лет (то же сокращение, впрочем, дало бы им намеченное в первой редакции нового приговора зачисление в срок 6-летней каторги предварительного заключения).

Наконец, уже, очевидно, непосредственно перед составлением всеподданнейшего доклада, были внесены новые изменения, из которых важнейшие: замена каторги ряду осужденных (Стаховскому, Рабиновичу, Осташкину, Чернявскому, Макаревичу, Аверкиевой, Ливанову, Скворцову, Чудновскому, Стопане, Зарубаеву, Емельяновой и Сунинской) и освобождение от наказания, сверх 22 человек, которым министерство юстиции с самого начала соглашалось «вменить» предварительный арест, еще 20 подсудимых (см. изложение высочайшего поведения, состоявшегося 11 мая 1878 г., в четвертом из публикуемых ниже документов). На последнюю меру министерство юстиции могло, конечно, решиться со «спокойной совестью», поскольку оно отлично, как упомянуто, знало о намерении III отделения расправиться со многими из освобожденных в административном порядке. И действительно, после решения дела царем (а в отдельных случаях и не дожидаясь этого решения) III отделение, по соглашению с министром внутренних дел подвергло большинство освобожденных от наказания, либо вовсе оправданных судом различным административным карам (см. последний из наших документов).

Подлинники печатаемых документов хранятся в: №№ 1—3 и 5 в Ленингр. Центр. Истор. Архиве (в делах министерства юстиции и Петербургского военно-окр. Суда), № 4 — в Архиве Революции и Внешней Политики в Москове (в делах особ. присутствия Сената).

Ш. Левин.

---

[1]) С 1893 г. сенатор, с 1906 г. первоприсутствующий в угол. кассац. деп., с 1909 г., кроме того, первоприсутствующий в общем собрании касс. д-тов Сената.

[2]) Дело мин-ва юстиции № 7180, л. л. 239—243.

1.

Записка директора департамента министерства юстиции Н. А. Манасеина [1]).

Рогачев, Войнаральский, Ковалик [2]), Мышкин [3]), Муравский, Добровольский [4]) (врач земский, вместе с Иванч[иным]-Писаревым) — не смягчать, но в крайнем случае зачесть срок заключения в каторж. работы.

Синегуб, Стаховский, Квятковский, Чарушин, Шишко, Чернявский, Рабинович, Стопане — зачет [5]).

Макаревич, Куприянов, Ливанов, Чудновский, Сажин, Союзов, Брешковская — 2 г. кат. работ.

Зарубаев, Осташкин, Скворцов, Емельянов, Аверкиева, Супинская — на поселение в отдал[еннейшие] места Сибири.

Низовкин, Горинович — освободить [6]).

Эдельштейн — вменить.

Спесивцев, Лопатин, Городецкий, Иван Блавдзевич, Ломоносов — зачесть [7]).

Трезвинский, Артамонов, Корнилова, Фаресов — без изменения.

Барков, Ваховская, Дробыш-Дроб[ышевский] — Пермская или Вятская [8]).

Божко-Божинский — 1 г. тюрьмы.

Осипов Влад., Гриценков, Знаменский, Юргенсон — 6 мес. тюрьмы.

Виноградов, Аранзон, Субботина, Ермолаева — без изменения.

Фетисова — 3 м. тюрьмы.

---

[1]) Без даты и подписи (принадлежность Манасеину устанавливается бесспорно по почерку). Находится в деле министерства юстиции № 7180, л. л. 224—225. Встречающиеся в записке отметки означают: «зачесть», «вменить» — вменить в наказание предварительный арест; «без изменения» — оставить в силе первоначальное наказание, определенное Сенатом, не принимая в соображение возбужденного им ходатайства о смягчении или полном освобождении от наказания.

[2]) Против этих трех фамилий Манасеиным написано сбоку: «Главные» (пометка относится, надо думать, и к Мышкину).

[3]) Против фамилии Мышкина — карандашная приписка рукой чиновника министерства юстиции (подписывался «за начальника уголовного отделения») Булатова: «не подлежит внесению во всеп. док.» (Манасеин, имея под руками составленный в м-ве юстиции «Список лиц, обвиненных особым присутствием Прав. Сената», очевидно, забыл, что с значившимся в нем, в числе других осужденных, Мышкиным уже покончено, так как Сенат не возбуждал ходатайства о смягчении назначенного ему наказания).

[4]) Фамилия Добровольского отделена от первых пяти чертой, но пометка «не смягчать» и т. д., несомненно, относится и к нему, что видно из составленной затем, согласно указаниям Манасеинской записки, «Ведомости» (л. л. 228—231 того же дела).

[5]) К слову «зачет» пояснительная приписка карандашом рукою Манасеина: «Срок содерж. во время произ. дела» (т.-е. зачесть данной группе обвиняемых в срок каторги время, проведенное ими в предварительном заключении).

[6]) Карандашная отметка Булатова сбоку: «внесены в отд. ведомость»; при слове «освободить» его же каранд. приписка в скобках, неразобранная нами (Низовкин и Горинович — известные предатели).

[7]) Слово «зачесть» заключено Манасеиным в скобки и заменено словом «вменить» (каранд.).

[8]) Т.-е. ссылка на житье без лишения прав и преимуществ в Пермскую или Вятскую губ.

Терновский — зачесть [1]).

Пьянков, Соколов, Павловский — без изменения.

Волховский, Жебунев [2]), Ларионов, Эндауров [3]) — без изменения.

Костюрин — в Самарскую губ. [4]).

Кувшинская, Данилов, Мокиевский-Зубок, Тихомиров, Франжоли — без изменения.

Кац, Орлов Михаил, Гауэнштейн — без изменения.

Лешерн, Фишер, Ярцев, Мейер — Архангельская.

Милоглазкин — .....[5]) раб. дом 1 г. 3 мес.

Морозов — раб. дом 8 мес.

Говоруха-Отрок, [Клеопатра] Блавдзевич — в тюрьму на 1 год.

Головин, Лебедева, Саблин — [в тюрьму] на 6 месяцев.

81) Аносов, 89) Казачек — без изменения (надзор) [6]).

От 82 до 97 включ. зачесть (за исключением 81 и 89) [7]).

99 и 100 — без изменения [8]).

2.

Заметки тов. обер-прокурора угол.-кассац. департамента Сената В. А. Желеховского [9]).

Войнаральский, Ковалик, Рогачев — зачинщики и руководители всего дела.

Муравский — рецидивист, совершивший преступление после того, как был уже однажды помилован.

Добровольский — причиненный им вред, степень его образования и звание земского врача, которое он эксплоатировал для своих преступных целей.

Синегуб, Стаховский, Чарушин, Шишко — ближайшие помощники Рогачева и кн.

---

[1]) Пояснено Манасеиным (карандашом): «вменить».

[2]) Против этих двух фамилий Булатовым написано сбоку карандашом: «внесены в отд. вед.» (в отношении Волховского и Жебунева Сенат не возбуждал ходатайства о смягчении, но они не исключались, подобно Мышкину, из всеподданнейшего доклада, поскольку, в качестве дворян, не могли быть лишены прав без соответственного представления царю).

[3]) Против каждой из этих двух фамилий карандашная приписка Булатова: «не подлежит внесению во всеп. док.» (в отношении обоих обвиняемых Сенат не возбуждал никакого ходатайства).

[4]) Виктору Костюрину предполагалось смягчить наказание вопреки решению Сената, оставившего для него ссылку на житье в Тобольскую губ. без лишения прав. Однако преданный затем суду по другому делу — о покушении на убийство предателя Гориновича, он был сослан на каторгу.

[5]) Начало пометки не разобрано.

[6]) Цифры «81» и »89» соответствуют порядковым номерам, под которыми Аносов и Казачек значились в упомянутом выше «Списке лиц, обвиненных особым присутствием Прав. Сената».

[7]) Под этими номерами в «Списке лиц и т. д.» значились: Грачевский, Гвоздев, Каменьский, Медведев, Никифоров, Щеглов, Щепкин, Махаев, Аитов, Глушков, Кириллов, Голоушев, Добров, Любавский, Щиголев.

[8]) «99» — Софья Иванова, «100» — Лукашевич.

[9]) 11 марта 1878 г. из м-ва юстиции была отправлена Желеховскому «Ведомость» на тех осужденных, относительно которых предположено было не принимать сенатского ходатайства. «Ведомость», как упомянуто выше (ср. примеч. 4-е к преды-

Кропоткина. Ссылка этих лиц на поселение и на житье совершенно не соответствует степени их виновности и кроме сего предоставила бы им возможность продолжать свою преступную деятельность.

Квятковский — те же соображения.

Чернявский, Стопане, Рабинович — те же соображения и возмутительное поведение сих лиц на суде, из коих Стопане и Рабинович вступили даже в драку с жандармами, мешая им удалить из залы заседания Мышкина.

Макаревич, Брешковская, Ливанов, Чудновский, Куприянов, Союзов — особо выдающаяся деятельность их в Одессе, Киеве, Нижнем-Новгороде, Харькове и Петербурге. Макаревич, Чудновский и Куприянов занимались ввозом в Россию книг революционного содержания.

Сажин — эмигрант, руководивший операциею ввоза книг в Россию.

Зарубаев, Осташкин, Аверкиева, Скворцов, Емельянов, Супинская — степень виновности означенных лиц, далеко превышающая виновность тех осужденных, которые подлежат ссылке на житье в отдаленные губернии Европейской России, и настоятельная необходимость удаления этих лиц в местности, представляющие наименее благоприятную почву для их преступной деятельности.

Лермонтов — основатель кружка, представляющийся, однако, по степени своего развития несколько менее опасным деятелем, чем предыдущие: уроженец северных губерний, вследствие чего высылка его в означенные губернии неудобна.

Лукашевич, Иванова — совокупность преступлений [1]).

Кувшинская, Данилов, Мокиевский-Зубок, Тихомиров, Франжоли, Кац, Орлов, Гауэнштейн — полное отсутствие причин к смягчению наказания, лица крайне вредные, в особенности Кувшинская, Данилов, Франжоли и Орлов, последний — любимый ученик Кравчинского и Клеменса.

Лешерн, Мейер — принимается ходатайство суда.

Фишер и Ярцев — степень виновности сих лиц, не допускающая смешения их с осужденными, коим предполагается вменить в наказание предварительный арест. Фишер—один из членов Киевской коммуны, Ярцев—отставной артиллерийский офицер.

дущему документу), была составлена на основании указаний Манасеинской записки. В сопроводительном к «Ведомости» письме Булатов просил Желеховского возвратить ее «с теми замечаниями», которые он признает «нужным сделать по поводу наказаний, которым предполагается подвергнуть упомянутых лиц», а также «с изложением тех соображений», по коим он признает «необходимым наложение на сих лиц указанных мер взыскания». 27 марта 1878 г. Желеховский прислал свои замечания при следующем письме на имя Манасеина: «По нетерпящим никакого отлагательства семейным делам я должен был внезапно уехать из Петербурга, не успев доставить вам обещанных мною заметок. Вернувшись вчера, я тотчас принялся за работу, которую и спешу представить на ваше благоусмотрение с покорнейшею просьбою извинить мою невольную медлительность. Позвольте надеяться, что вы будете настолько великодушны, что простите мне и то, что я не лично являюсь к вам с упомянутыми сведениями: у меня пропасть хлопот и беготни, в особенности сегодня. Завтра или послезавтра я буду иметь честь явиться к вам, во-первых, с целью извиниться перед вами лично и, во-вторых, с тем, чтобы отдать себя в полное ваше распоряжение, если я могу быть еще чем-нибудь полезен». Замечания Желеховского — в том же деле м-ва юстиции № 7180, л. л. 232—233.

[1]) Лукашевич был уже осужден по делу 50, а Иванова — по делу Казанской демонстрации, что и имеет в виду Желеховский, говоря о совокупности преступлений.

Трезвинский, Артамонов, Корнилова, Фаресов, Барков, Ваховская, Дробыш-Дробышевский — отсутствие всяких оснований к смягчению наказания, крайне вредные личности, из них особенно выдаются Корнилова и Фаресов.

Костюрин — предлагается смягчить наказание ввиду присужденного наказания, строгость которого не соответствует степени виновности.

Милоглазкин, Морозов — то же, что и в отношении Фишера и Ярцева, причем принята во внимание степень их вины, меньшая для Морозова, чем для Милоглазкина.

Виноградов, Аранзон — совершенное несоответствие присужденного наказания, крайне незначительного, с действительною виновностью сих лиц. Виноградов—рабочий, бывавший в Цюрихе и Женеве.

Субботина — крайне вредная личность, погубила трех своих дочерей и воспитанницу

Все прочие — то же, что для Фишера и Ярцева, сравнительно меньшая...[1]) степень вины, необходимость, в видах справедливости, подвергнуть Бладзевич, Говоруху и Божко большему наказанию, чем прочих.

Казачек и оправданная Сидорацкая (Ободовская), как лица крайне вредные, должны бы подлежать надзору.

3.

Предположения III отделения собственной его императорского величества канцелярии по поводу приговора особого присутствия Сената [2]).

Волховской — ввиду крайне болезненного его состояния поселить в южной части Тобольской губернии.

Артамонов — предназначалось выслать на родину под надзор, по ходатайству престарелого отца предположено было оставить в С.-Петербурге под надзором для окончания курса наук.

Корнилова Александра — выслать в северо-восточную губернию под строжайший надзор.

Кувшинская Анна — выслать в северо-восточную губернию под надзор. (Невеста Чарушина.)

Данилов — под надзор в месте жительства, за исключением столиц, столичных и Таврической губерний.

---

[1]) Одно слово не разобрано.

[2]) Так озаглавлен документ в подлиннике (заголовок написан уже, очевидно, в министерстве юстиции). Документ содержит перечень 96 подсудимых, причем, однако, «предположения» касаются далеко не всех их; мы опускаем здесь те фамилии, против которых нет совершенно никаких пометок. Документ находится в том же деле министерства юстиции № 7180, на л. л. 245—248. На отд. листке впереди документа (см. л. 244 дела) надпись: «Ведомость, составленная в III отделении собственной его императорского величества канцелярии р а н е е п о л у ч е н и я ген.-ад. Мезенцовым ведомостей от вашего сиятельства [имеется в виду отношение в III отд. от конца апреля, о котором упомянуто в нашем предисловии. *Ш. Л.*]. Ген.-ад. Мезенцов особенно просит о смягчении наказания А р т а м о н о в у». Несмотря на столь определенно выраженное Мезенцовым пожелание, Пален в своем докладе царю 11 мая 1878 г. высказывался за то, чтобы сослать Артамонова на житье в Пермскую губернию, но Александр «повелел» ограничиться отдачей Артамонова под надзор полиции (скоро, впрочем, Артамонов был выслан уже по инициативе самого III отделения).

Мокиевский-Зубок — то же.

Тихомиров — то же.

Франжоли — выслать за границу, с воспрещением возврата в Россию.

Фишер — то же.

Ярцев — выслать под надзор в имение сестры в Тверской губернии.

Блавдзевич Клеопатра — выслать в северо-восточную губернию под строгий надзор. (Невеста Ковалика.)

Кац — выслать туда же.

Орлов Михаил — то же.

Гауэнштейн — то же.

Милоглазкин — под надзор на месте жительства, за исключением столиц, столичных и Таврической губерний.

Трезвинский — то же.

Фаресов — то же.

Ваховская — на поруки к отцу, с воспрещением отлучек из места жительства и под надзор.

Дробыш-Дробышевский — выслать в отдаленную губернию под надзор.

Субботина Софья — выслать в северо-восточную губернию под строгий надзор.

Куприянов — умер 18 апреля 1878 г.

Морозов — к родителям на попечение и под надзор.

Виноградов — на родину под надзор.

Аранзон — под надзор в месте жительства, за исключением столиц, столичных и Таврической губерний.

Головин — то же.

Саблин — выслать в северо-восточную губернию под строгий надзор.

Осипов — к родителям на попечение и под надзор.

Гриценков — на родину под надзор.

Знаменский — под надзор на месте жительства, за исключением столиц, столичных и Таврической губерний.

Юргенсон — выслать в отдаленную губернию под надзор. (Невеста Войнаральского.)

Ермолаева Елизавета — под надзор на месте жительства, за исключением столиц, столичных и Таврической губерний.

Павловский Исаак — выслан уже в Вологодскую губернию под надзор за новые преступления [1]).

Пьянков — то же.

Соколов — под надзор в месте жительства, за исключением столиц, столичных и Таврической губерний.

Аносов — выслать в северо-восточную губернию под строгий надзор.

Эдельштейн — на родину под надзор.

Лопатин Всеволод — выслать в северо-восточную губернию под строгий надзор.

Ломоносов — на родину под надзор.

---

[1]) Высылка Павловского, Пьянкова и (см. ниже) Голоушева (не в Вологодскую, а в Архангельскую губ.) находилась в связи с демонстрацией 31 марта 1878 г. (после оправдания В. Засулич) и панихидой по Г. Сидорацком 5 апреля 1878 г. Из них Павловский и Пьянков вскоре же бежали.

Терновский — под надзор на месте жительства, за исключением столиц, столичных и Таврической губерний.

Грачевский — выслать в северо-восточную губернию под строгий надзор.

Гвоздев — под надзор на месте жительства, за исключением столиц, столичных и Таврической губерний.

Медведев — под надзор на месте жительства, за исключением столиц.

Никифоров — на попечение родителей и под надзор.

Щеглов — на родину под надзор.

Щепкин — на попечение отца и под надзор.

Махаев — под надзор на месте жительства, за исключением столиц.

Глушков Николай — под надзор на месте жительства, за исключением столиц.

Кириллов — на родину под надзор.

Голоушев — выслан уже в Вологодскую губернию за новые преступления.

Добров — под надзор на месте жительства, за исключением столиц.

Щиголев — под надзор на месте жительства, за исключением столиц.

Низовкин — полное помилование.

Горинович — то же.

4.

Предложение министра юстиции Сенату от 21 мая 1878 г. за № 970, с изложением содержания состоявшегося 11 мая высочайшего повеления [1]).

По всеподданнейшему моему докладу приговора Правительствующего Сената, состоявшегося 23 января 1878 г. по делу о преступной пропаганде в империи, двух, по всеподданнейшим ходатайствам осужденных Емельянова и Ларионова постановленных определений Правительствующего же Сената от 7 марта сего года, и обстоятельств означенного дела, с представлением притом его величеству, что осужденный, согласно упомянутому приговору Сената, дворянин Михаил Куприянов ныне уже умер, государь император высочайше повелеть соизволил: I) лишить всех прав состояния и сослать в каторжные работы с последствиями по 25 ст. улож. о наказ. — а) в крепостях: Войнаральского, Ковалика и Рогачева на десять лет, а Синегуба, Добровольского, Квятковского, Чарушина, Шишко и Союзова на девять лет [2]) и б) на заводах: Сажина и Брешковскую на пять лет, с зачислением им, притом, в срок означенных работ времени, проведенного ими в предварительном по настоящему делу заключении; II) лишенного уже всех прав состояния Муравского сослать в каторжные работы в крепостях на десять лет, с последствиями по 25 ст. уложения и с зачислением ему в срок сих работ времени, проведенного им в предварительном по этому делу заключении; III) Лукашевича лишить всех прав состояния и сослать на поселение в отдаленные места Сибири; IV) Волховского и Жебунева лишить всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ; V) Петра Ларионова сослать на житье в Тобольскую губернию, с лишением всех особенных прав и преимуществ [3]); VI) Корнилову сослать на житье в Пермскую губернию,

---

[1]) Подлинник предложения находится в деле особого присутствия Сената № 27, т. V; отпуск — в деле м-ва юстиции № 7180, л. л. 274—276.

[2]) Из них Добровольский, 10 января 1878 г. освобожденный судом на поруки, узнав о неутверждении ходатайства Сената, бежал за границу.

[3]) Ларионов умер в Тюмени 11 сентября 1878 г.

без лишения прав и преимуществ; VII) Артамонова, вместо определенного ему приговором Правительствующего Сената наказания по закону, отдать под надзор полиции; VIII) признать нижепоименованных девятнадцать лиц подлежащими определенным им Правительствующим Сенатом наказаниям по закону, именно: а) Кувшинскую, Данилова, Мокиевского-Зубка, Тихомирова, Франжоли, Софью Лешерн-фон-Герцфельд, Мейера, Фишера, Ярцева и Клеопатру Блавдзевич—ссылке на житье в Тобольскую губернию с лишением всех особенных прав и преимуществ; б) Михаила Каца, Михаила Орлова, Гауэнштейна и Милоглазкина — лишению всех особенных прав и преимуществ и отдаче в исправительные арестантские отделения на один год и три месяца; в) Ваховскую, Дробыш-Дробышевского, Фаресова и Трезвинского, — ссылке на житье в отдаленные губернии, кроме сибирских, без лишения прав и преимуществ и с воспрещением Трезвинскому отлучки из места, назначенного для его жительства, в продолжение двух с половиною лет и г) Софью Субботину — заключению в смирительном доме на восемь месяцев, — но наказания эти в настоящее время над означенными девятнадцатью лицами в исполнение не приводить, а ограничиться отдачею их на поручительство на три года родственникам или другим благонадежным лицам, с воспрещением сим осужденным в течение того же срока отлучек из места жительства без разрешения местного губернского начальства; в случае же непредставления кем-либо из них благонадежного за себя поручителя отдать таковое лицо на тот же срок под строгий полицейский надзор, также с воспрещением всяких из места жительства отлучек без разрешения местного губернского начальства, с тем, притом, чтобы как в первом, так и во втором случаях означенное начальство ежегодно представляло министру юстиции об образе поведения означенных лиц на предмет применения к каждому из них в отдельности определенного ему наказания лишь в том случае, если такое лицо в течение означенного трехлетнего срока возбудит вновь против себя подозрение в политической неблагонадежности, и IX) привести над нижеследующими лицами в исполнение ходатайство Правительствующего Сената о замене определенных им наказаний, а именно: 1) Стаховского — лишить всех прав состояния и сослать на поселение в местах Сибири, не столь отдаленных; 2) лишить всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и сослать на житье: а) Рабиновича — в Иркутскую губернию, с воспрещением всякой отлучки из назначенного ему места жительства в продолжение двух лет и въезда потом в другие губернии или области Сибири в течение восьми лет [1]); б) Осташкина, Чернявского, Макаревича, Елену Аверкиеву, Ливанова, Скворцова, Чудновского, Стопане, Зарубаева и Емельянова — в Тобольскую губернию и в) Ефрузину Супинскую, Софью Иванову и Лермонтова — в отдаленные губернии, кроме сибирских [2]); 3) вменить в наказание предварительный арест — Аитову, Аносову, Аранзону, Баркову, Ивану Блавдзевичу, Божко-Божинскому, Виноградову, Гвоздеву, Глушкову, Головину, Голоушеву, Говорухе-Отроку, Городецкому, Грачевскому, Гриценкову, Доброву, Ермолаевой, Знаменскому, Каменьскому, Кириллову, Казачку, Лебедевой, Ломоносову, Лопатину, Любавскому, Махаеву, Медведеву, Морозову, Никифорову, Осипову, Павловскому, Пьянкову, Саблину, Соколову, Спесивцеву, Терновскому, Фетисовой, Щеглову, Щепкину, Щиголеву,

[1]) Рабинович вскоре заболел психически и в июне 1880 г., помещен в больницу в Иркутске, а в 1881 г. в Казанскую лечебницу.

[2]) Лермонтов умер в Литовском замке, в Петербурге, 11 декабря 1878 г., Супинская умерла 20 сентября 1879 г. в Кеми, Архангельской губ., где она была в ссылке. Иванова, сосланная туда же, бежала в марте 1879 г.

Эдельштейну и Надежде Юргенсон и 4) Низовкина и Гориновича от всякого наказания освободить.

Приговор особого присутствия Правительствующего Сената, состоявшийся 23-го января 1878 года; всеподданнейшие прошения осужденных Петра Ларионова и Никифора Емельянова и заключения особого присутствия по сим ходатайствам; протокол, постановленные по сему делу вопросы и резолюцию и определение особого же присутствия от 7 марта сего года о порядке приведения в исполнение вышеуказанного приговора — при сем возвращаются.

Министр юстиции, статс-секретарь *гр. Пален.*
Директор *Манасеин.*

5.

Список лицам, в отношении которых надлежит принять нижеизложенные административные меры [1]).

№№ по порядку	Имя и фамилия	Звание и происхождение	Куда отметились выбывшими
	I. Подлежащче высылке с учреждением строжайшего надзора полиции:		
	а) в Архангельскую губ.		
1	Аносов, Николай Михайлов	Дворянин.	В г. Москву.
2	Блавдзевич, Клеопатра	Дворянка.	В г. Вязьму.
3	Гауэнштейн, Иван Иванов	Сын колониста, бывший студент Медико-хирургической академии.	В село Старый Буян, Самарской губ.
4	Грачевский, Михаил Федоров	Сын дьячка.	В г. Одессу.
	б) в Вятскую губ.		
5	Кац, Михаил Никифоров	Мещанин.	В г. Киев.
6	Лопатин, Всеволод Александров	Дворянин.	На Кавказ.
7	Саблин, Николай Алексеев	Дворянин.	В г. Москву.
	в) в Вологодскую губ.		
8	Фишер, Василий Федоров	Фельдшер, мекленбург - шверинский подданный.	В г. Киев.
9	Франжоли, Андрей Афанасьев	Австрийский подданный.	В г. Херсон.
10	Завадская, Евгения Флорианова	Дворянка.	В г. Рязань.
11	Юргенсон, Надежда Александрова . . .	Дочь титулярного советника.	Неизвестно куда.
12	Дическуло, Леонид Аполлонов	Дворянин.	В г. Одессу.

[1]) Так озаглавлен документ, — составленный по соглашению гл. нач-ка III отделения с министром вн. дел, — в печатном подлиннике; воспроизводится здесь по экземпляру, находящемуся в деле Петерб. военно-окружного суда об Адр. Михайлове и др., в т. III дознания. В «Списке» нет след. лиц, намеченных к админ. высылке в вышеопубликованной третьеотделенской ведомости: 1) Корниловой, 2) Кувшинской, 3) Мих. Орлова, 4) Дробыш-Дробышевского, 5) Субботиной. Из них: Корнилова была сослана на основ. высоч. повеления от 11 мая (см. выше); Кувшинская последовала за мужем, Чарушиным, в Сибирь; Орлов и Субботина ко времени издания «Списка» уже находились в ссылке (Орлов — в Воронежской, Субботина — в Вятской губ.); Др.-Дробышевский после кратковременного ареста в марте, во время стачки рабочих на новой бумагопрядильне, — скрылся. Не упомянуты также в «Списке» (отсутствующие и в первой ведомости): Князевский (выслан в Олонецкую губернию), Вера Рогачева (выслана в июне 1878 г. в Вологодскую губ.), Ободовская-Сидорацкая (назначенная ей высылка в Олонецкую губ. была, вследствие поданного ею Мезенцову прошения, приостановлена исполнением), Лешерн-фон-Герцфельд (подлежала надзору на 3 г., с воспрещением отлучек из места жительства, согласно высоч. повеления). Что касается взысканий, указанных в «Списке», то их удалось осуществить администрации не в полной мере. Так, скрылись и перешли на нелегальное положение

№№ по порядку	Имя и фамилия	Звание и происхождение	Куда отметились выбывшими
	г) в Олонецкую губ.		
13	Троицкий, Павел Семенов	Сын священника.	В г. Киев.
14	Тушинская, Анна Степанова	Жена прапорщика.	В г. Пензу.
15	Перовская, Софья Львова	Дочь действительного статского советника.	Неизвестно куда.
	Примечание. Василию Фишеру не дозволяется заниматься фельдшерскою практикою.		
	II. Подлежащие высылке на родину с водворении в доме родителей и отдачею под гласный надзор полиции, с воспрещением отлучек из места жительства:		
16	Казачек, Иван Иванов	Врач.	В Орловскую губ.
17	Ваховская, Варвара Иванова	Дворянка.	В Подольскую губ.
18	Гриценков, Митрофан Александров . . .	Сын директора Орловской гимназии.	Неизвестно куда.
19	Ломоносов, Петр Андреев	Сын священника.	В слободу Ореховку, Усть-Медведицкого округа, Земли Войска Донского.
20	Морозов, Николай Александров	Мещанин (незаконный сын Мологского, Ярославской губ., предводителя дворянства).	Неизвестно куда.

Саблин, Морозов, Дическуло, Якимова, Тихомиров (после отдачи под надзор), Жебунев (тоже из-под надзора, но лишь в 1880 г.), Перовская (бежала с дороги в ссылку), Юргенсон (легализировалась скоро, обвенчавшись на Урале по подложному паспорту с Головиным), эмигрировал Мейер. Скрылась также Блавдзевич — после того как распоряжение об ее высылке в сентябре 1878 г. временно было приостановлено (ввиду этого было решено применить к ней, в случае розыска, первоначальный сенатский приговор «по закону»). Некоторым удалось бежать: Кацу — в 1878 г. [Грачевскому — 3 сентября 1879 г.; Франжоли и Завадской — в феврале 1880 г.]. Кое-какие изменения были сделаны, по прошениям заинтересованных лиц или учреждений, самим III отделением: Гауэнштейн оставлен в Самарской губ., Троицкий — при отце в Красноярске, Судзиловская — при муже в Киеве; Гриценкову разрешен переезд в Москву, Введенский и Федорович возвращены в Петербург, Тушинская была переведена из Олонецкой губ. в Вологду. Двое из числа значащихся в «Списке» умерли в том же 1878 г.: Медведев — 8 ноября, Трезвинский — в декабре (см. преимущественно дело III отд., 3 эксп., 1874 г., № 144, ч. XVII).

№№ по порядку	Имя и фамилия	Звание и происхождение	Куда отметились выбывшими
21	Никифоров, Николай Степанов	Сельский учитель, Тамбовской губ.	В г. Тамбов.
22	Осипов, Владимир Алексеев	Дворянин, бывший воспитанник Самарской гимназии.	В г. Самару.
23	Щеглов, Григорий Алексеев	Крестьянин Костромской губернии, Кологривского уезда, дер. Чуфарики.	На родину.
24	Щепкин, Владимир Николаев	Кандидат университета.	В г. Москву.
25	Эдельштейн, Мовша Вульфов	Еврей, мещанин Ковенской губ.	Неизвестно куда.
26	Ярцев, Александр Викторов	Отставной подпоручик артиллерии.	В г. Торжок.
27	Александровский, Алексей Андреев . . .	Сын причетника Самарской губ.	В Самарскую губернию.
28	Литошенко, Николай Абрамов	Дворянин Воронежской губ.	В г. Воронеж.
29	Малиновский, Александр Андреев	Сын священника Вологодской губ.	В г. Вологду.
30	Прозоровский, Аполлон Иванов	Сын смотрителя Моршанского тюремного замка.	В г. Павловск.
31	Семенов, Федор	Крестьян. Тверской губ., Старицкого уезда, села Казнакова.	Неизвестно куда.
32	Судзиловская, Евгения Константинова .	Дочь чиновника, проживавшего в г. Могилеве (губернском).	В имение Фастово, Мстиславского уезда, Могилевской губ.
33	Филадельфов, Василий Васильев	Дворянин Самарской губернии, бывший воспитанник тамошней гимназии.	В Самарскую губернию.

Примечание. Всем поименованным во II пункте лицам, за исключением Щепкина (24) и Ваховской (17), воспрещается проживательство в столицах, столичных губерниях, городах: Киеве, Харькове, Одессе и Саратове, а также в Новороссийском крае и в местностях, близких к театру военных действий. Дворянке же Ваховской дозволяется проживать в имении отца, а Щепкину — в Москве, в доме родителей.

№№ по порядку	Имя и фамилия	Звание и происхождение	Куда отметились выбывшими
	III. Подлежащие гласному надзору полиции на три года, с воспрещением отлучек с места жительства и, кроме того, с воспрещением проживательства в столицах, столичных губерниях, городах: Киеве, Харькове, Одессе и Саратове, а равно в Новороссийском крае и местностях, близких к театру военных действий:		
34	Данилов, Виктор Александров	Дворянин.	В село Введенское, Екатеринославской губернии, близ станции Скотоватовой, Константиновской жел. дор.
35	Мокиевский-Зубок, Степан Васильев . .	Дворянин.	В г. Нарым, Томской губ.
36	Тихомиров, Лев Александров	Дворянин.	В Кубанскую область.
37	Мейер, Владимир Яковлев	Дворянин.	В село Гранкино, Константиноградского уезда, Полтавской губ.
38	Милоглазкин, Кириак Родионов	Мещанин.	В г. Томск.
39	Фаресов, Анатолий Иванов	Дворянин.	Неизвестно куда.
40	Трезвинский, Иван Дмитриев	Сын священника.	В г. Киев.
	IV. Подлежащие гласному надзору полиции, с воспрещением отлучек с избранных мест жительства:		
41	Аранзон, Соломон Лейбов	Мещанин.	В г. Оренбург.
42	Гвоздев, Михаил Григорьев	Мещанин.	В г. Николаев.
43	Глушков, Николай Иванов	Забайкальский казак.	В С.-Петербургскую губ.
44	Головин, Аркадий Алексеев	Дворянин.	Неизвестно куда.
45	Добров, Иван Иванов	Сын священника.	В Пензенскую губ.
46	Ермолаева, Елизавета Федорова	Дворянка.	В г. Тюмень, Тобольской губ.
47	Знаменский, Алексей Егоров	Сын дьякона.	Неизвестно куда.
48	Махаев, Николай Матвеев	Обер-офицерский сын.	В Орловскую губернию.
49	Медведев, Иван Ильин	Мещанин.	Неизвестно куда.
50	Соколов, Дмитрий Петров	Сын священника.	Неизвестно куда.
51	Терновский, Глеб Яковлев	Мещанин.	Неизвестно куда.

№№ по порядку	Имя и фамилия	Звание и происхождение	Куда отметились выбывшими
52	Щиголев, Леонид Михайлов	Дворянин.	В г. Гурьев, Области Уральского казачьего войска.
53	Введенский, Николай Евгениев	Сын священника.	С.-Петербургской губернии, в г. Павловск.
54	Воскресенский, Петр Петров	Сын священника.	В г. Могилев.
55	Волькенштейн, Александр Александров .	Врач.	Неизвестно куда.
56	Гейштор (ныне по мужу Добровольская), Мария Эдуардова	Дворянка.	Неизвестно куда.
57	Голиков, Леонид Иванов	Дворянин.	В г. Николаев.
58	Жебунев, Владимир Александров	Дворянин.	В г. Харьков.
59	Лазарев, Егор Егоров	Крестьянин Самарской губ.	В г. Самару.
60	Лантгалс, Вильгельм-Мартин	Прусский подданный.	В г. Одессу.
61	Максимов, Павел Дмитриев	Сын коллежского ассесора.	Неизвестно куда.
62	Неволин, Павел Иванов	Дворянин.	В г. Вятку.
63	Никольский, Иван Иванов	Сын дьякона.	В г. Самару.
64	Панютина, Вера Николаева	Дворянка.	В г. Тобольск.
65	Пономарев, Александр Андреев	Сын дьякона.	В г. Ярославль.
66	Попов, Николай Михайлов	Сын священника.	С.-Петербургской губернии, в г. Петергоф.
67	Петропавловский, Николай Эллидифоров	Сын священника.	Неизвестно куда.
68	Потоцкая, Мария Платонова	Дочь коллежского советника.	Неизвестно куда.
69	Пумпянская, Эйдель	Мещанка.	В г. Одессу.
70	Пыпин, Андрей Андреев	Дворянин.	В г. Псков.
71	Сахарова, Ольга Иванова	Мещанка.	В г. Самару.
72	Соловцовский, Михаил Гаврилов	Сын дьякона.	В г. Москву.
73	Федорович, Дмитрий Васильев	Дворянин.	Неизвестно куда.
74	Шавердова, Мария Александрова	Дворянка.	На Кавказ.
75	Якимова, Анна Васильева	Дочь священника.	В г. Вятку.
76	Траубенберг, Леонид	Дворянин.	В г. Елисаветград, Херсонской губернии.

Примечание. Всем поименованным в IV пункте лицам, за исключением Максимова и Траубенберга, воспрещается проживательство в сто-

№№ по порядку	Имя и фамилия	Звание и происхождение	Куда отметились выбывшими
	лицах, столичных губерниях, городах: Киеве, Харькове, Одессе и Саратове, а также в Новороссийском крае и в местностях, близких к театру военных действий. Максимову и Трауб'нбергу разрешается проживать в С.-Петербурге для продолжения высшего образования. Эйдель Пумпянская должна быть из гор. Одессы удалена и водворена в Виленской губернии.		
	V. Подлежит надзору полиции, с разрешением проживать в гор. С.-Петербурге для продолжения высшего образования:		
77	Артамонов	Дворянин.	Неизвестно куда.
	VI. Независимо поименованных во II группе лиц, высланы на родину с водворением в доме родителей и отдачею под гласный надзор полиции, с воспрещением отлучек из места жительства:		Высланы:
1	Виноградов, Сергей Иванов	Крестьянин Ярославской губернии, Рыбинского уезда, Копринской волости, дер. Люшнова.	В Ярославскую губернию.
2	Кириллов, Иосиф Селивестров	Сын дьячка Тульской губернии, Новосильского уезда, села Вышней Залегощи.	В Тульскую губернию.
3	Личадеев, Николай Алексеев	Крестьянин Нижегородской губернии, Горбатовского уезда, села Павлова.	В Нижегородскую губернию.
	Означенным трем лицам воспрещается проживательство в столицах, столичных губерниях, городах: Киеве, Харькове, Одессе и Саратове, а также в Новороссийском крае и в местностях, близких к театру военных действий		

Из записной книжки архивиста.

Письма Д. П. Романова к отцу.

Дмитрий Павлович Романов воспитывался, после смерти матери в непосредственной близости к царской семье. За участие в убийстве Распутина в декабре 1916 г. Дмитрий Павлович попал в опалу и, несмотря на протесты «семейства», был отправлен в Персию. Письма его оттуда к отцу, в. кн. Павлу Александровичу, затрагивая помимо личных и вопросы об убийстве Распутина, о войне и ее целях, о революции, отношении к ней союзников и др., являются некоторым дополнением к уже опубликованным дневникам и семейной переписке Н. и А. Романовых за 1916 и 1917 гг.

Убийство Распутина Дмитрий Романов считает большой заслугой лиц, сделавших это. Он пишет: «кто бы ни сделал это дело [убийство Распутина] ...люди эти горячо преданы своему государю... Пора было очнуться от этого кошмара». Свое личное участие Дмитрий Павлович в первых письмах отрицает («сын твой чист от липких пятен крови»...), очевидно, опасаясь перлюстрации. После революции же он подчеркивает свое «вполне сознательное и продуманное участие» в «этом деле», считая для себя обидным арест (в случае его приезда в Петроград) после того, как он «поставил на карту свое доброе имя, участвуя в убийстве Распутина».

По его мнению, царская Россия шла к катастрофе и избегнуть ее можно было удалением Распутина. Он, как и другие участники убийства — князь Юсупов и Пуришкевич — видел в этом убийстве последнюю попытку «дать возможность государю открыто переменить курс, не беря на себя ответственность за удаление этого человека». «Аликс ему это бы не дала сделать»,— замечает он тут же.

Вопрос о войне для него решается крайне просто. «Овладение Царьградом» — вот цель войны. Не стало этой цели, и он, в отчаянии, восклицает: «...за что мы деремся!» Революция, с его точки зрения, катастрофа, и ему обидно «то радостное отношение», какое вызвала революция у союзников. Он считает, что «наших союзников должны интересовать события лишь постольку, поскольку мы можем сдержать наши обязательства по отношению к ним». Ругая Временное Правительство за бездеятельность, он все же считает необходимым поддерживать его. Единственное утешительное событие для Дмитрия Павловича — Корниловское восстание. К октябрю 1917 г. он переходит от забот о спасении «родины» к заботам о спасении своей семьи.

Из писем нами опущены места чисто личного характера, описания природы, условий жизни и т. п.

Грамматические ошибки, довольно частые в подлиннике, редакцией исправлены, стилистические особенности оставлены без изменений.

Подлинники писем хранятся в отделе падения старого режима Центрального Архива Октябрьской Революции, фонд 1213, оп. 5.

А. Рахлин.

1.

Баку. 1916 года. 28 декабря.

Мой дорогой.

Я, конечно, не знаю, когда мое письмо к тебе придет, — думаю, около 3—4 января, во всяком случае уже будет новый год.

Дай бог, чтобы он принес хоть немного света и радости. От всей души желаю тебе всего лучшего, родной мой. Я так надеюсь, что 17 год будет для тебя более радостным, чем этот. Пишу тебе из Баку, куда я приехал 26 числа. Должен был итти вчера, но погода невозможная. На море очень сильный ветер дует. Живу я на пароходе «Генерал Куропаткин».

Идем в Персию, на Энзели, сегодня. А там на моторах верст 200 до ген. Баратова. Погода солнечная, град. 12 тепла на солнце.

Чувствую я себя ужасно плохо. Духота, страшная слабость, которая была и летом, вернулась снова ко мне. У меня все время сильно болит голова, и прямо тяжело ходить. Все больше хочется лежать. А спишь очень плохо. Ах, родной мой! Если ты мог бы устроить, чтобы перевели меня в Усово. Ведь можно туда попасть помимо Москвы. Я могу дать слово никого не принимать, но за[то] спокойствие будет полное, и в смысле здоровья, и в смысле охраны. А мне, я чувствую, нужно [1]) страшно тихий отдых. Умоляю, устрой это.

Дмитрий.

2.

Пароход «Ген. Куропаткин».
28 декабря 16 г.

Мой дорогой.

Хотя пишу тебе это письмо два часа после первого, но получишь ты его дня три спустя, ибо пишу я на ходу, идя по Каспийскому морю. Слава богу, пока погода хорошая, и качки почти нет. В том письме я не успел все сказать, ибо мы уже уходим. А я хотел, чтобы письмо пошло сегодня же. Хочется мне поговорить с тобою относительного старого и дорогого мне ген. Лайминга [1]). Ему было высочайше повелено ехать со мною, так же как и флигель-адъют. графу Кутайсову [2]). Инструкции ни тот ни другой не имели, когда мы уезжали из Петрограда, и только здесь, в Баку, граф Кутайсов эти инструкции получил шифрованной телеграммой.

В инструкциях этих было сказано, что всякая корреспонденция мне дозволена, что Кутайсову оставаться, пока не наладится моя служба. Отъезд мой с фронта не иначе, как по высочайшему соизволению. Все эти приказания были присланы Кутайсову, а про Лайминга ничего не известно.

В этом-то и заключается моя просьба, папа, дорогой мой. Устрой так, что, когда уедет от меня Кутайсов, мог бы уехать и ген. Лайминг. Мне тут никого не надо. Лайминг же совершенно необходим в Петрограде для ведения моих дел. Если можно будет это сделать, то одновременно с графом Кутайсовым уедет и Лайминг.

Значит, повторяю, я тебя прошу устроить таким образом, чтобы можно было бы мне отослать моего генерала обратно, ибо тут все налажено, что касается корреспонденции, а у Баратова все наладится в самом скором времени.

Ах, родной мой, мой милый папа, не забудь меня здесь. Тут так ужасно далеко от всего, так далеко от вас, мои хорошие, от тебя, моего дорогого.

Пиши мне, бога ради. Лучше всего по петроградскому адресу, а там будут пересылать.

Как тебе писал в первом письме, здоровье мое отвратительно. Страшная слабость, болит сильно голова, иногда жар...

Ну, а за сим, крепко, крепко обнимаю. Храни тебя бог. Всех целую.

Дмитрий.

Ответь относительно Лайминга, что он может уехать; пришли, пожалуйста, телеграммой.

---

[1]) Так в подлиннике.

[1]) Лайминг, Г. М., ген.-лейт., попечитель при б. вел. кн. Дмитрии Павловиче.

[2]) Кутайсов, К. П., граф, фл.-адъют., полк. лейб-гвардии конной артиллерии.

Тел. адрес: Баку, пароход «Куропаткин». А там уже мне передадут в Персию по беспроволочному.

3.

Казвин, Персия. 1917. 14 января.

Дорогой мой папа, мой милый друг.

Через два, три дня уезжает Георгий Михайлович. Так как до того времени я вряд ли получу твое письмо, то я и решил его не ждать, а воспользоваться случаем и послать мое послание таким важным способом, не боясь перлюстрации. Плана особенного для этого письма у меня нет, а буду писать, как думается.

Вот уже 2 недели, что я на персидской территории. Приехал сюда 31 декабря. Сначала и в особенности в пути было несказанно тяжело. Казалось, что я действительно еду на край света. На четвертые сутки доехал лишь до Баку. А там еще 16 часов через море только для того, чтобы достичь Персии. В Энзели (персидский порт) встретил меня от имени ген. Баратова ген. Ш.х-Назаров. Очень милый и доброжелательный старик... В Казвине меня приветствовал Баратов. Произвел он на меня тогда самое лучшее и даже трогательное впечатление. Он был весь только и занят мыслью, как лучше меня устроить, как бы мне угодить. — Теперь уже прошло две недели с тех пор, и я, конечно, успел уже оглядеться. Баратов, действительно, трогательно заботится обо мне, но он осетин, кавказец. Не лишен хитрости в большой дозе и, мне кажется, даже и фальши...

Бумаги мало, продолжаю на других листах.

По приезде 31 декабря в $9^1/_2$ ч. ночи в Аве [1]), мне дали немного отдохнуть, а потом мы собрались в столовой штаба для встречи Нового года. Столовая эта устроена просто в кибитке. Но в ней тепло и не дует.

Боже, как хочется, чтобы 17 год для России был бы светлым и радостным. Ведь говорят же «велик бог земли русской». Он видит все. Он знает, что кто бы ни сделал это дело (убийство Распутина) эти люди искренно, горячо, страстно любят Россию, свою родину. Люди эти, любя Россию, горячо преданы своему государю. Ведь такое положение вещей долго продолжаться не могло. Ведь во время такого страшного испытания, такого ужасающего напряжения, каковым является эта война для России, она, наша родина, не могла быть управляема ставленниками по безграмотным запискам какого-то конокрада, грязного и распутного мужика. Пора было очнуться от этого кошмара, пора было увидеть луч чистого света.

Теперь, дорогой друг, должен тебе привести несколько картинок от [?] нашей жизни, и тогда тебе будет вполне ясна вся обстановка.

Много было обедов, и официальных и просто дружеских. За этими обедами всегда говорились речи. Речи эти граничили с политическими, т.-е. другими словами, кто более открыто, кто посдержаннее, радовались известному событию. Конечно, имена не назывались. Причина радости была всегда скрыта, но, повторяю, речи эти были почти патриотическими. Мое пребывание здесь всех убедило, — и это видно, — что я замешан в «этом деле»... Крепко любящий тебя.

Дмитрий.

Покажи письмо Марии [1]). Скажи ей, что я часто о ней думаю и не забуду трогательное ее отношение ко мне в трудные минуты. Крепко ее и еще раз тебя целую. Любящий тебя «изгнанник».

4.

Казвин, Персия. 1917 г., 7 февраля.

Мой дорогой папа.

Спасибо, милый, за письмо твое. Мне так приятно слышать о вас всех, мне дорогих и близких.

Тетя Михен [2]) прислала мне копию письма, которое семейство написало.

---

[1]) Деревня, где тогда был расположен штаб 1 кав. Кавказского корпуса, (*Прим. в подлиннике*).

[1]) Мария Павловна, младшая—сестра Дм. Павловича.

[2]) Мария Павловна, старшая,— вдова вел. кн. Владимира Александровича.

И странная на этом письме резолюция. Действительно, резолюция вполне неожиданная. Фраза «никому не позволено заниматься убийствами» как-то ставит семейство в положение шайки преступников, занимающихся разбоем и грабежами на большой дороге.

Потом вполне согласен с тобою, что крайне странно было писать тебе и Марии ласковые записки. Повидимому, они строго различают вас от меня. Да, видно, что в Александровском дворце раздражение большое еще. И потому мое личное впечатление, что надо теперь временно вполне успокоиться и больше ни о чем не просить. Я боюсь, что такими просьбами и записками делу не поможешь, а только будет хуже раздражать. А между тем пока мне здесь не так плохо. Ты так же хорошо, как и я, знаешь, что поступки Александровского дворца иногда лишены логики. И, зная это, я опасаюсь, что если теперь, пока раздражение не улеглось, просить и чего-то добиваться по отношению ко мне, — это приведет лишь к тому, что «там» скажут: «Ах, ему плохо в Персии, — не угодно ли в Сибирь», на зло тебе и всей семье.

Поэтому я лично советую и даже прошу придерживаться выжидательной политики и ровно ничего до поры до времени не предпринимать. Уверен, что так лучше и что ты меня поймешь.

Как я писал мамочке, дело Марианны меня возмутило как по обстановке, так и потому, что Протопопов ей говорил, — какая удивительная наглость! [1])

Теперь поговорю о себе. Здоровье мое отлично. Да и не удивительно, ибо погода тут прекрасная. Днем тепло, как бывает в Петрограде лишь в конце апреля. Я очень много выхожу, много катаюсь верхом на чудном жеребце-текинце (подарок мне одного богатого перса), успел уж загореть, как летом. Настроение мое очень спокойное и тихое. Я, папа мой милый, твердо верю, что милость божия ни меня, ни вас, дорогие мои, не оставит. Мысль о том, что будущее будет, должно быть светлым, сильно поддерживает меня. Все обойдется. А что бы ни было, — ты правду знаешь! Ты знаешь также, что сын твой чист от липких пятен крови. Совесть его прозрачна, и любовь к тебе сильная и большая. Ну, а ты, дорогой, что поделываешь, как здоровье? Как настроение? Судя по письму, оно не важно. Ах, как мне хотелось бы издали тебе прислать немного тепла из Персии, недаром названной страной льва и солнца! Мне хотелось бы узнать, что ты не слишком грустишь, что твое настроение не слишком подавленное. Ничего, родной, ничего, мой милый друг. Будь спокоен. А мне бог помогает. Я сознательно гоню от себя мысли о вас всех, мысли о том, как хорошо и уютно у вас в доме и как вкусно там едят. Почему сознательно я гоню эти мысли, спросишь ты, — да потому, что оно лучше, ибо если этим мыслям отдаться, то станет слишком тяжело на душе. Все-таки 4 000 верст — очень уж много, и если только подумаешь об этом, то, конечно, станет тоскливо и одиноко.

Твой *Дмитрий*.

Скажи Бибишкам [1]) que frère Dmitre нежно целует и постоянно думает о них так же, как о вас, родные мои.

[1]) Речь идет об обыске, произведенном в январе 1917 г. у Марианны Дерфельден, сводной сестры Дмитрия Романова.

5.

20 февраля 1917 года. Казвин, Персия.

Мой милый друг, дорогой мой папа. Спасибо тебе, родной, за письмо, которое я получил 18 февраля. Мне так страшно приятно иметь письма от всех моих дорогих, от тебя, мой милый.

Теперь, папа, я хочу поговорить с тобою на серьезную тему. А именно, относительно возможности моего переезда из Персии в Усово. Может быть, тебе будет немного неприятно, но я ведь всегда с тобою откровенен.

Ты в последнем письме своем говоришь, что Ники почти окончательно решил в марте перевести меня в Усово.

[1]) Дочери вел. кн. Павла Александровича и кн. Палей — Ирина и Наталья.

Вот тут и есть загвоздка. Послушай, мой дорогой папа. Теперь в Персии не плохо. Даже обратное. Тут тепло (в тени 10—12 град.), а на солнце так просто жарко. Следовательно, климат пока уж наверное лучше, чем в Петрограде или даже в Москве. Плохое время начнется лишь в конце апреля. Я тебя о ч е н ь, о ч е н ь прошу н е настаивать на моем переезде из Персии до апреля месяца. Потом уж, отложив вопрос климата в сторону, я должен сказать мое твердое мнение и даже убеждение, что чем меньше пока просить у их величеств относительно меня, тем лучше.

Потом еще есть вещь, которая говорит в пользу моего желания остаться здесь. А это политическая сторона. Я тут так далек от шума и грязных сплетен и пересказов. А если буду даже в Усове, — я сразу попаду опять в центр публичного внимания и толков. Ты, конечно, согласен со мною, что этого надо избежать во что бы то ни стало! Правда?

А когда наступит апрель, пройдет еще месяц, шум еще немного подтихнет [1]), и тогда мой переезд в Усово пройдет незаметно. А климатически разница между жарким югом и нашей северной весной будет гораздо меньше, чем теперь, в марте.

Вот, родной мой друг, главные причины, которые побудили меня просить о том, чтобы пока меня оставили бы здесь. Я тебя, милый, уверяю, что здесь в Казвине, совсем не плохо. Даже комната моя лучше, чем в Могилеве!

Твой «персидский изгнанник»

Дмитрий.

P. S. Значит, мои мысли относительно моего возвращения ты поймешь. Не правда ли!

Я знаю и страшно ценю, что ты хочешь мне помочь, но уж верь мне! Теперь, пока здесь еще не опасно, — лучше тут оставаться! А в конце апреля будет видно.

[1]) Так в подлиннике.

6 [1]).

29 марта 1917 года. Казвин. Персия.

Нежно любимый, мой дорогой папа. Вся душа, все мысли, ежечасно, ежеминутно летят к тебе! Храни и огради тебя господь бог.

Да. Страшное, тяжелое время переживает теперь Россия в целом и все люди, в частности. Старый строй должен был неминуемо привести к катастрофе. Эта катастрофа наступила. И осталось лишь надеяться на то, что свободная Россия, сознавая все свои силы, вышла бы из этих ужаснейших событий с честью и с достоинством.

Лозунг теперь всем должен быть: все для победы, все для войны! Очень страшно думать, что лозунг этот может замениться другим: «революция ради революции». И тогда конец!

И снова хочется мне сказать тебе, что мысли мои с тобою, всегда и постоянно. Лишь бы здоровье твое выдержало бы, а там, что бог даст.

Что касается моих планов, то скажу тебе следующее. Я вперед уверен, что ты согласишься со мною и с моими мыслями.

Дело в том, что когда здесь мы узнали о перевороте, первая мысль была о тебе, о том, что я непременно должен ехать назад. Но потом, подумавши, я переменил мнение, и вот почему. Ты знаешь, папа, что я так подумал. Если бы моментально после падения старой власти припер бы в Петроград, это было бы с моей стороны страшным хамством по отношению к бедному Ники, да потом и слишком поспешно даже по отношению к новой власти. Все газетные заметки о том, что Керенский мне сообщил о возможности вернуться, до сего дня, т.-е. до 19 [2]) марта, не оправдались.

5 марта я получил телеграмму от Миши, в которой он меня спрашивал: «Куда и когда я думаю ехать». На эту телеграмму я ответил следующее.

«Тебе известно, что мой отъезд в Персию был вызван волей твоего брата.

[1]) На конверте наклейка: «Просмотрено по распоряжению Бакинского Исполнительного Комитета».

[2]) Так в подлиннике.

Без категорических указаний оставить место своего пребывания не считаю возможным. От кого получу эти указания — не знаю».

Я думаю, что иначе я ответить не мог. Не соваться на первых же порах в Петроград, как бы слишком радуясь тому, что власть, меня выславшая, провалилась, — было подсказано чувством простого такта. Я уверен, что ты меня поймешь!

Да притом я был убежден и знал, что вы все помните обо мне, и что если мое присутствие было бы необходимым, то, конечно, вы бы меня известили. От Марии из Пскова получил тогда же телеграмму. По ней я увидел, что сестра спокойна. Кончалась ее телеграмма так: «Пока советую оставаться». Эта фраза, конечно, поддержала меня в моем решении.

Конечно, обстановка меняется так быстро, события идут с такой головокружительной быстротой, что вероятно очень, что когда это письмо будет в твоих руках, — все уже переменится.

Резюмируя все сказанное, я думаю, что если ничего нового не будет, то я появлюсь на петроградском горизонте в середине апреля.

Да. Страшное время переживаем. Главное, что давит, — это, по-моему, чувство полнейшей неизвестности. Что еще готовит судьба?

Дмитрий.

7.

23 апреля 1917 года. Казвин. Персия.

Дорогой и милый мой папа.

Это письмо доставит тебе офицер 2-го стрелкового полка штабс-капитан Михайлов. За все эти месяцы, что я в Персии, он неофициально состоял при мне, служа сам в бронированных автомобильных частях, где и заслужил свой крест.

За его скромность я вполне ручаюсь. Он малый неглупый, очень скромный и, видимо, искренно ко мне привязан. Если ты не хочешь многое писать, скажи ему на словах, он сумеет мне все правильно передать и не напутает.

Ты знаешь, что мое последнее письмо было вскрыто в Баку тамошним Исполнительным Комитетом, о чем этот Комитет мне любезно дал знать официальным письмом, причем адресовал письмо «гражданину Дм. Пав. Романову».

По счастию, «Комитет» ничего противоправительственного в моих письмах не усмотрел, и, следовательно, факт вскрытия моих писем — мне же в плюс, ибо даже с нарочным я не писал ничего предосудительного с точки зрения нового режима.

Теперь же «суди меня бог и военная коллегия». Мне слишком надоело думать о каждом слове, и поэтому, в надежде на то, что шт.-кап. Михайлова не обыщут по пути, я рискну все писать, как думаю и как чувствую.

Не боясь повторять сто раз одно и то же, я должен тебе сказать, что не проходит часа, чтобы мысли мои не шли к тебе, тоскливо окружая тебя в бессильном желании тебе помочь. Pas de nouvelles — bonnes nouvelles,— говорят. И потому я утешаю себя мыслью, что ты не слишком падаешь духом с точки зрения личного состояния. Мой бедный, близкий друг. Какие тебе судьба приготовила испытания! Если нам, молодым, тяжело и больно, — что же должен испытывать ты, у которого гораздо больше опыта и, следовательно, житейского понимания?

А что больно смотреть на тот хаос, который кругом происходит, — так это верно. Больно с точки зрения национального самолюбия, с точки зрения человека, горячо любящего родину и желающего ей крепости и величия.

Посмотри, что сделали с нашей армией. Ведь мы никогда не могли похвастать очень сильной и крепкой дисциплиной, но теперь же ее совсем уж нет. Не надо забывать, что сила и сплоченность армии является характерным показателем мощи страны. Не могу от тебя, мой родной, скрыть, что я необыкновенно мрачно смотрю на будущее. Мы, по-моему, победить или разбить врага не сможем. Да и за что теперь мы деремся? Это ужасные вещи я говорю, но ведь это сущая правда. Ты вспомни только начало войны. Уже тогда многие говорили, что из-за маленькой Сербии не стоило было затевать такую невиданную вой-

ну. И тогда, я помню, мысль о том, что у нас, у русских, наконец, осуществится наша старая, историческая национальная задача — покорение Царьграда и открытие проливов, — одна способна была морально и даже физически материально компенсировать наши колоссальные затраты, наше громадное напряжение.

Что теперь мы видим? Мы отказались от каких-либо захватов или аннексий. И, значит, отняли почти главную, если не единственую цель, за которую мы пролили и проливаем столько крови! И снова я спрошу, за что мы деремся? Не за то ли, чтобы в лучшем случае дойти до границы, и то уже сокращенной из-за самостоятельной Польши, и чтобы после войны 12 миллионов солдат, возвращаясь на родину, еще больше бы увеличили тот хаос, в котором мы сейчас?!

Возвращаясь снова к вопросу об армии, надо сказать, что прямо страшно делается, глядя на то, что в ней творится.

Даже у нас, в Персии, на далекой окраине, и то не проходит дня без того, чтобы какой-нибудь «Солдатский Комитет» не выгнал бы к чорту офицера! Ведь эти факты так часты, что на них стали даже мало внимание обращать. Или, например, пришли сюда два батальона, идущие на пополнение. Оба батальона отказались итти на позиции, а многие солдаты поступили еще проще — ушли обратно домой, предварительно выгнав по решению комитета обоих батальонных командиров. Если это все происходит здесь, где каждый солдат еще подумает 20 раз раньше, чем дезертировать, ибо ему с позиций, находящихся за Касретерином, нужно пройти до Энзели, ровно $1^1/_2$ тысячи верст пешком, что же должно происходить в России? Да там, судя по рассказам очевидцев, один ужас, в особенности на дорогах.

Да. Как мы выиграем эту войну, — я не знаю. А если мы ее проиграем, то мне лично будет прямо стыдно называться русским. Ты только подумай, с каким чувством позора мы посмотрим в глаза союзникам. Ты только подумай о национальном стыде.

Ведь всем этим «борцам за свободу» должно быть ясно, что если только мы будем побеждены немцами, то ведь от свободы ровно ничего не останется, не так ли?

Боюсь, что я тебя, мой дорогой друг, утомил своими мыслями, своими невеселыми словами, но поверь, что я так рад возможности наконец свободно потолковать с тобою, не боясь (относительно) цензуры.

Потом другая мысль мне просто покоя не дает.

В дни старого режима, в дни того, что теперь принято называть «прогнившим строем», мы часто и откровенно говорили с тобою. Ты отлично знал мои взгляды, которые шли прямо против того, что тогда творилось. Мы все приходили к убеждению, что «старый режим неминуемо должен привести к финальной катастрофе» — так оно и случилось!

Помнишь, как я был, сам того не зная, — прав, когда умолял Ники не брать командование армиями, относиться с большим доверием к народному представительству и обращать большее внимание на общественное мнение, говоря, что в противном случае все рухнет! Наконец, последним актом моего пребывания в Петрограде явилось в п о л н е с о з н а т е л ь н о е и продуманное участие в убийстве Распутина, как последняя попытка дать возможность государю открыто переменить курс, не беря на себя ответственность за удаление этого человека (Аликс ему это бы не дала сделать). И даже это не помогло и все осталось попрежнему, если не стало еще хуже!

Так вот какая мысль мне не дает покоя, видя, что творится кругом. Неужели старое правительство было право, когда в основу всей своей политики (против которой я так восставал) клало идею о том, что мы, русские, не доросли до «свободы»?

Неужели это действительно так? Неужели русский человек видит в «свободе» не увеличение гражданского долга (не за страх, а за совесть), а просто свободу делать все, что раньше не делалось, все, что раньше запрещалось?

Неужели наша русская психология не признает другой свободы, как свободы хамского желания, самого грубого его исполнения и абсолютное непонимание спокойного и сознательного национального самоуважения?

Вот эта мысль ужасна!

Когда я был в Тегеране, то мне пришлось очень много говорить с английским посланником Sir Marling'ом. Он большой друг Бьюкенена и, следовательно, по его словам можно было судить и о политике этого последнего. Когда я только приехал в Тегеран, то после первого же разговора увидал, что у англичан да и у других иностранцев несколько неправильная точка зрения на то, что происходит в России. Скажу больше. Англичане даже немного радовались тому, что писалось о нашей революции, но потом старый Marling стал призадумываться, ибо ему стали знакомы многие факты, которые он раньше игнорировал, находя, что это лишь временные явления как, например, вопрос об армии. В одном из наших разговоров он меня спрашивал, как я лично смотрю на все происходящее. Тогда я ему и сказал, что лично я нахожу, что единственный способ выйти с честью из создавшегося положения, это — безусловное подчинение Временному Правительству. Что, говорил я дальше, происходит в стране, кого мы арестуем, кого судим — это все не касается иностранцев. Но наших союзников должны интересовать события лишь постольку, поскольку мы можем сдержать наши обязательства по отношению к ним. Слушал старый Marling внимательно и, наконец, совершенно согласился со мною. Когда я покидал Тегеран, у него уже больше не было того радостного отношения, обидного для русских и русского самолюбия, какое наблюдалось у него раньше.

Думается мне, что у Бьюкенена «рыло-то в пуху» относительно нашей революции. Мне кажется, что общая ошибка их, иностранцев, заключалась в том, что они думали, что революция пошла сверху и, следовательно, анархия и хаос, всегда идущий с революцией снизу, устранены!

Теперь им приходится немного изменить их точку зрения, ибо у нас именно все теперь пошло снизу. Ужасно боюсь, что ты давно послал меня с моим громадным письмом к чертям. Поэтому я перестаю говорить о политике, ибо я свободно мог написать целый том, если не два, и перехожу к личным вопросам.

27 марта я послал телеграмму на имя председателя Совета Министров кн. Львова. Вот дословно то, что я написал.

«В вашем лице заявляю свою полную готовность поддерживать Временное Правительство. Ввиду появившихся в газетах сообщений о принятом будто бы Временным Правительством по отношению ко мне решении касательно моего возвращения в Россию и не имея лично никаких данных, подтверждающих или отвергающих это, очень прошу, если найдете возможным, не отказать сообщить, совпадают ли эти сообщения с действительным решением Временного Правительства».

Ответ получился следующий от того же князя Львова.

«Временное Правительство никаких решений касательно вашего возвращения не принимало».

Должен сознаться, что этот ответ поставил меня втупик. А с другой стороны, я, значит, был прав, когда решил не верить в газетные сообщения, говорящие о том, что Керенский мне дал знать о том, что я могу вернуться.

Что касается моих планов, то они следующие, хотя, конечно, теперь события так быстро идут, что и планы могут меняться, как калейдоскоп.

Да так фактически оно у меня и вышло, ибо я раза два менял свои решения.

Должен сознаться совершенно откровенно, что я не особенно пока желаю возвращаться обратно в Россию. Что мне там делать? Вернуться и спокойно, сложа руки, смотреть на тот хаос, который происходит, и подвергаться разным обидным инсинуациям только за то, что я ношу фамилию Романова, — я не смогу. А быть арестованным после того, что я для блага родины поставил на карту свое доброе имя, участвуя

в убийстве Распутина, я считаю для себя обидным! И даже мелким!

Поэтому я и решил пока посидеть в Персии. Но, конечно, милый мой папа, это немного эгоистическое решение сейчас же распадается прахом при одном лишь намеке от тебя, что я для тебе могу быть полезен, могу быть в пользу или просто нужен, по соображениям ли материальным или просто нравственным!

Пожалуйста, не думай о моих личных желаниях и, если только тебе действительно меня нужно, я приеду — будь то в вагоне 3 класса или для «перевозки мелкого скота».

Думал я одно время итти в строй, но потом отказался и от этой мысли, ибо и в строю не легче. На каждом шагу ложность положения сказывается с удивительной ясностью. Иногда меня демонстративно называют офицеры и солдаты «господин штаб-ротмистр», иногда никак, а иногда попрежнему величают императорским высочеством, боязливо оглядываясь по сторонам!

Но не подумай, что во мне говорит чувство оскорбленного величия, а просто больно за ложность положения. Скажи мне сегодня, что я больше не великий князь, а просто monsieur (гражданин) Романов, было бы во сто раз лучше. По крайней мере, положение было бы ясное и вполне определенное. Что это — справедливо нас лишать княжеского достоинства, а председателю Временного Правительства Львову оставлять его титул князя — вопрос иной.

Но ведь теперь имя «Романов» является синонимом всякой грязи, пакости и недобропорядочности!

Но возвращаюсь снова к основному вопросу, т.-е. моим планам.

Значит, в строю (в тесном смысле этого слова) весьма трудно, в особенности пока положение наше не выяснено.

В Казвине стало тоже очень трудно, ибо здешний «Исполнительный Комитет» стал весьма агрессивен.

Взяв все это в соображение, я ухватился руками и ногами за предложение командира нашего 1 Кавказского кавалерийского корпуса ген. Павлова (твой хороший знакомый) — ехать в Тегеран, как офицер для связи при миссии, в которой много точек соприкосновения, ибо нельзя забывать, что наши войска находятся в нейтральной стране и, следовательно, наряду с военными вопросами, постоянно возникают вопросы политического характера.

Следовательно, я поеду на этих днях в Тегеран. Я там уже успел побывать на пасхе. Там сравнительно меньше этой неприятной стороны революции и не могу я скрыть, что там отдыхаешь нравственно, причем, конечно, условия и жизни и климата несравненно лучше, чем здесь, в Казвине. Дня четыре тому назад я проехал в Хамадан повидаться по делам службы с ген. Павловым. Ему, бедному, очень здесь трудно. Он необычайно остро и болезненно переживает все перемены, новые порядки и новые точки зрения, касающиеся армии вообще и дисциплины в частности.

Что касается климата, то уже жара бывает страшная (30°) в тени по Реомюру.

Но так как воздух сухой, то и переносить жару совершенно легко и совершенно без испарины!

Что касается моих дел в Петрограде, то я безусловно доверяю моему старому другу Лаймингу. И поэтому думаю, что и там пока мое присутствие уж не так необходимо.

Дмитрий.

P. S. Дай Марии прочесть это письмо.

8.

9 сентября 1917 года. Тегеран.

Дорогой и родной мой.

Благодарю тебя за письмо твое. Пользуюсь оказией, которая уезжает сегодня ночью, чтобы написать тебе несколько слов. Мысли мои постоянно с тобой. О последнем событии мне известно по газетам.

Я лично тоже не думаю уезжать никуда. Буду сидеть здесь. — Извини за мазню. Но приходится торопиться, ибо я не знал до последней минуты, что можно дать письма...

Поблагодари Мишу за его милое письмо. Извинись, что не могу ответить — но времени нет. Я это сделаю непременно при следующем случае.

Твой *Дмитрий.*

9.

18 сент. 17 года. Тегеран—Персия.

Милый мой, родной папа.

Снова тебе волнения. Читал с ужасом и испугом, что тебя лишили свободы. Потом, когда справился через Бьюкенена, то вдобавок узнал, что у тебя был припадок желудочного недомогания! Неужели это повторение того, что было у тебя в прошлом году! Бога ради береги себя. По газетам знаю, что поднят был вопрос о твоем отъезде за границу. Мне кажется, что это было бы лучшим выходом из создавшегося положения. Не все ли равно, каким термином назовут твой выезд: изгнанием или чем-либо еще. Но зато моя душа была бы спокойна, что ты дальше от этого котла. Следить [1]) со страхом за эпопеей ген. Корнилова! Нашелся все-таки человек, который, рискуя собственной кожей, решил перейти от слов, споров, заседаний, митингов и совещаний к делу. Нужно лишь поражаться, что только один такой нашелся генерал. А сидя тут вдалеке, мне кажется иногда, что там, в России, все посходили с ума. Ведь, действительно, только и читаешь, что про разговоры под тем или другим соусом. А о настоящем деле никто не думает. Даже среди членов Временного Правительства не нашелся человек, который сумел бы действительно перейти от слов к делу. Все только спасают революцию, а о бедной России никто не думает. Где же русские люди, где патриоты, где Минин и Пожарский наших дней! Или действительно Россия достойна того, что в ней теперь происходит. Есть поговорка, что у страны всегда правительство его достойное. Пожалуй, это именно применимо теперь к нам!

Родной мой, когда это бог приведет увидеться снова? Когда это мы сможем откровенно потолковать? Я боюсь, что я делаюсь однообразным. Что в каждом письме я говорю одно и то же. Но что же делать, моя душа так полна этими мыслями, что невольно повторяешься. Храни тебя господь, мой близкий, мой родной. Крепко обнимаю тебя.

Твой *Дмитрий.*

10.

Тегеран, 17 окт. 17 года.

Родной мой, милый мой папа.

Снова есть случай послать тебе несколько слов из далекой Персии, из поганого Тегерана. Я опять живу здесь, и снова все еще пользуюсь радушным гостеприимством милого Marling'а и его жены. И, конечно, я отлично сознаю, что мне тут во сто раз лучше, чем вам в Петрограде.

Читаю газеты, и просто сердце обливается кровью. — Эвакуация Петрограда. Дождались мы до этого позора. Допрыгались! Что ты в связи с этим думаешь делать? Куда ты будешь «эвакуироваться»? — Боже мой — Петроград под ударом! Неужели такой факт неспособен будет разбудить патриотизм в русских людях...

Дмитрий.

11.

28 октября 1917 года.

Курьер не уехал, и потому я могу снова тебе написать два слова, мой родной, мой милый папа!

И снова мое сердце сжимается от ужасной тоски и от беспокойства. Последние телеграммы принесли весть, что в Петрограде восстание. Столкновение Советов с правительством за обладание властью. — Храни и милуй вас господь, мои родные.

Боже мой, когда же этот ужас кончится, когда же это перекатит? Когда мне можно будет легко вздохнуть, зная, что ты в безопасности?

Твой *Дмитрий.*

[1]) Так в подлиннике.

Разгром «южно-русского рабочего союза» в 1880—1881 г.г.

Насколько разносторонняя деятельность «Южно-русского рабочего союза» 1880—1881 гг. получила в последнее время достаточное освещение в ряде публикаций, исследований и мемуаров, настолько истинные причины быстрого и последовательного разгрома «Союза» остались скрытыми и неразгаданными. История разгрома «Союза» — единственный, пожалуй, существенный пробел в литературе об этой организации. Восполнить этот пробел и имеют целью публикуемые ниже документы.

Даже самый беглый анализ относящихся к разгрому «Союза» документов и материалов, опубликованных Е. Н. Ковальской [1]), приводит к убеждению, что, начиная, приблизительно, с сентября 1880 г. и вплоть до ареста «Южно-русской вольной типографии» (28 апреля 1881 г.), «Союз» и его главные деятели находились в сфере постоянных наблюдений и слежки со стороны киевского губернского жандармского управления. Говоря иными словами, в промежуток времени сентябрь 1880 г. — апрель 1881 г. существование «Союза» и расцвет его деятельности до некоторой степени зависели от сыскной тактики В. Д. Новицкого и, главное, Г. П. Судейкина — жандармского капитана, который на разгроме «Союза» особенно отличился и обеспечил себе тем блестящую карьеру.

Три основных момента последовательно определяют разгром «Союза»: арест 22 октября 1880 г. Н. П. Щедрина и Е. Н. Ковальской, арест 4 января 1881 г. А. И. Преображенского, С. Н. Богомолец, И. Н. Кашинцева и М. Н. Присецкой и арест 28 апреля 1881 г. «Южно-русской вольной типографии». Обращаясь к документам, мы видим, что еще задолго до ареста Щедрина и Ковальской киевские жандармы были хорошо осведомлены о деятельности «Южно-русского рабочего союза» и его главных деятелях.

Так, напр., прокурор киевской судебной палаты Загоскин 15 сентября 1880 г. писал министру юстиции, что «7 сентября, при личном объяснении, начальник жанд. упр. (Новицкий) сообщил мне, что хотя он и имеет сведения о существовании в Киеве тайной ручной летучей типографии, где отпечатаны объявления от «ЮРРС», но находит преждевременным теперь же приступить к формальному дознанию, так как, по сведениям, добытым путем негласных наблюдений, не выяснились еще с достоверностью из числа заподозренных лиц те, которые могли бы быть обвиняемыми»...

Вследствие этого, — сообщает далее Загоскин, — «при участии товарища моего Качукова 7 сентября составлено постановление о том, чтобы в настоящее время ограничиться негласным расследованием со стороны жандармского управления и приступить в дознанию лишь тогда, когда будут обнаружены обстоятельства, дающие основания к обвинению кого-либо в печатании и распространении объявлений» [1]).

Говоря об аресте Щедрина, проживавшего в Киеве под фамилией Алексея Лескова, и об обстоятельствах установления его личности, В. Д. Новицкий в неопубликованном рапорте в департамент государственной полиции от 27 октября 1880 г. (за № 2965) [2]) писал: «Если бы приметы Щедрина [3]) были

---

[1]) См. ее работу «Южно-русский рабочий союз в Киеве 1880—1881 гг.» в сб. «Южно-русские рабочие союзы», изд. Центрархива, М. 1924 г., или отд. изд. из-ва Всесоюзного о-ва политкаторжан, М. 1926 г. Ср. также ст. М. Балабанова «К истории Южно-русского рабочего союза» в сборн. «Труд и борьба», кн. I, изд. «Сорабкооп», Киев 1924 г.

[1]) Ковальская, назв. соч., отд. изд., стр. 39—40.

[2]) Этот рапорт остался неизвестным Е. Ковальской, работавшей над делом деп. полиции о «Союзе». Подлинник его находится в бумагах ген.-адъют. П. Черевина.

[3]) Щедрин разыскивался раньше департаментом полиции. Приметы его были описаны только в циркуляре департамента полиции от 9 октября 1880 г. № 7668, который Новицкий получил

мне ранее известны, то я полагаю, что значительно раньше последовало бы и его задержание, так как он, явясь в Киев и принимая все меры к своему скрывательству, не выходил из устроенной при вверенном мне управлении сети наблюдения»...

Точно такую же картину долгой предварительной слежки и известной осведомленности мы имеем и в отношении других деятелей «Союза», арестованных позже. Через два дня после ареста Щедрина-Лескова и Ковальской, 24 октября 1880 г., тот же Новицкий сообщил в департамент полиции: «Лица, составляющие этот «Союз», в большинстве известны вверенному мне управлению и наблюдающим за ними жандармам; в «Союз» этот входят представители от арсенальных рабочих и железнодорожных и лица, агитирующие в среде мастеровых и рабочих, но арестовывать их я считаю преждевременным, ввиду обнаружения типографского станка, местонахождение которого пока еще неизвестно, и нецелесообразным ввиду многочисленности арестов, которые бы пришлось произвести над лицами, которых весьма тяжело и почти невозможно уличить юридическими данными в государственном преступлении». И дальше: «Арест Лесковых (Щедрина и Ковальской) произвел подавляющее действие на прочих членов, за которыми установлено систематическое секретное наблюдение» [1])...

Исключительно тактические соображения заставляли Новицкого и его ближайших помощников Г. П. Судейкина и А. С. Скондракова воздержаться от разгрома «Союза» раньше, чем то на деле случилось. Установить местонахождение типографии и, главное, создать те «юридические данные», благодаря которым можно было бы обратить деятелей «Союза» в обвиняемых,— вот над чем трудились киевские жандармы с сентября 1880 г. по апрель 1881 г.

Кому Новицкий, Судейкин и Скондраков обязаны такой своевременной и верной информацией? Кто представлял их интересы в центре «Союза»? Кто из деятелей «Союза» был тем злостным предателем, который выдал организацию и уготовил своим товарищам долгие и тяжкие годы каторги на Каре и в Шлиссельбурге?

Е. Ковальская, касаясь этого вопроса, в названной своей работе называет одно имя — провокатора Ярослава Герасимовича Пиотровского, носившего в революционных кружках кличку «Пан». В одном из цитируемых ею донесений Новицкого имеется прямое указание, что она, Ковальская, и Щедрин арестованы «благодаря Пиотровскому» [1]). Этот факт, роль Пиотровского в деле агитации среди чиншевиков местечка Ходоровки, получение им постоянного жалованья и единовременных пособий и т. д., — все это наводило на подозрение, что он, хотя и не состоя членом «Союза», был как будто лицом, которое все время осведомляло жандармов о деятельности «Союза». Но прямых указаний на то, что он причастен к арестам 4 января и 28 апреля 1881 г., не было.

Публикуемые нами здесь материалы — заявление Мартына Ратке на имя министра внутренних дел и, как проверочные источники, подтверждающие заявление Ратке, отзывы начальников киевского и саратовского губернских жандармских управлений, Новицкого и Гусева, с достоверностью выявляют истинного и непосредственного виновника разгрома «Союза». Им, оказывается, был Мартын Ратке — активный член «Союза», хозяин одной из конспиративных квартир «Союза», который в момент ареста «Южно-русской вольной типографии» находился в помещении типографии, но «удачно бежал» тогда от преследований жандармов. Этот Ратке, который хорошо знал всех деятелей «Союза» и которого

---

27 октября 1880 г. Наблюдая за Лесковым и не имея примет Щедрина, Новицкий и не подозревал, что это одно и то же лицо. Циркуляр с приметами Щедрина открыл ему эту тайну, и, предъявив его 27 октября 1880 г. Лескову, Новицкий тем заставил его признаться, что он — Щедрин.

[1]) Ковальская, стр. 43.

[1]) Ковальская, стр. 36. О нем см. там же, стр. 34—37 и 72—77.

все знали, был в течение продолжительного времени агентом Судейкина и помогал ему как в розысках, так и в изобретении нужных «юридических данных».

Конечно и упомянутый Пиотровский состоял в числе «осведомителей» Новицкого. Но даже в приписываемом ему аресте Щедрина и Ковальской активная роль, как то видно из заявления Ратке и слов Новицкого, принадлежит Ратке. Он же причастен и ко всем остальным провалам «Союза» в 1880—1881 гг., включая арест Доллера 7 мая 1881 г. От него одного, видимо, тянулись все нити по постепенной и планомерной ликвидации «Союза». Будучи верным и главным орудием в руках Судейкина, Ратке как активный провокатор характеризует собою начало той специфически судейкинской системы сыска и провокации, которую будущий инспектор секретной полиции стал применять на юге в 1880 г. и которая пышным цветом расцвела позже, 1882—1883 гг.

Саморазоблачив свою роль в разгроме «Союза», Ратке, к сожалению, умолчал о своей последующей деятельности как судейкинского агента-провокатора среди рабочих Саратова, Москвы и Петербурга. Нам неизвестна фамилия, под которой он там подвизался. Но одна наружная примета выдает его с головой: по словам Новицкого, Ратке не имел носа. Быть может кто-либо из здравствующих восьмидесятников вспомнит безносого провокатора? Не помнят ли его за «работой» среди рабочих завода Семянникова в Питере в начале 80-х годов?

Р. Кантор.

Прошение Мартына Ратке на имя министра внутренних дел [1]).

Его сиятельству господину министру внутренних дел

Варшавского гражданина
Мартына Ратке [2])

Прошение.

Принадлежа к партии народников и живя в Киеве, в бытность там на должности помощника киевского губернского жандармского управления покойного инспектора секретной полиции подполковника Судейкина, я занимал довольно выдающееся положение в среде своих собратов *) по мышлению, почему и был хозяином конспиративной квартиры, известной под названием «Главный штаб». Последнее обстоятельство дало мне полную возможность делать сопоставления между словами и делом лиц нашего общества, результатом чего было полнейшее разочарование в действительную честность *) всего известного мне революционного предприятия, и я стал сознавать тот ужасающий вред, который вносило наше лжеучение в среду молодого поколения. Дальнейшее участие в деятельности лиц такого политического направления сделалось для меня уже непосильным. Но, желая по мере своего разумения быть человеком полезным, я решил, наружно оставаясь тем же горячим сторонником партии, предложить свои услуги правительству, почему и просил капитана Судейкина [3]) принять меня в число своих секретных агентов. Просьба моя была уважена покойным, что на первых порах дало мне возможность предупредить убийство начальника киевского арсенала полковника Коробкова [4]), и, впоследствии, отдать в руки правительства тайную типографию, помещавшуюся на Желянской улице в доме № 63, причем были арестованы работавшие в ней Иванов [5]) и саксонский подданный Кизер [6]); я же выскочил в окно и будто бы спасся бегством [7]). Затем разновременно чрез мои указания были взяты: французский подданный Доллер [8]), жена доктора Богомолец [9]), курсистки Присецкая [10]) и Ковальская [11]) и другие, судившиеся в 1881 году в г. Киеве в числе десяти [12]). На этом обрывается моя киевская деятельность и по май м[еся]ц 1883 года я работал по разным поручениям в Саратове, Москве, в селе Кимрах и, наконец, в Петербурге на заводе Семянникова. В марте м[ся]це того же 1883 года покойный инспектор командировал меня в г. Саратов для озна-

*) Так в подлиннике.

комления со существующими там рабочими кружками. Исполняя эту миссию, я был заподозрен в предательстве интересов революционного дела, в силу чего в августе того же года со мной решили покончить убийством. Только счастливая случайность открыла мне заговор моих знакомых, почему тогда же я и был отозван подполковником Судейкиным в Петербург и уже, в силу невозможности продолжать службу на поприще правительственного политического агента, с тех пор и до сего времени безвыездно и под чужим именем, по документу, получаемому мною от охранного отделения, живу в Петербурге [13]).

В настоящее время расстроенное прошедшей жизнью здоровье мое, вконец расшатываемое климатическими условиями Петербурга, тоска по родине, где я оставил теперь уже 65-летнюю старуху-мать, наконец впезапная роковая кончина подполковника Судейкина и быстро последовавшие замены одного другими лицами, в некотором отношении его заступающими, — все это заставляет подумать о своей хотя и непродолжительной будущности, тем более, что даже последний вид на жительство я получил от охранного отделения не без затруднений, и мне сказали, что это в последний раз. Но, так как с получением означенного документа связано мое проживание в Петербурге, а вместе с тем и состояние в числе агентов охранной агентуры, где, хотя и не несу служебных обязанностей, но, ввиду возмездия за свою прошедшую деятельность, крайней материальной несостоятельности и непоправимо расстроенного здоровья, еще по распоряжению подполковника Судейкина, продолжаю получать ежемесячно по тридцати рублей, то, следовательно, через три месяца, на которые мне выдан вид, я должен очутиться в самом фатальном положении: и без документа на жительство и без малейших средств к существованию. Не скажу, ваше сиятельство, что, состоя на службе у подполковника Судейкина в качестве политического агента, я не получал денежного возмездия за свои услуги, но при этом беру на себя смелость обратить милостивое внимание ваше на следующее обстоятельство: тот период времени, с которым связана самая активная часть моей служебной деятельности, по ограниченности ли денежных средств, отпускаемых в распоряжение киевского губернского жандармского управления, или по другим каким-либо обстоятельствам, не давал возможности тогда еще капитану Судейкину вознаградить меня по заслугам, и те 15, потом 20 рублей, которые я получал, шли на расходы по тому же делу, которому я служил. Но покойный всегда утешал меня тем, что устроит мне безбедную будущность, и я не могу сказать, чтобы он этого не исполнил; при его жизни грядущее не пугало меня, как теперь, всеми ужасами всесторонне беспомощной нищеты; он даже давал мне деньги на то, чтобы я купил себе в Смоленске небольшой домик и занялся бы каким-либо ремеслом. Но ввиду того, что сам он, как неоднократно высказывал, намерен был пробыть на службе только до весны, и я отъезд свой из Петербурга откладывал до того же времени. Теперь все рушилось, и предо мной мало-по-малу открывается картина моей будущности самого мрачного вида.

Осталась одна надежда, один благоприятный исход — это просьба, обращенная к справедливости вашего сиятельства: позвольте же просить вас, не признаете ли возможным обеспечить меня хотя самой небольшой пожизненной пенсией и приказать выдать мне постоянный вид на жительство. Питаю надежду, что два-три года, которыми доктора определяют продолжительность моей жизни, ваше сиятельство не дадите остаться мне без крова и куска насущного хлеба, чем заставите до гроба благословлять ваше имя и в последнюю минуту своего ужасного прожитого проститься со светом без тяжелого, но справедливого укора правительству в самой черствой неблагодарности. Считаю не лишним сказать в заключение, что служебную деятельность мою знают полковники киевского и саратовского жандармских управлений Новицкий и Гусев [14]), а также хорошо знает и исправляющий

должность инспектора секретной полиции подполковник Скондраков [15]). В справедливости же описываемого мною состояния моего здоровья ваше сиятельство имеете возможность убедиться, приказав подвергуть меня медицинскому освидетельствованию.

Мартын Ратке.

11 ноября 1884 года, г. С.-Петербург.

Отзыв начальника киевского губернского жандармского управления полковника Новицкого*) о М. Ратке [16]).

Секретно.

Господину директору департамента полиции.

На предложение от 18 декабря за № 3418 имею честь донести вашему превосходительству, что бывшего сотрудника, секретного агента вверенного мне управления Мартына Ратке я как его, так и сотрудническую его деятельность по г. Киеву очень хорошо знаю, он безусловно принес большую пользу делу и оказал немалые услуги правительству своими открытиями, которые всегда сопровождались правдивыми и вескими указаниями с его стороны, он резко отличался от других агентов всегдашнею правдивостью показаний, и приносимые им сведения не ставили никогда на ложный путь и не вызывали даже последнее время проверки сделанных им указаний; к главным заслугам Ратке, им оказанным, я отношу: последовательное заарестование в Киеве вожаков и организаторов-террористов «Южно-Рабочего Союза», прекратившего недолгое свое существование благодаря исключительным указаниям Ратке, который предупредил также задуманное убийство заведывающего работами в киевском арсенале полковника артиллерии Коробкова, об убийстве коего уже были заготовлены печатные прокламации, отобранные у Софьи Богомолец. Сверх того, по указаниям Ратке в 1881 году заарестована была тайная типография «Южно-Рабочего Союза», которая успела отпечатать, но не распространить прокламации в дни беспорядков в Киеве в 1881 году, когда шел повсеместный погром евреев, соединенный с буйствами и открытыми грабежами на улицах города, продолжавшимися три дня сряду, и когда члены социально-революционной партии уже задумывали пристать к черни и рабочему люду, о чем сделал предупреждение Ратке, по указаниям коего заарестованы были в Киеве видные политические деятели: Николай Щедрин [17]), Павел Иванов, Богомолец, Кашинцев [18]), Преображенский [19]) и другие, а также взяты были при обыске под полом, где хранилась типография союза, предметы церковной утвари, выкраденные из церквей, и весьма ценные.

После открытий главных *) положение Ратке в партии пошатнулось, он был заподозрен, и ему пришлось удалиться из Киева, оставив даже в Киевской губ. семью; положение Ратке, после сделанных им открытий, усугублялось и ныне находится безусловно в самом тяжелом положении уже по одному тому, что он по особенно заметному физическому своему наружному недостатку (он не имеет носа) поневоле должен был укрываться в отдаленных губерниях, как, например, в Саратовской, лишь бы не попасться в руки членов партии, которые делали угрозы на его жизнь.

Ратке безусловно, по моему мнению, заслуживает пожизненную пенсию в размере от 300 до 400 рублей в год.

Полковник *Новицкий.*

Отзыв начальника саратовского губернского жандармского управления полковника Гусева о М. Ратке **).

Секретно.

В департамент полиции.

Во исполнение предписания от 18 декабря за № 3419 имею честь представить:

*) На подлиннике штамп: «Начальник киевского губернского жандармского управления. 26 декабря 1884 года. № 4168. Киев.

*) Так в подлиннике.

**) На подлиннике штамп: «Начальник саратовского губернского жандармского

Мартын Ратке был прислан в 1882 году в г. Саратов подполковником Судейкиным для того, чтобы Ратке, проживая здесь под чужим именем, мог скрыться от преследования лиц, участвовавших в устройстве тайной типографии в Киеве, в обнаружении которой Ратке как агент принимал деятельное участие. Проживая в Саратове до июня месяца 1883 г., он получал через меня от подполковника Судейкина назначенное ему жалованье.

Наблюдения свои по агентуре Ратке вел самостоятельно, обращаясь ко мне иногда лишь за некоторыми справками и указаниями, но о результатах своих наблюдений сообщал подполковнику Судейкину от себя непосредственно.

Мне приходилось слышать от полковника Судейкина, что он разумел Ратке как ловкого, смелого и верного своему делу агента, но что, насколько можно судить из сообщений его по Саратову, здесь не было ничего сколько-нибудь особенно выдающегося, почему Ратке и был отсюда отозван.

Полковник *Гусев* [20]).

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Все публикуемые документы извлечены из дела III делопр. департамента полиции № 897 за 1884 г.: «По прошению варшавского гражданина Мартына Ратке о назначении ему пенсии». Архив. Рев. и Внешней Политики).

[2]) В подлинном паспорте Ратке, найденном в помещении «Южно-русской вольной типографии» при ее аресте, он значился жителем Влоцлавского уезда, гмины Гржедич.

[3]) Судейкин Георгий Порфирьевич, жандармский подполковник (убит 16 декабря 1883 г. С. П. Дегаевым), будучи в 1880—1881 гг. помощником начальника киевского губернского жандармского управления В. Д. Новицкого (в чине капитана), фактически руководил всей сыскной работой по разгрому «Южно-русского рабочего союза». Именно тогдашняя успешная деятельность Судейкина в Киеве, при которой он широко прибегал к провокационным приемам, обнаружила его таланты первоклассного сыщика и значительно способствовала тому, что он впоследствии был выдвинут на руководящую работу по борьбе с революционным движением в империи, на специально для него созданную должность инспектора секретной полиции с почти неограниченными полномочиями.

[4]) Коробков, артиллерийский полковник, помощник начальника и заведующий работами киевского арсенала, за систематические издевательства над рабочими и беспощадную эксплоатацию их был «Южно-русским рабочим союзом» приговорен к казни. Судя по заранее отпечатанной «Союзом» прокламации о казни его, террористический акт был приурочен к 4 января 1881 г. Как раз в этот день были арестованы в Киеве главные деятели «Союза»: А. И. Преображенский, И. Н. Кашинцев, С. Н. Богомолец и М. Н. Присецкая. Е. Н. Ковальская говорит, что акт не был приведен в исполнение вследствие возникших на этот счет разногласий в «Союзе». Быть может, что по существу оно так и было. Но в кругах киевского губернского жандармского управления считали, что казнь Коробкова была предотвращена именно арестами 4 января 1881 г. (см. Е. Ковальская «Южно-русский рабочий союз», М. 1926 г., стр. 52, 53, 60, 68, 69, 117, 120—122).

[5]) Иванов Павел Осипович (род. 1854 г.), дворянин, студент Киевского университета, член «ЮРРС», арестован 28 апреля 1881 г. По процессу «Союза» приговорен к 20 годам каторги, которую с 1883 г. отбывал на Каре, а с 1890 г. в Акатуйской тюрьме. Умер в 890-х годах от тифа в Кадае.

[6]) Кизер, Вячеслав (Венцеслав) Эдуардович, саксонский подданный, рабочий-слесарь, член «ЮРРС», арестован 28 апреля 1881 г. По процессу «Союза» приговорен к ссылке на поселение в Восточную Сибирь. С 1882 г. находился в Якутской области. В феврале 1890 г. выслан за границу без права возвращения.

управления. 26 декабря 1884 г. № 1508. г. Саратов».

[7]) «Южно-русская вольная типография» арестована 28 апреля 1881 г. Официальные материалы об аресте типографии и побеге Ратке см. в названной брошюре Е. Ковальской, стр. 80—86. К сказанному там необходимо добавить, что, по сообщению киевского губернатора от 7 мая 1881 г. № 157 в департамент полиции, производившие обыск жандармы якобы преследовали Ратке, бросившегося в открытое окно, но безуспешно.

[8]) Доллер Ал-др Ив., французский подданный, рабочий-столяр, в революционном движении участвовал с 1878 г., член «ЮРРС», арестован 7 мая 1881 г. По процессу «Союза» приговорен к ссылке на поселение в Восточную Сибирь. С 1882 г. находился в Якутской области, 16 мая 1893 г. утонул в Лене.

[9]) Богомолец, урожд. Присецкая, Софья Никол. (1856—1892), дочь подпоручика, студентка высших врачебных курсов, член «ЮРРС», арестована 4 января 1881 г. По процессу «Союза» приговорена к 10 годам каторги, которую до смерти отбывала на Каре.

[10]) Присецкая, Мария Никол. (род. 1860 г.), сестра С. Н. Богомолец, фельдшерица, член «ЮРРС», арестована 4 января 1881 г. По процессу «Союза» приговорена к ссылке в Томскую губ. Ссылку отбывала в гор. Каинске.

[11]) Ковальская, урожд. Солнцева, Елиз. Никол. (род. 1849 г.), окончила харьковскую гимназию, в революционном движении с начала 70-х годов, член «Черного передела» и основательница (совместно с Н. П. Щедриным) «ЮРРС», арестована 22 октября 1880 г. в Киеве. По процессу «Союза» приговорена к бессрочным каторжным работам, которые последовательно отбывала на Каре, в Иркутской и Верхнеудинской тюрьмах и Горном Зерентуе. В 1903 г. выслана в Австрию как жена австрийского подданного М. Маньковского. С 1904 г. член партии социалистов-революционеров максималистов. В конце 1917 г. вернулась в Россию и живет в Москве.

[12]) Процесс «ЮРРС» рассматривался в киевском военно-окружном суде 26—29 мая 1881 г. Обвинял известный генерал Стрельников. В числе посудимых были: Н. П. Щедрин, А. И. Преображенский, И. Н. Кашинцев, П. О. Иванов, В. Э. Кизер, А. И. Доллер, М. Н. Присецкая, С. Н. Богомолец, Е. Н. Ковальская и С. Кузнецова.

[13]) Под каким именем Ратке проживал тогда в Петербурге, как и до того в Саратове, Москве и др. местах, остается неизвестным. В деле нет никаких на то указаний.

[14]) Новицкий Василий Дементьевич, — полковник, начальник киевского губ. жанд. упр.; Гусев — полковник, начальник саратовского губ. жанд. упр.

[15]) Скондраков, Ал-др Спиридонович, жанд. подполковник, вместе с Г. П. Судейкиным участвовал в 1880—1881 гг. в разгроме «Южно-русского рабочего союза», числясь помощником начальника киевского губ. жанд. упр. В бытность Судейкина инспектором секретной полиции Скондраков ведал делами охраны в Москве и считался ближайшим помощником первого. После убийства Судейкина он короткое время занимал его пост инспектора секретной полиции.

[16]) В первую очередь по существу ходатайства Ратке был запрошен петербургский градоначальник, который 8 декабря 1884 г. ответил, что, «в виду имеющихся сведений о полезной деятельности» Ратке, он считает, что его ходатайство «вполне заслуживает уважения».

[17]) Щедрин Никол. Павл. (1854—1920), сын инженера, учитель, выдающийся революционер 70-х гг., член «Земли и Воли» и «Черного Передела», основал (совместно с Е. Ковальской) «ЮРРС». Арестован в Киеве 22 октября 1880 г. По процессу «Союза» приговорен к смертной казни, замененной бессрочными каторжными работами. Каторгу отбывал на Каре и в Шлиссельбурге, где сошел с ума. В 1896 г. переведен в казанскую психиатрическую лечебницу, в которой умер в 1920 г.

[18]) Кашинцев Ив. Никол. (род. 1860 г.), дворянин, студент-медик Харьковского университета, активный участник харьковских революционных кружков 1878—1879 гг., член «ЮРРС», арестован в Киеве 4 января 1881 г. По процессу «Союза» приговорен к 10 годам каторги, которую с 1882 г. отбывал на Каре. В 1886 г. поселен в Якутской обл., откуда в 1888 г. бежал в Болгарию.

[19]) Преображенский Алексей Ив. (1852—1902), сын священника, студент-медик Харьковского университета, в революционном движении с 1877 г., член «ЮРРС», арестован в Киеве 4 января 1881 г. По процессу «Союза» приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. С 1882 г. каторгу отбывал на Каре, в 1896 г. поселен в Чите, а оттуда в 1900 г. в Иркутске, где и умер.

[20]) Вследствие таких лестных отзывов о Ратке департамент полиции, очевидно, имел в виду предоставить ему пенсию. С этой целью 7 января 1885 г. было запрошено петербургское охранное отделение относительно местожительства Ратке, и имени, под каким проживает, на что 17 января 1885 г. последовал ответ, что Ратке, «находясь на излечении в одной из здешних больниц, несколько дней тому назад умер».

Два письма С. И. Муравьева-Апостола.

В числе «выемок», произведенных старшим адъютантом штаба I армии капитаном Сотниковым во время «разысканий» его на юге России по делу тайного общества, имеются два письма С. И. Муравьева-Апостола от 18 ноября 1825 г. Они были адресованы в Хомутец, в именье Муравьевых-Апостолов, на имя Матвея Ивановича; за выездом последнего не были взяты из Миргородской почтовой экспедиции, после «событий» в Черниговском полку, согласно общего распоряжения, были изъяты и по инстанциям дошли до Сотникова; он представил их генералу Толю как начальнику штаба I армии, а тот при рапорте от 6 февраля 1826 г. направил их в Петербург в «главный штаб е. и. в.». Директор канцелярии главного штаба (зять Муравьевых-Апостолов — М. И. Бибиков) или другой чиновник этого учреждения, рассматривавший эти письма, сделал на них пометку: «К докладу. Ничего незначущие письма». 22 февраля письма поступили из главного штаба в Следственный Комитет, внимания которого также не привлекли, получив лишь во «входящем журнале» стереотипную отметку рукой производителя дел: «К сведению».

И в самом деле ни для задач следствия ни для предстоящего суда письма С. И. Муравьева не могли дать ничего существенного. Равным образом и источником, хотя бы и очень скромным по значению, для истории тайного общества декабристов они могут быть признаны лишь очень условно. Но они представляют несомненную и большую ценность для биографа С. И. Муравьева-Апостола и являются интересным документом для культурно-бытовой истории эпохи декабристов. Они рисуют строй мыслей и чувств Муравьева в момент очень знаменательный и для него и для руководимой им Васильковской управы. Они дают материал для суждения о литературных вкусах С. И. Муравьева. Они интересны его суждениями об эпохе Великой французской революции и ее значении. Интересны морально-философские сентенции и максимы, высказываемые Муравьевым в одном из них. Далее письма дают лишнее и очень живое свидетельство о дружбе Сергея Ивановича с братом Матвеем Ивановичем и о его крепких связях с родной семьей. Наконец, они рисуют с гораздо большей определенностью, чем какой-либо из известных до сих пор документов, его интимные связи с целым небольшим усадебным мирком старой Украины.

День, когда были написаны Сергеем Ивановичем эти письма, приходится на тот короткий период временного затишья, который выпал для С. И. Муравьева и М. П. Бестужева-Рюмина перед ожидавшими в недалеком будущем и их и все тайное общество бурными и трагическими событиями. Все предшествующие месяцы 1825 года были для них наполнены кипучею деятельностью по обществу, в результате которой Васильковская управа определенно выдвигается на первое место в южной организации, оттесняя Тульчин и Пестеля на второй план. За эти месяцы было много разъездов, встреч, переговоров, и друзья чувствовали себя утомленными; Муравьев к тому же хворал.

12 ноября Бестужев-Рюмин вернулся из своей последней поездки по делам общества — в Радомысль к Швейковскому. 15 ноября Матвей Иванович, с начала месяца гостивший у брата, отправился к себе в Хомутец. И теперь Сергей Иванович и его друг, уединенно сидя в Василькове, могли отдохнуть, отдаться своим думам, читать, писать письма. В письмах Сергея Ивановича еще слышатся отголоски недавних забот по делам тайного общества, но это только отголоски, вообще же с этими письмами он уходил в мир совсем иных отношений и иных связей. Его письма адресованы — одно М. И. Муравьеву-Апостолу в Хомутец, другое, приложенное к первому, в Кибинцы — некоей m-lle Gugenet. Они переносят нас в раскинувшееся по берегам Псла и Хорола в Полтавской губернии гнездо четырех старинных украинских усадеб, имена которых неразрывно сплелись с историей Южного Общества декабристов. Прежде всего здесь следует назвать Хомутец Ивана Матвеевича Муравьева-Апостола, центр обширных вотчин, унаследованных им в 1816 году после скончавшегося двоюродного брата, подполковника Михаила Даниловича Апостола. В их состав, кроме Хомутца, входили именья Бакумовка, Поповка, Савинцы с деревнями, слободками, хуторами и мельницами. В вотчинах считалось до 4000 душ крестьян и до 13000 десятин земли; они оценивались в $1^1/_2$ миллиона рублей. Хомутец был центром их; здесь помещалась главная контора украинских имений Матвея Ивановича *). Здесь же в большом доме в 80 комнат, расположенном среди обширного до 60 десятин парка, проживал обычно Иван Матвеевич с семьею с 1817 года. До этого он жил в Бакумовке, которая передана была ему Апостолом еще при жизни — в 1801 году. Позднее Бакумовка перешла к Александру Дмитриевичу Хрущеву, в качестве приданого за дочерью Ивана Матвеевича, Анною Ивановною. В 1825 году Хрущевы жили в Бакумовке. Здесь был барский дом, большой фруктовый сад, службы и винокуренный завод, построенный еще Иваном Матвеевичем и поддерживаемый Хрущевым.

Верстах в 20 от Хомутца лежала Обуховка, принадлежавшая поэту Василию Васильевичу Капнисту, за сыном которого Семеном Васильевичем была замужем другая из дочерей Ивана Матвеевича — Елена Ивановна. Верстах в 30 от Хомутца расположены были Кибинцы, большое, окруженное гнездом сел и деревень именье екатерининского вельможи Дмитрия Прокофьевича Трощинского, бывшее центром, куда съезжались украинские патриоты *).

Старые владельцы этих имений были связаны долголетней дружбой. Как видим, все это были крупные люди своего времени, вписавшие свои имена на страницах его культурной и политической истории. Их интересы и вкусы отразились и на том бытовом укладе, какой установился в их усадьбах. Здесь много читали, много говорили о литературе и умели тонко ценить ее; здесь звучала серьезная музыка и пение **); здесь находили время для философских и политических споров. Молодое поколение всех трех семей, связанное еще более тесной дружбой, чем старики, и наполнявшее веселым шумом и оживлением старые дома, восприняло вкусы

*) Архив Окт. Рев., фонд XXV, архив Ф. П. Ожаровского, № 7/2, л.л. 1—35. У Ивана Матвеевича было еще именье в Новгородской губ., а также (на имя жены) в Тамбовской и Рязанской; они управлялись особо. В последних двух губерниях в 30-х годах за Муравьевыми считалось до 2 500 душ крестьян. (Там же, № 7/2, л. 12.)

*) О современном состоянии этих усадеб см. журнал «Пламя» за 1925 г., № 23—24, Харьков, статья Гр. Рогозовского «По декабристским гнездам».

**) Между прочим хорошо пел Иван Матвеевич Муравьев-Апостол и его дочь — Екатерина Ивановна; пел также и Сергей Иванович. Большие музыкальные способности имела рано скончавшаяся Елизавета Ивановна Муравьева, по мужу Ожаровская. «Воспоминания С. В. Скалон, урожд. Капнист», «Истор. Вестник», 1891 г., № 5, стр. 361—362, 366—367.

отцов, и в позднейших мемуарах представителей этого поколения находим воспоминания о долгих беседах, о чтении, музыке, пении то в той, то в другой гостиной. В бумагах Матвея Ивановича сохранились французские куплеты, исполнявшиеся, как видно из их содержания, в конце какого-то любительского спектакля, едва ли не в одной из этих усадеб *).

И в Хомутце и в Обуховке не раз гостили многие из товарищей Муравьевых по тайному обществу; так, здесь бывали М. П. Бестужев-Рюмин, Н. И. Лорер, Н. М. и А. М. Муравьевы, М. С. Лунин, П. И. Пестель, А. В. Поджио, А. Ф. фон-дер Бригген, вероятно и другие. Один из молодых Капнистов — Алексей Васильевич—был членом Союза Благоденствия. Разумеется, ни оба Муравьевы-Апостолы, ни их товарищи о своих конспиративных делах в гостиных не говорили, но в форме общих рассуждений или в замечаниях по поводу последних событий в России и за границей они с полной определенностью высказывали свои политические взгляды **). Старики относились к их речам со снисходительной усмешкой ***). Женская половина молодежи слушала их очень внимательно. Молодые люди, особенно братья Муравьевы-Апостолы, привозили своим приятельницам книги, указывали чтение и, видимо, оказали определенное влияние на их духовное развитие. По словам С. В. Скалон, «в беседах ее с М. И. Муравьевым незаметно пролетали целые часы». Барышни, видимо, сочувствовали идеям своих молодых друзей, смутно догадывались о каких-то опасных тайнах, которые те от них скрывали, и тревожились за них.

Вот мир, в который ведут нас печатаемые здесь письма С. И. Муравьева. Первое из них, адресованное Матвею Ивановичу, все проникнуто чувством нежной и заботливой братской любви. Сергей Иванович хотел бы еще раз укрепить Матвея Ивановича в той решимости и в том спокойствии, которые увез тот с собой из Василькова. Конечно, прежде всего он имел при этом в виду отношение Матвея Ивановича к делам тайного общества, к тем планам Васильковской управы, которыми за летние месяцы Сергей Иванович успел вновь увлечь своего вечно колеблющегося брата. Сергей Иванович спешит поделиться с ним новым ободряющим впечатлением, какое оставила в нем самом только что состоявшаяся встреча с одним из членов общества «Соединенных Славян». Но для тревог и колебаний Матвей Ивановича, кроме причин, связанных с делами тайного общества, был еще и иной, более интимный источник, именно его чувства к той m-lle Gugenet, которой адресовано второе письмо Сергея Ивановича.

О m-lle Gugenet мы знаем мало, однако совершенно достаточно, чтобы с определенностью сказать, что в отношениях между нею и Матвеем Ивановичем перед нами проходит один из тех романов, которых несколько разыгралось в 20-х годах в усадебном гнезде в старой Мигородщине. Это была «очень хорошенькая гувернантка-швейцарка» при внучке старого Трощинского — княжне Хилковой *). В показании своем от 10 апреля 1826 года Матвей Иванович говорит, что среди его бумаг, забранных полковником Гебелем и жандармами в Ва-

*) Там же, а также «Заметки» М. И. Муравьева-Апостола, сделанные в 1826 г. в крепости на листах евангелия, напечатанные в сборнике «Декабрист М. И. Муравьев-Апостол», изд. «Былое», Ленинград 1922 г., стр. 14, и бумаги М. И. и С. И. Муравьевых-Апостолов в делах № 470 и 495 фонда XXI особого отдела Архива Окт. Революции.

**) См. упоминания о политических спорах в Обуховке в письме М. И. Муравьева-Апостола к Сергею Ивановичу от 8 июля 1825 г. (Архив Окт. Рев., особ. отд., ф. XXI, № 470, л. 5), а также «Воспоминания С. В. Скалон», «Истор. Вестн.» 1891 г., № 6, стр. 614, 619 и «Сочинения П. И. Капниста», т. I, стр. 32.

***) «Воспоминания С. В. Скалон», «Истор. Вестн.», 1891 г., № 6, стр. 608—609.

*) См. «Воспоминания С. В. Скалон», «Истор. Вестн.», 1891 г., № 5, стр. 366. С. В. Скалон пишет фамилию m-lle Gugenet — Guené, давая указание на то, как она произносилась.

силькове на квартире Сергея Ивановича, была «большая переписка» его с m-lle Gugenet. 3 января 1826 года, во время остановки Черниговского полка в деревне Ковалевке, арестованный «человек» Гебеля вернул Матвею Ивановичу портфель с его бумагами, и Матвей Иванович тотчас же «истребил» письма m-lle Gugenet *). Если принять во внимание намеки печатаемого здесь письма Сергея Ивановича, становится окончательно ясно, что Матвей Иванович был неравнодушен к m-lle Gugenet. И, несомненно, именно его отношения к ней имел в виду Сергей Иванович, когда 14 июля 1825 года писал ему из Киева в Хомутец: «В отношениях с молодой особой сохраняй приветливость, достоинство, любезность и веселость. Особенно не старайся слишком руководить и наставлять ее в ее поведении. Ведь ты не можешь ей в с е сказать, а при таком количестве устремленных на вас враждебных глаз это скоро будет замечено и истолковано превратно» **).

*) Архив Окт. Рев., особый отдел, ф. XXI, № 397 — «Дело М. И. Муравьева-Апостола», л. 107, обор.

**) Архив Окт. Рев., особый отдел, ф. XXI, № 470, л. 4. Подлинник — по-французски. Таким образом указание, сообщаемое малороссийским генерал-губернатором кн. Репниным в его рапорте на высочайшее имя от 12 января 1826 г., в числе других сведений, собранных через опрос соседей Муравьевых, хомутецких дворовых и через полицейские наблюдения, что Матвей Иванович «ездил к Д. П. Трощинскому, влюбившись в внучку его кн. Хилкову», — ошибочно. Следует заметить, что Репнин сам был знаком с Трощинским, Капнистами и Муравьевыми-Апостолами; Матвей Иванович с 1818 по 1823 г. состоял при нем адъютантом. Незадолго до времени написания писем С. И. — 26 октября 1825 г. — Репнин встретился с Матвеем Ивановичем на именинах у Трощинского в Кибинцах, и тут во время обеда, по инициативе Репнина, произошло примирение его с Матвеем Ивановичем; Репнин хотел положить конец охлаждению, которое было между ним и его бывшим адъютантом после его отставки. См. Архив Окт. Рев., особый отд., ф. XXI, № 20, л. 117—120; там же дело № 395, л. 111, обор., письмо Матвея Ивановича мачехе. Ср. «Труды Полтав. Учен. Арх. Комиссии», вып. I, 1905 г., стр. 64. Ошибочно предположение С. Я. Гессена, что в m-lle Gugenet был влюблен Сергей Иванович. («Красная Нива», 1927 г. № 6), хотя отношения его к ней и окрашены очень теплым чувством.

M-lle Gugenet Сергей Иванович пишет по поводу книг, которые он ей посылает, и по поводу романа, который он сам, очевидно, только что прочел. Вероятно, так, как говорит он с нею в письме, он говорил бы где-нибудь в саду или у камина в Кибинцах или Хомутце, высказывая мысли, которые его самого волновали и занимали в то время. Он говорит о французской революции и о поэтах ее эпохи, и суждения его тем интереснее для нас, что в них легко читаются формулировки тех «правил», тех принципов, которыми определялся для самого Сергея Ивановича его собственный выбор жизненного пути, его собственные решения.

Эпоха революции в глазах С. И. Муравьева — время великого духовного освобождения. В ее бурях складывались характеры сильные и деятельные, мысль приобрела смелый полет, рождались благородные чувства. Лучшие люди этой эпохи знали истинное счастье — служить благу других. Свой порыв они передали следующему поколению. При такой оценке революции Муравьевым, когда в руки его попадает написанный в форме романа памфлет, автор которого, наоборот, хочет представить эпоху революции как время всеобщей беспринципности, всеобщего приспособления к событиям и непостоянства, он не может отнестись к этим утверждениям иначе, как к клевете, обличающей скудность дарования и пошлость самого писателя. Ему и его героям Муравьев противопоставляет людей глубокой впечатлительности, отзывчивого чувства и сильной воли. Такие люди или властвуют над событиями или падают, опрокинутые ими, но никогда к ним не приспособляются. Эти сентенции Му-

равьева, напоминающие нам теперь «общие места» морализующего философствования начала прошлого века, не были однако такими для него самого — за ними определенно чувствуется живое и совершенно конкретное содержание: слишком очевидно, что, говоря о героических натурах эпохи революции, он имеет в виду тот идеал, которому сам хотел бы следовать среди событий, которых он ожидал для себя в близком будущем.

Письма Сергея Ивановича, как сказано выше, не дошли до адресатов, за отъездом Матвея Ивановича из Хомутца. 25 ноября среди веселого вечера в Киблицах, у Трощинского, Матвей Иванович узнал о смерти Александра I. В ту же ночь, не простившись ни с кем, он уехал в Хомутец, а оттуда, повидимому 27 ноября, поспешил в Васильков, куда и приехал вечером 29 ноября *). Перед отъездом своим из Хомутца Матвей Иванович послал, надо полагать, какую-то короткую и сумбурную записку в Бакумовку, к сестре Анне Ивановне Хрущовой. Она ответила на нее следующим письмом, адресованным в Васильков, которое приводим как документ, лишний раз вводящий нас в круг семьи Муравьевых-Апостолов в роковые для нее дни конца 1825 года.

«Бакумовка, 28 ноября 1825 г.

Твое последнее письмо, дорогой Матвей, сильно встревожило нас. Зная, насколько ты восприимчив (susceptible), в самом точном смысле слова, ко всему благородному и великодушному, что может внушить чувство, нельзя не любить тебя горячо, а потому невозможно и помириться с неизвестностью относительно того, что же такое могло с тобой случиться. Будь добр, сообщи нам поскорее, будем ли мы, по крайней мере, иметь счастье вскоре опять видеть тебя здесь. Тысячи предположений приходят мне в голову, и ни на одном я не могу остановиться, чтобы избавиться от моих тревог и сказать, что я спокойна за тебя.

Мое здоровье, дорогой братец, все плохо; но я стала гораздо благоразумнее после нашего с тобой разговора.

До свидания, милый друг. Кончаю беседу с тобой по причине большого количества писем, которые надо еще отослать сегодня. Я пишу тебе в адрес нашего дорогого, несравненного Сережки, которого все мы целуем с той нежностью, какую он заслужил. Надеюсь, что письмо это дойдет до тебя.

Твоя на всю жизнь

А. Хрущова».

Письмо было получено Матвеем Ивановичем в Василькове. Вместе с другими бумагами Муравьевых оно было отобрано у слуги их, Никиты Маслеи, при аресте его во время разгрома Черниговского полка *).

В настоящее время печатаемые здесь письма С. И. Муравьева хранятся в

*) Тогда же вернулся сюда и Бестужев-Рюмин, выехавший 25 ноября в свой полк в Бобруйск. Утром этого дня их не было еще там, Сергей Иванович был один. Поздно вечером 29 или утром 30 ноября Крюков 2-й, приехавший от Пестеля с предупреждением, что Общество, повидимому, открыто правительством, застал в Василькове уже их всех троих.

*) Подлинник по-французски. См. Архив Окт. Рев., особый отд., ф. XXI, № 395, л. 123, № 20, лл. 117—120. «Восстание декабристов», т. IV, стр. 150, 151, 168, 170, 172. «Воспоминания С. В. Скалон», «Истор. Вестн.», 1891 г., № 6, стр. 620; И. Ф. Павловский «К истории Малороссии во время генерал-губернаторства Н. Г. Репнина». («Труды Полт. Уч. Арх. Комиссии», вып. I, 1905 г., стр. 65). Никита Степанович Маслея (Маслеенков) — преданный слуга С. И. Муравьева из хомутецких крепостных. Кроме него мы знаем еще трех крепостных, бывших при Муравьеве для услуг в Василькове (см. «Рух декабристів на Україні», Харьков, 1926 г., стр. 36, 62, 64 и др.). Никита был сыном зажиточного хомутецкого крестьянина, переселившегося в имение Поповку. Из бумаг Никиты Маслеи, взятых вместе с бумагами его молодых господ, видно, что отец его в разное время покупал «в собственность» у других муравьевских же крепостных пашню «на два дня оранки», лесок в 1 десятину.

особом отделе Архива Октябрьской Революции в Москве, в составе фонда XXI, и образуют листы 60—63 в деле № 23 «О розысканиях, произведенных старшим адъютантом главного штаба I армии Сотниковым». Лист 53-й в этом деле составляет конверт со следами красной сургучной печати, на котором рукой С. И. Муравьева сделана четкая надпись: «A Mademoiselle Gugenet à K, bintzy». Письма в подлиннике — на французском языке; здесь они даны в переводе.

В № 6 журнала «Красная Нива» за 1927 год С. Я. Гессеном было опубликовано в переводе с копии второе из печатаемых здесь писем (к m-lle Gugenet). Однако в публикации этой текст письма передан в виде, настолько далеком от подлинника, что казалось не только не лишним, но и настоятельно необходимым напечатать его в более исправной редакции.

Б. Сыроечковский.

1. Письмо С. И. Муравьева-Апостола М. И. Муравьеву-Апостолу.

Васильков, 18 ноября 1825 г.

Милый мой и дорогой Матюша[1]).

Вот уже четыре дня, как мы с тобой простились в Киеве [2]), и, однако, все это время мы были разлучены только физически: я следовал за тобой в течение всего твоего путешествия, и надо, чтобы я рассказал тебе об этом.

Сначала, в понедельник к вечеру мы приехали к Лавочнику [3]), к плуту, который так любит деньги и разговоры; там мы нашли верного Алешку, истомившегося от скуки в ожидании нас. Оттуда мы поехали в Хомутец и вернулись к домашнему очагу к великому удовольствию всей компании, не исключая и Майора [4]). Во вторник поутру, послав нарочного с письмами туда [5]), мы отправились в Бакумовку обедать с милой Annette и Хрущевым, который говорил тебе о своей винокурне и о своих высоких чувствах, о прекрасном воспитании, которое он дает своей дочке, и об изменчивой суетности всего на свете, подымая при этом время от времени руку тем жестом, который ты знаешь. Вечером мы были в бане, а на другой день, т.-е. сегодня, ты получил ответ от m-lle Gugenet, которым ты был очень обрадован, и вот мы оба заняты тем, что пишем друг другу, причем ты рассказываешь мне о своих приключениях, пересказываешь вкратце любезный ответ и говоришь о своих надеждах и о том, что ты вполне доволен.

Так ли я все видел, милый Матюша? Как бы я этого хотел!.. Впрочем, может быть, я как следует не заметил некоторых подробностей, например, что бричка поломалась, что на одной станции не оказалось лошадей, что на другой Никита [6]) копался. Все это могло видоизменить или замедлить ход остальных событий, но в основном — я хотел бы надеяться — мое второе зрение меня не обмануло, и, признаюсь, я этому очень рад.

Мне нужно, мой дорогой и милый Матюша, знать, что ты спокоен и доволен собой; мне нужно это не только для меня, но и для тебя самого. Волнения захватывают нас и парализуют наши способности; только среди спокойствия они обнаруживаются вполне, [точно так же, как] и судить правильно о своем положении мы можем лишь в спокойном состоянии. Что до тебя касается, милый Матюша, оглянись назад, на пройденный путь, на успехи, которые ты уже сделал. Прошедшее будет тебе порукой за будущее, и ты утвердишься на том же пути, полагая надежду на бога. Вот лучшее правило спокойствия, какое я могу тебе дать.

Но ты хочешь новостей от нас. Вот они. Мы [7]) переночевали в трактире, а на утро наш отъезд в Васильков был еще задержан одним неожиданным посещением. Мне очень досадно, что это было не при тебе, потому что посещение это прибавило бы еще одно светлое впечатление в дополнение к тем, которые ты увез с собой. Это был артиллерийский офицер [8]), который пришел повидать Бестужева, чтобы дать ему отчет о сборе в пользу того бедняка, которого ты хорошо знаешь [9]). Ты бы собственными глазами увидал, какие благородные люди есть на свете и с каким жаром и с каким самоотвержением отдаются они доброму делу. Это поистине хоро-

шо и, как очень удачно сказал Бестужев, есть нечто в высшей степени увлекательное в этих людях, движимых одним лишь горячим чувством, особенно когда чувствуешь себя совершенно измученным от бесстрастной учености наших книжников [10]).

Мы только к вечеру вернулись к себе. Здесь еще все комнаты полны были воспоминаниями о тебе, особенно для меня, когда я очень скоро улегся на той самой постели, которую занимал ты. Товарищ мой [11]), который чувствует себя хорошо, много расспрашивал меня о тебе. Ты его совсем покорил! И я не удивляюсь этому. Если бы дела его были благополучны, он, быть может, и не понял бы тебя; но теперь то неподдельное участие, которое ты все время проявлял к нему, твои заботы, твои утешения,— все это глубоко запечатлелось в его сердце и не изгладится в нем, потому что он знает из опыта, долгого и печального, что такие люди, как ты, очень редки.

Итак, теперь мы с Бестужевым остались одни в Василькове до 25-го числа, а потом мы расстаемся. Чтобы порадовать тебя, скажу тебе, что мои корки пропадают [12]) и что я скоро кончу менять кожу. В ожидании обнять тебя, когда мы увидимся, без страха, что тебе придется для этого делать великодушное усилие, ничто не мешает мне пока поцеловать тебя мысленно и притом от всей души и на этом кончить мою болтовню. Прошу тебя поцеловать за меня Annette, Hélène, их мужей и всех домашних.

Твой брат и друг
С. Муравьев-Апостол.

P. S. Доволен ли ты остался Никитой? Пересылаю тебе письмо г. Требинского [13]). Предполагаю, что в нем может итти речь по поводу твоего письма об Илье Капнисте. Слишком поздно, потому что теперь он, должно быть, уже женат. Есть также письма от Annette и Hélène; они были вместе с адресованными ко мне. Я не посылаю их тебе, потому что ты уже сам увиделся с сестрами.

Прилагаю письмо для m-lle Gugenet с книгами, которые посылаю тебе для нее. Бестужев подарил их тебе, а я, в свою очередь, посылаю их m-lle Gugenet, чтобы она их прочитала. Без сомнения, она покажет тебе мое письмо.

2. Письмо С. И. Муравьева-Апостола m-lle Gugenet.

Васильков, 18 ноября 1825 г.

Mademoiselle.

Посылаю вам через брата две книги Это стихи Жозефа Шенье[14]) и Лебрэна[15]). Когда я просматривал их, мне пришло на ум, что они вас заинтересуют, и я не захотел отказать себе в удовольствии доставить вам чтение, которое, как я уверен, пробудит у вас целый ряд мыслей. Оба автора писали в лирическом и элегическом жанре. Но были ли они талантливее своих предшественников — Малерба [16]), Шольэ [17]) и Жана-Баптиста Руссо [18])? Я не думаю. Однако у обоих этих поэтов вы встретите идеи более высокие, чувства более возвышенные, и именно потому более истинные, и какой-то — сказал бы я — порыв, который пробуждает вас от апатии и увлекает к деятельности. Такое направление их поэзии следует, думается мне, отнести за счет эпохи, полной событиями, в которую они жили. В самом деле, было невозможно, чтобы в эпоху, когда рушилось столько ложных идей и старых предрассудков, умы, освободившиеся от оков, не устремились к мыслям, открывающим горизонты более широкие, и сердца к чувствам более благородным и деятельным. Среди стольких событий, которые каждого ставили на его место, люди узнали счастье более достойное высокого назначения человека, и поэзия заговорила языком более мужественным. И движение это, раз возбужденное, не могло замереть, вопреки всем препятствиям, и должно было в наши дни породить Байронов и Муров [19]). Я знаю, правда, одного человека, который не будет со мной согласен, но это меня мало беспокоит. Это г. Пикар [20]), который также принадлежит к эпохе, о которой я говорю.

Вы уже, конечно, читали его «Gilblas de la Révolution». Я уверен, что чтение это не доставило вам удовольствия. Не

могу вам выразить, какое удручающее впечатление произвело оно на меня. Я читал, читал и все надеялся встретить какой-нибудь характер, какое-нибудь положение, которое бы меня захватило; и все с тем же чувством постоянно обманываемого ожидания добрался я, наконец, через достаточное количество всяческой трескотни, до последней страницы, где Жиффар, бедный и опустившийся, тем не менее доволен самим собой и философствует, лежа на койке в богадельне, чтобы убедить меня, что он счастлив, потому что у него есть обед, пусть грубый, но зато верный, кров и одежда.

Я пожал плечами и бросил книгу. Есть нечто в высшей степени удручающее в этой манере рисовать падение человека и делать его одним взмахом достаточно-таки пошлым, только для того, чтобы было над чем посмеяться. Сверх того, в этом есть и нечто в высшей степени фальшивое. Кроме того, по моему мнению, г. Никар — очень поверхностный наблюдатель. Ум у него столь легковесный, столь неглубокий, что ясно, что он всегда замечал только людей самых пошлых. И так как он видел, что для людей этого склада характерно непостоянство, он и вообразил, что оно является общим правилом для нашего бедного рода человеческого. Но, признайтесь, не стоило писать роман в пяти томах, чтобы развивать идею столь тривиальную и столь ложную, если ей придавать значение общего положения. Ведь это столь же логично, как если бы ему вздумалось утверждать, что так как существуют убийцы и воры, то, значит, люди вообще склонны к воровству и убийству. Есть, конечно, люди ничтожные, и они-то, действительно, отличаются непостоянством, потому что каждое впечатление скользит по ним без всякого следа, так как в сердцах их есть место только для чувств низменных и мелких. Эти люди приспособляются ко всяким обстоятельствам потому, что, лишенные всякой силы в своем характере, они не могут понимать ничего, кроме эгоизма, который заставляет их и в побуждениях других людей находить лишь свою собственную манеру мыслить и чувствовать. Но сами эти люди — не отбросы ли они человеческого рода? И не в противность ли этому непостоянству людей ничтожных мы чтим и особенно ценим людей, которых небо одарило истинной отзывчивостью чувства и деятельным характером? В их природе непостоянства нет, потому что впечатления врезаются неизгладимо в их сердца. Жизнь имеет для них прелесть только тогда, когда они могут посвятить ее благу других. Они отбросили бы ее, как бесполезное бремя, если бы они были осуждены посвящать ее самим себе. В своем собственном сердце находят они источник своих чувств и поступков, и они или овладевают событиями или падают под их тяжестью, но не станут к ним приспособляться.

Мне кажется, что, если бы г. Никар развил эту истину, совершенно противоположную его банальной идее, он нашел бы перспективы более удачные, более благородные и мысли, более глубокие, нежели те, которые он заимствовал у своего Жиффара. Если он не сделал этого, то — я не боюсь это сказать — по недостатку таланта. Доказательством этого для меня — его герой, молодой Бомон, характер которого он очерчивает рукою столь неловкой и неискусной и от которого он всегда спешит избавиться, как можно скорее, так чуждо ему подобное общество, тогда как он не налюбуется на своего Жиффара. Но не утешительно ли думать, что все воззрения, которые унижают род человеческий, оказываются ложными и поверхностными?

Я преподношу вам довольно длинное рассуждение, но вы не должны этому удивляться: когда беседуешь с особой, которая имеет обыкновение размышлять глубоко, это пробуждает в нас поток мыслей, которому нет конца. Вспоминаете ли вы, mademoiselle, наши долгие беседы в Кибинцах? Что касается до меня, то сколько раз я мечтал о том, чтобы они возобновились! В ожидании этого времени, которое будет для меня очень приятно,

примите уверение в почтении и уважении, которые питает к вам преданный вам

С. Муравьев-Апостол.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Так, повидимому, называл Сергей Иванович Матвея Ивановича в русских своих письмах к нему. См. письмо его, писанное в ночь с 12 на 13 июля 1826 г.— «Русский Архив», 1887 г., кн. I, стр. 52. Французское «vous» в нашем переводе передано через «ты» по аналогии с тем же русским письмом Сергея Ивановича.

[2]) С. И. Муравьев-Апостол и М. П. Бестужев-Рюмин выезжали в Киев проводить Матвея Ивановича, отправлявшегося в Хомутец.

[3]) В подлиннике chez le Marchand — с прописной буквы. Возможно, что слово это употреблено здесь как прозвище какого-либо определенного лица, лавочника или трактирщика, у которого останавливались Муравьевы и их слуги в поездках между Васильковым и Хомутцом.

[4]) В подлиннике — Major — с прописной буквы. Кого разумеет Сергей Иванович под этим прозвищем, мы затрудняемся сказать.

[5]) Как можно понять из дальнейшего, речь идет о нарочном, посланном в Кибинцы с письмами, среди которых было и письмо Матвея Ивановича к m-lle Gugenet.

[6]) Сергей Иванович, очевидно, отпустил Маслею с Матвеем Ивановичем для услуг.

[7]) Т.-е. Сергей Иванович и М. П. Бестужев-Рюмин.

[8]) Вероятно, член Общества Соединенных Славян Яков Максимович Андреевич 2-й, подпоручик 1-й батарейной роты 8-й артиллерийской бригады: в конце октября 1825 г. он был командирован в киевский арсенал для черчения планов.

[9]) Трудно сказать, кого имеет здесь в виду С. И. Муравьев.

[10]) Очевидно, здесь прежде всего имеется в виду П. И. Пестель; с ним у руководителей Васильковской управы всю осень 1825 г. шли переговоры, в которых они должны были потратить много усилий, чтобы сломить его пассивное сопротивление планам немедленного выступления. М. П. Бестужев только что (в августе и октябре) имел несколько свиданий с Пестелем.

[11]) Башмаков, Флегонт Миронович, разжалованный в рядовые командир 17-й артиллерийской бригады. Он жил в Василькове на одной квартире с С. И. Муравьевым.

[12]) Речь идет о шелушении кожи после какой-то болезни.

[13]) Александр Максимович Требинский, знакомый Матвея Ивановича. Он проживал в Петербурге, куда Матвей Иванович писал ему 10 октября 1825 года, прося его предупредить Илью Петровича Каплиста, тоже находившегося в Петербурге и предполагавшего жениться на девице Магденко, что невеста идет за него по принуждению. Копию этого письма см. в деле С. И. Муравьева-Апостола, среди бумаг братьев Муравьевых, отобранных у слуги их Никиты Маслея. (Архив Окт. Рев., особый отдел, фонд XXI, № 395, л.л. 109—110 об. Ср. издание Центрархива: «Восстание декабристов», т. IV, стр. 445—446).

[14]) Marie-Joseph-Blaise de Chenier (1764—1811), брат Андрэ Шенье, автор трагедий и лирических стихотворений; депутат Конвента, член Совета 500, член Трибунала. Казался очень революционным в первый период революции и умеренным в эпоху террора. Автор ряда революционных стихотворений, пользовавшихся известностью; современники ценили в них смелость мысли, великодушные порывы, возвышенность чувств. Ему, между прочим, принадлежит известная «Chant du départ».

[15]) Ponce - Denis - Ecouchard Lebrun (1729—1807) славился своими одами и острыми эпиграммами. Был прозван Lebrun-Pindar. В одах революционной эпохи, энергичных и сильных, славил революцию, свободу, социальное обновление. К эпохе директории относятся наиболее меткие и злые его эпиграммы. Позднее писал оды в честь Наполеона.

[16]) François de Malherbe (1555—1628), придворный поэт Генриха IV и Людовика XIII; борец за чистоту французской речи и стиха. Его оды и стансы производят впечатление своею силой, ясностью, простотой, законченностью и стройностью формы.

[17]) Guillaume-Amfrye, abbé de-Chaulieu

(1636—1720), аббат-эпикуреец, близкий герцогу Вандомскому, прозванный «L'Anacréon de Temple». Его эротические и вакхические пьесы отличались грациозностью, легкостью и изяществом.

[18]) Jean-Baptiste Rousseau (1670—1741), его оды долго считались образцом классической лирики. Пользовались известностью и его эпиграммы.

[19]) Томас Мур (1779—1852), известный английский поэт. Особенной известностью пользовались его «Ирландские мелодии» (1806 г.), полные лиризма, живых картин природы, исторических воспоминаний, скорби об униженной родине и мечты об ее возрождении. Имела успех и его «восточная» поэма — «Лалла-Рук» (1817 г.); отдельные эпизоды из нее были переведены в 1821 г. Н. А. Бестужевым и В. А. Жуковским.

[20]) Louis-Benoit Picard (1769—1828), член французской Академии — очень плодовитый и пользовавшийся успехом писатель. Написал 89 театральных пьес, в которых публика больше всего ценила их живость и веселость (gaité). Написал также 8 больших романов, выдержавших по нескольку изданий. Его роман «La Gilblas de la Révolution ou les confessions de Laurent Giffard», в пяти томах, вышел в свет в 1824 г.; в том же году выпущено было его второе издание, а в 1825 г. появилось третье. Роман, видимо, читали и в России. 1789 г. застает героя романа Жиффара молодым цирульником в Париже. Автор проводит его затем через все перипетии революции, наполеоновской эпохи и реставрации, заставляя его непрерывно менять свои взгляды и ставя в самые разнообразные и неожиданные положения: он был и «патриотом», членом одного из радикальных клубов, и актером, и офицером в эмигрантских полках в Кобленце, и самозванным комиссаром Конвента, чиновником по военным поставкам, членом Совета 500, директором театра, биржевым «зайцем», содержателем кафе, слугою в приемной важного сановника эпохи империи, чиновником в провинциальном городке, деревенским брадобреем, раздатчиком святой воды в церкви и в разных других положениях, через вереницу которых к 1820 г. автор приводит его в богадельню. Основная черта характера Жиффара, которую назойливо и с самыми элементарными приемами выставляет перед читателем автор, — крайняя неустойчивость суждений, отсутствие характера и полная неразборчивость в средствах устроения своего благополучия. Но отношение автора к своему герою снисходительное; он подчеркивает его благодушие, а в конце романа заставляет раскаяться. Задача Пикара была несомненно шире, чем осмеяние в лице этого проходимца некоторых уродливых сторон нравов революционной эпохи: рядом со своим Жиффаром он показывает вереницу других персонажей — аристократа, клерикального публициста, поверенного в делах, энтузиастическою юношу-«патриота», скинувшего в 1789 г. сутану, и многих других — и всех их заставляет обнаружить такую же неустойчивость взглядов и тот же карьеризм, что и у Жиффара. Заканчивает свой роман Пикар общим заключением, вложенным в уста Жиффара, что таких непостоянных людей, как он, и даже похуже его, было в эпоху революции громадное множество, и исключением, крайне редким, были люди, у которых «события, бессильные перед их доблестью, могли отнять состояние, но не могли изменить их характера». Автор делает попытку изобразить в лице молодого офицера Анри Бомона человека твердых и благородных взглядов, но фигура эта, как и другие персонажи, которые он хотел наделить «положительными» чертами, вышли у него крайне неясными и ходульными, а их моральные принципы не подымаются выше «умеренности» и добрых семейных нравов. Роман Пикара лишен всяких художественных достоинств, написан языком легким, но совершенно бесцветным; скука, с которой дочитывал его С. И. Муравьев, вполне естественна, а мещанская пошлость воззрений его автора также вполне очевидна.

Ответственная редакция: { В. Адоратский. В. Максаков. М. Покровский. В. Фриче.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

60-летие М. Н. Покровского

Ставка и министерство иностранных дел. *(Окончание.)* . . . . . 5—45

Из истории национальной политики Временного Правительства. С предисловием *П. Галузо* . . . . . 46—79

Из переписки П. А. Столыпина с Николаем Романовым . . . . . 80—88

Переписка С. Ю. Витте с К. П. Победоносцевым. С предисловием *В. Рейхардта* . . . . . 89—116

«Исповедь» Григория Гольденберга. С предисловием *Р. Кантора* . . . 117—183

Финал процесса 193. С предисловием *Ш. Левина* . . . . . 184—199

Из записной книжки архивиста

Письма Дмитрия Романова к отцу. Сообщила *А. Рахлин* . . . . . 200—209

Разгром «Южно-русского рабочего союза». Сообщил *Р. Кантор* . . . . 210—217

Два письма С. И. Муравьева-Апостола. Сообщил *Б. Сыроечковский* . . 217—225